

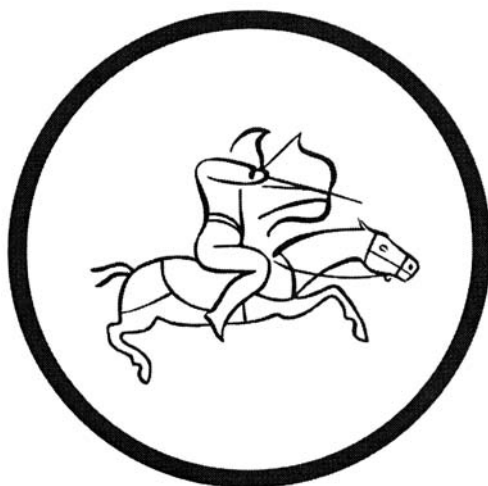
Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш.Марджани
Национальный Центр археологических исследований им. А.Х.Халикова
Центр исследований истории Золотой Орды им. М.А.Усманова

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Выпуск 16

Р.Р. Каримова

**ЭЛЕМЕНТЫ УБРАНСТВА И АКССЕСУАРЫ
КОСТЮМА КОЧЕВНИКОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
(ТИПОЛОГИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ)**

Казань – 2013

ББК 63.4
К 23

Серия «Археология евразийских степей»
Выпуск 16

Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук *И.М. Миргалеев*

Научный редактор:
доктор исторических наук *В.А. Иванов*

Редакционный совет серии:

Ситдиков Айрат Габитович (Казань) – сопредседатель, *Хузин Фаяз Шарипович* (Казань) – сопредседатель, *Артемьева Надежда Григорьевна* (Владивосток), *Афанасьев Геннадий Евгеньевич* (Москва), *Байпаков Карл Молдахметович* (Алматы, Казахстан), *Белорыбкин Геннадий Николаевич* (Пенза), *Боталов Сергей Геннадьевич* (Челябинск), *Волков Игорь Викторович* (Москва), *Гмыря Людмила Борисовна* (Махачкала), *Евглевский Александр Викторович* (Донецк, Украина), *Кляшторный Сергей Григорьевич* (С.-Петербург), *Кызласов Игорь Леонидович* (Москва), *Мухамадиев Азгар Гатауллович* (Казань), *Мыц Виктор Леонидович* (Симферополь, Украина), *Нарожный Евгений Иванович* (Армавир), *Овсянников Владимир Владиславович* (Уфа), *Руденко Константин Александрович* (Казань), *Савинов Дмитрий Глебович* (С.-Петербург), *Табалдиев Кубатбек Шакиевич* (Бишкек, Киргизия), *Татауров Сергей Филиппович* (Омск), *Тихонов Сергей Семенович* (Омск), *Тишкин Алексей Алексеевич* (Барнаул), *Фодор Иштван* (Будапешт, Венгрия), *Худяков Юлий Сергеевич* (Новосибирск).

Каримова Р.Р. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 16 / Отв. ред. И.М. Миргалеев. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. – 212 с. + 8 с. цв. вкл.

Данная работа посвящена изучению золотоордынского кочевнического костюма. На основе археологического материала представлен социологический анализ: по признакам пола, возраста и имущественного положения. В работе впервые проведен совокупный комплексный анализ элементов и аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды и его социокультурная интерпретация.

ISBN 978-5-94981-171-9

© Каримова Р.Р., 2013
© Национальный Центр археологических исследований им. А.Х.Халикова, 2013
© Центр исследований истории Золотой Орды им. М.А.Усманова, 2013
© Институт истории АН РТ, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор данной работы – Каримова Регина Радиковна – работает в Уфимском государственном нефтяном техническом университете. В 2012 году в Казани, на Диссертационном совете Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан она блестяще защитила кандидатскую диссертацию. Научным руководителем был известный уфимский археолог В.А.Иванов. Именно эта диссертация и стала основой издаваемой книги.

Монография Регины Каримовой вызовет большой интерес у читателей, прежде всего в контексте изучения золотоордынской культуры. Как известно, в силу ряда обстоятельств, изучения золотоордынского кочевнического костюма в целом до сих пор не была проведена. Р.Р. Каримовой практически впервые проведен такой совокупный комплексный анализ элементов и аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды.

Благодаря новым подходам, ей удалось реконструировать и типологизировать убранство и аксессуары костюма кочевников и выделить категории костюма. Р.Р. Каримовой создано семь гипотетических реконструкций убранства костюма кочевников. В ее исследовании на основе археологического материала представлен интереснейший социологический анализ: по признакам пола, возраста и имущественного положения.

Целью этой работы было комплексное исследование элементов убранства, аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды и его социокультурная интерпретация. Считаем, что Регина Радиковна справилась с такой задачей. Достоинств у этого исследования много, но мы их оставляем на суд специалистов.

Надеемся, что данная работа станет не последней в научной карьере Регины Каримовой, которая началась так активно и на достаточно высоком уровне.

Ильнур Миргалеев,
руководитель Центра исследований истории Золотой Орды им. М.А.Усманова
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ

ВВЕДЕНИЕ

Костюм как категория культуры является важнейшим историко-культурным источником, представляющим динамичную, развивающуюся систему, зависящую от многих факторов: мировоззрения, быта, экономики, социальной стратификации общества и др. Это утверждение относится как к костюму оседло-земледельческих народов, так и к костюму кочевников Евразии. Костюм дает нам ценнейшие сведения о происхождении, культурных связях и эстетических идеалах отдельных народов.

Костюм – это совокупность одежды, головного убора, обуви, которая отражает его утилитарные функции, а также убранства, превращающего утилитарный комплекс в образно-семантическую систему [109, с. 306]. К убору костюма исследователи относят декорирование одежды аппликацией, вышивкой, нашивными металлическими бляшками, а также пояса, украшения, амулеты, оружие, косметику и прическу. Дополняют костюм аксессуары: сумочки, кошельки, туалетные принадлежности [109, с. 306]. Именно декоративный металл, представляющий различные категории убранства, аксессуары костюма и имеющий лучшую степень сохранности в погребениях (чем органические элементы), обладает большим информационным потенциалом для выяснения характера, направленности культурных связей и социокультурного фона.

Отдельные элементы декоративно-прикладного искусства, составляющие убранство костюма, являются постоянным предметом исследований со стороны археологов [52; 54; 55 и др.]. Однако в научных работах они рассматриваются, как правило, применительно к конкретным памятникам, в отрыве от общей массы данных артефактов и безотносительно к месту их ношения в костюме. Всеобъемлющей систематизации и комплексному анализу предметов из металла, составляющих убранство и аксессуары костюма кочевников по археологическим погребальным памятникам, расположенным на большей (основной) части Золотой Орды, в научной литературе не придавалось должного значения. Не рассматривался на археологическом материале с обширной территории и социальный аспект, объективированный в элементах убранства и аксессуарах костюма кочевников Улуса Джучи. В связи с отсутствием соответствующей методики социальных реконструкций информационный потенциал археологического материала XIII–XIV вв. в целом [138, с. 16; 209, с. 346], и археологического костюма, в частности, – в исследованиях используется крайне редко.

В XIII–XIV вв. разнородные орды кочевников Дешт-и-Кыпчак стали «компонентами» огромной поликонфессиональной, полилингвистической, полиэтнической и многоукладной империи, что, безусловно, отразилось в костюме. Предметы одежды в Монгольской империи в целом и в Золотой Орде, в частности, служили дипломатическими дарами и объектами торговли, они перемещались вместе с захваченными пленниками [334, с. 60, 97]. Современными исследователями вводится термин «имперская культура» применительно к характеристике государств, созданных кочевниками Евразии, в том числе державы чингизидов. Ученые выделяют ряд особенностей данного культурного феномена. К ним относятся: широкий ареал распространения, высокая социальная значимость артефактов, частичное использование в оседлой ойкумене элементов культуры кочевников (костюм, его аксессуары, прически, предметы вооружения и конское снаряжение) и др. [59; 87, с. 201; 108, с. 60; 147, с. 107 и др.]. Мы рассмотрим элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды в контексте «имперской» моды. Другие категории надэтнической культуры (конское снаряжение, прически, предметы вооружения и т.д.) в настоящей работе не подвергались анализу, так как их изучение выходит за рамки исследовательских задач.

Изучение костюма средневекового населения составляет большую познавательную проблему с различными аспектами: постоянно растущая источниковедческая база, слабая изученность темы, отсутствие единых методических подходов. К настоящему времени накоплен значительный полевой материал из раскопок погребальных памятников кочевников Золотой Орды. Имеются публикации, посвященные реконструкции сохранившихся костюмных комплексов из погребений (рис. 5 – 4; 46) и отдельных элементов костюма кочевников. На данный момент в распоряжении исследователей нет единого свода источников по реконструкции костюма кочевников Золотой Орды, не определены принципы классификации деталей убранства костюма (в отличие от категорий погребального инвентаря). Без обработки полевых материалов и создания на этой

основе надежной базы источников невозможны всеобъемлющее исследование деталей костюма кочевников и их социокультурная интерпретация. Поэтому назрела необходимость комплексного исследования элементов убранства костюма кочевников Золотой Орды.

Специфика археологического исследования убранства костюма заключается в том, что мы можем оперировать только теми артефактами, которые способны противостоять натиску времени – изделиями из металла и, реже – кости. Ткачество, вышивка, аппликация, косметика, прическа – эти категории убранства костюма, несущие в себе наибольшую этнокультурную информацию, в руки исследователей попадают крайне редко. К примеру, коллекция остатков тканей и одежды из могильников Маячный бугор, Джухта, Новопавловский, Увека и др. – явление уникальное, в основном, в средневековых комплексах Евразийских степей сохранились невыразительные фрагменты тканей, не представляющие научной и художественной ценности. В связи с этим в данном исследовании внимание не будет акцентироваться на одежде как основе любого костюма. Из аксессуаров костюма рассмотрены сумки, футляры и зеркала.

Методологической основой нашей работы являются комплексный [80, с. 170–180; 171, с. 5; 356, с. 17] и гендерный [183; 247] подходы. Для решения конкретных задач применялись обще- и частнонаучные методы: сравнения, аналогий, этнографических параллелей, картографирования, типологии, математической статистики и реконструкции.

Хронологические рамки представленного исследования охватывают период с первой половины XIII в. до конца XIV в. Нижняя хронологическая граница связана с началом формирования золотоордынского государства, верхняя – с временем политического распада государства. Это – время существования Улуса Джучи как единого государства. Однако при необходимости в ходе изложения материала используется обращение к событиям или аналогиям, имевшим место позднее или ранее описываемого периода.

Для анализа убранства и аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды были отобраны 467 погребений XIII–XIV вв. с металлическими элементами убора и дополнительными деталями костюма (что составляет 37,4% захоронений от всех рассмотренных золотоордынских погребений), расположенных на большей (основной) части Улуса Джучи, от Уральских гор до Днестра. Золотая Орда занимала огромную территорию, охватывающую всю степную часть Восточной Европы. Вместе с тем географически (хотя и с некоторой долей условности, но максимально приближенной к административно-территориальному делению Золотой Орды, установленному исследователями [118, с. 164; 138, с. 16]), рассматриваемые памятники делятся на семь локальных (территориальных) групп, неравнозначных по количеству выявленных и исследованных погребений: Южное Приуралье (степные районы Челябинской, Оренбургской областей, Зауральская Башкирия, Актыобинская и Западно-Казахстанская области Казахстана) – 129 погребений (10,3% от общего числа золотоордынских погребений), Нижнее (Астраханская область, Волгоградское Заволжье, Урдинский район Западно-Казахстанской области Казахстана) и Среднее (Саратовская, Самарская области, Республика Татарстан) Поволжье – соответственно, 72 (5,8% погребений) и 99 погребений (7,9% всех захоронений), Волго-Донское междуречье (включая Северный Кавказ) – 70 погребений (5,6% захоронений), Подонье – 29 погребений (2,3%), Левобережная Украина – 31 (2,5%) погребение и Правобережная Украина (включая Приднестровскую Молдавскую Республику) – 37 погребений (3%) (табл. 1.1; рис. 1). Основная масса кочевнических комплексов золотоордынского периода, в большинстве своем, выявлена в степях Волго-Уральского региона и Волго-Донского междуречья.

№	Улус	Локальная группа
1	Мауци	Правобережная Украина
2	Коренцы	Левобережная Украина
3	Сартака	Волго-Донское междуречье
4	Картана	Дон
5	Ханский улус	Среднее и Нижнее Поволжье
6	Улус «Джучида» (или «двух тысячников»)	Южное Приуралье
7	Шибана	Южное Приуралье

[138, с. 16]

Для получения ответов на отдельные вопросы к работе были привлечены материалы погребений кочевников северо-восточных районов Золотой Орды (табл. 1.2).

Основной исходный материал исследования – главным образом опубликованные данные по погребальным памятникам в научных изданиях. Они представлены 467 погребениями евразийских кочевников XIII–XIV вв., этнический состав которых был неоднороден, с сохранившимися деталями и аксессуарами убранства костюма, которые не были значительно нарушены природными и антропогенными факторами (табл. 1.1; рис. 1). Данные памятники были изучены в разные годы в ходе работ многочисленных экспедиций в вышеуказанных регионах. Датировка и принадлежность погребений к кочевникам XIII–XIV вв. были определены исследователями и авторами опубликованных результатов археологических экспедиций. В работе использованы материалы из раскопок Н.К. Арзютова, Ф.Д. Баллода, С.М. Васюткина, Н.И. Веселовского, Б.Ф. Железчикова, В.А. Кригера, В.А. Иванова, Г.А. Кушаева, Н.А. Мажитова, М.Г. Мошковой, Ф.Д. Нефедова, А.Х. Пшеничнюка, П.С. Рыкова, И.В. Сеницына, К.Ф. Смирнова и др.

Для получения ответов на отдельные вопросы к работе были привлечены материалы золотоордынских кладов, городов, случайных находок украшений, погребений северо-восточных районов Улуса Джучи (табл. 1.2), памятников золотоордынского круга (табл. 1.3) и Брик-Алгинского местонахождения в Башкортостане. Новохарьковский и Таганский грунтовые могильники представляют новый тип памятников золотоордынского времени в Среднем Подонье. Для их обозначения исследователями введен термин – «памятники золотоордынского круга». Скорее всего, этнический состав населения, оставившего данные комплексы, был неоднородным. Погребальный обряд, прослеженный в памятниках золотоордынского круга, не позволяет археологам однозначно ответить на вопрос о характере и этнической принадлежности населения, оставившего данные могильники [206, с. 34; 330, с. 315–319]. Проведенные антропологические исследования Новохарьковского могильника позволили Т.И. Алексеевой и М.В. Козловской отметить, что в этом памятнике «ощутимой связи с кочевническим миром не наблюдается» [67, с. 177]. Эта же мысль прослежена в антропологическом исследовании А.П. Бужиловой [67, с. 177]. Однако, исследовав демографическую и социальную структуру средневековой популяции по данным рассматриваемого могильника, ученые пришли к заключению, что «представленный ряд демографических параметров не позволил найти аналогий новохарьковской серии среди известных древнерусских средневековых земледельческих групп и салтовского населения с комплексным видом хозяйствования. По-видимому, рассмотренная группа населения отличается своеобразным социальным статусом и хозяйственно-культурным типом» [47, с. 175]. Материалы Новохарьковского могильника антропологам позволили: во-первых, выделить группу погребенных, характеризующихся профессиональными всадническими навыками [48, с. 158, 162]; во-вторых, сделать вывод о специфическом сходстве мужчин с местным и поволжским населением конца раннего средневековья, с одной стороны, с другой – указать на формальную близость к метисационным группам, в составе которых сильно присутствует монголоидного и угро-финского компонента [210, с. 144–145]; в-третьих, отметить, что диета населения приближалась к мясо-молочной, присущей для скотоводческих популяций и групп с комплексным типом хозяйствования [46, с. 151]. Все вышеобозначенные результаты антропологических исследований, а также наличие в памятниках золотоордынского круга элементов убранства, характерных для кочевников Золотой Орды, во-первых, подтверждают тезис исследователей о неоднородности культурного облика населения, оставившего рассматриваемые могильники; во-вторых, позволяют нам использовать украшения из памятников данного круга, если не в качестве источниковой базы по костюму кочевников Золотой Орды (учитывая общее заключение исследователей об отсутствии связи Новохарьковского могильника с кочевническим миром и преемственности с населением салтовомаяцкой культуры), то хотя бы в качестве аналогий.

Для решения отдельных вопросов также привлекались дополнительные источники: письменные, изобразительные и этнографические. Письменные источники, использованные в нашей работе, – это, главным образом, сочинения европейских, монгольских, китайских, арабских и персидских авторов XIII–XV вв., в которых содержатся сведения о Золотой Орде и Монгольской империи [11; 12; 13; 14; 15; 16; 17]. Среди изобразительных источников следует отметить каменные изваяния, миниатюрную (рис. 4; 5 – 2; 47; 48) и наскальную живопись, которые являются ценным подспорьем для реконструкции способа (характера) ношения и расположения деталей в костюме. В качестве этнографических параллелей элементам уб-

ранства костюма кочевников привлекались материалы исследований С.В. Сусловой [302; 303; 304], С.Н. Шитовой [343], И.В. Захаровой [131], Р.Д. Ходжаевой [130] и др.

Необходимо отметить, что источники, несмотря на их многообразие, имеют существенные недостатки, которые не позволяют раскрыть данную тему в более полном объеме. Во-первых, в некоторых погребениях вещи смещены, что затрудняет реконструкцию убора. Во-вторых, изобразительные и письменные источники не содержат достаточной информации об убранстве и аксессуарах костюма, в частности, по украшениям из металла, они (источники) характеризуют в основном отдельные детали костюма. В-третьих, опубликованные материалы раскопок, которыми мы оперировали, не всегда имеют подробные описания и изображения элементов убранства костюма.

Научная новизна нашего исследования состоит в том, что впервые нами комплексно исследованы элементы и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды с привлечением археологических материалов с обширной территории. На их основе проанализировано месторасположение категорий убранства и аксессуаров в костюмном ансамбле, предложена классификация данных артефактов, выявлены предпочтения в материалах для изготовления отдельных украшений и апробированы новые методы в изучении археологического костюма кочевников Улуса Джучи. Исследованы половозрастные особенности, объективированные в убранстве, аксессуарах костюма, в соотношении с данными костюмологии и антропологии, а также с применением методов математической статистики, предложенных В.Ф. Генингом и его соавторами. Выявлены элементы убранства, характерные для костюма представителей высокого социального статуса, на основе анализа тенденции встречаемости категорий убранства в погребениях с золотыми изделиями, а также на основе соотношения встречаемости различных украшений с предметами, имеющими социально-ранговую атрибуцию. Определены способы ношения, функции и семантика отдельных категорий убранства, аксессуаров костюма кочевников и рассмотрена их зависимость (либо отсутствие зависимости) от гендерной принадлежности. Выявлены общие и локальные признаки в ассортименте убранства и аксессуаров костюма кочевников Улуса Джучи, характерные для выделенных территориальных групп. Основываясь, главным образом, на результатах последнего анализа, привлекая широкий спектр источников, нами было создано семь гипотетических реконструкций убранства костюма кочевников Золотой Орды. По одной реконструкции для каждой локальной группы. Выбор погребения для создания графической реконструкции был обусловлен желанием представить, по возможности, те элементы убранства, которые в результате статистического анализа обнаруживали повышенную или нормальную тенденцию встречаемости в конкретной территориальной группе. Следует отметить, что в данной работе не анализируется костюмный ансамбль в локальных группах, так как изучение этого аспекта выходит за рамки настоящего исследования. В дальнейшем, исследуя рассматриваемую тематику с применением анализа парной сопряженности признаков убранства костюма внутри локальных групп (корреляционный, ковариационный, дисперсионный или какой-либо иной) появится возможность создать «модели» убранства костюма, характерные для различных территорий Улуса Джучи.

Мы считаем, что убранство костюма кочевников Улуса Джучи формировалось в рамках «имперской» культуры. А в ассортименте убранства и аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды были установлены локальные различия, свидетельствующие о многообразии социокультурных связей, нашедших свое отражение в археологическом костюме, его поливариантность различного характера.

Однако здесь хотелось бы предостеречь от поспешных выводов. По рассмотренным артефактам евразийских кочевников сложно отслеживать этническую ситуацию XIII–XIV вв.

Также на основе анализа широкого спектра источников, используя традиционные археологические методы и методы статистического анализа, можно воссоздать обобщенный образ убранства костюма евразийских кочевников рассматриваемого периода. Мы считаем, что в деталях убранства и аксессуарах костюма была объективирована половозрастная дифференциация кочевников Улуса Джучи. Сами элементы убора костюма содержат информацию о социальном статусе (по признаку материального положения) индивида в кочевом обществе XIII–XIV вв. и их можно интерпретировать как социокультурные знаки, отражающие определенные социальные стереотипы.

ГЛАВА I.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. История изучения костюма кочевников Золотой Орды

В научной литературе долгое время не уделялось должного внимания изучению культуры в целом и костюму евразийских кочевников эпохи Золотой Орды в частности [110, с. 12–13]. Это положение было связано, во-первых, с установками советской идеологической системы, отрицавшей позитивную роль тюркского и монгольского компонентов в истории и культуре народов нашего государства [316, с. 3], во-вторых, с недостаточностью археологических данных по костюму и его аксессуарам. Современными исследователями культура Золотой Орды рассматривается как особый феномен в культуре Евразии. В данном параграфе мы проанализируем развитие научной мысли по изучению костюма Золотой Орды. Материал параграфа будет излагаться по следующей схеме: 1) характеристика работ, посвященных исследованию костюма, главным образом – одежды; 2) историография изучения головных уборов; 3) исследование отдельных элементов убранства и аксессуаров костюма; 4) изучение костюма Улуса Джучи в контексте «имперской» культуры.

Первая попытка реконструкции золотоордынского костюма была предпринята А.А. Кротковым. Он реконструировал женскую одежду и головной убор, обнаруженные в Увее [113, с. 62–63; 176] (рис. 5 – 5).

Важную информацию по одежде Золотой Орды содержат изобразительные источники (рис. 4; 5 – 2; 47; 48). Доскональный анализ широкого спектра источников, главным образом, изобразительных, характерен для исследований М.В. Горелика [86; 91]. Он описал и проанализировал монгольский костюм и вооружение XIII–XIV вв. [85; 88, с. 67–73; 89; 90].

Следует отметить значительный вклад З.В. Доде в исследование костюма кочевников Золотой Орды. В своих работах З.В. Доде анализирует формирование костюма народов Северного Кавказа с VII по XVII в. [110, с. 46–49; 111; 112; 113, с. 55–82] (рис. 5 – 4; 46). На основании различных источников (археологических, изобразительных, письменных) З.В. Доде рассмотрены костюмные комплексы из могильников XIII–XIV вв. Поволжья и Северного Кавказа (могильник Новопавловский и Джухта). Она анализирует истоки, технологические характеристики золотоордынских тканей, выявляет семантику их орнамента [113, с. 66, 69–72; 114] (рис. 34 – 4, 5). Особый интерес представляет реконструкция женского костюма из могильника Маячный бугор, выполненная Д.В. Васильевым [58]. Исследователь восстановил покрой и декор женской одежды. Изучение комплексов одежд и тканей XIII–XIV вв. было предпринято группой авторов, опубликовавших технологические характеристики материалов [84; 146, с. 169–171; 245] (рис. 34 – 6).

Благодаря исследованиям указанных авторов и других ученых (Г.А. Федорова-Давыдова, Е.П. Мыськова, В.А. Иванова, М.Г. Крамаровского, К.Ю. Ефимова, С.А. Пилипенко, А.А. Тишкина и т.д.) изучение головных уборов Золотой Орды является наиболее разработанной темой, однако с рядом дискуссионных вопросов. Информацию о головных уборах можно почерпнуть из письменных [11, с. 134; 13, с. 137–148; 14, с. 80; 15, с. 100, 27; 16, с. 125–126], изобразительных [108, с. 57; 243, с. 68–74; 224, с. 42; 249, с. 132; 319, рис. 26/1,4,5 и др.] (средневековые миниатюры, скальные рисунки у подножия Богдо-уула, половецкие каменные изваяния) и археологических источников. Ученые, исследующие данную категорию костюма Золотой Орды, как правило, анализируют все виды источников. Среди работ, рассматривающих головные уборы кочевников Южного Урала XIII–XIV вв., следует назвать монографии В.А. Иванова в соавторстве с В.А. Кригером [136] и Н.Б. Крыласовой [135]. Особый интерес представляют

работы, в которых исследуются головные уборы, имевшие хождение в XIII–XIV вв. в регионах Поволжья, Подонья, Северного Кавказа, Алтая, Томской области, Монголии и Тянь-Шаня. К этой группе работ относятся: монография Г.А. Федорова-Давыдова [319, с. 36–37, 156–157], статья Е.П. Мыськова [224, с. 36–43] (рис. 5 – 3), работы З.В. Доде [108; 111; 112, с. 29–30; 113, с. 65–67], реконструкции женского костюма, выполненные А.А. Кротковым [176] (рис. 5 – 1, 5) и Д.В. Васильевым [58]; среди обозначенных исследований следует отметить статьи К.Ю. Ефимова [121] и В.А. Ларенок [186]. Также учеными были выделены и проанализированы особенности конструкции, формы и декора двух вариантов боктаг: томско-алтайского и монголо-тянь-шаньского [32; 56; 249; 309, рис. 27]. Изучению головных уборов уделено внимание в работах М.Г. Крамаровского [169, с. 144, рис. 3а] и А.А. Тишкина [308].

В историографии данного вопроса можно выделить два наиболее дискуссионных аспекта, которые исследователями трактуются неоднозначно.

Во-первых, остается открытым вопрос о рассмотрении берестяных трубочек для кос – бокка, в качестве признака влияния монголов на материальную культуру кочевников евразийских степей XIII–XIV вв. Одни исследователи поддерживают вывод Г.А. Федорова-Давыдова о том, что данные головные уборы появились на территории восточноевропейских степей не ранее середины XIII в. и были принесены сюда монголами [112, с. 30; 224, с. 42 и др.]. Другие выдвигают гипотезу о том, что берестяные трубочки – это копия более древнего, еще времен кимако-кыпчакского объединения, головного убора [135, с. 29, 112, 113; 136, с. 18]. М.Г. Крамаровский, с одной стороны, выделяет бокки в отдельных женских захоронениях как монгольский этнический компонент, с другой – допускает дискуссионный характер этого утверждения. Он признает, что те элементы, которые «опознаются как «монгольская традиция», при более детальном анализе оказываются выражением специфической диахонии, вызванной бесконечными перетасовками родов и племен» [169, с. 144]. З.В. Доде отождествляет головные уборы с берестяными коническими навершиями (в погребениях подобные головные уборы представлены берестяными фрагментами цилиндрической, усечено-конической и конической формы) с уборами, продолжавшими тюркскую традицию, связанную с кыпчаками, половцами или другими центрально-азиатскими племенами. Головные уборы с навершием в виде «сапожка» – исследовательница интерпретирует с собственно монгольскими бокками [108, с. 60]. Следует отметить, что происхождение боктаг на сегодняшний день не установлено. Впрочем, можно выделить факты типологического сходства боктаг с головными уборами более раннего времени. Головной убор ухуаней – «гоуцзюэ» имеет некоторые черты сходства с убором средневековых монголов «гу-гу». Приведем описание первого головного убора: «Когда женщина достигает брачного возраста, она отращивает волосы, которые делит на пучки и надевает (головной убор) гоуцзюэ, украшенный золотом и яшмой, похожий на имеющийся в Среднем государстве (головной убор) гобуяо» [цит. по: 306, с. 58]. По объяснению ханьского ученого Лю Си, гобуяо – головной убор китайских императриц был украшен подвесными жемчужинами, качающимися при ходьбе [306, с. 58]. Л.Л. Викторова также считает, что бокка генетически восходит к сяньбийско-ухуаньскому головному убору замужних женщин первых веков н.э. Первоначально такой головной убор состоял из шапочки и прикрепленной к ней вертикально лучевой кости, имевшей в брачном обряде магическое значение, позже этот элемент костюма подвергся модификации [66, с. 39, 184]. Из описания гоуцзюэ и боктаг можно установить факт типологического сходства данных головных уборов с убором из Пазырыкских курганов. Наибольший интерес для нас представляет убор из пятого кургана, так как он имеет некоторые черты сходства с боккой [270, с. 130]. Женский головной убор, аналогичный пазырыкскому, был изображен на золотых поясных бляхах из Сибирской коллекции Петра I (V–III вв. до н.э.), обнаруженных в XVIII в. в степях между рр. Обью и Иртышом [96, с. 22, 23]. Особый интерес представляет декор головного убора из второго пазырыкского кургана – он состоял из накладных узорчатых ромбов из толстой кожи [270, с. 122–123]. Примечательно, что по изобразительным и археологическим источникам, характеризующих боктаг, можно выделить в качестве декора головных уборов ромбовидные жемчужные украшения (рис. 4 – 2; 6 – 8; 47). Характеризуя население, оставившее пазырыкские курганы, С.И. Руденко отмечает разнообразие физиче-

ского типа населения Горного Алтая в это время с заметной примесью монголоидного компонента, но в смягченном виде [270, с. 69].

Второй дискуссионный аспект в историографии изучения боктаг связан с определением головного убора бокка как показателя социального статуса его обладательницы. З.В. Доде считает, что рядовое женское население степи этот убор не использовало [112, с. 60]. И.В. Синицын придерживался противоположной точки зрения [283, с. 51–52, рис. 8/5], В.А. Иванов и В.А. Кригер склоняются к мнению последнего исследователя [136, с. 18].

Ученые отмечают, что в национальных костюмах современных тюркских народов сохранились остроконечные головные уборы, сопоставимые с археологическими находками XIII–XIV вв. [108, с. 61]. Женские головные уборы казахов – сеукеле [130, с. 216; 131] отдаленно напоминают бокки.

Оперируя данными исследований головных уборов эпохи Золотой Орды и опубликованными материалами археологических экспедиций, можно условно выделить следующие *формы головных уборов на берестяном каркасе*, зафиксированные в погребениях кочевников:

1. *Капителиобразное навершие*. На основе совокупности изобразительных, письменных и археологических источников, можно констатировать факт существования бокки такой формы в Монголии, на Тянь-Шане, на севере Китая и Южном Кавказе («монголо-тянь-шаньский» вариант бокки) [249, с. 132]. Подобные головные уборы имели овальное, прямоугольное или квадратное расширение [108, с. 53, рис. 1/1–6].

2. *В форме «сапожка»* (рис. 5 – 1, 3). Боктаг данного типа был обнаружен в памятниках Поволжья (мавзолей Увека [108, с. 58, рис. 1/10; 224, с. 38–39, рис. 2; 3]; могильник Царев [224, с. 41, рис. 5]; Маячный бугор [58, с. 101–113, рис. 4/7,8]; Солодовка-II кург.7 [200, с. 165–167, рис. 8/3; 9]; Свинуха (Лесное) кург.18 [79, с. 202, табл. XXV/24]), в курганном могильнике Олень-Колодезь на Дону [121, с. 167–176, рис. 8/1–6] и у с. Хабарный в Оренбургской области [135, с. 29–30, рис. 8/3]. Подобные головные уборы З.В. Доде связывает с собственно монгольскими бокками [108, с. 60].

3. *Конусовидное навершие* (а также усеченно-коническое). В некоторых погребениях один конец берестяного цилиндра по диаметру больше, чем другой (Алебастрово-II кург.5; Хабарный-I кург.10). Подобные фрагменты З.В. Доде отождествляет с головными уборами, которые продолжали тюркскую традицию [108, с. 60]. Высокие конические уборы были найдены в Новопавловском могильнике на Северном Кавказе [112, с. 30], в памятниках средневековых кочевников Казахстана [26, с. 290–291] и Средней Азии, в погребениях могильника у хутора Семенкин Ростовской области, в курганном могильнике Джангар в Калмыкии [108, с. 59]. Аналогии коническим уборам известны по половецким каменным изваяниям южнорусских степей [319, рис. 26/1,4,5]. Следует отметить, что конусообразный головной убор с вуалью также был характерен для женского западноевропейского костюма XV в. [151, с. 39].

4. *Цилиндрическое навершие с одинаковым диаметром по всей длине*. В большинстве случаев фрагменты таких головных уборов представлены полыми цилиндрами, свернутыми из нескольких слоев бересты и прошитыми по краю. Отличаются в основном размерами (длиной): 10–15 и 25–35 см, диаметр колеблется от 3 до 8 см. Исследователи связывают находки цилиндрических фрагментов головных уборов, так же, как и конусовидных, с кимако-кыпчакской традицией [108, с. 60]. Подобный головной убор был реконструирован по фрагментам из некрополя городища Бозок на окраине Астаны (раскоп 5, погребение 2) [21, с. 58, 60, рис. 3/2]. Следует отметить, что, оперируя плохо сохранившимися органическими материалами, мы не можем однозначно утверждать, что рассматриваемые головные уборы состояли только из берестяного цилиндра. Возможно, детали, украшавшие верхнюю часть цилиндра, не выдержали испытания временем и не сохранились до наших дней, или же мы имеем дело с совершенно иной конструкцией, например, с «роговидным» головным убором [122, с. 230–234; 251, с. 79].

5. *Воронкообразное навершие*. На основе анализа археологических материалов Алтая и сопредельных территорий исследователи выделили томско-алтайский вариант боктаг, состоящий из трех основных деталей: берестяного конуса, воронкообразного навершия и овальной крышки [249, с. 129; 309, рис. 27; 32; 56].

6. *Биконическое навершие*. Головной убор с подобным навершием был обнаружен в женском погребении могильника Сарыг-Хая (Тыва). Он был изготовлен из одного слоя бересты и состоял из трех деталей – нижней цилиндрической, средней и верхней – конусовидной. Средняя часть убора была надета на цилиндрическую деталь расширением кверху. Верхняя часть была пришита к ее средней части [104, с. 163–164; 273, с. 147–149].

Также в публикациях исследователей уделяется внимание обнаруженным в погребениях кочевников головным уборам, изготовленным из листового серебра (женское погребение в Павлодарской области [25, с. 54–59] и в кургане Кула-Айгыр [44, с. 230–239, рис. 4]).

Фрагменты конического головного убора, декорированные двумя пластинками, были обнаружены в погребении воина XIV в. в Казахстане [195, с. 87, рис. IV/4–8] (рис. 6 – 9). Е.П. Мыськов выделяет шапки-колпаки как категорию костюма мужчин и молодых девушек [224, с. 42, рис. 1/3].

На основе анализа работ, рассматривающих головные уборы, и опубликованных материалов 467 погребений евразийских кочевников XIII–XIV вв., из которых в 93 погребальных памятниках были обнаружены фрагменты головных уборов или элементы их декора, можно сделать следующие выводы:

– головные уборы боктаг встречаются на обширной территории: в Китае (портреты императриц Юаньской династии), в государстве Хулагуидов (персидские миниатюры), в улусе Чагатай (описание бокки при дворе Тимура у Руи Гонсалеса де Клавихо) и др. Бокки были широко распространены в Золотой Орде – это элемент «имперской» культуры;

– бокка – показатель социального статуса. Этот факт аргументируется следующими доводами: во-первых, на портретах представительниц династии Юань – все ханши изображены с бокками (см. рис. 47 на цветной вкл.), во-вторых, бокки были обнаружены в мавзолеях, а эти памятники являются показателем высокого социального статуса погребенных (могильник Маячный бугор [58, с. 101–113] и Увек [108, с. 58, рис. 1/10; 224, с. 38–39, рис. 2; 3]), в-третьих, бокки и их декоративные украшения изготавливались из дорогостоящих материалов (серебра, парчи и шелка);

– головные уборы на берестяном каркасе встречаются в погребениях XIII–XIV вв. с самыми различными обрядами захоронения, поэтому считать их этническим маркером преждевременно;

– дальнейшее изучение различных форм головных уборов с обширной территории, может отделить собственно монгольские шапки от немонгольских. А корреляция разных типов головных уборов на берестяной основе с погребальным обрядом, инвентарем, географическими локальными группами и антропологическими данными позволит решить ряд дискуссионных проблем, касающихся интерпретации данных головных уборов.

Наибольшим вниманием исследователей пользовались и пользуются украшения Золотой Орды, поскольку они лучше всего сохранились. К сожалению, большинство исследователей рассматривает украшения безотносительно к месту их ношения в costume.

Среди исследований о золотоордынском периоде имеется серия работ, посвященных описанию и анализу кладов, отдельных находок украшений, а также изделий из золотоордынских городов [33, с. 336–349; 34; 116; 117; 124, с. 24–30; 227, с. 40–67; 295; 318 и др.]. Следует отметить работу казанского искусствоведа Д.К. Валеевой [54], в которой, наряду с остальными артефактами волжских булгар периода Золотой Орды, также были проанализированы различные категории убранства costume. В статьях В.А. Мальм дается характеристика некоторых ювелирных украшений из золотоордынских кладов, анализируются техника изготовления и декоративные мотивы прикладного искусства Золотой Орды [197; 198]. Типологический и химико-технологический анализ стеклянных изделий, найденных в городах Поволжья, приводится в статье Н.Н. Бусятской [51; 52]. М.Д. Полубояринова исследовала изделия из цветных камней [256]. Украшения наряду с другими видами декоративно-прикладного искусства Золотой Орды рассмотрены в работе Ф.Х. Валеева, Г.Ф. Валеевой-Сулеймановой [53, с. 70–78].

И.В. Волков и Р.М. Булгаков проводили детальный анализ и перевод надписей, содержащихся на украшениях, найденных в погребениях XIII–XIV вв. [50; 71, с. 106–111]. Особое

внимание исследователи уделяли изучению золотоордынских браслетов [49; 55; 163; 257, с. 184, рис. 63/6; 316, с. 193].

Имеется серия работ по исследованию золотоордынских зеркал. В настоящее время существует две типологии зеркал эпохи средневековья в Восточной Европе. Первая была разработана Г.А. Федоровым-Давыдовым [319, с. 78–84] (рис. 25), затем дополнена В.А. Ивановым, В.А. Кригером [136, с. 19–20] (рис. 3 – 15) и К.А. Руденко [268, с. 111–156]. Вторая типология была разработана Г.Ф. Поляковой [257, с. 154–269; 258, с. 78–82] (рис. 24) и дополнена Л.Ф. Недашковским и А.И. Ракушиным [226; 227, с. 48–62; 228].

Неоценим вклад в изучение истории и культуры средневекового кочевого мира Евразии и золотоордынских городов Г.А. Федорова-Давыдова [322; 323]. Большое значение имеет его работа, посвященная исследованию истории материальной культуры (типологии вещей, системы датировок и т.д.), а также религии, хозяйства и быта монголо- и тюркоязычных кочевых племен X–XIV вв. [319]. В своих исследованиях он рассматривал стили, истоки, орнаментальный декор, технологии изготовления артефактов Золотой Орды, относящихся, так или иначе, к убранству костюма [314; 315; 316; 317; 320; 321; 324].

В.А. Иванов, рассмотрев убранство костюма кочевников Золотой Орды, по результатам статистического анализа выделяет особенности в уборе разных территориальных групп населения Золотой Орды [141] и мировоззренческие представления, воплощенные в средневековых костюмных комплексах [135].

Современными исследователями вводится термин «имперская культура» применительно к государствам, созданным кочевниками Евразии, в том числе Золотой Орды. М.В. Горелик одним из первых обозначил проблему необходимости выделения схожих и даже тождественных элементов культуры у разных этносов на большой территории, которые связаны с феноменом «имперского» костюма. Ряд положений о признаках и элементах «имперской» культуры в области изобразительного искусства был высказан Д. Розенфилдом, который эти признаки обозначил термином «династическое искусство». На памятниках Ирана и Средней Азии ахеменидского периода эта проблема была рассмотрена М.В. Гореликом. Тема «имперской» культуры в рамках исследования культуры государств, созданных потомками Чингизхана, также разрабатывается М.В. Гореликом, М.Г. Крамаровским и другими учеными. В монографии «Этнополитическая история татар» Д.М. Исаков и И.Л. Измайлов отмечают, что в Золотой Орде была создана своеобразная цивилизация, которая, впитывая достижения покоренных народов и соседей, выработала синкретичную, колоритную и пышную культуру. Имперская культура Золотой Орды, по мнению авторов, сложилась в результате творческой активности практически всех народов, входивших в состав государства. Наиболее ярко чингизидские традиции проявлялись в социально престижных изделиях, являвшихся отличительной чертой военно-служилой знати [147, с. 107]. Д.Д. Васильев, М.В. Горелик, С.Г. Кляшторный на основании анализа элементов культур Ахеменидского государства и державы чингизидов определяют ряд признаков надэтнической «имперской» культуры в варианте взаимодействия кочевых и оседлых коллективов в условиях политического преобладания первых. К таким элементам они относят костюм, прическу, личное оружие и т.д. [59]. З.В. Доде и В.А. Иванов, исследуя костюм кочевников Золотой Орды, присоединяются к этому тезису. С феноменом «имперской» культуры З.В. Доде связывает распространение головных уборов в виде «сапожка» и с цилиндрическим расширяющимся кверху навершием, а также использование в конических берестяных уборах в качестве декора украшений, характерных для классических боктаг [108, с. 61] (рис. 5 – 4).

Современные исследователи отмечают, что Золотая Орда сыграла значительную роль в истории развития мировой цивилизации. Особенно этот подход прослеживается в изданиях, приуроченных к выставкам произведений искусства Золотой Орды в 2000, 2005 годах, в периодической печати (в журнале «Родина», посвященном тысячелетию Казани [277], в некоторых номерах «Российской газеты» и др.), в издаваемых Центром исследований истории Золотой Орды имени М.А.Усманова Института истории АН Татарстана сборниках и ежегодниках («Золотоордынская цивилизация», «Нумизматика Золотой Орды»), в монографиях и статьях последних лет. Элементы декоративно-прикладного искусства, составляющие

убранство костюма кочевников Золотой Орды, постоянный предмет изучения исследователями-археологами. Однако в археологических работах они рассматривались, как правило, применительно к конкретным памятникам, в отрыве от общей массы данных артефактов, безотносительно к месту их ношения в костюме и без анализа территориального распространения. Изучению всего комплекса предметов декоративного металла, составляющих убранство и аксессуары костюма кочевников с обширной территории Золотой Орды, в научной литературе *не придавалось должного значения*. Подводя итог историографическому обзору, можно сделать выводы: 1) реконструкции костюмов евразийских кочевников XIII–XIV вв. проводились, но в связи с тем, что исследователи не ставили перед собой задачи более глубокого, всестороннего изучения этого вопроса, тема по сей день остается недостаточно изученной, без обобщений и несистематизированной; 2) в большинстве работ ученые рассматривают мелкие костюмные атрибуты, без привлечения и систематизации археологических данных с большей части территории Золотой Орды. Несмотря на постоянно растущий интерес к изучению культуры Улуса Джучи в целом и к костюму в частности, среди современных исследований по-прежнему отсутствуют работы, целостно охватывающие проблематику убранства костюма кочевников. Недостаточно разработанными остаются вопросы типологии аксессуаров, элементов убранства и его изучения как источника, обладающего информационным потенциалом, необходимым для построения социальных и мировоззренческих реконструкций. Поэтому данная тема продолжает оставаться актуальной и нуждается в дальнейших исследованиях, а степень изученности темы можно признать неудовлетворительной.

1.2. Проблемы и особенности методики исследования исторических форм костюма

Костюм зачастую выступает в качестве основного объекта исследования в различных областях научного знания. Данная категория культуры является объектом исследования в следующих дисциплинах: история, археология, этнография, искусствоведение, философия, социология, культурология и др., причем каждая из них рассматривает этот общий объект под своим углом зрения. Для нас наибольший интерес представляют принципы и методы исследования костюма в археологии, поэтому подходы к изучению данной категории древностей, применяемые в других дисциплинах, будут рассмотрены нами обзорно. Долгое время научная мысль по истории костюма в СССР не развивалась (за исключением исследований этнографического костюма), это было обусловлено идеологическими установками [356, с. 9–10]. Возросший интерес в последние годы к изучению костюма в различных областях научных знаний привел современных ученых к комплексному подходу в исследовании данной темы. В археологии, в частности, появились исследования обобщающего характера, которые ознаменовали значительный шаг вперед в развитии палеокостюмологии. Увеличилось количество защищаемых диссертаций по обозначенной тематике, причем в большинстве исследований особое внимание уделяется рассмотрению принципов и методов, применяемых в различных работах для изучения археологического костюма [110, с. 4–19; 171, с. 8–14; 246, с. 4–6; 311, с. 9–11 и др.]. Поэтому, не повторяя историографических положений и разработок ученых, учитывая специфику нашей тематики, мы сочли целесообразным изложить материал данного параграфа по следующей схеме: 1) особенности исследования костюма в смежных дисциплинах; 2) характеристика методов и принципов, применяемых в археологических исследованиях (С.А. Яценко, З.В. Доде, Н.Б. Крыласовой и др.); 3) особенности использования статистических методов в палеокостюмологии; 4) исследование половозрастных особенностей костюма; 5) изучение костюма как части погребального обряда и инвентаря; 6) изучение семантики костюма и его элементов; 7) исследование механизмов костюмных контактов и характера эволюции костюма; 8) изучение убранства костюма сквозь призму «реалогии».

Для методики изучения костюма в рамках истории искусств, дизайна, этнографии, культурологии, археологии и других научных дисциплин характерно различное восприятие само-

го феномена костюма. В рамках искусствоведения костюм рассматривается как эстетический, художественно значимый феномен. Как правило, объектом искусствоведческого анализа становятся не современные, а исторические формы костюма. Таким образом, искусствоведческий подход находит выражение в первую очередь в работах по истории костюма. Здесь следует отметить работы М.Н. Мерцаловой [211], Н.М. Каминской [151], З.И. Рахимовой [264] и других. Художественно-стилистический, историко-сравнительный и типологический методы являются характерными для искусствоведческих работ [264; 338, с. 6]. Взгляд археологов на предметы искусства, в частности, представляющие убранство костюма, отличается от взгляда искусствоведов. Если искусствовед в первую очередь интересуется эстетическая ценность вещи, которая нередко может фигурировать в исследовании в отрыве от времени и места ее бытования, этнической принадлежности и прочее, то археолог во главу угла ставит ее хронологию, место в материальной культуре древнего населения, этнические и культурные параллели, мировоззренческое значение. Поэтому, как отмечают археологи, искусствоведческий взгляд на предметы для исторической науки не представляет интереса и практически не применим [135, с. 6]. Однако и среди искусствоведческих работ выделяются исследования, рассматривающие украшения во взаимосвязи с одеждой, сквозь призму социального, политического аспекта развития общества и изучающие влияние технологических особенностей изготовления металлических украшений на форму и образ костюма, а также функции, формы и семантику украшений в исторической ретроспективе [338].

В этнографии речь идет, прежде всего, об исторических формах костюма, имеющих отношение к культуре и быту традиционных обществ. Наиболее примечательны в теоретическом плане работы Н.И. Гаген-Торн [74; 75, с. 119–135] и многих других этнографов [130, с. 204–228; 131; 219; 302; 304; 343]. Исследование костюма в этнографии обычно сопряжено с изучением вопросов этногенеза, взаимодействия и взаимовлияния этнических культур, а также с поиском прототипов современных пережиточных форм.

Что касается культурологического подхода к изучению костюма, то он основывается на исследовании костюма как целостного феномена культуры, т.е. в единстве его утилитарных и символических функций. В рамках этого подхода наиболее распространены исследования, в которых костюм рассматривается в связи с феноменом моды [102; 272]. В таком же контексте костюм как социокультурная система рассматривается в социологических исследованиях и выступает как один из важнейших компонентов социальной невербальной коммуникации [335]. В исторической науке также разрабатывается методика анализа модного костюма [325]. Рассмотрев литературу, посвященную исследованию феномена моды и костюма, мы можем отметить существование различных направлений в исследовании данного феномена (экономическое, психологическое, историко-культурное, социологическое).

В работах С.П. Исенко [145], А.Н. Павловой [246], Д.Ф. Файзуллиной [311], Э.М. Андроновой [24], Г.Х. Казбулатовой [150] и других культурологический подход к исследованию костюма успешно сочетается с экскурсами в историю, обращению к этнографическому и археологическому костюму. Такие работы открывают новый этап в отечественном костюмоведении. С.П. Исенко предложила в рамках культурологии выделить новое направление – этнокостюмологию. Д.Ф. Файзуллина, используя историко-типологический, историко-генетический, структурно-функциональный и другие методы исследования, проанализировав широкий спектр источников, определила декоративные принципы элементов костюма населения Волго-Камья XI–VI вв. до н.э., их семантическую нагрузку и произвела их реконструкцию.

Исследователи отмечают, что на современном этапе развития науки костюм рассматривается как «семиотическая система», а в археологии формируется целое направление – «семиотическая археология» [311]. В своих работах ученые синтезируют данные археологии и смежных дисциплин для более объективного и полного воссоздания облика культуры древних и средневековых обществ. Такой комплексный подход к изучению археологического костюма характерен для работ С.А. Яценко, З.В. Доде, Н.Б. Крыласовой, А.Н. Павловой, Д.Ф. Файзуллиной и других.

Следует отметить, что большинство публикаций и монографических исследований посвящено изучению мелких костюмных аксессуаров (поясным наборам, браслетам, серьгам,

заколкам, фибулам, пряжкам и т.п.). Элементы костюма представляют научный интерес для искусствоведов, археологов, этнографов, музейных работников.

В сравнении с аксессуарами, доля исследований одежды невелика. Это обусловлено плохой сохранностью органических материалов. Традиционным для археологического описания костюма было лишь указание на конкретные факты без дальнейшей их интерпретации [356, с. 16].

В научной литературе неоднозначно решается вопрос о самой возможности реконструкции археологического костюма по погребальным памятникам, изобразительным источникам и этнографическим параллелям [110, с. 17–18]. Характер реконструкции костюма зависит от степени сохранности артефактов, количества и качества дополнительных источников (письменных, изобразительных, эпических). В этой связи З.В. Доде выделяет три типа реконструкции костюмов: аутентичная; обобщающая (аподиктическая); гипотетическая. В современных работах по реконструкции археологического костюма используется новый метод репрезентации, предложенный для всестороннего раскрытия содержания костюма как исторического источника, с помощью которого артефакт рассматривается «как факт истории и культуры» [110, с. 25]. Этот метод позволяет реконструировать материальный и социокультурный фон, отраженный в костюме. З.В. Доде выделяет условно четыре уровня информации, объективированные в костюме: сенсуально-рационалистический, семиотический, культурологический и исторический. В работах З.В. Доде [110; 113] археологический костюм рассматривается в русле этносоциальной и исторической динамики культуры, приводятся этнографические параллели. З.В. Доде восстанавливает крой элементов одежды, иллюстрирует выкройки, что сближает ее работы с этнографическими исследованиями, использует обширный круг источников, позволяющих раскрыть семантику костюма, его деталей, цветовых сочетаний и орнаментальных мотивов в декоре элементов костюма (рис. 5 – 4; 34 – 4, 5; 46).

С.А. Яценко в исследовании [356], охватывающем большой временной промежуток (VII в. до н.э. – VIII в. н.э.) и обширную территорию, реконструируя костюмы ираноязычных народов, анализирует широкий спектр источников. Автор предлагает свою методику фиксации и описания остатков костюма в погребальных комплексах. Для исследования костюма ираноязычных народов С.А. Яценко применяет комплексный подход [356, с. 16, 17]. Этот подход в диссертационных исследованиях применяли А.А. Красноперов и Д.Ф. Файзуллина. А.А. Красноперов в своей работе [171] на основе анализа месторасположения органических фрагментов одежды, законсервированных металлическими украшениями происходящих из погребений 80 памятников, восстановил элементы одежды населения чегандинской культуры. Исследователь, применяя метод этнографического картографирования отдельных элементов костюма по двум хронологическим периодам (II в. до н.э. – III в. и III – V вв. н.э.), выявил закономерности функционирования и развития одежды чегандинского населения.

Н.Б. Крыласова на основе изучения материалов Среднего Прикамья рассматривает материальную культуру средневекового населения в целом и костюм со всеми его атрибутами в частности [178; 179; 180]. Она реконструирует убранство костюма, анализируя месторасположение его элементов в погребении.

Работы Н.Б. Крыласовой отличаются активным использованием методов математической статистики, наряду с общепринятыми археологическими методами. В работах В.А. Иванова, посвященных исследованию костюмов и сравнению костюмных ансамблей различных культур в рамках широких хронологических диапазонов, также используются статистические методы [135; 140 и др.]. Можно отметить, что Н.Б. Крыласова и В.А. Иванов одни из первых начали широко применять этот метод в исследованиях по палеокостюмологии. В своих работах с помощью статистических методов ученые, как правило, изучают три аспекта: 1) определяют представительность признака-категории убранства; 2) вычисляют тенденцию встречаемости категории костюма и, тем самым, выделяют всеобщие, локальные и частные признаки; 3) устанавливают степень связи между предметами убранства в рассматриваемых выборках, т.е. выделяют комплексы связанных между собой признаков.

Итоги и перспективы применения методов статистического анализа в археологии Приуралья подробно были рассмотрены в диссертации О.Р. Стаматиной [299, с. 7–11]. Однако, несмотря на преимущества статистических методов, при их использовании есть вероятность

того, что из поля зрения исследователя могут ускользнуть малочисленные, непредставительные признаки, которые могут иметь особое историко-культурологическое значение. Поэтому в научной литературе сложилось неоднозначное отношение к применению статистических методов в исследованиях, в частности, в палеокостюмологии. На негативные нюансы в применении математических методов в палеокостюмологии указывает в своей диссертационной работе А.А. Красноперов [171, с. 11, 23, 24]. Однако следует отметить немаловажные положительные моменты при использовании статистических методов в научных исследованиях. Во-первых, учитывая «информационный взрыв», характерный для современного уровня развития археологии, применение статистических методов крайне необходимо для анализа массового материала. Во-вторых, любой метод в научном исследовании может быть оценен как положительно, так и отрицательно, в зависимости от поставленной задачи, поэтому ученые используют в своих работах совокупность методов, что позволяет избежать построения субъективных выводов. В-третьих, при использовании статистических методов (проверяя результаты статистического анализа, определяя интервал достоверности, представительность признака и др.) в культурно-исторических интерпретациях исследователя могут фигурировать и малочисленные, непредставительные признаки.

После сбора, систематизации и анализа источников по археологическому костюму на завершающем этапе исследования проводится реконструкция костюма и его культурно-историческая интерпретация. Рассмотрим, как в исследованиях по костюму эпохи древности и средневековья решаются вопросы и проблемы культурно-исторического характера.

Костюм как показатель половозрастного статуса.

Данный аспект был рассмотрен в исследованиях С.А. Яценко, Н.Б. Крыласовой, З.В. Доде, М.С. Павловой, Е.В. Куприяновой, А.Н. Павловой и Ю.В. Степановой. Особый интерес представляют последние исследования костюма древнего и средневекового общества, применяющие гендерный подход. «Гендерный подход как теоретическое направление в общественных науках возник как оппозиция традиционным исследованиям отношений между полами. Основная идея, на которой базировались последние, касалась убежденности в необходимости и целесообразности дифференциации ролей, статусов, позиций мужчин и женщин в публичной и приватной сферах жизнедеятельности. Гендерный подход, разрабатываемый как критика данных исследовательских установок при изучении межполовых отношений, ориентирован на анализ систем доминирования и провозглашает идею равноправия независимо от половой принадлежности» [157, с. 249]. Для подобных исследований в археологии необходимо большое количество погребений и первостепенную роль здесь играют данные антропологии. Среди работ, рассматривающих костюм с точки зрения данного подхода, обращает на себя внимание исследование М.С. Павловой [247]. Она изучила закономерности развития женского погребального убора Древней Руси (по материалам могильников Ижорского плато). М.С. Павлова выделила четыре возрастные группы для женского населения: дети (до 5 лет), девочки-подростки (5/6–12/14), женщины среднего возраста (14/18–50), пожилые женщины (после 50 лет). По мнению автора, в выделении возрастных групп необходимо учитывать следующие моменты: 1) «Границы возрастных групп по данным этнографии и письменных источников эпохи средневековья не совпадают. Срок жизни населения был меньше современного, что естественным образом вело к сужению рамок возрастных групп и более быстрой смене социального положения. Прежде всего, это касается сокращения срока детства и перехода девочек в категорию «девушек на выданье». Для женщин в Древней Руси замужество разрешалось примерно с 13–14 лет, правда, зачастую это условие не соблюдалось, иначе в XV в. не появился бы запрет митрополита Фотия «венчать девичок меньше двенадцати лет». По мнению социолога-демографа А.Г. Вишневого, ранний брак, хотя и чреватый повышенной смертностью матерей и детей, сохранялся традиционным коллективом в демографических целях, так как обеспечивал большую продолжительность прорекреационного периода матери, а следовательно и деторождения...» [247, с. 105–106]; 2) по этнографическим данным, в Среднем Поволжье еще в XVIII – начале XIX вв. брачный возраст мужчин определялся с 15 лет, у женщин – с 13 лет; в XIX – начале XX вв. верхний предел детства был довольно подвижен: от 13–14 до 18–19 лет и сильно

отличался в различных областях России. Критерии перехода из категории детства в группу взрослых людей были условны: учитывалось физиологическое состояние человека, готовность к деторождению, труду и др. [247, с. 106–107]; 3) для эпохи древности и средневековья сложно говорить о возрастных градациях. Это связано с тремя моментами: во-первых, в прошлом использовались иные системы отсчета возраста, и мы не знаем количества возрастных групп и их диапазоны; во-вторых, основой для определения возраста в археологии являются данные антропологии [307, с. 63, 160, табл. 2.1.1; 4.2.3], которые имеют свои возрастные периоды, иногда не соответствующие историческим реалиям; в-третьих, по свидетельствам этнографических данных, в коллективе может происходить изменение числа возрастных групп при попадании в иную культурную и природную среду [247, с. 114].

Опираясь на материалы этнографии, М.С. Павлова определила, что для русского костюма известно много случаев, когда каждой возрастной группе соответствовали свои характерные украшения. Однако, по археологическим данным, подобные закономерности исследователю выделить не удалось, за исключением некоторых моментов [247, с. 136]. Е.В. Куприянова рассмотрела аспекты социального положения женщин по материалам археологического женского костюма эпохи средней – начала поздней бронзы Южного Зауралья и Казахстана. Но она не выделила отдельные возрастные градации, как было предпринято в работе М.С. Павловой, аргументируя тем, что установление возрастной дифференциации общества эпохи бронзы весьма проблематично [183, с. 18]. Ю.В. Степанова систематизировала данные по погребальному костюму сельского населения Верхневолжья X–XIII вв. и создала базу данных в СУБД «ACCESS». Она определила ассортимент убранства женского и мужского костюма. Ю.В. Степанова выделила варианты верхневолжского древнерусского костюма в зависимости от социально-возрастных и территориально-хронологических показателей [300].

Костюм как элемент погребального ритуала.

В различных культурах погребальные обряды были связаны с особым подбором предметов для погребения, с преднамеренной их «порчей», с обрядами, совершаемыми древними грабителями над остатками костюма, с особым цветом одежды покойного и др. [356, с. 351–358]. Этот аспект в палеокостумологии рассмотрен в работах С.А. Яценко, Е.В. Куприяновой, А.Н. Павловой, М.С. Павловой, Ю.В. Степановой и др. В исследовании Е.В. Куприяновой были установлены обрядовые формы использования костюма, его деталей и аксессуаров, рассмотрены нетрадиционные способы использования женского костюма в погребальном обряде [183, с. 11]. М.С. Павлова, опираясь на материалы этнографии и письменные источники, построила модели (варианты) развития погребального женского костюма, который мог олицетворять: 1) некий унифицированный костюм; 2) костюм, отражающий социо-возрастное положение умершего; 3) костюм, определяющий будущий статус погребенного индивида. Затем она проверила достоверность выдвинутых гипотез на археологическом материале [247, с. 112–138].

Изучение семантики костюма и его элементов.

В целом можно отметить, что семантика костюма традиционных обществ сопряжена с социальной стратификацией, религиозно-магическими и художественно-эстетическими представлениями. Как мы уже отмечали, семантика костюма представляла и представляет особый интерес для современных исследователей. Уже изначально костюм существовал и как вещь, и как символ. Социальная значимость костюма менялась в различные исторические эпохи. Костюм – это источник информации об индивидууме и социальной среде, к которой он принадлежал. Даже в самой общей форме костюм имел и имеет знаково-коммуникативную функцию, довольно тонко дифференцируя социальные нюансы. Например: «костюм – знак классовой дифференциации; костюм – выражение богатства; костюм – знак респектабельности; костюм – знак полового различия; костюм – знак культуры» [160, с. 35–36]. А.Н. Павлова разработала методику семантического исследования костюма волжских финнов середины I – начала II тыс. н.э. Она выявила, что символическая система костюма рассматриваемого населения базировалась на использовании различных символических кодов: зооморфного, гео-

метрического и цветового. Обозначенные коды она дешифровала с использованием данных фольклора и мифологии финно-угорских этносов, а также народов, с которыми волжские финны поддерживали культурные связи на протяжении длительного времени [246, с. 14].

Определение механизмов костюмных контактов и характера эволюции костюма.

Более тщательно указанный аспект был изучен С.А. Яценко на примере костюма древних иранцев [356, с. 279–322]. Он исследовал влияние костюма ираноязычных «кочевых империй» на костюм соседних этносов, распространение элементов одежды различных династий Ирана, заимствование номадами элементов костюма «торговых» народов и многие другие вопросы [356, с. 279–322; 357]. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья по материалам костюма было исследовано В.А. Ивановым и Н.Б. Крыласовой [135]. Ученые рассмотрели межэтнические взаимоотношения, торговые контакты, воздействие моды, возникновение устойчивых этнокультурных стереотипов в отношении состава средневековых костюмных комплексов кочевников и оседлых жителей Предуралья. Исследователи установили, что новинки декора костюма, заимствованные из степи у лесных жителей, меняли свой статус социального маркера на статус оберега, получали новое развитие, не зависящее от степной моды [135, с. 3].

Изучение убранства костюма сквозь призму «реалогии».

В археологических, искусствоведческих и философских работах встречается понятие «реалогия» (вещеведение). Некоторые положения и выводы данных исследований могут быть применены при изучении костюма как одной из категорий культуры. «Реалогия, вещеведение (от латинского «res» – вещь) – гуманитарная дисциплина, изучающая единичные вещи и их экзистенциальный смысл в соотношении с деятельностью и самосознанием человека» [259, с. 346]. Для нас некоторые положения вещеведения представляют определенный интерес, так как «реалогия постигает реальность не только в обобщенных понятиях и даже не в более конкретных образах, но в единичных вещах, ищет способы наилучшего описания и осмысления бесчисленных «этостей»» [259, с. 349]. Известно, что исследование вещей – одна из важных задач археологии и палеокостюмологии. На протяжении всего XX в. отношение к вещеведению было неоднозначным [81, с. 10]. И.Г. Глушков рассмотрел методы реконструкции вещевых категорий, влияние на процесс восприятия артефакта субъективных и объективных факторов [81, с. 10–14]. Археологи, работающие в данном направлении и анализирующие различные вещевые категории (керамику, украшения и другие артефакты), описание каждого предмета в общем виде представляют в качестве системы, состоящей из подсистем: морфологии, технологии, материала, функций и хронологии [348, с. 5; 81, с. 12]. Ученые, в рамках специализации «морфология древностей», предложили правила и программы описания различных категорий вещей. Коллективом авторов была предложена система характеристики категорий предметов в зависимости от их конструктивных особенностей [348]. Позже в эту систему были внесены изменения и дополнения [220]. Для настоящей работы данные разработки оказались полезны, поскольку учеными были составлены словари-классификаторы для описания конструктивных элементов различных украшений.

Подводя итоги изучения исторических форм костюма, можно отметить, что для каждой научной дисциплины, изучающей костюм, характерны собственные методы исследования данной категории культуры. Тем не менее в современных научных трудах наметилась тенденция к междисциплинарному исследованию костюма. Для исследования исторических форм костюма сквозь призму культурологии, искусствоведения, философии именно археология и этнография предоставляют необходимый материал для анализа. В подобных исследованиях основное внимание уделяется интерпретации костюма. В последнее время в развитии научной мысли по реконструкции археологического костюма наметился новый этап, связанный с исследованиями З.В. Доде, Н.Б. Крыласовой, С.А. Яценко и др., в которых негативные моменты (отсутствие культурно-исторической интерпретации костюма, его анализ в узких хронологических и этнолокальных рамках, рассмотрение археологического материала не во всей совокупности выявленных источников и др.) в историографии изучения данной катего-

рии культуры нивелируются и используются новые подходы и методы (методы математической статистики, реконструкции; комплексный, гендерный подходы и др.).

1.3. Методика исследования

Проанализировав работы по палеокостюмологии, в общих чертах можно выделить модель-схему изучения костюма древнего населения в целом и элементов убранства, аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды в частности. Она состоит из следующих этапов:

1. Сбор археологических материалов по костюму изучаемого населения в хронологических и территориальных рамках, обусловленных тематикой исследования. На этом этапе необходимо:

– собрать материал по костюму сопредельных областей в широком хронологическом диапазоне для выявления в последующем аналогий, культурных контактов, заимствований в костюме и т.д. (если это предусмотрено задачами исследования);

– собрать данные по этнографическим, изобразительным и письменным источникам, а также материалы научных разработок ученых, касающихся исследуемой тематики (в том числе и данные по природно-климатическим условиям);

– решить методические вопросы и определить степень изученности темы в научной литературе.

На этом этапе нами были рассмотрены 467 погребений кочевников Золотой Орды с сохранившимися деталями и аксессуарами убранства костюма, которые не были значительно нарушены природными и антропогенными факторами. Затем изображения и информация по каждому украшению заносились на карточку с целью создания картотеки. Поскольку различные погребения содержат разный объем информации, количество учтенных захоронений различается для каждой категории инвентаря. Изучая костюм, необходимо оперировать также данными исследований по состоянию природно-климатической обстановки на рассматриваемой территории в определенное время. Необходимо отметить, что в XIII в. в степях Евразии были оптимальные условия для кочевого скотоводства [97, с. 49]. «Колоссальный подъем уровня Каспийского моря в конце XIII в. был связан... с перемещением зоны максимального увлажнения с Тянь-Шаня на Среднюю Волгу» [98, с. 49]. Затем ситуация меняется: «к началу XIV в. монгольское кочевое хозяйство переживает острый кризис» [98, с. 49] и с этого времени учащаются явления, связанные с усилением циклонической деятельности. Максимум осадков стал выпадать севернее водосбора Волги, что обусловило резкое понижение уровня Каспийского моря [98, с. 49].

2. Обработка, систематизация всех материалов, сведение их в среднестатистический массив, приемлемый для исследуемой территории, создание электронной базы в «Excel». В таблице каждое значение признака выступает в роли самостоятельного качественного признака, который может принимать только два значения – 1 (признак присутствует на данном объекте наблюдения) и 0 (признак отсутствует). В столбцах представлены признаки, а в строках – случаи наблюдения, то есть погребения с их индивидуальными кодами, в состав которых включались: место обнаружения погребения (памятника), авторы раскопок, год исследований и др.

3. Анализ, реконструкция и культурно-историческая интерпретация костюма и его элементов. Привлекая комплекс этнографических, археологических и изобразительных источников, нами было создано семь гипотетических реконструкций убранства костюма кочевников Золотой Орды (рис. 38 – 44*: за основу взята реконструкция одежды, выполненная З.В. Доде (могильник Джухта-II [113, рис. 43]). В дальнейшем, развивая рассматриваемую тематику с помощью применения анализа парной сопряженности признаков убранства костюма внутри локальных групп (корреляционный, ковариационный, дисперсионный или какой-либо иной), появятся основания для создания «модели» убранства костюма различных

* См. рис. 38–49 на цветной вклейке.

территорий Улуса Джучи. Также графически были представлены стилизованные золотоордынские украшения (см. рис. 49 на цветной вкл.).

Мы изучили и проанализировали основные подходы и принципы, применяемые для исследования исторических форм костюма с целью определения методов, приемлемых для исследования элементов и аксессуаров убранства костюма кочевников Золотой Орды. Учитывая специфику нашей темы, особый интерес представляют для нас работы З.В. Доде [108; 109; 110; 112; 113; 114], С.А. Яценко [356; 357], В.А. Иванова [135; 141], С.И. Руденко [270, с. 109–147], А.П. Мироненко [215] и других исследователей, изучающих костюм кочевников. Впрочем, это не означает, что для своего исследования мы не использовали разработки ученых, рассматривающих костюм оседлого населения. Именно в этих исследованиях мы почерпнули необходимую информацию по реконструкции убранства костюма, статистические методы и методику семантического исследования костюмных комплексов.

В основу нашего исследования убранства костюма кочевников Золотой Орды положены комплексный и гендерный подходы.

Комплексный подход подразумевает: а) использование массовых находок, систематизацию данных с помощью статистических методов; б) стремление к всестороннему охвату памятников настолько, насколько это представляется возможным; в) привлечение комплексов данных других наук – истории, этнографии, искусствоведения, философии, социологии, антропологии, лингвистики. Для объективного, исторически достоверного решения задач, стоящих перед исследователем, необходимо охватить большой регион, позволяющий рассмотреть объект со всеми его локальными особенностями [80, с. 170–180]. Также в нашей работе были применены принципы, предложенные С.А. Яценко в рамках комплексного подхода к исследованию древнего костюма: использование всех видов источников; отбор остатков костюмного декора из погребений в соответствии с определенными критериями; рассмотрение костюмных комплексов (в нашем случае элементов убранства) на фоне как синхронных соседних культур, так и более ранних и поздних [356, с. 17].

Гендерный подход проявляется в изучении костюма не только как предмета материальной культуры, но и как источника информации о социальном статусе и положении мужчин и женщин в кочевом обществе. Для изучения различий в костюме представителей разных половозрастных групп и закономерностей его (костюма) развития необходима достаточная статистическая выборка, хороший уровень полевой фиксации и наличие антропологических определений.

Для решения конкретных задач применялись общие и частнонаучные методы: сравнения, аналогий, этнографических параллелей, картографирования, типологии, математической статистики и реконструкции.

Процесс реконструкции костюма состоит из двух частей. Во-первых, – это реконструкция убора, во-вторых, реконструкция одежды. Для исследования данных составляющих костюма применяются разные подходы. Реконструкция убора имеет большое значение, поскольку именно убор костюма выполняет самые разнообразные функции. Традиционно убор реконструируют, анализируя месторасположение его элементов в погребениях. При реконструкции одежды рассматриваются имеющиеся в наличии фрагменты ткани, кожи и меха. К сожалению, органика плохо сохраняется в погребениях. В настоящее время археологами накоплен некоторый материал, иллюстрирующий комплексы одежды эпохи Золотой Орды. Например, материалы могильника Маячный бугор близ Астрахани, Джухта-II и Новопавловского могильника на Северном Кавказе, женское погребение из мавзолея Увека и др. Имеется информация об одежде в изобразительных и письменных источниках. Европейские путешественники и восточные географы оставили нам интересные заметки относительно костюмов населения Улуса Джучи. Однако по их описаниям редко можно представить детали покроя одежды, в лучшем случае они (эти описания) характеризуют лишь отдельные элементы костюма.

В рассмотренных нами погребениях были выделены зоны, соответствующие основным частям костюма: головному убору, шейно-нагрудным украшениям, поясу, украшениям рук и обуви.

В мифологии тюркоязычных и монгольских народов встречается повествование о трех мирах: верхнем (небесном), среднем и подземном [158]. Аналогичное членение характерно для оформления оленных камней в Монголии (конец II – начало I тыс. до н.э.). «Верхний ярус оленного камня (голова), отделенный ожерельем, обращен к небу и символизирует связь с верхним миром, небом, небесными светилами. В этой части показаны серьги в форме солнца (иногда с лучами), небесные кони, летящие к солнцу и преследуемые хищниками (барсами, тиграми и т.д.). Центральная часть камня – средний мир, населенный копытными, и прежде всего оленями. Нижняя часть стелы, отделенная поясом, всегда находится под землей и представлена оружием. Это мир подземный, где оружие – символ смерти» [233, с. 94]. Подобное деление костюма прослеживается в убранстве костюма кочевников Золотой Орды. Следует отметить, что в палеокостюмологии также имеются примеры деления костюма на горизонтальные линии в соответствии с особенностями мифологического мышления древнего населения [311, с. 11].

Объектом нашего изучения является убранство костюма кочевников Золотой Орды, т.е. украшения тела, одежды, головных уборов, обуви, а также аксессуары. Органические остатки костюма, отпечатки текстиля на металле и этнический аспект, объективированный в убранстве костюма, в данной работе не рассматриваются, так как эти вопросы реконструкции выходят за рамки нашего исследования. В археологической литературе традиционно выделяют группы украшений по назначению (собственно украшения и детали одежды) и/или по месту ношения (головные, шейные и т.д.) [278, с. 8]. В настоящем исследовании за основу была взята функциональная группировка украшений, предложенная Ю.Л. Щаповой и ее соавторами [220, с. 12–14]. Категории убранства, выполняющие декоративную функцию, были объединены в группу собственно украшений. Они были сгруппированы по месту ношения (головные, в том числе ушные; шейно-нагрудные; украшения рук и пальцев). Отдельно среди них выделена группа украшений универсальных по месту ношения. Некоторые из них могут являться и деталями одежды. Например, бусина и бубенчик могли выполнять функцию пуговиц. Категории, у которых декоративная функция становится второстепенной, а на первое место выходит утилитарное назначение предмета, например, соединение и скрепление частей одежды, составили группу «детали одежды». Из аксессуаров были рассмотрены зеркала, а также сумки и футляры.

Функция	Место	Категория
Украшение	Голова, головной убор, ухо	Султанчик, нашивка, подвеска, украшения из жемчуга и бус, серьга
	Шея и грудь	Ожерелье, нашивка
	Руки и пальцы	Браслет и перстень
	Универсальные	Бусина, цилиндрическая подвеска, нашивка (бляшка)
Деталь одежды		Пояс и поясные принадлежности, пуговицы
Аксессуары		Зеркало, сумка, футляр

Информация, почерпнутая из опубликованных описаний и планов погребений кочевников Золотой Орды, занесена в электронную таблицу «Excel». В ней зафиксированы структурированные данные о памятнике, погребении, погребенном и сопровождающем инвентаре. Высшей ступенью этой структуры выступает «категория совокупности признаков» (КСП): 1) погребальный инвентарь – украшения, детали одежды и аксессуары костюма; 2) вещи, помещенные в могилу, помимо убранства костюма погребенного; 3) характеристика погребения и останков покойника, в том числе антропологические данные. Первая категория (КСП) разделена на «совокупность признаков» – украшения головных уборов, серьги, шейно-нагрудные элементы убранства, украшения для рук, универсальные украшения, пояс и поясные принадлежности, пуговицы, зеркала, сумки, футляры. «Совокупность признаков» делится на «признаки» – отделы, типы и др.

Построение археологической типологии является очень сложным и длительным научным процессом. На сегодняшний день имеется большое количество монографий, статей, учебных пособий, посвященных археологической типологии и процессу типобразования. Появилось новое направление, которое можно назвать теоретической (или дедуктивной) типологией [156]. Большинство исследователей характеризуют археологический тип «через сходство формы, частичное родство в материале и технологии, совместности по месту и сосуществованию во времени» [220, с. 7]. Следует отметить, что типология материальной культуры кочевников Золотой Орды, разработанная Г.А. Федоровым-Давыдовым и дополненная В.А. Ивановым и В.А. Кригером, за последние годы не претерпела изменений. В настоящей работе, при классификации предметов убранства костюма и аксессуаров, за основу была взята именно эта типология. При классификации вещей, встречающихся в кочевнических погребениях, Г.А. Федоров-Давыдов в типологии выделял ряд классификационных ступеней: категории – по функциональному признаку, группы и разделы – по материалу и технике, отделы и типы – по форме. В тех категориях вещей, где материал не влиял ни на технику изготовления, ни на форму изделия, классификация по группам и разделам опускалась. В некоторых случаях отделы выделялись по материалу или орнаменту. Практически весь полученный материал кочевнических погребений XIII–XIV вв. укладывается в уже разработанную Г.А. Федоровым-Давыдовым [319] и дополненную В.А. Ивановым и В.А. Кригером [136], а также К.А. Руденко (по зеркалам) [268, с. 111–156] типологию. Но в тех случаях, если приходилось иметь дело с вещами, не вошедшими в эту типологию, возникала необходимость введения новых типов, придерживаясь того же принципа буквенной и цифровой индексации (новые типы обозначены знаком «*»).

Каждая категория убранства костюма и аксессуары были описаны по схеме, состоящей из следующих компонентов:

- общая характеристика категории убранства, аксессуара;
- типология;
- аналогии;
- особенности распределения категорий убранства и аксессуаров по локальным группам (в абсолютных, относительных показателях, вычисление частоты совокупности, нормы распределения и тенденции встречаемости);
- социальный аспект. Характеристика особенностей использования элемента убранства, аксессуара в зависимости от:
 - а) признака пола погребенного. Как правило, вычислялась тенденция встречаемости аксессуаров, украшений (или их типов) в мужских и женских погребениях;
 - б) возраста погребенного (при наличии антропологических данных);
 - в) социально-имущественного положения погребенного по наличию или отсутствию изделий из драгоценных (серебро, золото) металлов. Вычислялась тенденция встречаемости категории убранства (или типов украшений), аксессуаров в погребениях с золотыми предметами и без них. При необходимости анализировалась встречаемость различных украшений с предметами, имеющими социально-ранговую атрибуцию;
- способы ношения украшений и аксессуаров. Характеристика локализации категории убранства в погребении;
- функции;
- семантика цвета и орнамента на предметах убранства и аксессуарах костюма.

Обозначенные компоненты выделены условно, так как некоторые из них взаимосвязаны между собой. При отсутствии необходимой информации (например, о возрасте погребенных) характеристика элементов убранства и аксессуаров костюма по отдельным аспектам не рассматривалась.

В исследовании убранства и аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды мы выборочно использовали методы математической статистики, предложенные В.Ф. Генингом и его соавторами [327, с. 71–91], для анализа погребальных памятников. При суммарной характеристике элементов убранства мы представляли данные в абсолютных и относительных (частость

совокупности, в процентах) показателях. Затем мы вычисляли норму распределения путем деления суммы процентных показателей каждого признака на количество выборок, участвующих в суммарной характеристике. После мы вычисляли тенденцию признака путем деления процентного содержания признака в каждой выборке на норму его распределения. В настоящем исследовании мы вычисляли тенденцию встречаемости категорий убранства в выборках, обусловленных задачами исследования. Задачами подобного анализа являются:

– выявление гендерных особенностей в предпочтении кочевниками различных категорий убранства и аксессуаров;

– определение зависимости выбора украшений от социально-имущественного положения индивида;

– установление степени единства ассортимента убранства, аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды и различий, которые могли возникнуть вследствие большого территориального разброса рассматриваемых памятников.

«...Тенденция признака показывает, во сколько раз встречаемость признака в выборке отличается от нормы распределения... При нормальном распределении признака тенденция стремится к единице. Это значит, что количественный показатель признака близок к среднеарифметическому – норме распределения или, другими словами, распределение признака во всех выборках будет примерно одинаковым... тенденция признака позволяет оценить встречаемость признака в выборке по отношению ко всему массиву: пониженную – при показателях менее 1,0, нормальную – в пределах 1,0, повышенную – более 1,0» [327, с. 85–87]. После определения тенденции встречаемости признака можно установить, к какой категории признаков он относится (к всеобщим, локальным «чистым», локальным «по тенденции», частным «чистым», частным «по тенденции»). По определению В.Ф. Генинга и его соавторов, «всеобщие – признаки, примерно в равной степени характерны для всех сравниваемых выборок... Можно ввести и критерий: величина тенденции признака в одной выборке не должна сильно превышать тенденцию этого же признака для других выборок, скажем, в два раза...» [327, с. 88–89]. Локальные признаки характерны лишь для части сравниваемых выборок. «Чистые локальные признаки фиксируют примерно равномерную встречаемость признака в нескольких выборках и полностью исключают его присутствие в остальных. Локальные по тенденции фиксируют повышенную встречаемость признаков в ряде выборок, что не исключает их присутствия в остальных, в которых, однако, тенденция понижена» [327, с. 89–90]. Частные признаки характерны для какой-то одной выборки. «По аналогии с локальными здесь также предлагается различать чистые частные признаки и частные признаки по тенденции. Первые присутствуют лишь в одной выборке, потому всегда имеют здесь чрезвычайно высокую тенденцию и полностью отсутствуют в других; частные признаки по тенденции лишь значительно преобладают в одной выборке, но в незначительном количестве могут присутствовать и в других» [327, с. 89–90].

Исследуя социокультурный фон, отраженный в убранстве и аксессуарах костюма кочевников Золотой Орды, мы использовали выборочно методы, которые применяли Г.А. Федоров-Давыдов [319, с. 116–119], В.В. Кравец [166, с. 326–329], В.А. Иванов [138, с. 15–23] при изучении социального аспекта, а также основные выводы их исследований. Так, например, В.В. Кравец статистически проанализировал взаимовстречаемость некоторых элементов убранства костюма кочевников XIII–XIV вв. лесостепного и северостепного Подонья с социально-значимыми предметами в погребении. Автор в своем исследовании приходит к выводу, что к вещам, имеющим высокую ранговую атрибуцию, можно отнести модели казанов, казанков, чаш с дужками, размещенных у ступней погребенного. Выявив отсутствие жесткой связи между количественными параметрами поясного набора и комплексом социально маркирующих вещей в погребениях кочевников, исследователь отмечает, что наборные пояса из драгоценных металлов к социально-значимым вещам относятся опосредованно – через известную связь между имущественным положением человека и его социальным статусом. Таким образом, В.В. Кравец приходит к заключению, что в погребениях кочевников Золотой Орды «наборные пояса следует рассматривать в одном ряду с прочими изделиями из драгоценных металлов» [166, с. 328]. Г.А. Федоров-Давыдов на основе исследования специфики погребального инвентаря разделит женские и мужские погребения на социально-имущественные разряды [319, с. 116–119].

Археологические памятники, материалы которых использовались в настоящем исследовании, представлены в приложении I (табл. 1.1; 1.2; 1.3). В нем приведены погребальные комплексы кочевников Восточной Европы, датированные исследователями XIII–XIV вв. В тех случаях, когда погребальные комплексы не подвергались антропологическому исследованию, мы определяли принадлежность к полу погребенного по наличию специфического инвентаря в погребении. Однако количество таких погребений весьма незначительно, так как приоритет мы отдавали погребениям с антропологически определенным полом. При определении пола погребенного нами также учитывались особенности погребального инвентаря, характерные для кочевников эпохи Золотой Орды, в частности – наличие в погребении серег и других украшений не свидетельствует о том, что мы имеем дело с погребением женщины, поскольку данный вид украшений встречается как в мужских, так и в женских погребениях. На основе статистического анализа распределения категорий вещей в комплексах с антропологически определенным полом захороненных исследователями был определен инвентарь, характерный для мужских и женских погребений кочевников Улуса Джучи [136, с. 27; 319, с. 116–119]. Для сравнительного анализа встречаемости украшений и аксессуаров (или их типов) по признаку пола погребенных мы использовали данные 332 захоронений, из них 227 женских захоронений, 105 – мужских. При отсутствии характерных вещей, которые бы нам давали возможность определить принадлежность к полу погребенного, мы заносили информацию по погребению в базу данных без определения пола. Но при проведении общих статистических расчетов, не связанных с изучением особенностей мужского и женского костюма, эти данные учитывались.

Таким образом, социокультурная интерпретация элементов убранства и аксессуаров костюма кочевников Золотой Орды возможна лишь с привлечением широкого спектра источников, учитывая характер культурных заимствований, семиотические аспекты функционирования костюма в средневековом кочевом обществе, эстетические принципы и особенности художественно-орнаментального строя.

ГЛАВА II.

УКРАШЕНИЯ В УБРАНСТВЕ КОСТЮМА КОЧЕВНИКОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

2.1. Украшения для головы: украшения головных уборов, серьги

Украшения головных уборов

Головной убор в традиционном обществе был одним из самых значимых элементов костюма. Особенно высоким семиотическим статусом обладал женский головной убор, так как он являлся маркером половозрастного и социального статуса женщины [208, с. 103–106].

Характеристика украшений головных уборов.

Рассмотрим украшения головных уборов, зафиксированные в погребениях кочевников Золотой Орды. Следует отметить, что в работах, посвященных реконструкции, типологии форм и семантике головных уборов, внимание уделяется также особенностям их декора [108, с. 54–61; 224, с. 42; 249, с. 129–133]. Прежде чем перейти к подробному рассмотрению археологических материалов, акцентируем внимание на письменных и изобразительных источниках, которые дают представление о деталях, служивших украшениями головных уборов населения Золотой Орды. Наиболее полное описание деталей, украшавших головной убор бокку, дано Гильомом Рубруком: «Эту бокку они покрывают драгоценной шелковой тканью... в середине, над капителью, или над упомянутым четырехугольником, они ставят прутик из стебельков, перьев или тонких тростинок длиной также в локоть и более. И этот прутик они украшают сверху павлиньими перьями и вдоль кругом перышками из хвоста селезня, а также драгоценными камнями. Богатые госпожи... прячут волосы свои, которые собирают сзади кверху головы как бы в один узел и полагают в упомянутую бокку, которую потом крепко завязывают под подбородком» [15, с. 100]. Плано Карпини следующим образом описывает убранство бокки: «...наверху бокка имеет один длинный и тонкий прутик из золота, серебра или дерева или даже перо» [15, с. 27]. Подобные головные уборы видел Ибн Баттута: «На голове хатуни – бугтак, т.е. нечто вроде маленькой короны, украшенной драгоценными камнями, с павлиньими перьями наверху» [11, с. 134]. Описание головного убора, схожего с обозначенным выше, дано Руи Гонсалесом де Клавихо: «А этот шлем очень высок и на нем было много крупного светлого и круглого жемчуга, много рубинов, бирюзы и других камней, очень красиво оправленных. Покрывало, ниспадающее на плечи, было расшито золотом, а наверху был очень красивый золотой веночек со множеством камней и крупного жемчуга... Верх его украшал большой султан, высотой в локоть, и от него некоторые перья падали вниз... Эти перья были связаны вместе золотой бечевкой, на конце которой (имелась) белая кисточка из птичьих перьев с камнями и жемчугом» [16, с. 125–126]. Головной убор монгольских женщин известен также по китайским средневековым источникам под названием «гу-гу». В «Мэн-да бэй-лу» указывается: «Все жены вождей имеют шапку гу-гу... Ее украшают темно-коричневыми узорчатыми вышивками или жемчугом и золотом. Сверху на ней еще имеется (торчащая вертикально) палочка» [14, с. 80]. В «Хэй-да ши-люе» по поводу украшения головного убора гу-гу сказано: «...люди из верхов украшают его цветами из зеленых перьев зимородка... а люди из низов – фазаньими перьями» [13, с. 137–148]. В «Юн-лэ да-дань» зафиксировано следующее описание убранства гу-гу: «Ее переднюю часть украшают крупными жемчужинами, уложенными (в виде) драконов, фениксов, домов, башен и пр. Швы на ней закрывают еще длинными связками жемчужин, а также выбитыми на железе (различными) изображениями и вышитыми шелком квадратами. Еще (к ней) прикрепляют (волнистыми) рядами крошечные цветки... На самой верхушке шапки имеется крест для (установления) бамбуковой трубки, в которую вставляют фазаньи перья и гребешки... Сзади в гу-гу

втыкаются пучки перьев. (Они) окрашены в разные цвета и похожи на летящие веера» [14, с. 81]. Описание гу-гу, аналогичное последнему, встречается в стихотворении «Сянчэ цибao» из сборника «Луаньцзин цзаюн» поэта Ян Юн-фу [306, с. 58]. Таким образом, письменные источники свидетельствуют об использовании в декоре головных уборов высокого украшения пером и употреблении разнообразных жемчужных композиций в местах соединения шапочки с навершием. Не менее информативны и изобразительные источники. На скале у подножия горы Богдо-Уула была изображена женщина в искривленном цилиндрическом головном уборе боктаг. Он имел наверху боковой выступ, а посередине – изогнутую веточку с четырьмя ответвлениями [243, с. 68–74]. По изобразительным источникам (рис. 4 – 2; 5 – 2; 47; 48) можно выделить следующие особенности в декоративном убранстве боктаг: 1) На определенных церемониях знатные дамы могли появляться в головных уборах без вертикального султанчика. На портретах монгольских императриц Будашири и Бабуши и на миниатюрах иранского круга бокки были украшены султанчиками и боковыми перьями. Однако на портретах императриц династии Юань вместо султанчика на верхушке головного убора были изображены шарик и боковое перо [108, с. 57]. 2) Бокки на иранских миниатюрах украшены были менее пышно, чем на юаньских образцах. Место соединения шапочки с навершием, которое в боктаг юаньских императриц украшали разнообразные жемчужные композиции (информация о декоре данного типа имеется и в письменных источниках [см.: 14, с. 81]), в иранских образцах декорированы скрученной шелковой тканью, напоминающей маленький тюрбан, обернутой вокруг навершия [108, с. 57]. 3) Ленты, изображенные на портретах, спускающиеся от нижнего края шапочек, которые затем перекрещивались под шеей и завязывались, выполняли утилитарную функцию [249, с. 132]. Но в то же время ленты, обшитые жемчугом (чаще ромбовидными жемчужными украшениями), являлись частью декоративного убранства бокки. На ленты крепились пластинки ромбовидные и в форме цветка [249, с. 132].

Приступая к анализу археологических материалов, характеризующих украшения головных уборов, отметим их (археологических артефактов) особенности по сравнению с другими видами источников. В погребальных памятниках фиксируются лишь фрагменты головных уборов или их декора – украшения из металла, стекла, раковины «каури» (рис. 6), но значительно реже сохраняется органическая основа – береста, ткань, кожа, войлок. Истлевая от времени, украшения головного убора меняли свое расположение, поэтому сложно восстановить не только сам облик головного убора, но и место некоторых деталей на нем. Прежде всего это касается бисера и бусин зачастую де локализованных ввиду округлой формы и малых размеров. Антропогенные и природно-климатические факторы затрудняют реконструкцию головного убора. Кроме того, в отчетах и публикациях остатки головных уборов нередко интерпретируются как куски тканей, фрагменты халатов, берестяные подушки, обшитые тканью и т. п. Именно поэтому сейчас невозможно точно установить, насколько часто их (головные уборы) помещали в погребения, хотя ясно, что такие случаи были нередки.

В женских кочевнических погребениях XIII–XIV вв. головные уборы встречаются довольно часто. По данным Г.А. Федорова-Давыдова, к середине 60-х годов они были встречены в 22 захоронениях [319, с. 36]. Нами были учтены данные 83 кочевнических погребений XIII–XIV вв., в которых были обнаружены фрагменты головных уборов. Из них в 73 погребениях были найдены берестяные фрагменты (табл. 2), в 10 захоронениях – кожаные и шерстяные шапочки. Изучение археологических материалов позволило предположить, что у кочевников Золотой Орды бытовали головные уборы, изготовленные из берестяных каркасов различных форм (их мы рассмотрели в предыдущей главе), из металлических деталей (курган в Павлодарской области [25, с. 54–59]; Кула-Айгыр [44, с. 230–239, рис. 1–5]), а также из кожи и шерсти. *Головные уборы из берестяных каркасов* встречались в погребениях *повсеместно*, но повышенную тенденцию к распространению обнаруживали на территории от Южного Приуралья до Волго-Донского междуречья включительно (табл. 2).

Как показывают результаты статистического анализа, в золотоордынских комплексах бокка обнаруживает устойчивую взаимовстречаемость с бронзовыми зеркалами [141, с. 203]. Боктаг представлял собой довольно сложное украшение из дерева и коры. Основу бокки обычно составлял арматурный каркас из тонких веточек или прутиков. Сверху он обтягивал-

ся берестой, которая сшивалась толстыми нитками. Бокки могли быть декорированы перьями, деревянными или металлическими прутиками, бусами, нашивными бляхами, нитками жемчуга, цилиндрическими подвесками и т.п. Для соединения бокки с шапкой-колпаком достаточно было распороть верхнюю часть выступа-хохолка, вставить в образовавшееся отверстие берестяную трубку бокки и пришить ее к матерчатой основе [224, с. 42].

В рассмотренных нами погребениях евразийских кочевников эпохи Золотой Орды были зафиксированы остатки берестяных фрагментов головных уборов, которые были представлены несколькими формами: цилиндрические, с одинаковым диаметром по всей длине; цилиндрические, с большим диаметром на одном из концов (конические и усеченноконические) и в форме «сапожка». В большинстве случаев они представляют собой полые цилиндры, свернутые из нескольких слоев бересты и прошитые по краю. Отличаются в основном размерами. Декор таких головных уборов не был унифицированным. Среди элементов, украшавших рассмотренные бокки в виде «сапожка», следует назвать бусы, раковины «каури», металлические бляшки, цилиндрические украшения, деревянный султанчик, нашивки из кожи. Для каждого головного убора в виде «сапожка» наличие или отсутствие обозначенных украшений было индивидуальным.

В некоторых погребениях на берестяной трубочке сохраняются остатки покрывавшей ее ткани и нашивные металлические бляхи (Тлявгуловский-I кург.4; Линевский кург.5; Ново-Кумакский гр. III кург.7 погр.1; Хабарный-I кург.7; II верста Илецкой Защиты кург.29; Колпакский-I кург.3; За Малым Узенем кург.18; Уральские кург.5 и др.). Дополнительными украшениями женского головного убора являлись бляхи и подвески различных форм, бусы, кисточки, нашивки из бересты и кожи, деревянные султанчики и раковины «каури».

Локализация украшений головных уборов в погребениях и их аналоги.

Возможно, какого-либо «серийного» производства рассматриваемых украшений в кочевнической среде налажено не было, и в большинстве случаев при необходимости для декора головных уборов использовались совершенно случайные предметы, соответствующие по форме и размерам. Например, у левого плеча погребенной женщины в кургане 5 могильника у поселка Урал в Оренбургской области, была найдена квадратная серебряная бляшка с растительными, зооморфными изображениями и арабской надписью (рис. 6 – 14; известны аналоги рассматриваемому украшению – рис. 6 – 15). Данное изделие относилось к украшениям головного убора, но в действительности, как определили исследователи, оказалось украшением кожаного пояса – зуннара, который должны были носить христиане, проживающие в мусульманском средневековом Иране [50, с. 98–102]. Однако, как свидетельствуют об этом изобразительные источники [108, с. 54, рис. 1/5–7; 249, с. 132, рис. 1/2,5], к специальным украшениям головных уборов относились цилиндрические подвески, бляшки и ромбовидные украшения. Подобные изделия встречались также в погребениях кочевников, они были локализованы возле берестяных фрагментов головных уборов различных форм (конусовидные, цилиндрические, в виде «сапожка»). Исследователи, реконструируя бокку, выделяют цилиндрические подвески (рис. 7; 8) как декоративное украшение данного убора [108, с. 54, 59, рис. 1/5–7; 224, рис. 5]. Действительно, 50% рассмотренных нами цилиндрических украшений в погребениях кочевников Золотой Орды находилось возле берестяных фрагментов головных уборов (табл. 3). Однако 40% обнаруженных цилиндрических амулетов встречалось в погребениях, не содержащих головные уборы, и локализованы эти изделия были в области груди, руки и у стенки могильной ямы (табл. 3). Можно предположить, что цилиндрические подвески использовались в качестве украшений не только головных уборов, но и одежды. Так, в погребении у с. Зарагиж цилиндрическое изделие было зафиксировано в составе сложного шейно-нагрудного украшения, которое крепилось к платью в области горловины [113, с. 79, рис. 59] (рис. 16). Жемчужные ромбовидные украшения были обнаружены у берестяного цилиндрического головного убора в погребальном памятнике Казахстана [21, с. 62, рис. 2/4] (Бозок погр.2 раскоп 5), аналогичный декор встречается на миниатюрах, изображающих боктаг (рис. 4 – 2; 47).

Семантика и особенности использования украшений головных уборов по половозрастному признаку.

Исследователи отмечают, что археологически бокка фиксируется только в погребениях женщин зрелого и старческого возраста, а девушки до 20 лет носили шапки без наверхия [224, с. 42]. Этот факт имеет подтверждение во всех видах источников [355, с. 122]. Плано Карпини отмечает, что «...молодых женщин с большим трудом можно отличить от мужчин, так как они одеваются во всем так, как мужчины. Шапочки у них иные, чем у других народов; описать, понятно, их вид мы бессильны» [15, с. 27]. В десяти из рассмотренных нами погребениях были зафиксированы шапочки из ткани (рис. 6 – 9) и кожи без берестяных деталей, причем они были обнаружены как в мужских, так и в женских погребениях. Для подобных головных уборов нехарактерным было наличие дополнительных украшений, лишь в одном погребении бляшки и бусы украшали шапочку покойной женщины (Сукраковские-II кург.3).

По свидетельствам изобразительных (рис. 4 – 2; 5 – 2; 47; 48) и археологических источников, можно отметить, что для головных уборов не было характерно их унифицированное декоративное оформление. Однако некоторые элементы декора (например, ромбовидные и цилиндрические украшения) головных уборов в виде «сапожка» встречаются в оформлении берестяных конических (рис. 5 – 4) и цилиндрических головных уборов. З.В. Доде отмечает, что такое копирование элементов декора на тюркских головных уборах свидетельствует о значимости боктаг как общеимперского символа высокого социального статуса [108, с. 61]. Шапочки из ткани, обнаруженные в мужских и женских погребениях, в большинстве случаев, не имели дополнительных сохранившихся украшений.

Серьги

Данная категория убранства костюма кочевников Золотой Орды является наиболее распространенной (рис. 2 – 1; 3 – 1). Серьги изготавливались из металлической проволоки различного диаметра. Материал, из которого изготавливались украшения, – бронза, серебро, реже медь, золото. Как правило, в каждом погребении находилось по одному экземпляру, реже по два и более.

Характеристика серег, их типология и аналогии.

Из рассмотренных 467 кочевнических погребений XIII–XIV вв. серьги различных типов были обнаружены в 168 погребениях. Из 224 экземпляров серег типологии поддаются 192 экземпляра. В 26 погребениях определить тип серег оказалось невозможным в связи с плохой сохранностью изделий, или неполного описания их в публикациях материалов раскопок. Все серьги, обнаруженные в погребениях, были рассмотрены сквозь призму типологии серег и височных колец, разработанной Г.А. Федоровым-Давыдовым (рис. 2 – 1) [319, с. 37]. Серьги и височные кольца в нашем материале неразличимы между собой. Вводимые нами новые типы и варианты серег, которые дополняют уже разработанную типологию, были обозначены знаком «*».

Тип I (32 экз.). Кольцо из круглой в сечении проволоки, концы не сомкнуты. Иногда к серьге крепилась нитка с бусинами (табл. 4; рис. 10 – 1–7, 10–13, 16). Диаметр колец от 15 до 26 мм. Серьги типа I были встречены медные, серебряные и бронзовые. Из всех погребений, в которых были обнаружены серьги данного типа, мы отдельно рассмотрели 15 захоронений с антропологическими определениями. Это нам позволило выделить следующие моменты: во-первых, серьги данного типа представлены в мужских и женских погребениях, причем их количественное соотношение (мужских и женских комплексов с серьгами типа I) примерно одинаковое; во-вторых, такие серьги могли носить представители разных возрастных категорий – как дети, так и взрослые. Серьги типа I предпочитали носить в одном экземпляре, лишь в нескольких погребениях серьги были обнаружены в двух и более экземплярах (Казенная мельница кург.1; Колония Карраса кург.41; Новохарьковский погр.80; Сукраковские-II кург.3). Определить, с какой стороны носили рассматриваемые серьги, не представляется возможным, так как в большинстве случаев местонахождение серег точно не определено (с правой стороны от черепа серьги обнаружены в шести погребениях, с левой – в четырех). Подобные украшения бытовали очень широко как хронологически, так и территориально, в частности, на землях Руси X–XIV вв., в Волжской Булгарии [319, с. 40], в памятниках золото-

ордынского круга [68, с. 17, рис. 6/32,33; с. 37, рис. 28/6,11 и др.] и т.д. (рис. 10 – 8, 9, 14, 15, 17).

Тип II (4 экз.). Кольцо с несомкнутыми концами, один конец закручен в петлю, другой загнут для закрепления в петле (табл. 4; рис. 10 – 18, 19, 28, 40). Диаметр колец от 14,3 до 25 мм. Диаметр проволоки в сечении от 1,3 до 2 мм. Возможно, петля служила для крепления подвески. Чаще встречаются подобные серьги из серебра (14 экз. в памятниках золотоордынского круга Среднего Подонья), реже из бронзы и меди. Чаще рассматриваемые изделия встречались в женских комплексах (семь погребений; здесь указаны данные по погребениям кочевников и памятникам золотоордынского круга), чем в мужских (три погребения). В пяти захоронениях (из них четыре погребения относятся к памятникам золотоордынского круга) серьги встречены в двух экземплярах и, как правило, они находились по обе стороны от черепа. Данный тип серег отнесен к датированным артефактам, характерным для конца XIII–XIV вв. Серьги типа II имели широкий территориальный диапазон распространения, они были обнаружены в кочевническом памятнике конца XIII – начала XIV вв. Телеутский Взвоз-I в лесостепном Алтае [309, с. 50–52, рис. 30; 32] (рис. 10 – 26, 27), на юге Средней Сибири в могильнике Усть-Талькин (XII–XIV вв.) [231], в золотоордынском городе Укек [227, с. 41, рис. 7/3], в Волжской Булгарии в комплексах XIV в., в мордовских памятниках XIV в. [60, с. 64; 61, с. 324, табл. 3/14,15], в лесостепной зоне Башкирского Приуралья [77, рис. 20/13] и в памятниках золотоордынского круга на Дону (рис. 10 – 20–25, 29–39; 21 экз.) – Таганский грунтовый могильник погр.14 [206, с. 17], Новохарьковский могильник погр.8, 21, 26, 31, 41, 46, 48, 69, 79, 80, 88, 89, 91, 95, 106, 119, 131 [68, с. 17, рис. 6/32,33; с. 37, рис. 14/10,25,27; с. 67, рис. 14/14,15,28].

Тип III (2 экз.). Кольцо, оба конца которого соединены крупной бусиной (табл. 4). Аналогичная золотая серьга с насаженным полым шариком была найдена в Баймакском районе Башкирии в кургане 1 могильника Комсомольский-VI в одном экземпляре у левого виска. А.Х. Пшеничнюк датировал курган рубежом XII–XIII вв. [262, с. 72, рис. 8/1]. В погребении у станицы Натухаевская золотоордынского времени была обнаружена биметаллическая серьга типа III (рис. 12 – 23). Форма и конструкция серьги сближают ее с серьгами из нижнедонских половецких погребений XI–XII вв.: Белая Вежа кург.37; Федоровка-I кург.1 погр.6 [234, с. 73]. Этот факт представляет определенный интерес в свете поднимаемого в последнее время вопроса о проникновении в XIII в. кочевнических элементов в культуру средневековых адыгов, связанного с татаро-монгольскими вторжениями в восточноевропейские степи, когда часть половцев нашла спасение, укрывшись в землях адыгов, прежде всего в районе Анапы – Новороссийска. К числу привнесенных элементов можно отнести и кочевнические серьги с напускным шариком, которые в адыгской (или адыго-половецкой) среде претерпели некоторую модернизацию, обретая со временем, вместе с другими украшениями местных типов, новые детали декора – скань, зернь. Этот стиль стал традиционным для ювелирных изделий адыгского населения района Анапы – Новороссийска в XIV в. [234, с. 73].

Тип VI (108 экз.). В виде «знака вопроса» проволочные серьги, верхняя часть которых представляет кольцо с отходящим вниз вертикальным проволочным стержнем (табл. 4; рис. 11; 12 – 1–13). Кольцо несомкнутое. В зависимости от деталей украшения нижней части серьги можно выделить следующие варианты этого типа (в 36 погребениях кочевников Золотой Орды определить вариант серег типа VI не представилось возможным).

Вариант а (5 экз.). Двусоставной стержень, обе части стержня обмотаны тонкой проволокой (табл. 4; рис. 11 – 1, 2). На конце нижнего звена – бусина на тонкой проволочной петле. Все серьги (золотые или бронзовые) были найдены в женских погребениях, причем в двух случаях из четырех серьги принадлежали девочкам-подросткам. Аналогичные двусоставные серьги были обнаружены в Башкирском Приуралье [77, рис. 20/5,7], в составе кладов золотоордынских украшений [295, с. 80, 305–306], в Волжской Булгарии [54, рис. 52]. Подобные серьги отличались по форме бусин.

Вариант б (75 экз.). Односоставной стержень, перевитый тонкой проволокой и с бусиной на конце (в некоторых случаях с двумя бусинами), на тонкой проволочной петле (табл. 4; рис. 11 – 3–18, 20, 22, 24–30, 32). Данные серьги являются самыми распространенными среди

серег VI типа. Рассматриваемые серьги были изготовлены из меди (1 экз.), бронзы (15 экз.), серебра (25 экз.) и золота (17 экз.); они украшались напускными жемчужинами, бусинами различных форм (овальные, грушевидные, круглые) и цветов. Серебряные и бронзовые бусины иногда декорировались орнаментом. В большинстве случаев серьги «варианта б» в погребениях обнаружены по одному экземпляру, в 19 погребениях они встречены в двух и более экземплярах. Моды на ношение серег с правой или левой стороны, видимо, не существовало, в погребениях они встречаются и справа, и слева. Как правило, парные серьги изготовлены из серебра или золота, реже – бронзы. Причем серьги в таком количестве в трех погребениях были изготовлены из разных материалов. Можно предположить, что носить серьги в двух экземплярах могли себе позволить только более состоятельные представительницы женского пола. Это предположение подтверждается находкой двух экземпляров серег в богатом погребении женщины в мавзолее Маячный бугор Астраханской области [58, с. 5, рис. 4/5] и изображительными источниками (см. рис. 47 на цветной вкл.). Серьги данного варианта были характерны для убранства женского костюма, т.к. в большинстве случаев они были обнаружены в погребениях женщин. Однако подобные золотые украшения были обнаружены в трех погребениях мужчин, которые содержали предметы вооружения или доспехи. Аналогичные серьги были обнаружены в памятниках золотоордынского круга Среднего Подонья (рис. 11 – 19, 21, 31; Таганский раскоп 3 погр.8; Новохарьковский погр.48, 50, 60), кочевнических памятниках Центрального и Восточного Казахстана (рис. 11 – 33; Тасмола кург.2; рис. 11 – 23; Бозок раскоп 5 погр.2), в Симферопольском кладе [295, с. 305, 306], в золотоордынских городах [227, с. 41, рис. 7/4,6,18; 123, с. 90, 119–121], в Новгороде в слоях XIII–XIV вв. [278, с. 16] и Брик-Алгинском местонахождении в Башкирском Приуралье [77, с. 110, рис. 20/4,9].

Вариант в (8 экз.). Односоставной стержень без обмотки, с бусиной или ромбическим украшением на конце (табл. 4; рис. 11 – 34). Диаметр колец 1,6–2,1 см. Серьги данного варианта встречались из золота (2 экз.), серебра (2 экз.), бронзы (3 экз.). Они обнаружены в женских погребениях (в одном памятнике пол погребенного не определен). Судя по антропологическим определениям Новохарьковского могильника [68, рис. 28/25] (рис. 11–35; погр.133) и могильника у с. Маляевка Волгоградской области [125, с. 139], подобные серьги носили женщины 30–50 лет. Аналогии имеются в золотоордынском городе Укек (рис. 11–35).

Вариант д (9 экз.). С простым односоставным стержнем без обмотки, заостренным книзу (табл. 4; рис. 12 – 1–5, 7). Диаметр кольца в среднем составляет 2,5 мм. В большинстве случаев серьги были обнаружены с левой стороны от черепа. Они были серебряные (3 экз.), бронзовые (3 экз.), медные (1 экз.). В погребениях кочевников Золотой Орды рассматриваемые украшения встречались чаще в одном экземпляре и, как правило, в женских погребениях, исключение составляет памятник Каменная Балка (рис. 12 – 4; погр.3), в котором был погребен мужчина. В составе погребального инвентаря, встреченного с серьгами данного варианта, не было дорогих изделий, тканей, предметов, выполненных из золота, но встречались изделия из серебра. В женских погребениях не было обнаружено социально значимых элементов материальной культуры кочевников. В рамках рассматриваемого аспекта уточнений требует социальное положение погребенного в Каменной Балке (погр.3), т.к. это единственное мужское погребение с серьгой типа VI д, в котором зафиксированы признаки «всадничества», предметы вооружения и бронзовая чаша. Аналогичная серьга была найдена в Новохарьковском могильнике (рис. 12 – 6; погр.55). Подобное изделие, но с обмоткой из проволоки было найдено в Башкирском Приуралье [77, с. 110, рис. 50/8].

Вариант е (1 экз.). Двусоставной стержень, перевитый тонкой проволокой, с бусиной на конце и бабочковидной петлей в средней части (табл. 4; рис. 12 – 8).

Вариант з* (2 экз.). Односоставной стержень, обмотанный бронзовой проволокой, конец оформлен в форме «ежевике» (табл. 4; рис. 12 – 12, 13). Серьги были изготовлены из серебра и бронзы. Подобные серьги были обнаружены в Новохарьковском могильнике (рис. 12–9; погр. 14; рис. 12 – 10; погр.27; рис. 12 – 11; погр.75; погр.80) и христианском могильнике на городище Верхний Джулат [213, с. 102–103, рис. 8/4,5] (погр.58).

На основе серег в виде «знака вопроса» сформировался тип массивных позднесредневековых украшений, характерных для ювелирного убора населения Молдавского княжества.

Подобные серьги украшались тремя подвесками, в которых использовались гладкие тисненые и ажурные бусины (рис. 12 – 36). Такие украшения найдены при раскопках Старого Орхея и Сучавы (погребения 17 и 92), где они датируются XV–XVI вв. [18, с. 143]. О проникновении моды на подобные украшения на территорию Юго-Восточной Европы свидетельствуют их находки на территории современной Румынской Молдовы. Данные артефакты также были обнаружены в захоронениях в долине на Ижорском плато [18, с. 142].

Тип VII (1 экз.). В виде сплошного литого кольца (табл. 4). Аналогичная бронзовая серьга была обнаружена на Дону в памятнике золотоордынского круга (рис. 12 – 14; Новохарьковский могильник погр.9).

Тип X (2 экз.). Несомкнутые, с бусиной на одном из концов (табл. 4; рис. 12 – 15).

Тип XII (2 экз.). Проволочное кольцо с заходящими друг на друга концами (табл. 4). Аналогичные серьги были обнаружены в Новохарьковском могильнике (рис. 12 – 16–20; 10 экз.; погр.6, 7, 8, 22, 48, 99, 110, 137) [68, рис. 14/11; 28/9,27,28]. Серьги с заходящими концами были элементом убранства погребенных женщин 30–39 лет могильника золотоордынского круга.

Серьги IV и V типа в рассмотренных нами источниках не были обнаружены. В опубликованных археологических материалах, которые мы анализировали, иногда отсутствовали детальные описания и изображения погребального инвентаря. В таких случаях, необходимо оставлять рассмотрение некоторых аспектов на будущее, до накопления данных. Серьги IV и V типа по исследованию Г.А. Федорова-Давыдова в золотоордынский период встречались в Поросье, Поднестровье и Поволжье [319, с. 39]. Отмечая этот факт, ученый оперировал, главным образом, находками в городах – Болгары, Селитренное, Царев, Увек (Маджары) и кладях – Княжая Гора, Пивцы, Войнешты. В погребениях кочевников они встречались редко (Визенмиллер-III, к.5 – Поволжье; случайная находка – Кизилы, Северный Кавказ). Задача настоящего исследования – выявление общей тенденции. По указанным выше причинам и причине непредставительности элементов костюма на уровне типов, в обобщенном статистическом анализе мы «укрупняли» признаки до уровня «категорий убранства» (табл.78).

Выше были рассмотрены типы серег, имевшие хождение в кочевнической среде, по типологии, разработанной Г.А. Федоровым-Давыдовым. Но в памятниках кочевников были обнаружены уникальные, редко встречающиеся серьги, не вписывающиеся в рамки разработанной типологии. В результате раскопок, проводимых Рыковым в 1924 г. в Волгоградской области (Слобода Рудня кург.1) [79, табл. XII/8], было обнаружено проволочное кольцо с несомкнутыми концами, на одном из которых имелись отростки (рис. 12 – 21). В могильнике Солодовка-II кург.7 погр.1 были обнаружены фрагменты двух серег, состоящие из проволочных колец, с заведенными концами друг за друга. К каждому кольцу крепились две тонкие штампованные бляшки в виде пятиконечной звезды (см. рис. 39 – 3 на цветной вкл.). В могильнике Мамай-Гора (вост. гр. кург.3) у челюсти погребенного находилось округлое височное кольцо из черного непрозрачного стекла (рис. 12 – 24). В могильнике Шляховский-III (кург.1 погр.1) по обе стороны от черепа находились четыре крестовидные подвески с бусинами, насаженными на концы каждого из трех лучей (рис. 12 – 22).

Особый интерес представляют две серьги из Новохарьковского могильника: к ним были прикреплены серебряные цепочки длиной 20 см. Они состояли из согнутых колечек, подвешенных друг за друга [68, рис. 21/1]. Можно предположить, что эти серьги соединялись под подбородком цепочкой. Для аналогии такого способа ношения серег отметим, что в более позднее время данный тип ношения серег был характерен для марийцев, челябинских и курганских башкир. Известны и ранние прототипы подобного способа ношения височных украшений, например, в древнемадьярском Больше-Тиганском могильнике, в Урьинском могильнике в Пермском Приуралье и т.д. Исследователи отмечают, что серьги, соединенные подбородной цепочкой, не всегда воспринимались как ушное украшение, в некоторых случаях их прикрепляли к тесьме, перекинутой через темя [343, с. 130].

Распределение серег по локальным группам.

Всего в рассматриваемых погребениях были встречены серьги семи типов: I, II, III, VI, VII, X, XII. Распределение типов серег золотоордынских кочевников по локальным группам

представлено в таблице 10 (в абсолютных показателях) и таблице 11 (в процентах). Из данных таблиц следует, что имеющиеся выборки анализируемых погребений неравнозначны по своему объему. Поэтому, чтобы представить типы серег, присущие для каждой из выделенных локальных групп, следует ввести коэффициент вероятности (R), который с высокой степенью точности позволит нам выявить признаки, характерные для каждой из рассматриваемых групп погребений. При $R = 0,9-0,95$ мы можем считать (табл. 11), что для приуральских кочевников (при уровне представительности показателей распределения признаков 3%) периода Золотой Орды представительными признаками являются серьги типа I, VI (вариант б); для кочевников Поволжья (Нижняя Волга – порог значимости 5%; Средняя Волга – 4%) – серьги типа VI (вариант б); для степей от Волги до Днепра (Волго-Донское междуречье – порог значимости 5%; Дон – 12; Левобережная Украина – 11%) – серьги в виде знака вопроса и типа I; для памятников золотоордынского круга (порог значимости 6%) – серьги типа I, II, VI, XII; для Правобережной Украины (порог значимости 10%) – серьги VI типа.

В распределении рассматриваемых украшений по локальным территориям выявляются некоторые особенности. Поэтому необходимо исследовать тенденцию встречаемости типов серег и произвести их дифференциацию на всеобщие, локальные и частные. По определению В.Ф. Генинга и его соавторов, «всеобщие – признаки, примерно в равной степени характерны для всех сравниваемых выборок... Можно ввести и критерий: величина тенденции признака в одной выборке не должна сильно превышать тенденцию этого же признака для других выборок, скажем, в два раза...» [327, с. 88]. Локальные – характерны лишь для части сравниваемых выборок, «чистые локальные признаки фиксируют примерно равномерную встречаемость признака в нескольких выборках и полностью исключают его присутствие в остальных. Локальные по тенденции фиксируют повышенную встречаемость признаков в ряде выборок, что не исключает их присутствия в остальных, в которых, однако, тенденция понижена» [327, с. 89]. Частные – характерны для какой-то одной выборки, «по аналогии с локальными здесь также предлагается различать чистые частные признаки и частные признаки по тенденции. Первые присутствуют лишь в одной выборке, потому всегда имеют здесь чрезвычайно высокую тенденцию и полностью отсутствуют в других; частные признаки по тенденции лишь значительно преобладают в одной выборке, но в незначительном количестве могут присутствовать и в других» [327, с. 89–90].

Результаты подобного анализа позволяют установить степень единства элементов убранства костюма (в данном случае типов серег) и различия, которые могли возникнуть вследствие большого территориального разброса рассматриваемых территориальных групп и исторических факторов, которые влияли на формирование материальной культуры Улуса Джучи.

По имеющимся результатам статистического анализа, приведенным в таблице 12 и 13, можно констатировать тот факт, что к всеобщим признакам, одинаково характерным для убранства костюма кочевников всех локальных групп Золотой Орды, относятся серьги в виде знака вопроса.

К локальным признакам относятся серьги I, II типа (табл. 13). Серьги в виде несомкнутого кольца обнаруживают повышенную тенденцию встречаемости между Волгой и Днпром, пониженную, в Волго-Уральском регионе. Кольцевидные серьги с петлей на одном из концов показывают повышенную тенденцию к распространению на Средней Волге и на Дону, для комплексов Южного Приуралья это тоже характерный элемент (так как тенденция встречаемости на этой территории равна единице). К «чистым» локальным признакам относятся серьги типа X, распространенные на Средней Волге и в Волго-Донском междуречье. Серьги III, VII, XII типов характеризуются как «чистые» частные признаки, т.к. они распространены на какой-то одной локальной территории (III – Правобережная Украина; VII – Южное Приуралье; XII – Нижняя Волга).

Особенности использования серег по признаку возраста.

Особый интерес представляет исследование тенденции встречаемости серег в различных возрастных категориях кочевого населения Золотой Орды. Из имеющейся на данный момент базы данных археологических источников нами были отдельно рассмотрены погребения кочевников, подвергавшиеся антропологическим исследованиям, что позволило выделить

следующие возрастные категории (табл. 5; 6): 1) первый детский возраст (до 7 лет; 12 погр.); 2) второй детский и юношеский (от 7 до 18 лет; 12 погр.); 3) средний (молодой и зрелый возраст от 18 до 50/55 лет; 59 погр.); 4) старческий (старше 50/55 лет; 17 погр.). Выделяя четыре возрастных периода, мы основывались на антропологических данных погребений кочевников и, по возможности, на предложенной учеными палеоантропологической возрастной периодизации [307, с. 160]. Учитывая особенности антропологической периодизации и исторические реалии, вместо второй категории (7–18 лет) следовало бы выделить два периода: 7–14 и 14–18 лет. Однако малочисленность захоронений с погребенными в возрасте от 7 до 14 лет (1 погребение), подвергавшихся антропологическому исследованию, не дает нам возможности выделить в отдельную выборку данный возрастной период для вычисления тенденции встречаемости. Поэтому наша периодизация носит условный характер и при интерпретации выводов необходимо это учитывать.

Сравнительный анализ четырех возрастных групп проводился по методике, предложенной В.Ф. Генингом и его соавторами [327, с. 71–74, 137–149, 84–91]. Цель анализа – выявить общие и отличительные черты в использовании серег в убранстве костюма кочевников различных возрастных градаций. Для этого необходимо установить тенденцию признака – в данном случае тенденцию встречаемости серег. Для анализа были выбраны серьги двух форм (кольцевидные и в виде знака вопроса), т.к. именно они получили наибольшее распространение среди кочевников Улуса Джучи. Суммарные абсолютные показатели признаков серег по каждой возрастной группе заносились в таблицу (табл. 6), затем выполнялась вся процедура сравнительного анализа: абсолютные показатели переводились в относительные, вычислялись норма распределения и тенденция признаков. По имеющимся результатам, приведенным в таблице 6, выявляются некоторые особенности. Кольцевидные серьги обнаруживают повышенную или нормальную тенденцию встречаемости в погребальных комплексах подростков и представителей старческого возраста (в захоронениях детей и индивидуумов среднего возраста – тенденция понижена), серьги в виде знака вопроса – в погребениях кочевников всех возрастных градаций, кроме детских захоронений (в которых данные изделия обнаружены не были). Тенденция встречаемости серег типа VI постепенно увеличивается в соответствии с увеличением возраста погребенных. Так, во второй возрастной категории тенденция встречаемости данного признака составляет 0,95, в третьей – 1,4, в четвертой – 1,7. Что касается материалов, из которых были изготовлены серьги, то на основе данных, приведенных в таблице 5, можно сделать вывод: для погребенных детского возраста характерны бронзовые и серебряные серьги; для второго возрастного периода – серебряные, реже золотые; для среднего возраста – серебряные, золотые, реже – бронзовые; для старческого возраста – серебряные, бронзовые, медные и золотые. Следует отметить, что для погребенных высокого имущественного положения, а как следствие и высокого социального статуса были характерны украшения из драгоценных металлов.

Особенности использования серег по признаку пола и социального положения.

Сравнительный анализ встречаемости различных типов серег в мужских и женских захоронениях кочевников XIII–XIV вв. (табл. 7) проводится по той же методике, которая применялась для сравнительного анализа по возрасту погребенных. Цель подобного исследования – выявление гендерных особенностей в предпочтении кочевниками различных типов серег. Для сравнительного анализа было привлечено 332 погребения, из них 227 женских захоронений, 105 – мужских. Из данных таблицы 7 следует, что кольцевидные серьги обнаруживают нормальную тенденцию встречаемости (1,0) как в мужских, так и в женских погребениях. Серьги в виде знака вопроса были нехарактерны для убранства мужского костюма кочевников Золотой Орды, т.к. они обнаруживают пониженную тенденцию встречаемости (0,2) в мужских погребениях. В захоронениях женщин тенденция распространения данных украшений является повышенной (1,8). Любые обобщенные данные нуждаются в конкретизации и уточнении. Так, кольцевидные серьги были обнаружены в десяти мужских погребениях, причем большинство из них содержало предметы вооружения (8 захоронений). Эти данные соответствуют тезису В.А. Иванова о том, что серьги в виде несомкнутого кольца в большинстве случаев были встречены в погребениях, содержащих предметы вооружения [141, с. 203].

Также исследователь утверждает, что данный тип серег являлся социальным знаком, символом мужчины-воина [141, с. 203]. Но в данном случае следует отметить, что серьги типа I встречались и в десяти женских погребениях (только в одном погребении было зафиксировано наличие стрел, в остальных – предметы вооружения не представлены). Следует отметить, что в женских погребениях подобные серьги встречались чаще бронзовые, чем серебряные (золотых не встречено), в мужских – чаще выполненные из золота, реже – из серебра. Рассмотрим подробно особенности погребального инвентаря в захоронениях с серьгами типа I. Всего серьги типа I были обнаружены в 27 погребениях кочевников Золотой Орды. Нами была составлена таблица (табл. 8), в которой фиксировалось наличие в погребениях кочевников с серьгами типа I социально-маркирующих предметов [166, с. 328; 138, с. 21–22]. В результате полученных данных можно предположить, что кольцевидные серьги из золота относятся к вещам, имеющим социальную атрибуцию. Они были обнаружены в трех мужских погребальных комплексах, содержащих казаны или их модели в ногах, изделия из драгоценных металлов, поясные наборы (либо накладки на пояс), доспехи, предметы вооружения, признаки «всадничества» (в Старой Калитве признаков «всадничества» не было зафиксировано). Данный пример подтвердил состоятельность утверждения об интерпретации казана, его модели, чаши в ногах погребенных, как предмета, имеющего ранговую атрибуцию [166, с. 328]. Другая гипотеза, рассматривающая в качестве разных ступеней социальной и имущественной иерархии наличие в могиле целого остова коня, черепа и костей ног, сбруи без коня, не подтвердилась на данном примере (табл. 8) [138, с. 15–23]. Однако это не свидетельствует о несостоятельности данной гипотезы, так как был проанализирован один из аспектов материальной культуры кочевников Улуса Джучи на примере небольшой выборки. Из всего вышесказанного напрашивается вывод: только золотые серьги типа I, обнаруженные в мужских погребениях, предварительно можно интерпретировать как символ мужчины-воина. Позже серьгу в ухе стали носить казаки и калмыки. Исследователи не раз отмечали факты заимствования казаками элементов монгольской и тюркской культуры (в одежде, боевом строю, снаряжении и вооружении) [349, с. 203–204; 352, с. 266]. «У монголов серьги носили не только простолюдины, но и офицеры и сам хан, как можно видеть теперь на портретах ханов» [352, с. 266] (рис. 4 – 1). В целом кольцевидные серьги, обнаруженные в погребениях кочевников XIII–XIV вв., выполненные из других материалов (бронза, серебро), информацию о гендерной принадлежности, социальном статусе их владельцев не несут.

Рассмотрим особенности использования серег в виде знака вопроса в составе убранства костюма кочевников в зависимости от признака пола. Серьги типа VI были обнаружены в 83 женских (серебряные, бронзовые, золотые) и в пяти мужских погребениях (золотые – 3 погр. и серебряные – 2 погр.). Золотые серьги в виде знака вопроса были обнаружены в трех захоронениях мужчин (Солодовка-II, Сербка, Олень-Колодезь) с доспехами, оружием, признаками «всадничества» (табл. 9). Все это свидетельствует об особом имущественном и социальном положении погребенных (табл. 9). Но отличие данных погребений от мужских захоронений с золотыми серьгами типа I заключается в отсутствии в них казанов или их моделей у ног погребенных. Только в погребении Олень-Колодезь был зафиксирован серебряный ковш. Серьги типа VI преобладали в убранстве женского костюма (табл. 7).

Наличие серег в двух экземплярах было присуще для женских (35 погребений) и нехарактерно для мужских погребений (1 погр.), хотя на мужских портретах правящей монгольской династии встречаются изображения с парными серьгами (рис. 4 – 1). Следует отметить, что в захоронениях с золотыми предметами серьги имеют повышенную (1,5) тенденцию встречаемости (табл. 76).

Аналогии и семантика серег.

Завершив систематизацию и анализ типов серег, обнаруженных в памятниках кочевников Золотой Орды, хотелось бы сделать ряд обобщений и выводов. Наибольшее распространение в кочевнической среде имели серьги (табл. 10) из серебра (74 экз.), бронзы (60 экз.), реже встречались изделия из золота (25 экз.) и меди (4 экз.). Аналогии типам серег, обнаруженных в кочевнических памятниках Золотой Орды, встречаются в лесостепной зоне, в городах Золотой Орды и вкладах. Но некоторые типичные для золотоордынского периода

серьги не были обнаружены в погребениях кочевников. Это касается, например, кольцевидных серег, один из концов которых оформлен в виде головы змея-дракона, кусающего себя за хвост (рис. 12 – 38). Подобные серьги распространены были от Волгоградской области до Республики Молдовы [18, с. 143; 120, с. 142–188]. Некоторые типы и виды серег, обнаруженные в захоронениях кочевников Золотой Орды, были характерны для конкретных локальных групп. Наиболее распространенные серьги, имевшие хождение, главным образом, в кочевнической среде, по форме делятся на два типа: круглые и в виде знака вопроса. Очень редко на круглых серьгах встречается бусина. У изделий, выполненных в виде знака вопроса, в нижней части обычно имеется намотка, крепятся бусины, жемчужины, полудрагоценные камни и т.д. Серьги встречаются в большинстве случаев в женских погребениях, гораздо реже – в мужских. Неоднозначно в научной литературе трактуется вопрос об интерпретации серег в виде знака вопроса. М.К. Кадырбаев и Р.З. Бурнашева интерпретировали серьги в виде знака вопроса с этническим признаком кыпчаков и их западной ветви – половцев [148, с. 53]. Г.А. Федоров-Давыдов придерживался иного мнения: он отмечал, что такие украшения не имели характера этнического признака [316, с. 193]. Современные исследователи солидарны с обозначенным тезисом ученого [18, с. 139–153, 142; 141, с. 203; 218, с. 27]. Мы также считаем, что серьги в виде знака вопроса – элемент «имперской» надэтнической культуры. Отметим особенности в бытовании серег VI типа. Во-первых, украшения подобной формы, (не принимая во внимание нюансы в оформлении: размер, толщина проволоки, материал), были распространены долгое время у татар, казахов, узбеков, в Молдавском княжестве (рис. 12 – 36) [18, с. 142; 316, с. 193; 340, с. 173–185, рис. 2/5–8], Минской империи [214, с. 793] и т.д. У народов Волго-Камья в более позднем периоде они являлись этноопределяющим украшением, отличались по размерам, оформлению и способу ношения, о чем подробно изложено в монографии Т.Б. Никитиной «Марийцы». Во-вторых, подобные серьги встречались в золотоордынский период в мордовских памятниках [60, с. 64], в Пермском Предуралье [254, с. 14], Хорезме [316, с. 193], в захоронениях води на Ижорском плато [18, с. 142], погребениях христианского могильника на городище Верхний Джулат [213, с. 87–106, рис. 5/4,5; 8/4,5] и т.д. В-третьих, рассматриваемые серьги имеют широкий ареал распространения в памятниках кочевников XIII–XIV вв. от Западной Молдовы [18, с. 142] до Алтайского края [309, с. 28]. Следует отметить, что в эпоху Золотой Орды некоторые типы серег, наряду с серьгами в виде знака вопроса, обнаруживают широкий ареал бытования (тип I, II). Результаты статистического анализа выявили не только типы индифферентные к географическим ареалам, но и локальные комплексы, свидетельствующие о каких-то различиях внутри кочевнической ойкумены эпохи Золотой Орды.

2.2. Шейно-нагрудные украшения

Данная категория украшений преобладает в женских погребениях (рис. 13; 14; 15). В 161 погребении были встречены бусы. Они не всегда использовались в качестве шейно-нагрудного украшения. Чаще всего они встречаются в виде 1–2 экземпляров, или низки мелкого бисера. В зависимости от количества и локализации бус в погребении мы выделяем несколько категорий убранства костюма. Так, одна-две бусины, зафиксированные в изголовье, у шеи и груди, еще не представляют собственно ожерелье, они могли использоваться в качестве привески или элемента серег [188, с. 250]. Три-пять бусин в области шеи и груди представляют собой очень короткое ожерелье, получившее название в научной литературе – «ожерелье-символ» [188, с. 250], поскольку это, скорее, символ, чем само ожерелье. Шейно-нагрудное украшение, состоящее из шести и более бусин, представляет собственно ожерелье [188, с. 250]. В научных работах ожерелья исследуются с помощью анализа элементов, составляющих данную категорию убранства. Анализируя наборы бус, ученые выделяют три вида в комбинациях ожерелий (образцовые, сборные, основные) в зависимости от материалов и техники изготовления деталей рассматриваемых украшений [82, с. 14–15]. Такой подход применяли Р. Андреа, Ю.Л. Щапова, Е.В. Голдина [82]. Поскольку изучение технологии изготовления бус выходит за рамки исследу-

довательских задач настоящей работы, мы рассмотрели состав ожерелий, акцентируя внимание на материалах, из которых они были изготовлены.

Характеристика ожерелий.

Фрагменты ожерелий (рис. 13; 14) нечасто встречаются в погребениях. Они различны по своему составу и по количеству составляющих их элементов. Большинство ожерелий собрано из стеклянных, реже каменных бус. Иногда ожерелья дополнялись золотыми, бронзовыми, серебряными бусами, раковинами «каури», коралловыми веточками, металлическими бляшками и медальонами (рис. 15). Как правило, исследователями рассматривается типология золотоордынских бус, состав же ожерелий не рассматривается. В данной работе выделены комбинации деталей ожерелий в зависимости от материалов, из которых они были изготовлены.

Комбинации элементов ожерелий, состоящие из:

- 1) стеклянных бус (табл. 14.1; 26 экз.);
- 2) стеклянных бус и раковин «каури» (табл. 14.2; 4 экз.);
- 3) стеклянных и серебряных бус (табл. 14.3; 1 экз.);
- 4) стеклянных, сердоликовых бус, металлических деталей и веточек коралла (табл. 4.4; 1 экз.; рис. 14);
- 5) стеклянных бус и жемчуга (табл. 14.5; 1 экз.);
- 6) стеклянных, хрустальных бус и египетского фаянса (табл. 14.6; 1 экз.);
- 7) стеклянных и глиняных бус (табл. 14.7; 2 экз.);
- 8) стеклянных, известняковых бус и раковин «каури» (табл. 14.8; 1 экз.);
- 9) стеклянных, глиняных бус и раковин «каури» (табл. 14.9; 1 экз.);
- 10) стеклянных и костяных бус (табл. 14.10; 1 экз.);
- 11) бронзовых и сердоликовых бус (табл. 14.11; 1 экз.);
- 12) раковин «каури» (табл. 14.12; 1 экз.);
- 13) янтарных бус (табл. 14.13; 1 экз.);
- 14) металлических деталей (табл. 14.14; 1 экз.).

В четырех погребениях определить материал деталей ожерелий не представляется возможным (табл. 14.15; 4 экз.).

Распределение ожерелий по локальным группам.

Распределение ожерелий в памятниках золотоордынских кочевников по локальным группам представлено в таблице 18 (в абсолютных и относительных показателях). При коэффициенте вероятности $R = 0,9-0,95$ мы можем считать, что для кочевников Волго-Уральского региона, Волго-Донского междуречья и Правобережной Украины ожерелье, как элемент убранства костюма, является представительным признаком (табл. 18).

Для того, чтобы определить, к какой категории признаков (всеобщие, локальные и частные) относятся ожерелья, рассмотрим тенденцию их встречаемости в погребениях [327, с. 84–91]. По имеющимся результатам статистического анализа, приведенным в таблице 18, можно отметить, что ожерелья относятся к локальным признакам «по тенденции». Они имеют повышенную тенденцию встречаемости в погребениях на территории Правобережной Украины, Средней Волги, Волго-Донского междуречья. На всех остальных локальных территориях – тенденция встречаемости понижена.

Особенности использования ожерелий по признаку пола, возраста и социального положения.

Ожерелья были обнаружены в 47 погребениях кочевников Золотой Орды. Из них рассматриваемая категория убранства была обнаружена в 35 женских погребениях, в остальных захоронениях пол погребенных не определен (табл. 16). Ожерелья в основном были обнаружены в детских погребениях и захоронениях женщин фертильного возраста. Видимо, это связано с тем, что пристальный взгляд «дурного глаза» всегда считался особенно вредным для беременных женщин и детей. Причем использование бус в качестве оберега детьми и женщинами (прежде всего это касается глазчатых бус) характерно и для современной культуры Востока [221, с. 28–29]. Ожерелья относятся к всеобщим признакам, характерным для захоронений с золотыми изделиями и без них (табл. 73). В погребениях, содержащих предме-

ты из драгоценных металлов, были обнаружены стеклянные, янтарные, сердоликовые, жемчужные бусы, раковины «каури» и кораллы. Из 32 погребений с золотыми предметами ожерелья были обнаружены в шести захоронениях (табл. 73); из 106 погребений с серебряными изделиями ожерелья были зафиксированы в 17 погребальных комплексах.

Анализ выделенных нами типов ожерелий показывает, что наиболее распространенными были ожерелья из стеклянных бус, которые различаются по количеству, форме, цвету и орнаментации. В области шеи и груди чаще встречаются бусы в виде 1–2 экземпляров (22 погребения), короткие ожерелья из 3–5 бусин (22 погребения), или ожерелья из 6–12 бус (17 погребений). Редко в погребениях встречаются ожерелья, состоящие из большого количества бус (8 погребений). В относительных показателях обозначенные данные представлены в таблице 17.

Характеристика прочих видов шейно-нагрудных украшений.

К категории шейно-нагрудных украшений относятся металлические бляшки, имеющие отверстия для пришивания или петельки для подвешивания (табл. 15; рис. 15 – 1–4, 6, 7). Охарактеризуем некоторые из них. В могильнике Песчаный остров (рис. 15 – 2; погр.5) на груди погребенной женщины была найдена бронзовая штампованная накладка 17x15 мм. Аналогичные изделия были обнаружены в погребении 6 этого же могильника [266, с. 309], в захоронениях на кладбище Нового Сарая середины XIV в. [266, с. 309], в жилище Нового Сарая вместе с монетами 1350 – 1360 гг. [318, табл. V/10], в кургане 130 могильника Бахтияровка-III в окрестностях Нового Сарая и в Новохарьковском могильнике [68, рис. 14/29–33] (рис. 15 – 3; погр.89). Две бронзовые позолоченные нашивки в виде цилиндров, украшенные по верхнему краю позолоченными трилистниками и вставками из голубого камня были обнаружены в кургане 3 могильника Ишкулово-II (рис. 15 – 6.). Две бронзовые нашивные бляшки в виде пятиугольных розеток (рис. 15 – 7) были обнаружены в Ново-Кумакском могильнике (кург.1). Аналогичные по форме изделия были обнаружены в кургане Юн-Баба [77, с. 146, табл. 2/8–16]. Также в области груди и шеи погребенных кочевников Золотой Орды были зафиксированы серебряные ажурные розетки (Козинка-I кург.4; рис. 15 – 4), отдаленные аналогии которым известны в Брик-Алгинском местонахождении [77, с. 146, табл. 2/1–22], брошь квадратной формы (Высокая гора кург.3; рис. 15 – 1), ажурные серебряные застежки (Колония Карраса кург.41). Возможно, некоторые шейно-нагрудные украшения пришивались на одежду.

Кроме бус и бляшек в женских погребениях XIII–XIV вв. в области шеи и груди были встречены предметы языческого и мусульманского культа:

1. Фигурки идола-онгона (рис. 2 – 5), вырезанные из металлической пластинки (Слобода Рудня кург.1; Три Брата-I кург.12; Котовка-III кург.4 погр.1 – онгоны-амулеты обнаружены на груди; Сынташтамак кург.2 – амулеты зафиксированы под шеей и на тазовой кости; Котовка-III кург.2 погр.3). В культурных слоях XIV в. золотоордынских городов они известны в большом количестве [257, с. 239; 318, с. 60]. Вероятно, их принесли в Восточную Европу монголы. Согласно поверьям, такие фигурки являлись вместилищем души человека. Подобные бронзовые фигурки встречаются у современных народностей Сибири, этнически близких к монголам, например у бурятов [319]. Упоминание об идолах в форме человека мы находим в «Путешествии в восточные страны» Вильгельма де Рубрука: «...у них есть какие-то идолы из войлока, сделанные по образу человеческому, и они ставят их с обеих сторон ставки... других идолов они делают из шелковых тканей и очень чтут их» [15, с. 28]. Отнесение фигурки идола-онгона к шейно-нагрудным украшениям условно, несмотря на то, что рассматриваемые изделия были найдены в области груди погребенных, они (онгоны) не имели ни петель для подвешивания, ни отверстий для пришивания. Следует отметить, что онгоны имели особое сакральное значение (подробнее данный аспект рассмотрен в параграфе 4).

2. Металлический цилиндр-амулет, перевитый тонкой проволокой (Пчельник кург.1). Аналогичные украшения в большинстве кочевнических погребений XIII–XIV вв. были обнаружены в области головы (рис. 8 – 4; Мокринский-I кург.11, кург.14 погр.1; рис. 8 – 1; Слобода Рудня кург.1; Станция Моздок кург.6; рис. 8 – 6; Новохарьковский могильник погр.50). Подобное цилиндрическое изделие (рис. 16) было найдено в женском погребении у с. Зарагиз в составе сложного шейно-нагрудного серебряного украшения. По мнению З.В. Доде, это

украшение крепили к платью в области горловины, а цилиндр был предназначен для хранения текстов молитв. Аналогичные футляры – дуа – бытовали в этнографическом кавказском костюме [113, с. 79, рис. 59]. Большинство захоронений, в которых были найдены цилиндрические украшения, датированы концом XIV в., т.е. временем широкого распространения ислама. Возможно, цилиндрики-амулеты (рис. 7; 8) использовались в качестве шейно-нагрудных украшений и украшений головных уборов (комплексный анализ представлен в параграфе 4).

Семантика шейно-нагрудных украшений.

По имеющимся археологическим данным, можно констатировать следующий факт: с принятием ислама в Золотой Орде, в составе женских украшений, имевших хождение, главным образом, в кочевнической среде, появляются коранницы-амулеты, и в то же время в погребениях сохраняются онгоны, характерные для языческого культа. Так, в одном погребальном комплексе были обнаружены предметы мусульманского и языческого культов (Слобода Рудня кург.1). Этот факт свидетельствует о том, что процесс исламизации кочевников был длительным и болезненным. Вплоть до начала XV в. отдельные группы кочевого населения продолжали придерживаться традиционных языческих обрядов и обычаев. По сообщению Ибн Арабшаха, писавшего свое сочинение в начале XV в., «некоторые жители Дешт-Кипчака еще до сих пор поклоняются идолам» [12, с. 206]. Не менее интересно в этом отношении замечание Руи Гонсалеса де Клавихо, который в начале XV в. писал о том, что «Едигей обращал и обращает татар в магометанскую веру» [16, с. 144]. После принятия ислама в качестве государственной религии в Золотой Орде часть населения, наиболее подверженная кочевым традициям, длительное время продолжала хоронить соплеменников, формально соблюдая ритуалы ислама, ориентируясь по прежним направлениям и продолжая укладывать в могилы инвентарь (могильники Мокринский, Целинный, Жаман-Каргала и др.) [42, с. 324–326].

2.3. Украшения для рук: браслеты, перстни

Украшения для рук крайне малочисленны. Это браслеты, перстни и кольца. Подобные находки в погребениях кочевников единичны. Поэтому украшения для рук не являются определяющим признаком убранства костюма кочевников Золотой Орды.

Браслеты

Браслеты (рис. 17) в могильниках эпохи Золотой Орды встречаются довольно редко.

Характеристика браслетов и их типология.

Данная категория убранства рассмотрена на основе типологии, разработанной Г.А. Федоровым-Давыдовым [319, с. 41–42], варианты браслетов выделены по орнаменту *. Из рассмотренных нами памятников браслеты были обнаружены в 12 погребениях в количестве 15 экземпляров.

Тип I (3 экз.). Простой проволочный, круглый или полукруглый в сечении, с незамкнутыми концами (рис. 17 – 1). Браслеты данного типа обнаружены в трех погребениях кочевников Золотой Орды (Аткарск кург.23; Сукраковские-II кург.3; Мустаево-V (мавзолей) кург.6 погр.1; рис. 17 – 1). Подобные браслеты широко распространены и территориально, и хронологически [319, с. 42].

Тип IV (5 экз.). В виде простой узкой пластины с несомкнутыми концами.

Вариант а* (3 экз.). Пластинчатый, украшенный орнаментом из четырех продольных полос (рис. 17 – 2–4). Изделия обнаружены в следующих памятниках: Козинка-I кург.6 (рис. 17 – 3); Высокая гора кург.3 (рис. 17 – 2); Песчаный остров погр.11 (рис. 17 – 4). Три браслета данного типа были найдены в золотоордынском городе Укек [227, с. 41, 45, рис. 7/25–27]. По имеющимся аналогиям этот тип исследователи датируют XIII–XIV вв. [227, с. 45].

Вариант б* (2 экз.). Пластинчатый, украшенный орнаментом из продольных полос, пальметкой в центральной части и львиными личинами на концах (рис. 17 – 5). Два браслета

были обнаружены в могильнике Олень-Колодезь (кург.9; рис. 17 – 5). Аналогичные изделия были найдены в некрополе Бозок в Казахстане [21, с. 61, рис. 4/24] (рис. 17 – 6), в золотоордынских памятниках Поволжья [257, с. 180, рис. 62/2; 227, с. 45, рис. 7/22], они были широко распространены от Днепра до Средней Азии [227, с. 45].

Браслеты, тип которых не представилось возможным определить, были обнаружены в следующих памятниках: Визенмиллер-III кург.5; Парканы кург.2, 3; Суклея кург.2; Каменно-Озерный курган.

Распределение браслетов по локальным группам.

Распределение браслетов в памятниках золотоордынских кочевников по локальным группам представлено в таблице 24 (в абсолютных и относительных показателях). При коэффициенте вероятности $R = 0,9-0,95$ мы можем считать, что браслеты не являются представительным признаком, характеризующим убранство костюма евразийских кочевников XIII–XIV вв. (табл. 24). По мнению В.Ф. Генинга и его соавторов, выводы, сформулированные на основе непредставительных признаков, являются малодостоверными [327, с. 79], поэтому результаты вычисления тенденции встречаемости браслетов по локальным группам также можно считать неубедительными. По результатам проведенного статистического анализа браслеты имеют повышенную тенденцию встречаемости на Дону и Правобережной Украине (табл. 24).

Аналогии и семантика звериноголовых браслетов.

В отличие от погребальных кочевнических памятников, в которых были обнаружены преимущественно простые, проволочные и пластинчатые браслеты, вкладах и городах Золотой Орды были найдены более разнообразные по оформлению и изготовлению украшения для рук. В этих памятниках были обнаружены браслеты плетеные [227, с. 41, рис. 7/20; 257, с. 181, рис. 62/6]; плетеные с сердоликовыми вставками на концах [163, с. 149–151]; пластинчатые звериноголовые, имеющие разнообразное орнаментальное оформление [227, с. 41, рис. 7/23; 316, с. 188]; пластинчатые с расширенными, закругленными концами [77, с. 112, рис. 22/7]; дротовые без орнамента [227, с. 41, рис. 7/17]; дротовые с головками драконов на концах [295, с. 55; 316, с. 193] и др. Несомкнутые пластинчатые браслеты с зооморфными изображениями, похожими на львиные личины, известны также по материалам раскопок городов и кладов, происходящих с территории Волжской Булгарии, Прикамья, Крыма и Нижневолжских городов [49, с. 219–223]. Подобные браслеты были обнаружены в составе Симферопольского клада. Есть они и в Крыму, Молдавии, Средней Азии. Исследователи относят данные украшения к кругу изделий, созданных золотоордынскими ювелирами. М.Г. Крамаровский выявил восточные (малоазийско-иранские) истоки их орнаментации [316, с. 193]. Изображение льва можно интерпретировать как символ благосостояния, плодородия, знатности и благопожелания женщине, носящей данный браслет [55, с. 187–197]. Примечательно, что в археологических памятниках Западного Поволжья X–XIII вв. встречались браслеты, концы которых были выполнены в виде голов змей [163, с. 149–151]. В Новохарьковском могильнике были обнаружены браслеты двух видов: витые с петлевидными концами (погр.38, 48; всего 5 экз.) [68, рис. 6/41; 14/3–6] и пластинчатые с каллиграфическим орнаментом (погр.31, 57; рис. 17 – 7, 8) [68, рис. 6/31]. Аналогии первым – известны в древнерусских памятниках [319, с. 42]; вторым – в Волжской Булгарии [257, с.184, рис. 63/6].

Особенности использования браслетов по половозрастному признаку.

Браслеты являлись элементами убранства женского костюма кочевников Золотой Орды (табл. 19). Хотя в Новохарьковском могильнике, который тщательно исследовался антропологами, был зафиксирован единственный случай обнаружения браслета в мужском погребении [68, с. 41, 37, 40, рис. 14/18; 15/4]. В основном браслеты встречаются в рассмотренных нами погребениях женщин от 20 до 30 лет. В некрополе Бозок в Казахстане пластинчатый браслет был найден в погребении женщины 40–50 лет. Следует отметить, что в материалах могильников Ижорского плато золотоордынские пластинчатые браслеты были обнаружены в погребениях женщин от 20 до 50 лет [247, с. 127–128]. В захоронениях кочевников Улуса

Джучи, в единичных случаях, браслеты также были обнаружены в погребении ребенка (Аткарский погр.23) и женщины 16–18 лет (Песчаный остров погр.11).

Особенности использования браслетов по признаку социального положения индивида. Способы ношения.

Чрезвычайная редкость такой категории украшений, как браслеты, наводит на мысль, что они имели какое-либо статусное значение, а их владелец занимал определенное положение в обществе. Подвергнем нашу гипотезу статистическому анализу. Действительно, на основе сравнительного анализа тенденции встречаемости браслетов в погребениях с золотыми предметами мы можем предположить, что браслеты, как категория убранства женского костюма кочевников Улуса Джучи, использовались представительницами высокого социального положения в обществе (табл. 20). Браслеты обнаруживают высокую тенденцию встречаемости в погребениях с золотыми предметами (1,9) и пониженную – в погребениях без золота (0,1). Из 32 погребений с золотыми предметами браслеты были обнаружены в шести захоронениях (табл. 20; 21), причем среди последних можно отметить погребения с шелковыми, парчовыми тканями и предметами, имеющими ранговую атрибуцию – казанами [166, с. 328] (табл. 21). Из 106 погребений с серебряными предметами браслеты были зафиксированы в пяти погребальных комплексах. Таким образом, браслеты были обнаружены в большинстве случаев в погребениях, содержащих золотые, серебряные изделия и другие социально значимые предметы. Следует отметить, что большая часть рассматриваемых браслетов была изготовлена из драгоценных металлов (53%), реже встречались бронзовые и железные изделия (табл. 23).

Кочевники Золотой Орды носили браслеты как на левой, так и на правой руке. Чаще браслеты носили в одном экземпляре, реже – в двух (табл. 22).

Ни для одного случая нахождения браслетов в погребениях кочевников Золотой Орды, рассмотренных в опубликованных и неопубликованных источниках, не зафиксирована информация о сохранности на оборотной стороне отпечатков ткани. Поэтому вопрос о способе ношения браслетов остается открытым, поскольку по археологическим данным мы не можем определить, надевались браслеты на голую руку, либо поверх рукава.

Перстни

Многие народы в древности наделяли данные украшения сверхъестественными свойствами. Перстень, кольцо – это круг, а идея о круге объединяет в себе идею защиты от злых сил. На Кавказе – кольцо, как и узел, считались оковами для духа; отсюда возникло поверье, что ношение на руке кольца или перстня препятствует общению с духами. Особенно необходимо было кольцо женщине, т.к. у многих народов женщина считалась существом нечистым, способным навредить окружающим. Кольцо на пальце не только охраняло саму женщину, но и не давало ей возможности нанести кому-нибудь вред [179, с. 103].

Характеристика перстней, их типология и аналогии.

Перстни (рис. 18 – 1, 3, 5–8, 12), обнаруженные в кочевнических комплексах Золотой Орды – простые, пластинчатые, с плоским прямоугольным или овальным щитком, иногда украшенным точечным, геометрическим или растительным орнаментом. В основном встречались серебряные, бронзовые, золотые перстни, редко – костяные, железные, медные, оловянные, сердоликовые и стеклянные (табл. 25). Перстни – предмет, редко встречающийся в кочевнических погребениях XIII–XIV вв. Они были обнаружены в 25 погребениях кочевников в количестве 30 экземпляров, из них определены по типологии 19 экземпляров.

Тип II (1 экз.). Сомкнутый, с гнездом, в которое вставлен камень, закрепленный четырьмя лапками (рис. 18 – 1). Перстень обнаружен в могильнике Мамай-Гора вост. гр. погр.4 (рис. 18 – 1). Аналогичные перстни встречаются в салтовских и синхронных им памятниках на весьма широкой территории [319, с. 41–42].

Тип III (9 экз.). В виде гладкого кольца без украшений. Кольца данного типа встречены в погребальных памятниках на территории Южного Приуралья – Казенная мельница кург.1; Жанаталапский-I кург.1; Волго-Донского междуречья – Мокитра кург.1; кург.5 погр.1; Казанская кург.29 погр.2; на Правобережной Украине – Сукля кург.145; Парканы кург.2. Подоб-

ные изделия были обнаружены в Новохарьковском могильнике (погр.27, 31 (рис. 18 – 2), 36, 52) [68, с. 29–32, 39] и в Брик-Алгинском местонахождении [77, с. 112, рис. 22/3].

Тип V (5 экз.). В виде кольца из тонкой пластины со спаянными концами, с прямоугольным щитком (рис. 18 – 3). Перстни типа V найдены в погребениях на территории Южного Приуралья – Ишкулово-II кург.4 (рис. 18 – 3); Мокринский-I кург.14 погр.1; кург.17 погр.1; Волго-Донского междуречья – Станция № 8 (Белая гора) кург.2. Два перстня были украшены точечным и геометрическим орнаментом (рис. 18 – 3). Аналогичные изделия были обнаружены в христианском могильнике на городище Верхний Джулат (погр.70) [213, с. 87–106, рис. 8/14], в Новохарьковском могильнике (погр.31; рис. 18 – 4) [68, рис. 6/38] и в Новгороде, в слоях XIII–XIV вв. [278, с. 255 и сл.].

Тип VI (2 экз.). В виде кольца с квадратным гнездом и со вставкой в цилиндрическом ободке, по краям ободок орнаментирован (рис. 18 – 5, 6). Украшения обнаружены в кочевнических памятниках на Дону (Высокая гора кург.3; рис. 18 – 5; Олень-Колодезь кург.9; рис. 18 – 6). Подобные перстни были обнаружены в золотоордынских городах [227, с. 43, рис. 7/9] (Болгар, Увек, Селитренное городище) и в могильнике Телеутский Взвоз-I кург.9 (рис. 18 – 7).

Тип VII* (2 экз.). В виде кольца из тонкой пластины с овальным щитком (рис. 18 – 8). Изделия данного типа были встречены в двух кочевнических погребениях (Маячный бугор-II (мавзолей, центральная камера; рис. 18 – 8); Сынтыштамак кург.18). Аналогичные изделия были обнаружены в памятниках золотоордынского круга (Новохарьковский погр.80 [68, рис.21/7.]; рис. 18 – 11; погр.139 [68, рис. 28/30]; рис. 18 – 10; Таганский грунтовый могильник погр.15 [206, с. 17, рис. 20/12]; рис. 18 – 9), в городах Поволжья [257, с. 180, рис. 62/2; 227, с. 43, рис. 7/11], в Новгороде XII–XV вв. [227, с. 43].

В кочевнических погребениях XIII–XIV вв., помимо перстней из металлов, были найдены: костяное кольцо (Цаган-Эльсин кург.1) и костяной перстень с овальным щитком (с. Усть-Курдюм кург.6); стеклянный перстень синего цвета (Яшкуль кург.1) [79, табл. XVIII/12]; сердоликовый перстень с площадкой шестиугольной формы (Маячный-I кург.188; рис. 18 – 12). Аналогии костяным кольцам имеются в городах Улуса Джучи [316, с. 178].

В городах Золотой Орды были обнаружены кольца и перстни из золота, серебра, биллона и бронзы, простые без щитка, проволочные, в виде спирали из нескольких витков или с заходящими друг на друга концами, из четырехгранных или трехгранных согнутых стержней, также с сомкнутыми или несомкнутыми концами, пластинчатые перстни, с расширением в виде щитка с гнездом для вставки – каменной или стеклянной, с щитком в виде овального круглого или прямоугольного расширения, обычно с узором «звездочка», «узел счастья», иногда с ложной зернью и т.п. [316, с. 184]. В качестве замены драгоценных или полудрагоценных камней использовались стеклянные вставки, под которые иногда помещали полоску бумаги с магическими надписями. Перстень с такой вставкой превращался в амулет [316, с. 171]. Технология изготовления перстней и браслетов подробно изучена исследователями [316, с. 184, 187].

Распределение перстней по локальным группам.

Распределение перстней в памятниках золотоордынских кочевников по локальным группам представлено в таблице 29 (в абсолютных и относительных показателях). При $R = 0,9–0,95$ мы можем считать, что перстни являются представительным признаком, характеризующим убранство костюма кочевников XIII–XIV вв. Южного Приуралья и Волго-Донского междуречья. Для остальных локальных территорий рассматриваемый элемент костюма не является характерным (табл. 29).

Рассмотрим тенденцию встречаемости перстней в погребениях, используя методику, предложенную В.Ф. Генингом и его соавторами [327, с. 84–91]. По имеющимся результатам статистического анализа, приведенным в таблице 29, можно констатировать тот факт, что перстни, как элемент убранства, относятся к локальным признакам «по тенденции». Они имеют нормальную (или близкую к нормальной) тенденцию встречаемости в погребениях на территории Приуралья и Правобережной Украины, повышенную – на Дону и в Волго-Донском междуречье, на остальных локальных территориях тенденция понижена. Однако, рассматривая тенденцию встречаемости перстней, нужно иметь в виду, что результаты стати-

стического анализа для Правобережной Украины и Дона мало достоверны, т.к. данный признак не является представительным для этих территорий [327, с. 78–79].

Особенности использования перстней по половозрастному признаку, и характер (способы) ношения.

Перстни чаще встречались в женских погребениях кочевников Золотой Орды и гораздо реже – в мужских (табл. 26). Они были обнаружены в погребениях женщин средних лет, реже – старческого и подросткового возраста. Предпочитали их носить в одном экземпляре на левой или правой руке, хотя в некоторых погребениях они были обнаружены в двух экземплярах (табл. 27). Представляют определенный интерес аналогии по характеру ношения перстней и колец в средние века на Руси и в Западной Европе. Из раскопок курганов X–XV вв. на территории Северо-Западной и Северо-Восточной Руси перстни были преимущественно женским украшением, хотя носили их и мужчины, и дети. Надевали их как на правую, так и на левую руку, иногда на обе руки одновременно. Количество перстней варьировалось от одного-двух до четырех-пяти, иногда доходило до десяти на обеих руках [278, с. 121]. Для бургундской моды было характерно подчеркивание изысканности убранства костюма за счет ювелирных украшений, так количество колец на пальцах доходило до 20 экземпляров [151, с. 39]. Таким образом, можно отметить, что, если перстни встречались (крайне редко) в убранстве костюма кочевников Золотой Орды, то они отличались своей малочисленностью по сравнению с убранством костюма оседлых народов.

Особенности использования перстней в зависимости от социального положения.

На основе сравнительного анализа встречаемости перстней в погребениях с золотыми предметами можно предположить, что перстни, как категория убранства костюма кочевников Улуса Джучи, использовались представителями высокого социального положения в обществе (табл. 28). Перстни обнаруживают высокую тенденцию встречаемости в погребениях с золотыми предметами (1,7) и пониженную – в погребениях без золота (0,3). Из 32 погребений с золотыми предметами перстни были обнаружены в семи захоронениях (табл. 28.), причем среди последних можно выделить погребения с шелковыми, парчовыми тканями и предметами, имеющими ранговую атрибуцию – казанами [166, с. 328]. Из 106 погребений с серебряными предметами перстни были зафиксированы в 13 погребальных комплексах. Таким образом, рассматриваемые украшения были обнаружены в основном в погребениях, содержащих золотые и серебряные изделия. Такие погребения составили 80% от общего числа захоронений с перстнями.

Как отмечалось выше, украшения для рук встречаются редко в погребениях евразийских кочевников эпохи Золотой Орды, что, по-видимому, связано с кочевым образом жизни и социальным положением в обществе. Браслеты и перстни предпочитали носить в одном экземпляре.

2.4. Универсальные украшения

Среди украшений кочевников Улуса Джучи выделена группа изделий, универсальных по месту ношения. Некоторые из них можно отнести к деталям одежды. Например, бусина и бубенчик могли выполнять функцию пуговиц. В данном параграфе рассмотрены бусы, амулеты, накладки и бубенчики.

Характеристика бус и их аналогии.

Бусы преобладают в женских погребениях. Они были обнаружены в 161 погребении. Чаще всего бусы встречаются в виде 1–2 экземпляров (табл. 33) или низки мелкого бисера.

Бусы отличаются большим многообразием. Немало научных статей посвящено типологии и изучению золотоордынских бус. Среди них следует выделить исследования Г.А. Федорова-Давыдова [313, с. 267–318; 319, с. 71–78], Н.Н. Бусятской [51; 52] и М.Д. Полубояриновой [256].

Учет размеров бус в нашей работе продолжает схему, предложенную ранее исследователями: крупными считаются бусы высотой (расстояние между отверстиями) или диаметром больше 10 мм, средними – от 6 до 10 мм, мелкими – до 5 мм [57, с. 86].

В кочевнических погребениях XIII–XIV вв. были обнаружены бусы, изготовленные из поделочного камня, материалов органического происхождения, стекла и металла (табл. 30;

31). По материалу бусы подразделяются на группы. Бусы из камня и материалов органического происхождения нами рассмотрены по типологии, разработанной М.Д. Полуобояриновой [256, с. 20–98], в которой отделы и типы выделяются по поперечному и продольному сечениям бусины. При характеристике стеклянных бус использованы типологии, разработанные Н.Н. Бусятской по материалам золотоордынских городов Поволжья и С.И. Валиулиной по артефактам домонгольской Волжской Булгарии. Стеклянные бусы делятся на две подгруппы: полихромные и монохромные. Первая подгруппа подразделяется на разряды по орнаменту, на отделы по форме поперечного сечения, на типы по форме в продольном сечении. Вторая подгруппа бус делится на отделы и типы по продольному и поперечному сечениям (табл. 30; 31). Всестороннее исследование бус (технология изготовления, химический состав и т.д.) из погребений кочевников возможно при условии работы непосредственно с артефактами. Впрочем, такое изучение артефактов выходит за рамки исследовательских задач, обусловленных рассмотрением бус с точки зрения функционального назначения, семантики и их места в убранстве костюма кочевников Золотой Орды. В данной работе мы оперируем, главным образом, опубликованными материалами раскопок, в которых не всегда содержится подробное описание бус и их изображение. Поэтому представленная далее классификация рассматриваемых изделий носит ограниченный, условный характер. Классификация бус произведена по морфологическим признакам изделий сквозь призму типологий, разработанных ранее исследователями (табл. 30).

Группа I. Стеклянные
Подгруппа I. Монохромные
Отдел I. Круглые

Тип I (4 экз.). Шаровидные.

Бусы темно-зеленые, темно-желтые, светло-оранжевые (табл. 31; рис. 19 – 1; гр. I отд. 1 тип 1 по Н.Н. Бусятской). Аналогии встречаются в домонгольских памятниках Средней Азии, Кара-Коруме, мордовских могильниках XII–XIV вв. [52, с. 39].

Тип II (3 экз.). Зонные.

Бусы бесцветные, коричневые (табл. 31; рис. 19 – 2; гр. I отд. 1 тип 2 по Н.Н. Бусятской). Подобные бусы были обнаружены в количестве 16 экземпляров в Новохарьковском могильнике [68, с. 33, 44, 88–91, 95]. Аналогии встречаются в домонгольских памятниках Средней Азии, в Новгороде, в слоях XII – начала XIII вв., Саркеле, Херсонесе, в курганах северо-западной Руси XIII–XIV вв., изредка в поздних мордовских могильниках XII–XIV вв. и в слоях XIII–XIV вв. в Московском Кремле [52, с. 39].

Тип III (18 экз.). Бочонковидные.

Бусы преимущественно синего цвета (табл. 31; рис. 19 – 3; гр. I отд. 1 тип 3 по Н.Н. Бусятской). Аналогии встречаются в Саркеле, Старой Рязани, Херсонесе, курганах северо-западной Руси, редко в мордовских могильниках и в Кара-Коруме [52, с. 39, табл. II/3].

Тип IV (15 экз.). Кольцевидные.

Черные, желтые, синие бусы среднего размера (табл. 31, Рис. 19 – 4; гр. I отд. 1 тип 4 по Н.Н. Бусятской). Аналогии бусам данного типа из непрозрачного, полупрозрачного и прозрачного черного, голубого, синего, желтого, зеленого, красного и белого стекла были обнаружены в золотоордынских городах Поволжья [52, с. 40, 62, табл. II/4]. Рассматриваемые изделия известны в домонгольских слоях Афрасиаба, средневековых слоях Херсонеса, в курганах северо-западной Руси XIII–XIV вв. [297, табл. XXV/46], в Кара-Коруме [52, с. 40], в мордовских памятниках, в могильниках – Новохарьковский (104 экз.) [68, с. 17- 19, 22, 24, 26, 31, 33, 38, 39, 44, 47, 53–58, 65, 68, 73–75, 84, 86, 88, рис. 6/4–7 и др.], Телеутский Взвоз-I (1 экз.) [309, с. 42–44, рис. 4/4] и в окрестностях станицы Натухаевская (1 экз.) [234, с. 71–74]. Подобные бусы особенно многочисленны в памятниках позднего средневековья [292, с. 9].

Тип V (1 экз.). Усеченно-конические.

Один экземпляр светло-голубого цвета (табл. 31, рис. 19 – 5; гр. I отд. 1 тип 8 по Н.Н. Бусятской). Аналогичные бусы из непрозрачного и полупрозрачного стекла черного, голубого, синего и желтого цветов были обнаружены в золотоордынских городах Поволжья [52, с. 40,

62, табл. II/9], позднесредневековых городах Херсонеса, гдовских курганах XIII–XIV вв. [297, с. 22], мордовских памятниках золотоордынского времени [292], в Новохарьковском могильнике (39 экз.) [68, с. 19, 24, 31, 84].

Тип VI (более 3 экз.). Усеченно-биконические.

Изделия светло-зеленого, белого цветов (табл. 31; рис. 19 – 6; гр. I отд. 1 тип 9 по Н.Н. Бусятской). Аналогии известны в золотоордынских городах Поволжья [52, с. 40, 62, табл. II/9], в позднесредневековых городах Херсонеса, в гдовских курганах XIII–XIV вв. [297, с. 22], в мордовских памятниках XIII–XIV вв. [292] и в Новохарьковском могильнике (4 экз.) [68, с. 4, 8].

Тип VII (4 экз.). Подцилиндрической формы в виде навитых одно на другое колец из не-прозрачного стекла.

Бусы синего цвета (табл. 31; рис. 19 – 7; гр. I отд. 1 тип 10 по Н.Н. Бусятской). Аналогичные бусы были обнаружены в золотоордынских городах Поволжья [52, с. 40, 62, табл. II/10], в славянских памятниках [29, с. 140] и в Новохарьковском могильнике [68, с. 24, 31, 75, 88].

Тип VIII (8 экз.). Биконические.

Бусы темно-зеленые, темно-желтые, светло-оранжевые, синие и голубые (табл. 31; рис. 19 – 8; гр. II подгр. А отд. I тип VI по С.И. Валиулиной [57, с. 90]). Аналогии известны в Волжской Булгарии [57, с. 90, рис. 28/40,42].

Тип IX (1 экз.). Яйцевидные.

Артефакт обнаружен в одном экземпляре – Каменный Амбар-III кург.2 (табл. 31; рис. 19 – 9). Аналогии неизвестны.

Тип X (1 экз.). Цилиндрические.

Бусина обнаружена в Царевском могильнике кург.1 (табл. 31; рис. 19 – 10; гр. II отд. 1 тип 1 по Н.Н. Бусятской). Аналогии известны в Саркеле, Новгороде и в золотоордынских городах Поволжья [52, с. 40, табл. II/14].

Тип XI. Рубленный бисер.

В кочевнических погребениях был обнаружен бисер бирюзового, белого, голубого и синего цветов (табл. 31; рис. 19 – 11; гр. II отд. 1 тип 2 по Н.Н. Бусятской). Для периода X–XII вв. бисер характерен для славянских памятников, в XIII–XIV вв. известен в мордовских могильниках, городах Поволжья [52, с. 40, табл. II/15], могильниках Новохарьковский [68, с. 75] и Телеутский Взвоз-I [309, с. 42–44, рис. 4/4].

Отдел II. Граненые

Тип I (1 экз.). Усеченно-бипирамидальные шестигранные.

Бусина обнаружена в могильнике Усть-Курдюм кург.6 (табл. 31; рис. 19 – 12; гр. I отд. 2 тип 3 по Н.Н. Бусятской). Аналогии известны в золотоордынских городах Поволжья [52, с. 40, табл. II/13].

Отдел III. Ребристые

Тип I (5 экз.). Округлоребристые.

Бусы светло-коричневого, синего цвета, одна – с золочением (табл. 31; рис. 19 – 13; гр. II отд. 2 тип 1 по Н.Н. Бусятской). Подобные бусы были широко распространены хронологически и территориально. Они были характерны для золотоордынских городов Поволжья [52, с. 40, 62, табл. II/16]. Для периода XI–XIII вв. округлоребристые бусы из голубого стекла наиболее характерны для среднеазиатских памятников [52, с. 41]. Аналогичные бусы, но из темно-синего стекла, встречаются в славянских памятниках (курганы северо-восточной и северо-западной Руси) [326, рис. 5/10], курганах вятичей [29, с. 28], бассейне р. Камы [291, с. 53], Саркеле [191, с. 327] и Херсонесе [52, с. 41]. В XIII–XIV вв. голубые округлоребристые бусы продолжают существовать в среднеазиатских памятниках [52, с. 41], встречаются в Кара-Коруме [52, с. 41], могильниках Телеутский Взвоз-I [309, с. 42–44, рис. 4/4] и Новохарьковский [68, с. 24].

Подгруппа II. Полихромные
Разряд I. Полосчатые. Орнамент в виде одной или нескольких
линейно-волнистых линий
Отдел I. Круглые

Тип I (3 экз.). Шаровидные.

На темном фоне волнистый светлый, зеленоватый орнамент (табл. 31; рис. 19 – 14; гр. V отд. 1 тип 1 по Н.Н. Бусятской). Аналогии известны в золотоордынских городах Поволжья, позднесредневековых памятниках Хорезма [52, с. 42] и в Новохарьковском могильнике [68, с. 89–91].

Тип II (14 экз.). Зонные.

На темном фоне бус имеется светлый волнистый орнамент (табл. 31; рис. 19 – 15; гр. V отд. 1 тип 2 по Н.Н. Бусятской). В Биляре аналогичные бусы найдены в слое XII – начала XIII вв. [57, с. 96]. В Саркеле – Белой Веже подобные бусы происходят из слоя второй половины X – конца XI вв. [191, с. 329]. В курганных древностях северо-западной Руси бусы датируются XI–XIII вв. [326, рис. 6/24]. В Новгороде гладкие бусы со спирально-волнистой инкрустацией появляются в XII в. и бытуют весь XIII в., постепенно исчезая в начале XIV в., 70% находок приходится на XII в. [161, с. 69]. Бусы черные с желтым спирально-волнистым орнаментом входили в состав Бутаевского клада XI–XIII вв., найденного недалеко от Биляра [123, с. 202, рис. 7]. В Муромском городке такая бусина происходит из сооружения, относящегося к слою XI–XII вв., подобные бусы известны в Джукетау, Лаишевском и Мурзихинском селищах. Особенно много рассматриваемых бус в золотоордынских городах, в Волжской Булгарии их более 300 экземпляров. В 90-х годах XX в. в Булгарии исследователями была обнаружена мастерская XIV в. по производству бус данного типа. Наиболее поздние находки отмечены на Батынгузском (Торецком) III селище второй половины XIV – первой половины XV вв. [57, с. 96]. Подобные бусы, в количестве 17 экземпляров, были обнаружены в Новохарьковском могильнике [68, с. 19, 24–26, 84–91, 95].

Тип III (10 экз.). Бочонковидные.

Бусы черного, темно-синего цветов с желтыми, красными и белыми зигзагообразными линиями (табл. 31; рис. 19 – 16; гр. V отд. 1 тип 3 по Н.Н. Бусятской). Территория распространения подобных бус аналогична типу II.

Тип IV (1 экз.). Усеченно-биконические.

Бусина светло-зеленая с белой полоской в средней части (табл. 31; рис. 19 – 17). Аналогии известны в Волжской Булгарии [57, рис. 29/33].

Отдел II. Ребристые

Тип I (1 экз.). Бочонковидные.

Бусина синего цвета (табл. 31; рис. 19 – 18). Аналогии неизвестны.

Разряд II. Мозаичные
Отдел I. Круглые

Тип I (1 экз.). Шаровидные.

Бусины черного цвета с крупными пятнами белого цвета (табл. 31; рис. 19 – 19; гр. III подгр. А отд. 1 тип 1 по Н.Н. Бусятской). Аналогии встречаются в памятниках Северного Кавказа, в Болгаре в слоях XII – начала XIII вв., курганах северо-западной и северо-восточной Руси XI–XIII вв., ранне-средневековых памятниках Средней Азии, мордовских могильниках XIII–XIV вв. и в городах Хорезма [52, с. 41, табл. II/19].

Тип II (1 экз.). Зонные.

Бусы орнаментированы светлыми пятнами (табл. 31; рис. 19 – 20; гр. III подгр. А отд. 1 тип 2 по Н.Н. Бусятской). Территория распространения и время бытования аналогичны типу I.

Разряд III. Мозаичные, орнамент в виде множества разбросанных пятен

Отдел I. Круглые

Тип I (4 экз.). Шаровидные.

Аналогии встречаются в Саркеле в слоях конца XI – начала XII вв., в памятниках Северного Кавказа, средневековых слоях Херсонеса, в Болгаре в слоях XII – начала XIII вв., курганах северо-западной Руси XIII–XIV вв., в мордовских могильниках XIII–XIV вв. и в городах Хорезма [52, с. 41, табл. II/19].

Тип II (2 экз.). Зонные.

На темном фоне бусины, светлый орнамент (табл. 31; рис. 19 – 22; гр. III подгр. Б отд. 1 тип II по Н.Н. Бусятской). Зонные бусы из непрозрачного черного и темно-синего стекла, орнаментированные крошкой разноцветного стекла, были обнаружены в золотоордынских городах Поволжья [52, с. 40]. Территория и время бытования аналогичны шаровидным бусинам из непрозрачного черного стекла, которые также орнаментированы крошкой разноцветного стекла. Кроме того, аналогичные бусы известны в курганах вятичей [29, с. 28] и в Новохарьковском могильнике [68, с. 24–26, 29].

Отдел II. Уплощенные, в виде вытянутого овала

Тип I (1 экз.). Круглые.

Бусина обнаружена в погребении 2 могильника Джухта-II (табл. 31; рис. 19 – 23).

Разряд IV. Глазчатые

Отдел I. Круглые

Тип I (4 экз.). Зонные.

Бусы голубого, желтого цветов с разноцветными ресничками или синими глазками, окаймленные белыми и красными овалами (табл. 31; рис. 19 – 24; гр. II подгр. Б бусы со спаянно-накладным плоским глазчатым узором отд. I тип II вид 2; гр. I подгр. Б тип III вид 1 по С.И. Валиулиной). Аналогии бусам (гр. I подгр. Б тип III вид 1 по С.И. Валиулиной) известны в Биляре, Муромском городке, Джукетау, Казани [57, с. 87], а также (гр. II подгр. Б отд. I тип II вид 2 по С.И. Валиулиной) в Волжской Булгарии [57, с. 93]. Подобная бусина была обнаружена в Мавзолее у д. Бахтияровка [155, с. 181].

Тип II (3 экз.). Бочонковидные.

Бусы темно-синего цвета с желтыми глазками в красных ободках (табл. 31; рис. 19 – 25; гр. II подгр. Б со спаянно-накладным плоским глазчатым узором отд. I тип III по С.И. Валиулиной). Аналогичные бусы широко представлены в болгарских памятниках [57, рис. 29/19].

Отдел II. Треугольные

Тип I (1 экз.). Зонные.

Бусы средних размеров, черного цвета с желтыми и красными глазками, заключенными в овалы из зеленых, желтых нитей (табл. 31; рис. 19 – 26; гр. II подгр. Б бусы со слоисточитковыми глазками отд. II тип I вид 1 по С.И. Валиулиной). В целом перечень памятников и территорий, где зафиксированы находки треугольных бус, очерчивает достаточно широкий ареал от Рейна до Средней Волги и от низовьев Дуная и Приазовья до Прибалтики и Скандинавии. Время наибольшего распространения бус, исходя из хронологии памятников, в которых были обнаружены бусы, укладывается в период с IX в. до середины XII в. Причем на западе ареала в памятниках Центральной Европы бусы появились раньше, и наибольшее распространение получили в X в. [57, с. 87].

Бусы редко встречающихся форм

Рассматриваемые бусы были обнаружены в могильнике Мамай-Гора и Колобовка (табл. 31). В Булгарском вилаете Золотой Орды были обнаружены бусы, изготовленные в форме рыб [54, с. 124]. В могильнике мордвы-эрзи XI–XIII в. Заречное-II были обнаружены также бусы рыбовидной формы [204, с. 102, рис. 8/29].

Бусы из камня, металла и материалов органического происхождения

Группа II. Сердоликовые

Сердолик – красноватая разновидность халцедона, окраска которого обусловлена железистыми примесями. Название камня происходит от греческого слова «сардолит», что означает «камень из Сарды – столицы Древней Лидии» [261, с. 105]. Сердолик был известен задолго до античного времени. Ему, как и многим другим камням, придавались магические и целебные свойства [256, с. 11].

Рассматриваемые бусы были обнаружены в шести погребениях кочевников Золотой Орды, они относятся к следующим типам по типологии М.Д. Полубояриновой:

1 – отдел I тип I – круглые, шарообразные (табл. 31; рис. 20 – 1). Аналогичные артефакты были обнаружены в городах Золотой Орды. Мелкие шарообразные бусы встречаются на всей территории Восточной Европы, в Средней Азии в памятниках конца I – начала II тыс. н.э. и в золотоордынских слоях. Широкий круг аналогий подобным бусам приведен М.Д. Полубояриновой [256, с. 20–23, рис. 1/1].

2 – отдел III тип I подтип А – граненые призматические шестигранные (табл. 31). Сердоликовые призматические бусы известны очень широко. Они встречались в небольшом количестве в вятических курганах и в ряде других славянских захоронений, датируемых X–XI вв. [29, с. 37, 145]. Восьми- и шестигранные бусы этого типа не различаются по времени. В Старой Ладогe призматические бусы встречались в основном в слое X в., два экземпляра было обнаружено в слое IX в. Изредка они встречались в могильнике Белой Вежи – крупные, до 20 мм высотой [27, с. 62, рис. 49/36]. Аналогичные бусы представлены в памятниках Средней Волги и Прикамья: в Пензенской области, Золоторевском городище (конец XI–начало XIII вв.), Танкеевском могильнике IX–X вв., Биляре [256, с. 25–26], в курганах IX–X вв. Южного Урала [192, с. 162, рис. 23/57], в могильниках Верхнего Прикамья в погребениях X–XII вв. [83, с. 64]. Очень часто сердоликовые призматические бусы упоминаются исследователями Средней Азии, причем там хронологический диапазон бытования бус данного типа шире, чем в Восточной Европе. Они были найдены в городищах Старого Мерва, в Хорезме, в урочище Дарьялык-куль (XII – начало XIII вв.) [256, с. 26] и т.д. Таким образом, в Средней Азии призматические сердоликовые бусы встречались в течение всего домонгольского периода, в то время как на территории Восточной Европы время их бытования ограничено, в основном, IX–XI вв. В виде пережитка можно указать на присутствие в Симферопольском кладе XIV – начала XV вв. одной призматической бусины [256, с. 26].

3 – отдел III тип III подтип I – граненая битрапециоидная с «пояском» (табл. 31; рис. 20 – 2). Аналогичные бусы были обнаружены в Болгарском городище. Этот подтип (с «пояском») был выделен Е.Е. Неразик, которая считает, что он был больше популярен в Хорезме, в отличие от других среднеазиатских областей [256, с. 28]. Битрапециоидные бусы с пояском были обнаружены в могильниках Верхнего Прикамья в погребениях XII в. [83, с. 64]. Крупные бусы этого типа с «пояском» были найдены в Биляре и отнесены А.Х. Халиковым к домонгольскому времени. Большое количество бус подобного типа были отмечены в поздних слоях Отрара [256, с. 29] и в Кара-Коруме [187, с. 304, рис. 161/9,10].

В погребениях кочевников также были обнаружены вставки из сердолика. Характеристика обозначенных изделий представлена в таблице 31.

Группа III (1 экз.). Горный хрусталь

Пятигранная, бипирамидальная бусина была обнаружена в одном кочевническом захоронении (Колобовка кург.4; Табл. 31; рис. 20 – 3; отд. I тип III по М.Д. Полубояриновой). Подобная бусина найдена на территории Селитренного городища [256, с. 36, рис. 2/6].

Группа IV. Бирюза

В кочевнических памятниках была обнаружена подвеска в виде шестигранной пирамидки (Покровский-IV кург.18 погр.2; Табл. 31). Бусы из бирюзы были обнаружены на Селитренном и Царевском городище. Однако аналогии подвеске из бирюзы в виде шестигранной пирамидки неизвестны.

Группа V (7 экз.). Янтарные

Янтарь относится к собственно осадочным образованиям, к классу органических соединений, является ископаемой смолой хвойных деревьев верхнемелового – палеогенового периода. Термин «янтарь» – собирательный для целого ряда ископаемых смол. Характерным элементом этого ряда считается сукцинит, с ним обычно и отождествляют янтарь [298, с. 7–15]. Янтарные бусы были обнаружены в трех погребениях. Представлены следующими типами по типологии М.Д. Полубояриновой:

1 – отдел I тип I (3 экз.) – круглые, шарообразные (рис. 20 – 4). Аналогии имеются в Болгарском и Селитренном городищах [256, с. 42]. Янтарные шарообразные бусы характерны для могильников Крыма и Черноморского побережья Кавказа VIII–IX вв. [101, с. 142, 143, табл. 4]. Янтарные бусы составляют в могильниках Северного Кавказа 0,6–0,7% всех бус. В могильнике Белой Вежи янтарные бусы по количеству занимают второе место после сердечковых, среди них есть и шарообразные янтарные [27, с. 63]. Янтарные бусы этой формы встречаются и в Биляре [256, с. 42], и в северо-восточной Руси [265, с. 203, рис. I/19].

2 – отдел III тип III – граненые, эллипсоидные уплощенные (рис. 20 – 5, 6). Аналогии граненым бусам были обнаружены в Болгарском городище в количестве 12 экземпляров, причем половина из них происходила из золотоордынского слоя. Подобные бусы были встречены в могильнике Белой Вежи [27, с. 62, рис. 49/4a]. В Новгороде они были обнаружены в слоях рубежа X–XI вв. [256, с. 45]. Бусы рассматриваемого типа были обнаружены в Полоцке, в слое 60–70-х гг. XIII в. [256, с. 45]. В домонгольское время аналогичных бус много в окрестностях Киева [265, с. 202, рис. I/4–6]. Похожая янтарная бусина небольших размеров была обнаружена в Кара-Коруме (XIII в.) [187, рис. 161/14]. Видимо, данные бусы имели широкий хронологический период бытования.

3 – уплощенные в поперечном сечении, в продольном каплевидные (рис. 20 – 7). Аналогии неизвестны.

Группа VI (21 экз.). Перламутровые

Бусы из перламутра бочонковидной формы были обнаружены в могильнике Тимашев Колок-I (кург.1), квадратная бусина была найдена в кургане 27 Царевского могильника (табл. 31; рис. 20 – 8). Аналогии бусам неизвестны. Перламутровые бусы неправильно-округлой и каплевидной формы были обнаружены в золотоордынских городах Поволжья [256, с. 46].

Группа VII. Жемчуг

Кочевники Золотой Орды использовали жемчуг как украшение серьги в виде знака вопроса, в качестве кулона, а также нашивали его на одежду и головные уборы (табл. 31). В городах Золотой Орды жемчуг был обнаружен в составе ожерелий и серег [256, с. 45].

Группа VIII. Аметист

В кочевническом погребении (Скатовка кург.11) была обнаружена серьга в виде знака вопроса с аметистом на конце. Подвеска из аметиста была обнаружена в Болгарском городище [256, с. 66].

Группа IX (1 экз.). Коралловые

Зерно коралла с дырочкой было обнаружено в кочевническом погребении Саратовской области (Пугачев кург.1). В могильнике Джухта-II (погр.2) были обнаружены две веточки коралла в составе ожерелья (табл. 31; рис. 20 – 9, 10).

Группа X (6 экз.). Бусы из известняка

Бусы из известняка были обнаружены в двух погребениях (Аткарск кург.16; рис. 20 – 11; Маляевка кург.3 погр.1; рис. 20 – 13; Табл. 31). Также был обнаружен стержень из белемнита (Мамай-Гора зап. гр. погр.6).

Группа XI. Глиняные

Глиняные бусы были обнаружены в кочевническом погребении на территории Южного Урала (Пчельник кург.3). В золотоордынских городах имели хождение кашинные бусы, покрытые бирюзовой поливой. Из кашина делали и двудырчатые полусферические пуговицы, тоже покрытые поливой [316, с. 171]. Кашинные бусы были обнаружены в могильниках – Кан-Тюбе [345, с. 201], Новохарьковский [68, с. 53–58] и некрополе Бозок [21, с. 56–66, рис. 4].

Группа XII. Серебряные

Серебряные бусы цилиндрической формы были обнаружены в кочевническом погребении у села Чадаевка. Бусы из рассматриваемого материала были обнаружены в погребении у станции Натухаевская [234, с. 71–74] и в некрополе Бозок на окраине Астаны [21, с. 56–66, рис. 4].

Группа XIII. Бронзовые

Бронзовые бусы были обнаружены в двух погребениях кочевников (Тлявгуловский кург.4; Покровский-IV кург.18 погр.1).

Группа XIV (1 экз.). Золотые

Бусина имела биконическую форму (Увек погр.2).

Раковины «каури»

Раковины «каури» чаще использовались в качестве шейно-нагрудных украшений или нашивок на одежду. В редких случаях они были локализованы у черепа. На костюме дархатской шаманки в числе непременных атрибутов были нашиты раковины «каури». Л.Л. Викторова предполагает, что их еще в глубокой древности пришивали к женскому шаманскому костюму, как символ божества Земли – Этугэн [66, с. 39, 186].

В среде золотоордынских кочевников стеклянные бусы были больше распространены, чем изделия из поделочного камня, металлов и материалов органического происхождения. Исследователи причину данного факта связывают с развитием стеклоделия в городах Золотой Орды [256, с. 4; 316, с. 170]. Стеклянные бусы, обнаруженные в погребениях кочевников Золотой Орды, имеют аналогии на Руси, в Центральной и Средней Азии, Волжской Булгарии, в мордовских древностях, Херсонесе, золотоордынских городах, более редко – в древностях предшествующей хазарской эпохи. Золотоордынские стеклянные бусы составили часть имевшей широкое распространение интернациональной бижутерии XIII–XIV вв. [316, с. 174]. Через золотоордынские города Поволжья в кочевую среду поступали изделия из сердолика, горного хрусталя, лазурита и других материалов, привозившихся из Индии и стран Среднего Востока [323, с. 50]. М.Д. Полубояринова на основе изучения каменных бус, обнаруженных в городах Золотой Орды, выявила источники их происхождения, а также особенности торговых связей городов Поволжья [256, с. 106–110].

Распределение бус по локальным группам.

Распределение бус в памятниках золотоордынских кочевников по локальным группам представлено в таблице 36 (в абсолютных и относительных показателях). При $R = 0,9–0,95$ мы можем считать, что бусы, как элементы различных категорий убранства костюма, являются представительным признаком (табл. 36). По имеющимся результатам статистического анализа, приведенным в таблице 36, можно констатировать тот факт, что бусы относятся к всеобщим признакам. Рассматриваемые артефакты имеют нормальную и повышенную тенденцию встречаемости в погребениях на территории от Приуралья до Волго-Донского междуречья и на Левобережной Украине. Рассматриваемый признак имеет пониженную тенденцию встречаемости в кочевнических памятниках на Дону и Правобережной Украине.

Локализация бус в погребениях.

Как было отмечено ранее, бусы входили в состав различных категорий убранства. Это зависело от локализации и количества бус в погребении (табл. 32; 33). Чаще в погребениях бусы находились в области шеи, груди и черепа, реже – у рук, таза, ног. Также были зафиксиро-

рованы случаи, когда бусы располагались в одном погребальном комплексе в разных местах, например, у шеи и ног. Размещение бус у изголовья объясняется тем, что головные уборы и серьги украшались бусинами. Следует отметить, что не всегда головные уборы в погребениях располагались у головы.

Количественное распределение бус в погребениях кочевников Золотой Орды имеет также свою специфику (табл. 33). В 48% погребений с бусами рассматриваемые изделия были обнаружены в 1–2 экземплярах, в 29% захоронений – 3–5 экземпляров, в 14% – 6–12 экземпляров. Бусы в большом количестве (более 24 экземпляров) в захоронениях встречались редко. В 1–2 экземплярах бусы чаще встречались в области черепа, шеи и груди, реже у рук, таза, ног. Видимо, бусы в таком количестве украшали серьги, головные уборы и использовались в качестве кулонов. Исследователи отмечают, что бусы, обнаруженные в погребениях кочевников Золотой Орды не низками, а отдельными экземплярами, использовались, видимо, как амулеты [354, с. 322].

Особенности использования бус по половозрастному признаку и их семантика.

Бусы встречались (табл. 34) чаще в женских (88% захоронений, имеющих антропологические определения и содержащих бусы) погребениях, чем в мужских (12%). В последних – бусы были обнаружены в 1–2 экземплярах (в одном погребении – 3 экз.) и, практически, во всех мужских погребениях с бусами были обнаружены предметы вооружения. Бусы не являлись обязательным атрибутом мужского костюма и, видимо, играли роль амулетов: в истории известны примеры, когда в кочевом обществе бусы использовались мужчинами в качестве подвесок-амулетов к оружию [221, с. 26]. Следует отметить, что бусы встречались во всех детских погребениях до 7–8 лет, кроме одного (Аткарский кург.23). Наибольшую встречаемость бусы обнаруживают в погребениях детей (до 7/8 лет) и женщин среднего возраста (14/18–50), наименьшую – в захоронениях пожилых женщин (старше 55 лет). Видимо, это связано с тем, что пристальный взгляд «дурного глаза» всегда считался особенно вредным для беременных женщин и детей. Причем использование бус в качестве оберега детьми и женщинами (прежде всего это касается глазчатых бус) характерно и для современной культуры Востока [221, с. 28–29]. Некоторые психиатры считают, что человек украшает себя бусами из чувства безопасности [221, с. 23].

Особенности использования бус по признаку социального положения.

Бусы относятся к всеобщим признакам, одинаково характерным для захоронений с золотыми изделиями и без них. Из 32 погребений с золотыми предметами бусы (стеклянные, янтарные, сердоликовые, глиняные, раковины «каури», кораллы, жемчуг) были обнаружены в 16 захоронениях (табл. 35); из 106 погребений с серебряными предметами бусы были зафиксированы в 46 погребальных комплексах.

Семантика цвета бус.

Особую семантическую нагрузку имел цвет бус. В погребениях кочевников Золотой Орды преобладают бусы белого, голубого, синего и черного цветов. Реже встречаются бусы зеленого, желтого, серого, фиолетового, коричневого и других цветов. Наиболее почитаемым был белый цвет. Семантика белого цвета у тюрко-монгольских кочевников коррелируется с тем положительным, положительным значением, которое имел белый цвет почти у всех народов мира. У центрально-азиатских кочевников право на ношение одежды белого и голубого цветов имели лишь представители высших рангов родоплеменной иерархии, тем самым подчеркивалась их близость к «верховному божеству» [289, с. 447–450]. Древний народный праздник монголоязычных народов «сагаалган» или «цагаан сара» связан с культом «белого». Белый цвет молока предопределил его священность и стал излюбленным жертвенным даром светлым добрым божествам [76, с. 47]. Белый цвет у монголов синонимичен понятиям «счастливый», «обладающий благодатью». Белому цвету противопоставляется черный, как знак неблагоприятности [126, с. 131]. Особый интерес представляет символическое значение, которое придавалось синему цвету. Появление и распространение в Средней Азии и на Ближнем Востоке синего (голубого) цвета в архитектуре и декоре связаны с мавзолеями тюркской аристократии или постройками, возведенными по их инициативе [289, с. 444–445]. У тюркских и монгольских народов синий и белый цвета являются наиболее почитаемыми. Синий и голубой цвета связаны

с почитанием Вечного Синего Неба (Хохе Монхе Тенгри) в древнемонгольской религии [248, с. 104]. В цветовой этносимволике народов, объединенных Монгольской империей, тибетцы были обозначены черным цветом, корейцы – белым, туркестанцы – желтым, китайцы – красным, а сами монголы – синим. Для того, чтобы подчеркнуть божественное происхождение ханской власти, монгольские ханы именовались сыновьями вечного неба, а начальные формулы ханских указов также апеллировали к божественному авторитету вечного голубого неба. Кочевая жизнь в степи повлияла на формирование семантики цвета: синий символизировал постоянство, зеленый – вечную жизнь, белый – благородство мыслей, чувств, красный – радость, желтый – любовь; в противовес им черный – мрак, несчастье [296, с. 146]. Следует также отметить, что в большинстве погребений кочевой знати эпохи Золотой Орды были найдены фрагменты красных шелковых с золотом халатов китайского изготовления [106, с. 92–93].

Бляшки и амулеты

В рассмотренных нами погребениях накладки и амулеты отличаются своим многообразием и уникальностью. Далее речь пойдет о наиболее распространенных изделиях. В кочевнических памятниках XIII–XIV вв. были найдены предметы языческого и мусульманского культа.

К предметам языческого культа относятся антропоморфные фигурки, вырезанные из тонких металлических листов. Гипотетически онгоны отнесены к шейно-нагрудным украшениям, поскольку в большинстве погребений кочевников (Слобода Рудня кург.1; Три Брата-I кург.12; Котовка-III кург.4 погр.1) они были обнаружены на груди. Возможно, существовали и другие способы ношения рассматриваемых изделий, так как в одном погребении (Котовка-III кург.2 погр.3) определить локализацию амулета в могиле не представилось возможным, потому что оно было ограблено, однако онгон был оставлен в захоронении. Можно предположить, что грабителям было известно поверье, согласно которому такие фигурки являлись вместилищем души человека. Онгоны были найдены в Болгарах [257, с. 239], в городах Золотой Орды на Нижней Волге [318, с. 60]. Следует отметить, что С.А. Плетнева в своей работе упоминает каменную статую с изображением человеческой фигурки, подвешенной к поясу. Она высказывает предположение, что это была кукла-амулет или онгон, который необходимо было всегда носить при себе [252, с. 37]. Появление изделий в форме человечка было связано с приходом монголов [257, с. 239; 319, с. 69]. Первоначально у монголов идолы духов-онгонов вытесывались из камня и дерева, в XIII–XIV вв. онгоны стали изготавливать из серебра и железа. Чулууны Далай отмечает, что монголы при камлании использовали онгоны, изготовленные из различных материалов, в зависимости от социального положения его обладателя [334, с. 167, 204].

К предметам мусульманского культа относятся: бронзовая коробочка-амулет для хранения изречений из Корана, серебряная пластинка квадратной формы с арабской надписью и серебряные, бронзовые цилиндрики-амулеты.

Бронзовая коробочка-амулет для хранения изречений из Корана была найдена в результате раскопок, проводимых И.А. Кастанье в 1906 году в Актюбинской области Казахстана (Жаксы-Каргала-II кург.6 погр.3). Амулет находился у ног погребенной.

Тонкая серебряная пластинка квадратной формы, украшенная растительным орнаментом, фигурками животных, птиц по углам и с вытесненной по центру арабской надписью, была найдена в кургане 5 могильника у поселка Урал Оренбургской области (рис. 6 – 14). Украшение находилось у левого плеча погребенной пожилой женщины. Перевод надписи был выполнен Р.М. Булгаковым. Было сделано предположение, что данная бляшка украшала женский головной убор на берестяном каркасе [50, с. 101]. Аналогичная пластинка была найдена в результате раскопок в Бавлинском районе Республики Татарстан у деревни Байряки-Тамак (рис. 6 – 15) [149, с. 94, рис. 47/6].

Типология цилиндрических подвесок и их аналогии.

Цилиндрические изделия (рис. 7; 8), обнаруженные в десяти погребениях кочевников Золотой Орды, были изготовлены из металла и стекла. Металлические подвески представляют собой цилиндрические изделия с наглухо закрытыми концами. Основная часть рассматриваемых подвесок-цилиндриков была изготовлена из драгоценных металлов – серебра и золота

(53%), реже встречались изделия из бронзы и стекла (табл. 38). Большинство захоронений, в которых были найдены цилиндрические украшения, исследователями датировано концом XIV в., т.е. временем широкого распространения ислама. Из десяти обнаруженных подвесок из металла в девяти погребениях типологии поддаются семь экземпляров, представленных подвесками трех типов. Изделия делятся на типы по расположению петель [319, с. 68–69].

Группа I. Металлические

Тип II (1 экз.). Цилиндрические украшения с петелькой, прикрепленной в средней части. Украшение с растительным орнаментом в одном экземпляре было найдено на Нижней Волге (Слобода Рудня кург.1; рис. 8 – 1). В погребении оно было локализовано у черепа, возле головного убора.

Тип III (5 экз.). Цилиндрические украшения с двумя петельками, прикрепленными с боков цилиндра. Одни изделия были орнаментированы (рис. 8 – 5; Царевский кург.16), другие – украшены каменными вставками (рис. 8 – 2; Высокая гора кург.3). Рассматриваемые артефакты были обнаружены в погребениях на территории Южного Приуралья (Мокринский-I кург.11; рис. 8 – 4; Мокринский-I кург.14 погр.1), Нижней Волги (Царевский кург.1; рис. 8 – 5) и Дона (Высокая гора кург.3; рис. 8 – 2; Олень-Колодезь кург.9; рис. 8 – 3). В трех погребениях амулеты находились у головных уборов на берестяной основе, в двух других – у руки и у стенки могильной ямы. Аналогичное изделие, с находящимися внутри него фрагментами дерева и шлака, было обнаружено в погребении 50 Новохарьковского могильника (рис. 8 – 6) [68, рис. 14/15].

Тип IV* (1 экз.). Серебряное цилиндрическое украшение с тремя петельками. В середине цилиндрика прочерчен узор из растительных элементов. Данное изделие было найдено в результате раскопок, проводимых Г.А. Кушаевым и Б.Ф. Железчиковым в 1975 г. в Западном Казахстане (Мокринский-I кург.16; рис. 8 – 7). Подвеска была найдена у изголовья, там же были зафиксированы фрагменты бересты от головного убора.

Группа II. Стекланные

Тип I (1 экз.). С петлей в центре цилиндра (рис. 8 – 8). Изделие было обнаружено в кургане 4 могильника Колобовка. Зеленая пастовая бусина с разбросанными овальными белыми глазками с коричневыми ободками была выполнена в виде цилиндра (длина 2 см) и имела сквозное отверстие. Сверху к цилиндру был прикреплен малый цилиндр, также с отверстием. Аналогии неизвестны. Однако в золотоордынских памятниках встречались стекланные изделия аналогичной формы, но с иным декором [52, с. 44, табл. II/29,33; 319, с. 69, рис. 9/3].

Особенности использования цилиндрических подвесок по признаку пола, возраста и социального положения.

Металлические цилиндрические подвески являлись элементами убранства женского костюма кочевников Золотой Орды, так как они встречались в захоронениях женщин 20/25 лет. Чрезвычайная редкость данной категории украшений наводит на мысль, что они имели какое-либо статусное или сакральное значение, а их обладательница, возможно, занимала особое положение в обществе. Подвергнем это предположение статистическому анализу. Действительно, на основе сравнительного анализа встречаемости цилиндриков-амулетов в погребениях с золотыми предметами мы можем предположить, что рассматриваемая категория убранства костюма кочевников Улуса Джучи использовалась представительницами высокого социального положения в обществе (табл. 37). Цилиндрические подвески обнаруживают повышенную тенденцию встречаемости в погребениях с золотыми предметами (1,7) и пониженную – в погребениях без золота (0,3). Из 32 погребений с золотыми предметами цилиндрики были обнаружены в трех захоронениях (табл. 37), причем среди последних можно выделить два погребения с предметами, имеющими ранговую атрибуцию – казанами (Высокая гора кург.3; Олень-Колодезь кург.9) [166, с. 328]. Из 106 погребений с серебряными предметами цилиндрические подвески были зафиксированы в шести погребальных комплексах.

Назначение цилиндрических подвесок и их локализация в погребениях.

Рассматриваемые артефакты исследователи относят к предметам мусульманского культа [257, с. 241] и высказывают предположение, что такие футляры, возможно, предназначались для хранения текстов молитв [113, с. 79]. Цилиндрические подвески в убранстве костюма кочевников использовались, как правило, в одном экземпляре, только в одном погребении (Высокая гора кург.3) данные изделия были обнаружены в двух экземплярах. Исследователи, реконструируя головной убор бокку, рассматривают цилиндрики-амулеты как его (убора) декоративное украшение. Действительно, 50% рассмотренных нами цилиндрических украшений находилось возле берестяных фрагментов головных уборов (табл. 3). Однако 40% обнаруженных цилиндриков-амулетов находилось в погребениях, не содержащих головные уборы, и локализованы данные изделия были в области груди, руки и у стенки могильной ямы (табл. 3). Данный факт можно объяснить двумя причинами: либо в некоторых погребениях не сохранилась органическая составляющая головного убора, либо цилиндрические подвески использовались в качестве украшений не только головных уборов, но и одежды. Последнее предположение представляется более верным, так как в погребении у с. Зарагиж цилиндрическое изделие было зафиксировано в составе сложного шейно-нагрудного украшения [113, с. 79, рис. 59] (рис. 16).

Бубенчики

В опубликованных материалах захоронений кочевников Золотой Орды упоминаются бубенчики, обнаруженные на костяках погребенных людей (Свинуха (Лесное) кург.19; Яшкуль кург.1; Лола-II кург.10 и др.; Табл. 39). В трех процентах рассмотренных нами погребений XIII–XIV вв. были зафиксированы бубенчики, они были локализованы в области головы, шеи, груди, вдоль туловища, у рук и ног погребенных. Количество бубенчиков в захоронении варьируется от одного до трех экземпляров. Вероятно, ими обшивались одежда, головные уборы, обувь и они использовались не только в качестве пуговиц, но и играли роль оберегов. Эта традиция в костюме уходит своими корнями в глубокую древность. Использование бубенчиков в качестве пуговиц было чрезвычайно широко распространено в Европе в период средневековья [179, с. 49]. Также они использовались и для декорирования одежды. Для эстетического оформления западноевропейского костюма эпохи средневековья было характерно украшение одежды золотыми и серебряными бубенчиками (в хронике того времени отмечалось, что на одном из турниров на рыцаре звучало одновременно 500 бубенцов, прикрепленных к одежде, обуви, шляпе) [151, с. 32]. В XIV в. в Европе бубенчики прикреплялись к поясу, воротнику, рукавам, плечевым и рукавным швам таперта (разновидность жакета позднего средневековья) [151, с. 37].

ГЛАВА III. ДЕТАЛИ ОДЕЖДЫ И АКСЕССУАРЫ

3.1. Пояс и поясные принадлежности

Пояс в костюме скреплял одежду, освобождал плечи от излишней нагрузки, принимая на себя значительную часть веса одежды. Его практическая ценность определялась и тем, что в средневековом костюме отсутствовала такая деталь, как карманы, и к поясу привешивались все необходимые в быту предметы.

В костюме пояс нес не только конструктивную, но и информативную нагрузку. Наряду со многими его функциями в костюме мужчины-воина он служил, прежде всего, для закрепления оружия. Л.М. Гаврилина появление в период господства золотоордынских ханов наборных поясов в половецкой культурной среде объясняет «внедрением новых бытовых традиций, моды, на ношение таких вещей» [цит. по: 168, с. 238].

З.В. Доде отмечает, что наличие пояса в женском платье является характерным признаком тюркского костюма; монголки, в отличие от половчанок, не подпоясывали свое платье. «Только во время работы, связанной с ходьбой (сбор ягод, кореньев и т.п.), в зимнее время или во время езды на лошади монгольские женщины подпоясывали платье» [111, с. 117].

В некоторых женских погребениях на поясах были найдены пряжки, зеркала, гребни, костяные игольники, кожаные сумочки и ножи в ножнах. Для удобства предметы женского туалета подвешивались к поясу. Например, в кургане 2 могильника Джухта-II к поясу погребенной женщины был подвешен костяной игольник с железными иглами [111, с. 117]. В мужских погребениях с поясными принадлежностями часто находились предметы вооружения (Мариенталь; Рясные могилы кург.7; Высокая гора кург.2; Старая Калитва). В городах Золотой Орды были найдены крюки S-видной формы, исследователи предполагают, что данные изделия могли входить в состав парадного снаряжения воина – они, возможно, служили для крепления колчана к поясу или использовались вместо пряжки [255, с. 61]. Следует отметить, что на каменных половецких изваяниях изображены пояса, к которым крепились предметы обихода, поэтому можно предположить, что и в золотоордынский период (следует отметить, что на каменных половецких изваяниях изображены пояса, к которым крепились предметы обихода, поэтому можно предположить, что и в золотоордынский (когда традиция установки изваяний исчезает) подобные пояса имели хождение в кочевнической ойкумене) подобные пояса имели хождение в кочевнической ойкумене. Набор вещей, носимых половчанками на поясе, как об этом свидетельствуют каменные изваяния, отличался от мужского. Мужские статуи изображены с оружием, бытовыми предметами (ножи, кресала и кошельки); женские – с зеркалами и гребнями [252, с. 47–49].

В этом параграфе будут рассмотрены металлические детали пояса. Изучение поясов, состоящих только из органической основы, выходит за рамки настоящего исследования. В статистическом анализе мы не оперировали косвенными данными, указывающими на наличие пояса, так как предметы, которые могли крепиться к поясу, имели различную локализацию в погребениях (табл. 65, табл. 69).

Пряжки

Исследователи отмечают, что в домонгольско-тюркской среде поясные пряжки играли заметную роль в костюме, об этом свидетельствуют многочисленные изваяния. На миниатюрах монгольской школы XIII–XIV вв. (с изображениями Чингиз-хана, его сыновей, придворного окружения и монгольских воинов), дающих нам четкое и ясное представление о костю-

ме монгольской знати, мы видим, что поясом им служил узкий ремешок, лишенный каких-либо накладных украшений [260, с. 252–258].

Типология пряжек и их аналоги.

В 102 погребениях кочевников Золотой Орды были обнаружены пряжки. Типологии поддаются пряжки из 48 погребений. Рассматриваемые артефакты разделены на группы по материалу. Очевидно, в одежде чаще применялись пряжки из золота, серебра, меди, бронзы и железа, которые в захоронениях локализованы в области пояса и таза погребенных, реже – у плеч и верхних ребер. Железные пряжки также использовались в конской сбруе, аналогичным образом использовались и костяные пряжки, их мы не учитывали в типологии. Пряжки, как деталь одежды кочевников Золотой Орды, были рассмотрены по типологии, разработанной Г.А. Федоровым-Давыдовым для средневековых древностей [319, с. 42–47]. Классификация пряжек проводится по отделам – по форме приспособления для соединения пряжки с ремнем, и по типам – по форме рамки, в которую пропускается свободный конец ремня, и язычка.

Группа I. Золотые, серебряные или бронзовые

Отдел Б

Ремень соединяется с пряжкой при помощи прямоугольного «приемника»

Тип II (1 экз.). С овальной рамкой, плоской в сечении, и с узким прямоугольным «приемником». Пряжка обнаружена в Поволжье в кочевническом захоронении (рис. 22 – 1; Мари-энталь). Аналогии данному изделию можно найти в Лядинском могильнике, памятниках Сибири, болгарских памятниках IX–X вв., на Волге и в Приуралье в синхронных комплексах, а также в Новом Сарае, среди материалов XIV в. [319, с. 42–44].

Отдел Г

Ремень соединяется с пряжкой при помощи щитка, вращающегося на той же оси, на которой насажен язычок пряжки

Тип IV (1 экз.). С овальной, плоской в сечении, заостренной спереди рамкой, с прямоугольным щитком. Обнаружена в погребении на территории Левобережной Украины (рис. 22 – 2; Чауш кург.13 погр.1).

Отдел Д

Без специального приспособления для соединения ремня с пряжкой.

Ремень охватывает часть рамки

Тип III (1 экз.). Прямоугольная, с заостренной и уплощенной передней частью, круглая в сечении. Обнаружена в погребении 2 кургана 2 могильника Джухта-II.

Тип V* (1 экз.). Прямоугольная по форме и в сечении. Пряжка обнаружена в погребении 1 кургана 1 могильника Солодовка-II (рис. 22 – 3).

Тип VI* (1 экз.). Вытянутая, сдавленная с боков, с заостренным концом. Изделие найдено в могильнике Царевский (кург.5; рис. 22 – 4).

Группа II. Железные

При классификации железных пряжек отделы выделены по способу соединения с ремнем, а типы – по форме рамки.

Отдел А

Без специального приспособления для соединения ремня с пряжкой.

Ремень охватывает часть рамки

Тип I (15 экз.). Прямоугольные. (табл. 40; рис. 22 – 5).

Тип II (10 экз.). Сегментовидные. (табл. 40; рис. 22 – 6).

Тип III (15 экз.). Круглые. (табл. 40; рис. 22 – 7).

Тип IV (2 экз.). Вытянутые в виде овала (вариант а). (табл. 40; рис. 22 – 8).

Изделия, подобные пряжкам типа А I и А II, имеются в салтовской культуре и в синхронных ей памятниках, в Новгороде в слоях XIII в., Саркеле, памятниках VIII–IX вв. Дунайской Болгарии, в средневековых памятниках Тянь-Шаня и мордовских памятниках XIV в. Аналогии пряжкам типа А III можно найти в памятниках салтовской культуры, в Саркеле; артефакты, идентичные пряжкам типа А IV, – в памятниках VIII–IX вв. Дунайской и Волжской Булгарии, средневековых кочевнических погребениях Тянь-Шаня, мордовских могильниках XIV в. [319, с. 46].

Отдел В

Ремень соединяется с пряжкой при помощи щитка, неподвижно соединенного с рамкой

Тип I (1 экз.). С овальной, плоской рамкой и прямым щитком. Пряжка обнаружена в кургане 10 могильника Тamar-Уткуль (рис. 22 – 9).

В погребениях кочевников Золотой Орды были обнаружены и орнаментированные пряжки. На дужке пряжки из кургана 7 могильника Олень-Колодезь (рис. 22 – 10) в составе поясного набора были изображены два смотрящих друг на друга дракона. Щиток пряжки покрыт геометрическим орнаментом, выполнен, как и дужка, способом чеканки. В Благословенском кургане были обнаружены бронзовые позолоченные ажурные пряжки с изображением тигра, борющегося с другим животным. Возле правого плеча и левой кисти погребенного в Аткарском могильнике (погр.11; рис. 22 – 11) были обнаружены две прямоугольные пряжки из позолоченного серебра. На лицевой стороне пряжек был изображен сложный зооморфный орнамент из переплетенных ветвей и листьев, в который гармонично включены изображения трех оленей: двух в полный рост (сидящий и стоящий), и голова третьего оленя. С.Ю. Монахов считает, что эти пряжки имеют степное происхождение и изготовлены были, скорее всего, в одном из золотоордынских центров. Судя по их взаиморасположению на костяке и остаткам кожаного ремня внутри пряжек, они крепили портупею или перевязь воина [Монахов, 1991, с. 177–178]. Редко в погребениях кочевников Улуса Джучи встречаются пряжки-сьюльгамы (Свинуха кург.19). Аналогичные изделия встречаются часто в могильниках финно-угров в XIII–XIV вв. [79, с. 202].

Особенности использования пряжек по признаку пола, социального положения и их локализация в погребениях.

Пряжки чаще встречаются в мужских погребениях кочевников Золотой Орды (табл. 41).

На основе сравнительного анализа встречаемости пряжек, в погребениях с золотыми предметами и без них, мы можем предположить, что пряжки были характерны для убранства костюма кочевников Золотой Орды независимо от социального положения их обладателя (табл. 42). Отличия, видимо, проявлялись в материале, из которого изготавливались пряжки. Тенденция встречаемости пряжек в погребениях с золотыми предметами равна 0,9 и в погребениях без золота – 1,0. Из 32 погребений с золотыми предметами пряжки были обнаружены в шести захоронениях (табл. 42). Из 106 погребений с серебряными предметами пряжки были зафиксированы в 21 захоронении. Следует отметить, что в 63% (в 64 погребениях из 102) погребений с рассматриваемой категорией убранства были обнаружены предметы вооружения, что объясняется функциональным назначением поясов. Однако пряжки в погребениях были найдены не только у пояса и в области таза, но и возле плеч и у верхних ребер. Судя по расположению на костяках и остаткам кожаных ремней внутри пряжек в некоторых погребениях, они крепили портупею или перевязь воина (Купцын-Толга кург.46 погр.2; Аткарский погр.6; Аткарский погр.11; Рясные могилы кург.7 и т.д.).

Накладки

В данную категорию включены накладки, служащие для украшения ремня. Подобные изделия были обнаружены в 45 погребениях. В опубликованных материалах раскопок не всегда имеются детальные характеристики и изображения накладок, поэтому их подробное типологическое описание, сквозь призму типологии Г.А. Федорова-Давыдова, не представля-

ется возможным. Однако, оперируя имеющимися в нашем распоряжении материалами, можно охарактеризовать некоторые уникальные экземпляры и констатировать тот факт, что производства унифицированных поясных накладок в Золотой Орде, видимо, налажено не было. Формы накладок, обнаруженные в погребениях кочевников Золотой Орды, были разнообразны: ромбовидные (Новокумакский-II кург.3), многогранные (Гусевка кург.2), прямоугольные, в виде многолепестковых розеток (Лебедевка-II одиночный курган), сердцевидные (Лебедевка-II одиночный курган) и т.д.

В могильнике Лебедевка-II справа у таза погребенного были обнаружены четыре серебряные бляхи, покрытые золотой фольгой (две бляхи в виде розетки, две – сердцевидные с изображением животных). На одной бляхе (сердцевидной формы) изображены головы двух рогатых козлов и протома тигра с разинутой пастью, удерживающего в зубах солнечный диск. Две дисковидные бляхи (плохой сохранности) имели узор в виде перевитой веревочки (рис. 22 – 12). В кургане 3 могильника Ново-Кумаковский-II были найдены ромбические бронзовые накладки от пояса с изображением дракона, пожирающего солнце. На другой поясной бляхе данного пояса изображено синкретическое животное. На ней рельефно изображена морда лошади, но вместо копыт – лапы животного семейства кошачьих. В кургане 3 могильника Комсомольский-VI у правого плеча погребенного были обнаружены шесть серебряных шестилепестковых ажурных бляшек, приклепанных к ремню; слева у костяка, от локтя к бедру были зафиксированы остатки пояса: бронзовое кольцо, железный крючок и кусок ремня, украшенный ажурными бляшками и подвесками. В погребении 1 кургана 2 могильника Гусевка на тазовых костях погребенного человека были расчищены десять серебряных бляшек с проволочными крючками на обороте и серебряная обойма от поясного набора, здесь же лежала обломанная серебряная пластинка. В кочевническом захоронении «У обелиска Славы» рядом с левой бедренной костью костяка была зафиксирована серебряная накладка в виде розетки с петелькой. В кургане у с. Мануйловка были обнаружены железная застежка с серебряной инкрустацией, железная бляха Т-образной формы для соединения двух ремней, железные накладки, и в том числе четырехлепестковая накладка с круглыми сквозными отверстиями (описанные артефакты относятся к изделиям аскизского типа). В погребении в низовьях реки Иловли (Красная Котлубань кург.1 погр.1) были зафиксированы две железные фигурные накладки на ремень. Форма их близка к 8-образной, на концах имеются штырьки-заклепки. В мавзолее Мустаево-V в составе поясного набора были найдены бляхи различных форм (рис. 22 – 13). В кургане 3 могильника Высокая гора у пояса погребенной женщины были зафиксированы золотые украшения: пять бляшек в виде розеток и три ажурные накладки.

Комбинации поясных принадлежностей

Поясные принадлежности представлены в рассматриваемых нами памятниках пряжками, накладками и наконечниками ремней.

Характеристика комбинаций поясных принадлежностей.

Мы проанализировали комбинации встречаемых в погребениях поясных принадлежностей и выделили следующие соотношения:

Комбинации с пряжками:

I. Без накладок и наконечников – 16,5% рассмотренных погребений;

II. Накладки – 4,5% рассмотренных погребений;

III. Накладки + наконечник ремня – 0,4% рассмотренных погребений.

Комбинации без пряжек:

IV. Накладки – 4,5% рассмотренных погребений;

V. Накладки + наконечник ремня – 0,2% рассмотренных погребений.

Поясные принадлежности были обнаружены в 122 погребениях кочевников Золотой Орды. Следует отметить, что отсутствие в могилах на боевом поясе пряжки исследователи связывают с обрядом «обезвреживания» мертвеца: расстегнутый пояс и оружие, висящее на нем, теряли силу, и их невозможно было использовать против живых [251, с. 161]. Целые поясные наборы в погребениях кочевников Золотой Орды немногочисленны, но разнообразны. Среди них особый интерес представляют следующие:

1. Золотой набор от пояса из кургана у с. Мариенталь Саратовской области, исследованного П.Д. Рау в 1929 г. Набор состоял из массивной овальнорамчатой орнаментированной пряжки (рис. 22 – 1), наконечника, трех больших орнаментированных блях и четырнадцати полых блях меньшего размера. Все бляхи, а также пряжка украшены рельефным растительным орнаментом. Все элементы были изготовлены в одном стиле [79, с. 188–189].

2. Кожаный пояс с бронзовыми круглыми, квадратными и четырехлепестковыми бляшками, ажурными прямоугольными рамками для ремешков-привесок и подвесной сумочкой-кошельком был обнаружен И.В. Синециным в 1963 году в могильнике Усть-Курдюм (кург.8). Сыромятный ремень пояса одним концом лежал на левой стороне нижних ребер, далее проходил по поясничным позвонкам и правому крылу таза и заканчивался под левой бедренной костью. Кожаная сумка-кошелек была зафиксирована на поясе, недалеко от нижнего конца ремня [79, с. 213].

3. Серебряный с позолотой поясной набор, состоящий из двух крупных бляшек с петлями для привесных ремешков, украшенных чеканными изображениями зверей кошачьей породы, играющих с котятами, наконечниками ремня с изображением кошки и двух котят, играющих с ее хвостом, и девяти мелких бляшек с изображением фигуры свернувшегося в кольцо барса, был обнаружен К.Ю. Ефимовым в 1996 г. в могильнике «Олень-Колодезь» на Дону (Воронежская область). Серебряная пряжка, на которую застегивался пояс, была украшена фигурами двух драконов, стоящих друг против друга [121, с. 167–176, рис. 4/2]. Поясные наборы с изображением драконов, обнаруженные на территории Поднепровья (погребение у с.Карги и на о.Березань), Среднего Подонья (Власовский могильник), степного Предкавказья (с.Новоберезанская), Среднего и Нижнего Поволжья (городище Красный Яр (рис. 23 – 1)), М.Г. Крамаровский объединяет в группу воинских («гвардейских») поясов [169, с. 147–153].

4. Поясной набор с серебряной пряжкой и накладками полулунной формы, украшенными растительным орнаментом, был обнаружен в начале XX в. Н.Е. Макаренко (Рясные могилы кург.7). У левого плеча погребенного были зафиксированы остатки ремня, опускающегося к поясу, железная пряжка и бляшка с полушаровидной выпуклостью в середине и с краями, украшенными мелкими выпуклыми полушариками, а также сильно окислившиеся предметы в виде неопределенных пластинок небольших размеров. К основному поясному ремню были прикреплены три дополнительных ремня, один отходил к левой части костяка, этот конец ремня был прикреплен к основному с помощью медной пряжки. У этой пряжки у основного ремня были прикреплены кольца для подвешивания предметов. Остальные дополнительные ремни были направлены вниз к правой бедренной кости, один из них заканчивался большой массивной пряжкой с длинным стержнем. Оба дополнительных ремня заканчивались прикрепленными к ним пряжками и кольцами. Основной ремень заканчивался медной пряжкой, прикрепленной к ремню с помощью длинной пластинки, орнаментированной насечками [194, с. 89–92].

5. Фрагменты кожаного ремня с железной прямоугольной пряжкой с подвижным язычком (тип А I), шесть серебряных прямоугольных накладок и две бронзовые обоймочки в виде колечек были обнаружены экспедицией Г.И. Багрикова (Лебедевка-IV кург.3) [173, с. 111].

6. Наборный пояс, состоящий из пряжки, семи блях и кольца, был обнаружен в 1980-е годы в кургане на Дону (Старая Калитва). Пряжка была орнаментирована тонкой гравировкой: кольцо по краю, в центре – стилизованное изображение цветка. Этот орнаментальный мотив – цветок и линия по контуру – повторялся и на бляхах. Пять квадратных блях были орнаментированы изображением четырехлепесткового цветка в квадратной рамке. Устройство двух блях-обойм со скобой для подвесного ремня аналогично конструкции блях пояса из кургана 15 Власовского могильника в бассейне Хопра (Грибановский район Воронежской области), датируемого золотоордынским временем, а также деталям золотого поясного набора из кургана 1 в группе Белореченских курганов XIV–XV вв. (Краснодарский край). Заметны черты сходства и в креплении небольших квадратных блях из Старой Калитвы и бляхи из названного Белореченского кургана. Схож и принцип устройства этих поясов. Орнамент на бляхах и пряжке типичен для художественной культуры Золотой Орды, а отсутствие рельефности в декоре, использование гравировки тонкими линиями были характерны для XIV в. [168, с. 233–239].

7. Пояс, состоящий из бронзовых позолоченных ажурных пряжек с изображением тигра, борющегося с другим животным, трех полукруглых серебряных (с позолотой) бляшек в виде свернувшихся хищников и бронзового золоченого наконечника ремня, был обнаружен И.А. Зарецким в 1935 году (Благословенский курган) [128, с. 152].

8. Пояс с целыми и фрагментированными х-видными деталями был найден С.Ю. Монаховым (Аткарский погр.6). От левого бедра до локтя погребенного были зафиксированы остатки кожаного ремня с 13 наклепанными на него бронзовыми бляхами, с выпуклым чеканным орнаментом в виде двух стилизованных шестилепестковых цветков. К трем бляхам приклепаны с помощью небольших хомутиков бронзовые колечки диаметром 1,5 см. Ремень заканчивался квадратной рамочной пряжкой (тип А I) с двумя металлическими фиксаторами [216, с. 170–174].

9. Остатки кожаного ремня с 57 прямоугольными накладками, подвеской в виде скобы и пряжкой оригинальной конструкции были найдены в захоронении на правом берегу реки Миасс (Федоровка). Слева от пояса был зафиксирован кожаный мешочек с кресалом [45, с. 68–69].

В женских погребениях кочевников Золотой Орды если и встречались поясные принадлежности, то, как правило, в небольшом количестве. Пояс, состоящий из бронзовой пряжки-сюльгамы и прямоугольной железной пластинки, был найден в результате археологической экспедиции Н.К. Арзютова 1931 г. в Балашовском районе Саратовской области (могильник у с. Свинуха (Лесное) кург.19) [79, табл. XXV/27]. Аналогичные сюльгамы встречаются в могильниках финно-угров XIII–XIV вв.

Наборные пояса в кочевнических комплексах степной Евразии XIII–XIV вв. не являются массовой находкой, так что о стилистике их декора мы можем говорить как о субъективном явлении, обусловленном индивидуальными вкусами или возможностями их владельцев.

Распределение поясных принадлежностей по локальным группам.

Распределение поясных принадлежностей в памятниках золотоордынских кочевников по локальным группам представлено в таблице 43 (абсолютные показатели). При $R = 0,9–0,95$ мы можем отметить (табл. 44), что пряжки как элемент убранства костюма – представительный признак для всех локальных групп; поясной набор, состоящий из пряжек и накладок, – представительный признак для убранства костюма кочевников Южного Приуралья, Средней Волги и Дона, для других территорий данный признак не представителен. Остальные комбинации поясных наборов являются непредставительными признаками убранства костюма кочевников Золотой Орды. По утверждению В.Ф. Генинга и его соавторов, выводы, сделанные на основе непредставительных признаков, являются малодостоверными [327, с. 79].

Для того, чтобы определить, к какой категории признаков (всеобщие, локальные и частные) относятся различные комбинации поясных принадлежностей, рассмотрим тенденцию их встречаемости в погребениях, используя методику, предложенную В.Ф. Генингом и его соавторами [327, с. 84–91]. По имеющимся результатам статистического анализа, приведенным в таблице 46, можно констатировать факт, что пояса, состоящие из пряжки, пряжки и накладок, только из накладок (комбинации I, II, IV), относятся к локальным признакам «по тенденции». Пряжки имеют нормальную или повышенную тенденцию встречаемости в погребениях всех локальных групп, кроме Дона и Правобережной Украины. Комбинация II имеет пониженную тенденцию встречаемости на территории Южного Приуралья, Нижней Волги, Волго-Донского междуречья, в остальных локальных группах тенденция встречаемости нормальная или повышенная. Комбинация IV имеет пониженную тенденцию встречаемости или равную нулю на Средней Волге и Левобережной Украине, на остальных территориях тенденция повышена или является нормальной. Пояса, состоящие из пряжки, накладок и наконечника (комбинация III), относятся к «чистым» локальным признакам и имеют повышенную тенденцию встречаемости на Средней Волге и в Южном Приуралье, в остальных территориальных группах данный признак отсутствует. Пояс, состоящий из накладок и наконечника ремня (комбинация V), относится к частным «чистым» признакам, был обнаружен на Дону, в других локальных группах отсутствует. Таким образом, мы выделили особенности распределения различных комбинаций поясных принадлежностей в погребениях кочевников в разных локальных группах. Для большинства комбинаций поясных принадлежностей процентные показатели их встречаемости в локальных группах ниже предела представительности признака (т.е. непредставительны),

поэтому выводы на основе таких показателей являются малодостоверными [327, с. 84–91]. Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости «укрупнения» признаков. Поэтому мы вычислили тенденцию встречаемости для всех поясных принадлежностей, независимо от их комбинаций (табл. 47). Рассматриваемый всеобщий признак обнаруживает повышенную или нормальную тенденцию встречаемости в погребениях на Нижней Волге, в Южном Приуралье, на Дону, Левобережной Украине, в остальных территориальных группах тенденция понижена.

Особенности использования поясных принадлежностей по половозрастному признаку.

Поясные принадлежности встречались чаще в мужских (79% захоронений мужчин, содержащих поясные принадлежности) погребениях, чем в женских (21%; Табл. 48). В женских захоронениях поясные принадлежности в основном были представлены пряжками (в одном экземпляре; 14 погребений), редко – поясными бляшками (их количество варьировалось от 1 до 15 экземпляров; 4 погребения) и наконечниками ремней (табл. 49). Сравнительный анализ тенденции встречаемости различных комбинаций поясных принадлежностей в мужских и женских погребениях кочевников XIII–XIV вв. (табл. 49) позволил выделить признаки частные по «тенденции» (комбинации I, II, IV) и частные «чистые» (комбинации III, V). В женских погребениях представлены слабо (комбинации I, II, IV) или отсутствуют (комбинация V) большинство комбинаций поясных принадлежностей. Поясной набор, состоящий из пряжки, накладок и наконечника, обнаруживает повышенную тенденцию встречаемости в женских погребениях, однако данный показатель ниже порога значимости, поэтому не является представительным. В мужских погребениях поясные принадлежности обнаруживают повышенную тенденцию встречаемости, кроме комбинации III. Поясные принадлежности были найдены рядом с погребенными, возраст которых определен 13/15 – 55 годами.

Особенности использования поясных наборов по признаку социального положения, их семантика.

На основе сравнительного анализа встречаемости поясных принадлежностей (независимо от их комбинаций) в погребениях с золотыми предметами мы можем предположить, что данная категория убранства костюма кочевников Улуса Джучи использовалась как представителями высокого социального положения в обществе, так и более низкого (табл. 50). Поясные принадлежности обнаруживают тенденцию встречаемости в погребениях с золотыми предметами равную 1,1 и в погребениях без золота – 0,9 (табл. 50). Из 106 погребений с серебряными предметами поясные принадлежности были зафиксированы в 28 захоронениях. Также следует отметить, что в погребениях с золотыми вещами, как правило, встречались поясные наборы, состоящие из пряжек и накладок, реже – из пряжек, накладок и наконечника ремня.

Рассмотрим степень зависимости состава наборного пояса от встречаемости с некоторыми социально-маркирующими предметами в погребениях кочевников Золотой Орды. Установлено, что в VII–IX вв. в костюме алан, болгар, тюрков – количество бляшек на поясе зависело от воинского статуса индивида. Судя по таблице 51, нет оснований однозначно утверждать, что для кочевников Золотой Орды данный факт был также характерен. По материалам лесостепного и северостепного Подонья к вещам, имеющим ранговую атрибуцию, исследователи относят казаны, казанки, их модели, чаши с дужками, размещенные у ног погребенных [166, с. 326–329]. М.Л. Швецов заметил, что в монгольское время «маленькие котелочки» появились в половецких могилах как суррогат обряда помещения в могилы знати казанов [339, с. 200]. По данным таблицы 51 выявляются отличительные особенности взаимовстречаемости поясных наборов, изготовленных из различных по ценности материалов, с социально-значимыми вещами, поэтому рассмотрим тенденцию встречаемости поясов из драгоценных металлов и поясов из меди, бронзы, железа с категориями вещей, свидетельствующими о социальном статусе их владельца. По результатам данного анализа выявилась повышенная тенденция встречаемости сосудов, имеющих ранговую атрибуцию, в погребениях с поясными наборами из драгоценных металлов. Предметы вооружения имеют примерно равную тенденцию встречаемости в погребениях с поясами из драгоценных металлов и с поясами из меди, бронзы и железа. Две категории погребений имеют высокую степень сходства по наличию оружия (86,4%), наименьшую (43,5% и 45,5%) – по наличию других артефактов, свидетельствующих о высоком социальном статусе погребенного.

Таким образом, наличие поясного набора из драгоценных металлов в костюме кочевников Золотой Орды придавало его владельцу определенный престиж. Среди рядовых воинов были распространены пояса из бронзы, меди и железа, пояса из драгоценных материалов были характерны для другой категории кочевого общества (табл. 51; 52).

Поясные наборы появились в Сибири еще в таштыкскую эпоху, в Восточной Европе ими пользовались сарматы. Широко распространились поясные наборы в IV–VII вв. н.э. «В IX–X вв. они были известны на Руси, в Скандинавии и в степи» [319, с. 64]. В убранстве костюма кочевых народов в различные исторические периоды особую роль играл поясной набор. Это подтверждается сюжетами эпоса и письменными источниками. В этногенетических преданиях скифов Геракл говорит женщине-змее: «Когда увидишь, что сыновья возмужали, то лучше всего тебе поступить так: посмотри, кто из них сможет вот так натянуть мой лук и опоясаться этим поясом, как я тебе указываю, того оставь жить здесь. Того же, кто не выполнит моих указаний, отошли на чужбину. Если ты так поступишь, то и сама останешься довольна и исполнишь мое желание» [цит. по: 95, с. 58]. В этом отрывке мы видим элементы испытательных обрядов инициации и особую роль пояса в них. Наборные пояса кочевников степей Евразии VI–X вв. имели особую социально-знаковую семантику. В письменных источниках зафиксированы сообщения о том, что китайские императоры дарили вождям кочевников золотые пояса наряду с пышной одеждой, что служило высокой наградой. Богато набранный пояс был самым ценным подарком. Таким образом, пояс у кочевников степей Евразии был своеобразным «паспортом», определяющим место кочевника в административной и военной иерархии [242, с. 50–54]. В тюрко-монгольском героическом эпосе пояс – одна из наиболее часто упоминаемых деталей воинского костюма. Так, героиня хакасского эпоса Пичен-Арыг обращается к своему народу, впавшему в разброд и шатание, со следующими словами: «Не носите одежду без пояса! Не будьте народом без суда, без закона!..» [23, с. 254]. В костюме кочевников Золотой Орды наличие пояса определено несло свою семантическую нагрузку, так же как и его отсутствие в убранстве. Так, совершая молитву на горе Бурхан-Халдун, Чингиз-хан «...обернулся лицом к солнцу, как четки на шею повесил свой пояс, за тесьму повесил на грудь шапку свою и, расстегнув (обнажив) свою грудь, девятикратно поклонился солнцу...» [17, параграф 103]. В данном случае отсутствие пояса на привычном месте его ношения можно трактовать как признак открытости и внутренней душевной умиротворенности. мода на пояса разошлась по всей территории Евразии не только среди кочевых, но и даже среди оседлых народов. Для западноевропейского средневекового женского костюма было присуще наличие пояса, украшенного металлическими пластинками, располагающегося на бедрах, концы которого свисали до низа одежды [151, с. 37]. Причем к поясу, как и у кочевников, прикреплялись различные предметы обихода – четки, зеркало, восковой амулет, позолоченный соколиный коготь – зубочистка [151, с. 39].

Поясные наборы кочевников эпохи Золотой Орды хотя и немногочисленны, но разнообразны. В раннеджучидский период (первая половина XIII – середина XIII вв.) бытовали пояса двух видов – воинские и парадные «охотничьи». Исследовав торевтику Золотой Орды, М.Г. Крамаровский приходит к выводу, что «воинские» («гвардейские») пояса с изображением драконов распространяются в период 20–40-х гг. XIII в. с первым поколением Джучидов. Пояса с изображениями драконов на лицевых пластинах объединяют общность типов поясных накладок, их конструктивные особенности, система распределения украшений на ремне, орнаментация чешуйчатым узором тыльных пластин, но необходимо отметить, что характер изображения драконов на этих изделиях различен. Для лицевых пластин парадных «охотничьих» поясов характерны изображения ланей или оленей у цветущих деревьев, либо просто растительные мотивы. Изображение ланей (олений) вместе с цветком лотоса носит благопожелательный характер и, согласно китайской традиции, символизирует пожелания знатности и долголетия. Обе серии поясов – «охотничьи» и «воинские» – близки по утилитарной функции, но различны по их месту в общественной жизни. Воинские поясные наборы с драконовидной геральдикой бытовали во время становления и расцвета монгольского государства. Вторая группа поясов, в частности поясной набор из Гашун-Уста, стилистическими корнями связана с наследием цзиньской эпохи. Этот поясной набор относится уже ко времени становления Золо-

той Орды как самостоятельного государства. Вместе с тем, как отмечает М.Г. Крамаровский, речь идет не о смене традиций, а о параллельном бытовании двух функционально разных типов поясных наборов [169, с. 155–157]. Поясные гарнитуры конца XIV – начала XV вв. отличаются своим орнаментальным многообразием и в большей мере ориентированы на вкусы исламизированной элиты. К «крымско-малоазийской» группе вещей позднеордынского периода относится поясной набор из Белореченского кургана № 6 [169, с. 178]. По мнению М.Г. Крамаровского, к «латинской» группе памятников позднеордынского периода относятся пряжки из Белореченских курганов, поясные наборы Симферопольского клада и др. Рассмотрев поясные наборы, бытовавшие в Золотой Орде в различных хронологических рамках, можно сделать обобщение – для сюжета поясных гарнитур раннедзучидского периода характерен зооморфный и растительный орнамент, а позднеордынский период (когда в степи центральноазиатские элементы культуры вытеснялись исламскими инновациями) характеризуется преобладанием поясных наборов с растительным орнаментом [169, с. 155–165].

Анализ по составу и качеству элементов наборно-поясного комплекса кочевников Золотой Орды позволил провести грань между несущей частью пояса, образованного набором различных по форме, взаимным сочетаниям, количеству бляшек, и подвесным набором – совокупностью предметов прикрепленных к поясу. Мы уже отмечали, что предметы обихода в костюме кочевников Улуса Джучи подвешивались к поясу. К таким дополнительным атрибутам костюма можно отнести и поясные чаши. Золотые и серебряные поясные чаши с ручками в виде протомы дракона (Олень-Колодезь кург.7) М.Г. Крамаровским датированы раннедзучидским периодом. Для декора этой группы характерно культурное влияние Дальнего и Ближнего Востока и Средней Азии [169, с. 165–167]. В среде золотоордынской знати существовала строгая дисциплина, основанная на тщательном соблюдении особого этикета взаимоотношений. Элементы этих взаимоотношений были проникнуты своеобразной символикой. Например, символическими были и пиры, особое место уделялось посуде для питья из драгоценных металлов. Поэтому они украшались оригинальными орнаментами и сюжетными композициями [54, с. 31].

3.2. Пуговицы

В 52 погребениях кочевников XIII–XIV вв. были обнаружены пуговицы. Металлические пуговицы встречались в погребениях чаще (38 погребений), чем костяные (табл. 56; 9 погребений). Возможно, одной из причин этого является плохая сохранность органики в погребениях.

Характеристика пуговиц (типология, орнаментация) и их аналоги.

По типологии, разработанной Г.А. Федоровым-Давыдовым, пуговицы разделяются на отделы по материалу, на типы – по форме.

Отдел А

Бронзовые, серебряные

Тип I (1 экз.). Шаровидные с горизонтальным швом. Диаметр 0,5 см. На правом плече погребенной женщины в кургане 2 могильника Козинка-I была обнаружена бронзовая пуговица (рис. 21 – 1).

Тип II (1 экз.). Такие же, только более крупные. Диаметр 1 см. Пуговица (бубенчик) обнаружена в могильнике Олень-Колодезь на Дону в кургане 7. Данное изделие было обнаружено в 0,2 м южнее наконечника копья на дне гробовища, около восточной стенки (рис. 21 – 14).

Тип V* (14 экз.). Шаровидные без швов с припаянными петельками. Обнаружены в шести погребениях: на Нижней Волге (Малаяевка кург.7), на Средней Волге (рис. 21 – 2; Аткарск кург.6), в Волго-Донском междуречье (Три Брата-II кург.11; рис. 21 – 3; Бичкин-Булак кург.7), на Левобережной Украине (Рясные могилы кург.17 погр.1), в Южном Приуралье (Покровский-IV кург.18 погр.1). Аналогичные пуговицы были найдены в 26 погребениях (в основном женских) Новохарьковского могильника [68, с. 16–18, 19, 20, 22–26, 30–35, 37, 38, 42, 47, 51–58, 68, 70–71, 76, 84, 88, 95–97] (рис. 21 – 13).

В погребениях кочевников Улуса Джучи также были найдены пуговицы из кости (9 погребений).

Отдел Б Костяные

Тип I (1 экз.). Круглые с отверстием в центре, в сечении образуют полукруг. Украшены циркульным орнаментом. Изделие обнаружено в погребении ребенка 7–8 лет в могильнике Буранчи-I (кург.1 погр.2; рис. 21 – 7).

Тип II (1 экз.). Круглые, в сечении образуют прямоугольник. Пуговица обнаружена в погребении на территории Волго-Донского междуречья (Раевская кург.2 погр.3).

Тип IV (1 экз.). Круглые с отверстием в центре, в сечении образуют трапецию. Орнамент циркульный (рис. 21 – 6). Обнаружена там же, где пуговица типа I.

Тип V (1 экз.). Круглые, в сечении образуют трапецию с очень малым верхним основанием, с отверстием в центре. Пуговица найдена в могильнике Мамай-Гора вост. гр. (погр.4; рис. 21 – 9). Аналогичное изделие было обнаружено в Новохарьковском могильнике погр.142 [68, с. 95–97].

Тип VI* (1 экз.). Круглые, в сечении имеют куполообразную форму. Обнаружена в Царевском могильнике (кург.10; рис. 21 – 8).

В погребениях чаще встречались пуговицы, изготовленные из металла, реже – кости (табл. 56). В единичных случаях были обнаружены застежки из цветных металлов (Крутец кург.1) и пуговица из египетского фаянса (Солодовка-II кург.8 погр.1). Для изготовления рассматриваемых изделий использовали в большинстве случаев бронзу, реже – серебро, медь, железо, олово и золото (табл. 57).

В погребениях кочевников были обнаружены костяные пуговицы с циркульным орнаментом (аналогичным орнаментом были декорированы также зеркала и гребни). Подобный орнамент присущ мировым мотивам декоративно-прикладного искусства народов Европы, Азии и Америки. Этот солярный символ возник на разных материках земного шара конвергентно. Н.А. Рубакин сделал весьма любопытные наблюдения над некоторыми зрительными эффектами, связанными с изображением концентрических кругов с точкой в центре. Действительно, если взять в руки предмет, на который нанесено циркульное изображение, и потрясти его несколько секунд, то, когда глаз слегка устанет, появляется впечатление, будто круг вращается с большой скоростью [95, с. 65–66]. Костяные пуговицы имели широкий ареал бытования [213, с. 104, рис. 5/7].

В опубликованных материалах захоронений кочевников Золотой Орды часто упоминаются бубенчики, обнаруженные на костях погребенных людей (Свинуха (Лесное) кург.9; Яшкуль кург.1; Лола-II кург.10 и др.). Использование бубенчиков в качестве пуговиц было чрезвычайно широко распространено в Европе в период средневековья [179, с. 49].

В рассмотренных нами памятниках чаще встречались пуговицы шарообразной формы, однако были обнаружены и изделия редко встречающихся форм. В кургане 7 могильника Бичкин-Булак была найдена бронзовая полушаровидная бляха-пуговица [79, с. 168, табл. XXII/31] (рис. 21 – 15). В могильнике Солодовка-II (кург.8 погр.1) под челюстью погребенного человека была обнаружена пуговица из египетского фаянса. Изделие было голубого цвета, имело углубление в средней части и два отверстия для пришивания к одежде [200, с. 169–171, рис. 7/3]. В погребении на Средней Волге (Крутец кург.1) на костях погребенного были расчищены остатки ткани темно-малинового цвета и застежки с цветными камнями [79, с. 83, 84]. В кургане 1 Новочеркасского могильника-VII над левой кистью была зафиксирована пуговица (?) со штырьком [137, с. 84–86, рис. 8] (в поперечном сечении шляпка изделия была круглая; в продольном – полукруглая; рис. 21 – 5). Особый интерес представляют некоторые пуговицы из Новохарьковского могильника: две серебряные пуговицы округлой формы состояли из двух полых частей с маленькими припаянными петельками и маленькими шариками в нижней части, край полусфер был украшен валиком с насечками [68, с. 17, рис. 6/44,45] (погр.38; рис. 21 – 12); три пуговицы были декорированы прорезным орнаментом в виде ромбов [68, с. 54, рис. 21/4–6] (погр.80; рис. 21 – 11).

В городах Золотой Орды, как и в погребениях кочевников, были обнаружены литые бронзовые и золотые полые привески-пуговицы в виде шарика с петлей. Для отливки упомянутых привесок использовались каменные формочки. В городах были найдены также маленькие бубенцы с прорезью и предметы в виде розетковидного щитка с ножкой, имеющей прорезь, которые, вероятно, были нашивками-пуговицами [316, с. 196]. Особый интерес представляет медный орнаментированный бубенчик, обнаруженный в жилом квартале Байлакана. Исследователи данную находку, изготовленную монгольскими ремесленниками, датировали XIII в. С наружной стороны чеканкой изображено в анфас лицо человека монголоидного типа, в шлеме с каннелюрами, завершавшимся небольшим петлевидным выступом с отверстием для подвешивания [134, с. 142–143].

Распределение пуговиц по локальным группам.

Распределение пуговиц в захоронениях золотоордынских кочевников по локальным группам представлено в таблице 58 (в абсолютных и относительных показателях). При коэффициенте вероятности $R = 0,9-0,95$ мы можем считать, что пуговицы являются представительным признаком, характеризующим убранство костюма евразийских кочевников XIII–XIV вв. на территории всех локальных групп, кроме Нижней Волги, так как относительный показатель встречаемости рассматриваемых аксессуаров на данной территории ниже порога значимости (табл. 58).

Чтобы определить, к каким признакам (всеобщим, локальным или частным) относятся пуговицы в убранстве костюма кочевников, необходимо исследовать тенденцию их встречаемости в выделенных локальных группах. По имеющимся результатам, приведенным в таблице 58, можно отметить, что пуговицы относятся к локальным признакам «по тенденции», так как в одних выборках тенденция встречаемости пуговиц повышена (Волго-Донское междуречье; Левобережная и Правобережная Украина), в других (от Южного Приуралья до Волги и на территории Дона) – понижена.

Особенности использования пуговиц по половозрастному признаку.

Проведем сравнительный анализ встречаемости пуговиц в мужских и женских захоронениях кочевников XIII–XIV вв. (табл. 53). Основная цель анализа – выявление гендерных особенностей в убранстве костюма кочевников Золотой Орды. Из данных таблицы следует: тенденция встречаемости пуговиц в мужских погребениях равна 0,9, в женских – 1,1. Можно отметить, что пуговицы встречались в погребениях детей до 7 лет и захоронениях кочевников, возраст которых варьировался в диапазоне от 15/18 до 45/55 лет.

Особенности использования пуговиц в зависимости от социального положения.

На основе сравнительного анализа тенденции встречаемости пуговиц в погребениях с золотыми предметами (табл. 54) мы можем отметить, что пуговицы, как категория убранства костюма кочевников Улуса Джучи, в рассматриваемом аспекте относятся к всеобщим признакам, так как они в равной степени представлены в двух сравниваемых выборках. Из 32 погребений с золотыми предметами пуговицы были обнаружены в пяти захоронениях (табл. 54). Из 106 погребений с серебряными предметами рассматриваемые аксессуары были зафиксированы в 12 погребальных комплексах.

Локализация пуговиц в погребениях.

В погребениях кочевников Золотой Орды пуговицы чаще располагались в области груди, шеи, пояса и у тазовых костей, реже – у черепа, рук и на ребрах (табл. 55). Причем в одном погребении (Суклея кург.156) пуговицы были зафиксированы в двух местах – на груди и у тазовых костей [105, с. 170–171; 107, с. 92]. Количество пуговиц, встреченных в рассматриваемых погребениях, весьма разнообразно – от 1 до 9 экземпляров. В большом количестве они встречались редко, чаще в одном или двух экземплярах. Редкая встречаемость пуговиц в погребениях кочевников Золотой Орды, возможно, свидетельствует о том, что пуговицы, как неотъемлемый атрибут современной одежды, не имели в рассматриваемый период такого практического и функционального значения, характерного для нашего времени.

3.3. Зеркала

Зеркала (рис. 25–33) – характерный элемент женского туалета евразийских кочевников начиная с эпохи древности. В этом качестве они сохранились и в эпоху средневековья. Как показывают результаты статистического анализа, проведенного В.А. Ивановым по предметам убранства костюма кочевников Золотой Орды, в золотоордынских комплексах бокка обнаруживает устойчивую встречаемость с зеркалами [141, с. 203].

В настоящее время существует две типологии зеркал эпохи средневековья в Восточной Европе. Одна из них разработана Г.Ф. Поляковой (рис. 24) на материалах Волжской Булгарии [257, с. 154–269; 258, с. 78–82], дополнена Л.Ф. Недашковским и А.И. Ракушиным материалами золотоордынского города Укека [227, с. 48–62; 228, с. 32–51], кочевнических захоронений Саратовской области и смежных с ней территорий [226, с. 87–109]. Основой данной типологии металлических зеркал выступает форма бортика. Такой же типологии придерживается С.И. Валиулина [56, с. 160].

Г.Ф. Полякова зеркала Волжской Булгарии делит по форме бортика на три большие группы: I группа – с тонким валикообразным бортиком (рис. 24 – 1); II группа – зеркала с вертикально поставленным бортиком (рис. 24 – 2); III группа – зеркала с бортиком в виде широкой, иногда фестончатой каймы (рис. 24 – 3). Визуальные наблюдения показывают соответствие определенных свойств металла выделенным группам: I группа – зеркала из белого металла (оловянистая бронза); II группа – зеркала из желтого металла; III группа – зеркала из металла серо-стального цвета.

Г.Ф. Полякова считает, что зеркала I группы генетически связаны с зеркалами сармато-аланских племен. В этнической характеристике этих племен рассматриваемая категория изделий относится к числу определяющих. Находки зеркал с выделенными признаками известны также на территории, занятой памятниками салтовской культуры, создателями которой были алано-болгарские племена. При этом важно отметить, что основная масса находок зеркал концентрировалась в районе Верхнего Подонья, где С.А. Плетневой выделен лесостепной (аланский) вариант салтовской культуры. С переселением части аланских племен в Подонье они сохранили специфические черты своей культуры. Аналогичное явление следует предполагать и для болгарского государства, связывая массовое распространение зеркал I группы с появлением алан. Пребывание алан в Волжской Булгарии с начального периода существования государства засвидетельствовано археологическим материалом. Г.Ф. Полякова условно называет I группу зеркал аланской [258, с. 78–82].

Зеркала II группы появились на территории Восточной Европы с приходом тюркских племен. Данные картографирования находок зеркал с характерными для рассматриваемой группы признаками свидетельствуют о колоссальном ареале этих изделий. Они локализируются в золотоордынских городах и распространены на огромной территории, охватывающей, главным образом, степные районы от Казахстана до Днепра и заселенной кочевыми тюркскими племенами. Эти зеркала появились и бытовали в тюркском обществе, и поэтому Г.Ф. Полякова называет II группу зеркал тюркской.

III группа зеркал Волжской Булгарии представлена небольшим количеством привозных китайских зеркал. Специфическое оформление бортика и качество металла резко выделяют их из общей массы находок. Кроме того, орнаменты этих изделий и техника их исполнения представляют собой великолепные образцы декоративного искусства. Китайские зеркала попадали на Волгу путем торговли, в ходе интенсивных переселений кочевников из районов Центральной Азии, а в период монгольского нашествия могли быть вывезены из Китая и сопредельных с ним областей монгольскими завоевателями [258, с. 78–82].

Л.Ф. Недашковский и А.И. Ракушин выделяют пять отделов золотоордынских зеркал: А – с узким высоким бортиком; Б – с широким массивным бортиком; В – с широким подтреугольным в сечении бортиком; Г – с низким валикообразным бортиком; Д – без выраженного бортика [228, с. 32–51; 226, с. 87–109].

Другая типология средневековых зеркал разработана Г.А. Федоровым-Давыдовым (рис. 25) и дополнена сначала В.А. Кригером и В.А. Ивановым [136, с. 19–20] (рис. 3; 15),

затем К.А. Руденко [268, с. 111–156]. Она основана на орнаментальных мотивах «как характерной черте, определяющей происхождение зеркала или его прототипа» [319, с. 78–84].

Типология зеркал, их аналогии и семантика орнамента.

Металлические зеркала были обнаружены в 173 погребениях евразийских кочевников золотоордынского времени. Также в типологии мы учли пять экземпляров зеркал, обнаруженных в результате случайных находок, на территории Республики Татарстан [149, с. 94, рис. 47/6], Казахстана [312, с. 75–81] и в городе Ростов-на-Дону [182, с. 274–277]. Из них типологии поддаются 124 экземпляра, представленные зеркалами 40 типов. В каждом погребении – по одному целому зеркалу или обломки от одного изделия. Чаще всего зеркала находились в изголовье, на груди и у пояса погребенных, в кожаных или матерчатых чехлах (табл. 69). Большинство из них преднамеренно сломаны, поскольку обломки зеркал находились здесь же, в чехле. Зеркала отливались разными способами [257, с. 239; 316, с. 185]. Они изготавливались из бронзы, биллона или из специального светлого сплава [316, с. 202–203].

На наш взгляд, главным является все-таки орнамент тыльной стороны зеркала, поэтому ниже приводятся результаты группировки зеркал (табл. 68) по типологии, разработанной Г.А. Федоровым-Давыдовым (рис. 25), дополненной В.А. Ивановым, В.А. Кригером (рис. 3 – 15) и К.А. Руденко. В тех случаях, когда приходилось иметь дело с зеркалами, не вошедшими в указанную типологию, мы вводили новые типы, придерживаясь того же принципа буквенной и цифровой индексации, обозначая их знаком *. Таким образом, отделы были выделены по орнаментальным мотивам как характерной черте, определяющей происхождение зеркала или его прототипа. Типы зеркал – по форме (диаметр, ручка).

Отдел А Без орнамента

Тип I (6 экз.). С небольшим утолщением у края. Диаметр 6,6–10 см (табл. 68; рис. 26 – 1–3).

Аналогичное зеркало было обнаружено в кочевническом погребении Северо-Казахстанской области [45, с. 67] (Кенес кург.9). Подобные изделия или их фрагменты известны по находкам с селищ: Лаишевское, Мурзихинское, Семеновское-I, Семеновское-V, Коминтерновское-II, Старокуйбышевское-IV [268, с. 113].

Тип II (5 экз.). С небольшим утолщением у края, с выпуклостью или петлей в центре. Диаметр 6–8 см (табл. 68; рис. 26 – 4, 5).

Аналогии имеются в материалах Нового Сарая [319, с. 78] и Болгара [268, с. 113, рис. 1/2; 8,2].

Тип III (9 экз.). С небольшим утолщением у края, с боковой ручкой. Диаметр 5–7 см (табл. 68; рис. 26 – 6–14).

Аналогии имеются в Болгарском городище [268, с. 113, рис. 1/1,3; 8/5,6].

Отдел Б С концентрическими кругами

Тип I (2 экз.). С небольшим утолщением у края. Диаметр одного зеркала 10 см (табл. 68; рис. 26 – 15).

Аналогии известны в Болгарском городище [268, с. 113, рис. 11/1–3,5,6,32].

Тип II (8 экз.). С небольшим утолщением у края, с выпуклостью или петлей в центре, украшено концентрическими кругами. Диаметр 5–10 см (табл. 68; рис. 27 – 1–5).

Подобное зеркало было обнаружено в Болгарском городище [257, с. 154–269, рис. 70/5] и на территории Бальнгузского (Торецкого) селища [56, с. 160, рис. 5/5].

Тип III (5 экз.). С утолщением по краю и с боковой ручкой. Диаметр 7–8 см (табл. 68; рис. 27 – 6–9).

Аналогии имеются в Болгаре в слое XIII–XIV вв. [268, с. 113].

Отдел В С концентрическими кругами и овалами в промежутке между кругами

Тип I (1 экз.). С утолщением по краю (табл. 68; рис. 27 – 10).

Аналогичное зеркало было обнаружено в Болгарском городище в золотоордынском слое [257, с. 154–269, рис. 70/6; 268, с. 114].

Тип II (1 экз.). С валиком по краю, петлей в центре и орнаментом, состоящим из чередований окружностей и Т-образных значков (табл. 68; рис. 27 – 11).

Подобное зеркало было обнаружено в Болгарском городище в золотоордынском слое [268, с. 114, рис. 11/25].

Тип III (1 экз.). С ромбами, вписанными между кругами, с утолщением по краю и с боковой ручкой. В центральную окружность вписана розетка (табл. 68; рис. 27 – 12).

Аналогичные зеркала были найдены на III Семеновском селище, в Болгарском [268, с. 114] и Увекском [228, с. 37, рис. 3/9] городищах.

Тип IV (1 экз.). Со стилизованным растительным орнаментом, типа «бегущая волна», с утолщением по краю (табл. 68; рис. 27 – 13).

Аналогичные зеркала были встречены в Болгарском городище и на территории селища близ Болгар [268, с. 114].

Отдел Г

С орнаментом из дуг, повернутых выпуклостями к центру

Тип I (2 экз.). Арочный орнамент состоит из одной или нескольких линий. Диаметр 6–8 см (табл. 68; рис. 27 – 14, 15).

В монографии В.А. Иванова и В.А. Кригера зеркала подобного типа отнесены к типу «Ж I». Разновидность этого типа зеркала из кургана 13 могильника Харинка имеет изображение в центре многолепестковой розетки. Аналогии зеркалам типа I были обнаружены в Болгарском городище [257, с. 154–269, рис. 69/19,21].

Тип II (2 экз.). С петлей и окружностями в центре. На одном экземпляре внутри боковых арок имеются выпуклости и между арками V-образный орнамент. Диаметр 9,5 см (табл. 68; рис. 27 – 16, 17).

Аналогичные зеркала с перекрещивающимися между собой дугами были характерны для Болгарского городища [268, с. 114, рис. 9/17; 10/1–3,16].

Отдел Д

С орнаментом в виде многолепестковой розетки

Тип I (4 экз.). Многолепестковая розетка представлена в виде пересекающихся дуг или окружностей. Диаметр 6,6–7 см (табл. 68; рис. 28 – 1–4).

Подобные зеркала были обнаружены на II Коминтерновском селище и в Болгарском городище [268, с. 114, рис. 1/10; 10/4].

Тип I а (1 экз.). С утолщением по краю без ручки. Орнамент в виде четырехлепестковой розетки. По краю идет бордюр с насечками; между лепестками – стилизованный растительный орнамент. Внутри основного рисунка композиция из маленьких восьмилепестковых розеток с точкой в каждом лепестке (табл. 68; рис. 28 – 5).

Тип II (2 экз.). Диск с двумя валиками: один – по краю, другой в центре. Между валиками – арочный орнамент, в центре – многолепестковая розетка (табл. 68; рис. 28 – 6, 7). Разновидности зеркал известны по материалам лесостепного Алтая [309, с. 42–44, рис. 5/1,2] и Болгарского городища [268, с. 115, рис. 1/11,13; 10/22,26].

Тип III (1 экз.). С валиком по краю, в центре по периметру – многолепестковые розетки (табл. 68; рис. 28 – 8).

Аналогичное зеркало известно из собрания Национального музея Республики Татарстан [268, с. 115, рис. 1/14].

Композиция зеркал отдела Д находит аналогии в китайско-киданьских прототипах конца XI – начала XIII вв. [268, с. 115].

Отдел Е

С крестовидным орнаментом

Тип I (3 экз.). С утолщением у края, с выпуклостью или петлей в центре. Диаметр 8 см (табл. 68; рис. 28 – 9). На одном зеркале крестовидный орнамент делит всю поверхность изделия на четыре сектора, в каждом имеются по две насечки и круглые выпуклости.

Аналогичные зеркала были найдены в Новом Сараяе [319, с. 81], Увеке [228, с. 37–38, рис. 3/12] и в Болгаре [268, с. 115, рис. 1/19; 9/1].

Отдел Ж

С крестовидно-арочным орнаментом

Тип I (5 экз.). С петлей в центре. Диаметр 4 – 6,5 см (табл. 68; рис. 28 – 10–12).

Аналогии имеются в материалах Нового Сараяа, Болгара [268, с. 115, рис. 2/16,17; 9/2–4,11] и Увека [227, с. 61].

Тип II (3 экз.). Такое же, как тип I. Диаметр 8–10 см (табл. 68; рис. 28 – 13–14).

Тип III (1 экз.). С крестово-арочным орнаментом и с боковой ручкой. Диаметр 6 см (табл. 68; рис. 28 – 15).

Аналогии всем типам зеркал отдела Ж были обнаружены в Болгарском городище [268, с. 115–116, рис. 2/16,17; 9/2–4,11; 2/18; 2/14,15; 9/6–10,12,13,15]. Для отделов Е и Ж характерно раздвоение одной формы на два типа по величине диска.

Отдел З

С крестовидно-арочным и зигзагообразным орнаментом

Тип II (1 экз.). Диск с двумя валиками в центре, между первым и вторым валиками – рельефные угольнички, стоящие на валике. В центре – арочный орнамент из трех линий (табл. 68; рис. 29 – 1).

Отдел И

С крестовидным усложненным орнаментом

Тип I (1 экз.). С утолщением у края (табл. 68; рис. 29 – 2).

Аналогии найдены в Новом Сараяе [319, с. 81].

Отдел К

С изображением четырех животных (божеств), бегущих по кругу

Видимо, литейная реплика с привозных оригиналов. Изображение на большинстве зеркал нечеткое. Видны только беспорядочно расположенные выпуклости. Данный тип изделий Г.А. Федоровым-Давыдовым интерпретировался как сюжет с изображением животных [319, с. 82], К.А. Руденко – с изображением божеств [268, с. 116–117], Л.Ф. Недашковским и А.И. Ракушиным – с изображением четырех сидящих человеческих фигур, разделенных четырьмя драконами [228, с. 33].

Тип I (3 экз.). Зеркало с петлей в центре (табл. 68; рис. 29 – 3, 4).

Аналогичное изделие было обнаружено в Болгарском городище [268, с. 116, рис. 15/10].

Тип II (2 экз.). С изображением четырех божеств и помещенных по сторонам драконов (табл. 68; рис. 29 – 5, 6).

Подобные зеркала представлены в материалах городищ – Увека [227, с. 51; 228, с. 33], Болгара, Биляра [268, с. 116, рис. 2/1,1а,2,12,13; 14], Бозок [20, с. 41–56, рис. 7] и селищ – Лаишевского, Полянского [268, с. 116, рис. 2/1,1а,2,12,13; 14]. Рассматриваемые изделия были широко распространены в памятниках золотоордынского времени от Средней Вятки до Северного Кавказа, и от Поднепровья до Казахстана [228, с. 33]. Изобразительный сюжет на этих зеркалах имеет китайское происхождение [258, с. 81].

Отдел Л

С изображением двух ящериц

В типологии Г.А. Федорова-Давыдова и К.А. Руденко к отделу Л отнесены зеркала с изображением двух драконов. В типологии артефактов кочевников XII–XIV вв. Южного Приуралья, разработанной В.А. Ивановым, В.А. Кригером, данный отдел отсутствует. Зеркала с изображением двух драконов были характерны для городов Золотой Орды. Они были обнаружены в Болгарском городище [268, с. 117, рис. 15/11; 2/3–6,8–11; 19/7,10,12; 19/8,9] и в Новом Сараяе [319, с. 82, рис. 14/4]. В рассмотренных нами погребениях евразийских кочев-

ников эпохи Золотой Орды зеркала с подобными изображениями обнаружены не были, однако в одном памятнике было обнаружено зеркало с ящерицами.

Тип IV* (1 экз.). С рельефным изображением двух ящериц (?). Диаметр 9 см (табл. 68; рис. 29 – 7).

Отдел М

С изображением лисиц и плодов

Тип I (1 экз.). С высоким краем. Диаметр 9 см (табл. 68; рис. 29 – 8).

Аналогичные изделия были найдены в Новом Сарае [319, с. 82, рис. 13]. Возможно, этот тип зеркала имеет китайские прототипы танского времени [181, с. 128].

Отдел Н

С изображением рыб

Тип I (13 экз.). С высоким краем. Диаметр 7–10 см (табл. 68; рис. 29 – 9–14).

Аналогичные зеркала были обнаружены при земляных работах в пос. Зубчаниновке (территория г. Самары) [61, с. 301], Ждановском могильнике (Казахстан) [25, с. 54–59], а также в Новом Сарае [319, с. 82, рис. 13], Болгарах [319, с. 82, рис. 13; Руденко 2004а, с. 118], Биляре [319, с. 82, рис. 13; 268, с. 18], Джукетау [225, с. 288, рис. 3/6], Увеке [228, с. 32], Полянском селище [268, с. 118], Торецком селище [56, с. 160] и в памятниках Дальнего Востока [319, с. 82, рис. 13; 268, с. 111–156].

Отдел О

С изображением бегущих собак и зайцев

Рельеф нечеткий. Видимо, эти зеркала являются литейными репликами на привозные восточные оригиналы.

Тип II (5 экз.). Диск с выступом в центре (табл. 68; рис. 29 – 15–18; 31 – 11). На памятниках Приуралья к этому типу отнесены изделия с двумя валиками по краю и выступом в центре. По окружности – изображения четырех собак с загнутыми хвостами. На одном зеркале собаки отделены друг от друга круглыми выступами, на других – животные изображены без орнамента между ними.

В Алебастрово-II (кург. 5) было обнаружено бронзовое зеркало (тип О II по типологии В.А. Иванова, В.А. Кригера) с бортиком по краю и обломанным ушком для подвешивания (рис. 29 – 17). Зеркало украшено рельефными заштрихованными окружностями по краю и в середине диска. Четыре полусферы разделяют четыре фигурки животных, идущих друг за другом по окружности. Из-за нечеткого изображения определить породу животных очень сложно. Судя по изображению закрученного хвоста у одного из животных, можно предположить, что это собака. В Болгарском городище обнаружено бронзовое зеркало, подобное ранее рассмотренному, но на нем отсутствует изображение животных [174, с. 302–303, рис. 3]. Аналогичные зеркала были обнаружены в Центральной Туве [94, с. 27; 103, с. 86, рис. 1/21], в Павлодарской области Казахстана [25, с. 54–59] (рис. 31 – 11), в Новом Сарае [319, с. 82–83], Увеке [319, с. 82–83], Болгаре [268, с. 119].

Тип III* (1 экз.). С валиками по краю. Крестовидный орнамент разделяет поверхность зеркала на четыре сектора. В каждом секторе изображено по одному зверю, предположительно собаки, лисицы или гепарды (?), украшенные по туловищу круглыми пятнами. В центре зеркала – петля, на которой сохранились остатки шерстяного шнура (табл. 68; рис. 30 – 1).

Отдел Р

С кувфической надписью вокруг центральной орнаментальной розетки

Тип I (1 экз.). С острорреберным валиком и окружностью по краю диска. В центре две концентрические окружности. Между окружностями – рельефная арабская надпись (табл. 68; рис. 30 – 2).

Аналогии известны по материалам Болгарского городища [268, с. 119].

Отдел С**С арабской надписью вокруг центральной орнаментальной розетки**

Тип I (7 экз.). С высокой закраиной. Диаметр около 8–9 см (табл. 68; рис. 30 – 3, 4).

Аналогии встречены в материалах Нового Сарая, Болгара, Увека, Азака [268, с. 120, рис. 3/10; 319, с. 83]. Надпись на таких зеркалах (по Н.Ф. Катанову) следующая: «Слава, которая (есть) высшее счастье для могущественных начальников, (да будет) тебе благодеянием будущей жизни» [154, с. 662–664]. Известны варианты надписи на зеркалах из Семиречья. Здесь читается: «Слава и успех, и счастье» на фоне растительных завитков [цит. по: 268, с. 120].

Отдел Т**С четырьмя выпуклостями, расположенными крестообразно, в кольцевой полосе, с рельефными S-образными фигурами между ними**

Тип I (2 экз.). С высоким краем. Диаметр около 9–10 см (табл. 68; рис. 30 – 5).

Рассматриваемые зеркала были изготовлены по китайским прототипам [290, с. 117]. Встречаются такие изделия в золотоордынских древностях в основном XIV в. [268, с. 120, рис. 3/13–16; 13; 316, рис. 46/2]. Они известны в Болгарах [268, с. 120, рис. 3/13–16; 13; 290, табл. III/50], Сарае, Увеке [227, рис. 11/54; 228, с. 36, рис. 3/5], Маджарах [319, с. 83] и Отраре [228, с. 36, рис. 3/5].

Отдел Ф**С орнаментом в виде многолепестковой розетки**

Тип II (1 экз.). Диск с валиком по краю, в центре – звезда. Между звездой и валиком – сердцевидный орнамент и изображения птиц (табл. 68; рис. 30 – 6).

Встречаются и разновидности данного зеркала.

Тип II а (1 экз.). С розеткой из шести овальных лепестков (табл. 68; рис. 30 – 7).

Аналогии известны по материалам Болгарского городища [268, с. 120, рис. 5/4].

Отдел Х**С орнаментом в виде сетки из четырехлепестковых розеток**

Тип I (2 экз.). Диск с утолщением по краю, в центре – выступ. Вся поверхность диска покрыта орнаментом из рельефных линий, образующих квадратики с пятью маленькими выступами внутри каждого. Диаметр 9–10 см (табл. 68; рис. 30 – 8, 9).

Аналогичные зеркала известны на Дальнем Востоке в памятниках XII–XIII вв. и в синхронных им памятниках в низовьях Сыр-Дарьи с боковой длинной ручкой [319, с. 83]. В Приморье рассматриваемые изделия датируются X–XII вв., хотя использовались и позже [336, с. 359].

Отдел Ц**С орнаментом в виде тюльпанов, лотосов или гранатов**

Тип I (3 экз.). С валиком по краю. Диаметр 8,5–11 см (табл. 68; рис. 30 – 10–12).

В кочевнических могильниках, подобные изделия датируются в основном XIV в. [119, с. 89–90, рис. 6; 7; 202, с. 198, рис. 8/6].

Отдел Ч**С изображением «гона животных»**

Тип I (2 экз.). С бортиком по краю и орнаментом из трех полос: внешней, на которой изображен гон животных на растительном фоне, средней и внутренней со стилизованным растительным орнаментом (табл. 68; рис. 31 – 1).

Аналогии им есть в памятниках второй половины XIII – XIV вв. Чечено-Ингушетии [70, с. 267–269, рис. 2].

Отдел Ш**С изображением «Ал-Бораков»**

Тип I (4 экз.). В центре диска изображены фигуры двух фантастических крылатых существ с человеческими лицами и львиным туловищем, стоящих на задних лапах спинами

друг к другу и головами, развернутыми в фас. Поднятые вверх крылья переходят в тонкие растительные побеги и завершаются трилистниками, свисающими перед мордами животных. По краю диска – арабская надпись. На отдельных экземплярах диаметр составляет 11 и 12 см (табл. 68; рис. 31 – 2–5).

Надпись на аналогичном зеркале из Болгара читается следующим образом: «Слава и долговечность, счастье и величие, возвышение и хвала, благополучие и честь, власть и процветание, могущество и милость Аллаха владельцу сего на веки» [223, с. 296]. Имеются и варианты надписи: «Слава и долговечность, блаженство и блеск, повышение и хвала, благополучие и сановитость, власть и успешность, могущество и милость владельцу сего во веки» [цит. по: 344, с. 14–16]. Подобные зеркала относятся к подтипу В-II-16а по классификации Г.Ф. Поляковой и имеют аналогии в культурных напластованиях Болгара, среди материалов нижне-волжских и северокавказских городов Золотой Орды [344, с. 15; рис. 13/9], случайных находок в Казахстане [232, с. 121–123], в Минусинском крае [257, с. 232–233, 238, рис. 74/7], городище Кашан-I, IV, Старокуйбышевском селище, в материалах из сборов в Лаишевском уезде бывшей Казанской губернии [268, с. 122–123], а также Брик-Алгинском местонахождении XIV в. в Башкирском Приуралье [77, с. 111]. Аналогичный орнаментальный мотив был изображен на блюде из Талгарского городища. В его центральном медальоне были изображены сфинксы с коронами, фигуры вплетены в растительный орнамент. Медальон включен в орнаментальное кольцо, в котором были изображены четыре группы попарно бегущих собак, разделенных кругами [232, с. 120–121]. Последний мотив аналогичен мотиву, изображенному на зеркале из могильника Алебастрово-II кург.5 (Отдел О, тип II). Изображения сенмурвов на этом типе зеркал связано с мусульманской богословской традицией. Известные в Поволжье находки являются репликами таких изделий [268, с. 123]. В самих зеркалах представляют интерес детали изображений. Так, в одном случае на голове существ изображены «короны», а в другом – «прически» с локонами. Последние зеркала более «реалистичны». К.А. Руденко отмечает, что распространение подобных зеркал с разным изображением деталей не имеет твердой географической локализации. Известны они как в кочевнических захоронениях XIV в., так и в материалах поселений. В большем количестве подобные изображения характерны для артефактов крупных поселений городского типа или городов (Торецкое селище, Джуке-тау, Увек) [56, с. 160; 228, с. 33; 268, с. 124].

Отдел Э

С орнаментом из пересекающихся линий

Тип I (1 экз.). С утолщением по краю, прямые линии отходят от центра к краю зеркала (табл. 68; рис. 31 – 6).

Фрагменты зеркал с пересекающимися линиями были найдены на селище Дамба-I, Песчаный остров и в Болгарском городище [268, с. 111–156; 267, с. 60–72, рис. 9/18]. Данный тип можно сопоставить с зеркалами, имеющими солярную символику [268, с. 124].

Отдел Я

С изображением растений и животных

Тип I (2 экз.). С бортиком по краю, выпуклостью или окружностью в центре. Изображение состоит из переплетающихся побегов, человеческих личин и стилизованных голов животных (табл. 68).

Аналогии были встречены в Болгарском [268, с. 124, рис.5/6–12; 16/1–8] и Увекском [228, с. 33] городищах.

Тип IV (2 экз.). С изображением гусей или журавлей (лебедей) (табл. 68; рис. 31 – 7).

Сюжет имеет китайские истоки в зеркалах эпохи Тан. Аналогичное зеркало было найдено в с. Девлезери Казанской губернии [268, с. 125, рис. 5/51; 16/9].

Тип V* (5 экз.). С валиком по краю и стилизованными растительными побегами. На некоторых экземплярах изображены побеги и «овы» (табл. 68; рис. 31 – 8–10).

Особый интерес представляет зеркало, обнаруженное в кургане Кула-Айгыр (Казахстан). Барельеф на обратной стороне зеркала представляет собой сцену «китайского чаепития» [44, с. 230–239, рис. 1–5].

Рассмотрим орнаментальные мотивы золотоордынских зеркал и их семантику.

Г.А. Федоров-Давыдов выделил несколько групп орнаментированных зеркал, характерных для культуры городов Золотой Орды, и определил истоки орнаментальных мотивов. Так, он выделил группу зеркал с простыми геометрическими орнаментами: в виде концентрических окружностей; в виде радиально-круговых композиций; с крестовидным орнаментом и с орнаментом в виде мальтийского креста; с крестовидно-арочным орнаментом; в виде розетки из пересекающихся дуг; в виде розетки, окруженной ромбическими ячейками с точками; в виде креста с розетками между концами и со спиральями по краю; с зигзаговидным орнаментом между концентрическими окружностями и т. п. Перечисленные композиции исследователь отнес к собственно золотоордынским, но также отметил, что некоторые из них восходят к старой традиции аланских зеркал VIII–X вв. Эти зеркала отличаются меньшими размерами и наличием по краю высокого валика.

К китайской традиции восходят зеркала с иероглифами; с изображением животных, бегущих по кругу, иногда в двух концентрических зонах и с дополнительным растительным орнаментом, с крестовидным орнаментом и шишечками в секторах; с четырьмя выпуклостями и S-видными фигурами между ними в кольцевой зоне; с орнаментацией в виде сетки из четырехлепестковых розеток; с изображением драконов, часто с фестончатым краем; с двумя или четырьмя рыбами.

К изделиям, орнаментация которых восходит к ирано-месопотамским и среднеазиатским традициям, Г.А. Федоров-Давыдов отнес зеркала с изображением двух или четырех симметрично расположенных сфинксов – Ал-Бораков и с арабской круговой надписью почерком «процветший куфи»; со сценой охоты на льва и кольцевым пояском с изображением летящих птиц; со спиралевидными побегами, которые оканчиваются головками человечков. Зеркала с двумя сфинксами восходят к образцам месопотамской работы. Эти изделия обычно имеют высокую закраину.

К золотоордынским орнаментам на зеркалах относятся сложные переплетения тюльпановидных цветов с растительными побегами вокруг шестилепестковой розетки в центре [316, с. 202–203; 317, с. 181].

В.А. Иванов, проанализировав орнаментику зеркал из кочевнических погребений золотоордынского времени, выделяет несколько сюжетных групп [141, с. 203; 135, с. 31–34] (рис. 32).

Таким образом, для золотоордынских зеркал был характерен геометрический, зооморфный, растительный, каллиграфический и комбинированный орнамент. Излюбленным зооморфным сюжетом на зеркалах рассматриваемого периода были изображения рыб. Символизируя вечное движение и многочисленное потомство, – были широко распространены на средневековом Востоке. Этот сюжет известен на монетах Болгара XIII в. и Сарая XIV в., а также в иранском и индийском искусстве [228, с. 8]. Возможно, семантика этого сюжета была известна изготовителям и потребителям подобных зеркал, т.к. в кочевнических памятниках были обнаружены реплики с зеркал китайского производства, где реалистично изображенные фигуры рыб были размещены в струях воды (Аткарск кург.10; Маляевка кург.7). Но чаще, в кочевнических древностях, этот сюжет встречается выполненным в местной примитивной технике. У некоторых народов Кавказа в прошлом бытовало почтительное отношение к рыбе [294, с. 46, 213]. Зеркала с изображениями драконов не были обнаружены в рассмотренных нами погребениях кочевников. Они были характерны для городской культуры Золотой Орды. Подобные изображения символизировали императорскую власть, они впервые появились в Китае. Истоки некоторых типов таких зеркал следует искать в Сунской и Чжурчженьской (Цзинь) империях [228, с. 39]. Необходимо отметить, что изображения драконов встречаются в оформлении браслетов и поясных чаш. Особый интерес представляют зеркала с изображением сфинксов. Ал-Бораки – крылатые мифологические существа необычайной быстроты, на одном из которых Мухаммед за одну ночь перенесся по воздуху от ал-Каабы в Иерусалим и обратно. Изображаются они в виде крылатых мифологических существ с головой человека и туловищем льва. Зеркала с изображениями Ал-Бораков ведут свое происхождение с Ближнего Востока и Средней Азии. Изделия с движущимися друг за другом животными, обнаруженные в кочевнических древностях (Алебастрово-II кург.5, Покровск кург.2), имеют восточно-

азиатские прототипы; эти зеркала, изготовленные по образцу танских VIII–IX вв., получили распространение в золотоордынское время [227, с. 48–67].

Растительный декор, распространившийся с приходом монголов, как отметила при изучении орнаментированных накладок на колчаны Н.В. Малиновская, не имеет этнической атрибуции, так как изделия изготавливались в городских ремесленных центрах, в которых обнаруживается влияние художественных традиций различных территорий [196, с. 166–169]. Излюбленным растительным мотивом в декоративно-прикладном искусстве разных народов на протяжении долгого времени было изображение цветка лотоса [269, с. 61]. В монгольском эпическом творчестве, в литературных произведениях при описании образа героини присутствует сравнение ее лица, губ с лотосом и его лепестками [189, с. 55, 57]. Изображение лотоса символизирует идею рождения в контексте буддийской символики, а также связано с поклонением духам гор, неба, небесных светил [99, с. 261]. Изображение плодов граната – символ пожелания мужского потомства [301, с. 230–247]. Орнамент на зеркалах из четырехлепестковых розеток означает, по мнению Э.В. Шавкунова и Л.Н. Гусевой, сложную идеограмму оплодотворенной Вселенским светом и дождями, вспаханной и засеянной семенами земли, нивы [336, с. 352–363].

Наиболее распространенным среди зеркал золотоордынских кочевников был геометрический орнамент. Зеркала с орнаментом из пересекающихся линий и концентрическими кругами (иногда с выпуклостью или петлей в центре) можно связать с зеркалами солярной символики [268, с. 124]. Циркульным орнаментом были декорированы также пуговицы и гребни. Орнамент в виде сетки из ромбов, сетки из квадратов широко применялся в декоративно-прикладном искусстве большинства народов Восточной Европы, Средней Азии и Сибири [43, с. 206–210]. Декоративные выступы-кнопки на зеркалах отдела Т (в китайской традиции) осмысливаются как жертвенные зерна риса. Они символизируют четыре сезона, восемь перемен или восемь сфер, 12 знаков зодиака, т.е. 12 месяцев, отражая тем самым солнечный цикл [269, с. 120]. С древности женскими символами считались треугольники, а мужскими – линии, линии с точками, пунктирами, елками, стрелками [233, с. 88].

Распределение зеркал (и их типов) по локальным группам.

Распределение типов зеркал в памятниках золотоордынских кочевников по локальным группам представлено в таблице 72. При $R = 0,9–0,95$ мы можем считать, что зеркала как аксессуары костюма кочевников являются представительным признаком, характеризующим убранство костюма евразийских кочевников XIII–XIV вв. (табл. 72).

Чтобы определить, к какой категории признаков (всеобщие, локальные и частные) относятся зеркала, рассмотрим тенденцию их встречаемости в погребениях, используя методику, предложенную В.Ф. Генингом и его соавторами [327, с. 84–91]. По имеющимся результатам статистического анализа, приведенным в таблице 72, можно отметить, что зеркала относятся к всеобщим признакам. Зеркала имеют нормальную, близкую к нормальной или повышенную тенденцию встречаемости во всех локальных комплексах золотоордынского периода. Таким образом, мы выделили особенности количественного распределения зеркал и их типов в погребениях кочевников по разным локальным группам.

Функции зеркал.

Для того, чтобы определить назначение и использование зеркал у кочевников Золотой Орды, мы решили сначала обобщить и систематизировать функции, которые выполняли зеркала в различных культурах с эпохи древности до средневековья как в кочевых, так и оседлых обществах (табл. 70). На основе анализа получившейся модели-схемы мы сможем выделить общие и отличительные черты в предназначении и использовании зеркал, характерные для евразийских кочевников XIII–XIV вв., для городского населения Золотой Орды и для кочевых обществ более раннего времени. К.А. Руденко, проанализировав зеркала из Национального музея Республики Татарстан, определил назначение и использование данных артефактов. При построении обобщенной модели за основу взяты обозначенные исследователем функции, которые выполняли зеркала в эпоху средневековья [268, с. 124, рис. 5/6–12; 16/1–8].

1. Бытовые функции.

1.1. Косметические.

В различные хронологические периоды зеркала использовались для косметических процедур в повседневной практике мужчинами и женщинами. Способы ношения зеркал были различными.

Зеркала с петелькой привешивались к поясу с помощью специальных ремешков, что было очень удобно в условиях кочевого образа жизни [275, с. 66]. Как отмечала С.А. Плетнева, зеркала «самый характерный предмет, носимый (половецкими) женщинами на поясе» [252, с. 49]. Кочевники Золотой Орды носили зеркала в футлярах и чехлах. Первые представлены в погребениях остатками деревянных конструкций, обтянутых кожей (II Имангуловские курганы-III кург.1; Козинка-I кург.5), вторые – фрагментами матерчатых и кожаных мешочков, которые носили на поясе и на груди. Чехол для зеркала округлой формы шили из одного сложенного пополам куска ткани. Верхний край мешочка загибался внутрь и зашивался таким образом, чтобы осталось пространство для шнура [121, с. 178, рис. 8/12,13]. Реже в погребениях кочевников Золотой Орды зеркала встречаются в сумках. Иногда рассматриваемые предметы туалета носили в боковом кармане сумки [309, с. 42–44, рис. 4/1–5; 5/1,2]. Интересный вариант ношения зеркала отмечен в женском погребении Павлодарской области золотоордынского времени [25, с. 54–59]. В центре зеркала была сделана петля, в которую продеты два кольца диаметром 3 см с нанизанными на них (по одному на каждом) костяными дисками. Кольца изготовлены из трехмиллиметровой серебряной проволоки. В 33% погребений кочевников Золотой Орды зеркала были обнаружены в чехлах, футлярах, либо сумках, в остальных погребениях с зеркалами они не были зафиксированы. Вероятно, к поясу привешивались с помощью ремешка зеркала с петельками. На территории Тувы в кургане знатного воина (датированном VII в. н.э.) в дужку зеркала была продета шелковая завязка [94, с. 25–34; 93, с. 23, рис. 22].

1.2. Снаряжение путешественника.

Мусульманские купцы, как правило, брали с собой в дорогу кольцо, четки, ножницы, халат с кушаком, щепотку земли и зеркало [332, с. 202].

2. Культовые функции.

2.1. Бытовая магия.

Исследователи отмечают, что китайские зеркала и их фрагменты представляли большую ценность в кочевом мире Центральной Азии и Южной Сибири, у хакасов, например, обломки зеркал служили амулетами [93, с. 30]. В погребениях евразийских кочевников XIII–XIV вв. были обнаружены не только целые экземпляры зеркал, но и их фрагменты, которые, видимо, тоже обладали сакральным значением. В связи с этим можно отметить еще один немаловажный факт, характерный для оседлого населения Золотой Орды. На селище Песчаный остров в Татарстане в сооружении № 28, датированном концом XIII – началом XIV вв., зеркало было найдено в основании глубокой столбовой ямы. Второе разбитое зеркало с этого поселения обнаружено на дне другого хозяйственного сооружения. Подобная обрядовая практика существовала у многих народов. [267, с. 126].

2.2. Элемент погребального инвентаря и часть погребальной обрядности.

В погребениях кочевников Улуса Джучи зеркала чаще всего лежат в изголовье погребенного, либо в области пояса и груди. Большинство из них преднамеренно сломаны [136, с. 19; 207, с. 147–174, рис. 7/4]. На территории Тувы в кургане знатного воина (VII в. н.э.) новое зеркало было подвергнуто преднамеренной «порче» при помещении его в погребение [94, с. 27]. Аналогичный обряд иногда практиковался и в савроматскую эпоху [162, с. 283–287]. У многих народов сохранился обычай – в доме усопшего закрывать тканью все зеркала или поворачивать их к стене. К.Г. Юнг отмечал, что «...известны также аналогичные случаи, когда с приходом смерти разбивается зеркало...» [333, с. 49]. Существует также трактовка тени как зеркального отражения жизни души, так, Э.Б. Тейлор пишет: «...туземцы острова Фиджи различают «темную душу» человека, или тень, которая идет в Аид, и его «светлую душу», или отражение в воде и зеркале, которое остается там, где он умирает» [305, с. 216].

2.3. Часть религиозного ритуала.

Зеркала использовались в шаманских обрядах у народов Дальнего Востока. У чжурчженей практиковались специальные обряды с использованием зеркал, где главным действующим лицом выступали танцующие женщины с двумя зеркалами [72, с. 49; 270, с. 145]. Среди образцов скифского искусства, обращаясь к популярному сюжету, – сидящая женщина в

длинном одеянии с зеркалом в руках и стоящий перед ней молодой скиф, – исследователи обнаружили, что «зеркало выступает не в качестве атрибута богини, а в форме раскрытия «двойника» противоположного пола в зеркале» [287]. Эту особенность описывал Д.С. Раевский: «...как женщина держит зеркало: оно помещено строго в центре композиции, между персонажами как бы для того, чтобы в него могли смотреться оба героя сцены. У индийцев, таджиков, персов и других народов, предки которых были близкими родственниками скифов, так совершался свадебный обряд: жених и невеста должны смотреться в одно зеркало. Более того, у некоторых народов именно отраженными в зеркало, а не непосредственно, они впервые видят лица друг друга» [263, с. 41]. Аналогичное бракосочетание было характерно для персов: «При заключении брачного договора выдерживается определенный церемониал, выраженный в следующем: расстилается белая скатерть, на которую ставят зеркало, присланное женихом, и зажигают по обе стороны от него свечи (одну во имя жениха, другую во имя невесты). Во время заключения договора невеста смотрится в зеркало, при этом все завязки и застежки ее одежды должны быть развязаны во избежание затруднений в супружеской жизни» [30, с. 157].

2.4. Знаковые и символические функции.

С помощью зеркала, по поверьям народов Сибири, можно было видеть притаившихся злых духов и отгонять их. Сломать зеркало значило сохранить память о друге или разлуке родственников, любовников и супругов. Разбитое зеркало было символом расставания супругов [268, с. 127]. Способность отражать свет сделала зеркало символом солнца, что придало ему сакральный характер. Почитание солнца было присуще всем древним культурам Востока и Запада [275, с. 70]. В Китае врачи пользовались зеркалами для распознавания болезни, гадалки для предсказания будущего [270, с. 145] и т.п. Следует отметить, что и сегодня зеркала используются в медицине, в астрономических и физических приборах и ультразвуковой аппаратуре, однако не имея того сакрального значения, которое придавалось им в прошлом. В Китае особую семантическую нагрузку имели зеркала и это подробно рассмотрено в научной литературе [94, с. 25–37; 268, с. 126–128].

3. Философско-мистические функции.

К.А. Руденко отмечает, что зеркало выполняло определенную роль в культурно-образовательном пространстве золотоордынского города и его округа. По мнению А.А. Игнатенко, зеркало как предмет и как символ являлось «системообразующим концептом средневековой исламской мысли» [143, с. 8]. Особая роль отводилась понятию зеркала в суфизме [268, с. 127]. Данная функция, вероятно, не была характерна для культуры кочевников Золотой Орды, так как процесс исламизации «степи» отличался от проникновения ислама в золотоордынские города.

4. Знаковые и символические функции, не связанные с культовой практикой.

4.1. Мировоззренческие функции.

Зеркала, начиная с эпохи древности, представляли важный элемент материальной и духовной культуры; они играли существенную роль в идеологии номадов [127, с. 19]. Их изображения встречаются и на половецких изваяниях. В Китае существовала идея о том, что зеркало – это миниатюрная модель вселенной [181, с. 126–130].

4.2. Трактовка зеркала в качестве инвеституры.

Зеркало, обнаруженное на территории Тувы в кургане знатного воина (VII в. н.э.), А.Д. Грач интерпретирует как своего рода инвеституру, выданную до разгрома каганата в 630 г. и установления власти Китая [94, с. 34]. Для характеристики культуры кочевников Улуса Джучи такая трактовка зеркала не является приемлемой.

4.3. Социальный показатель.

У кочевников Золотой Орды зеркало использовалось как предмет женского туалета. Из всех погребений, содержащих зеркала, данный атрибут убранства был обнаружен в 75% женских погребений и в 2% – мужских. Рассматриваемые аксессуары были найдены рядом с погребенными, возраст которых определен антропологами 15/17 – 65/70 годами. Зеркала, обнаруженные в мужских погребениях, представлены типами А III, К II, Э I. Выделить взаимосвязь между полом погребенного и орнаментом на зеркале не представляется возможным, так как типы зеркал, обнаруженные в погребениях мужчин, встречаются и в женских захоро-

нениях. Что касается социального положения погребенных с зеркалами, то здесь не прослеживается четкая взаимосвязь между высоким имущественным статусом погребенного и наличием данного артефакта в погребении. Так, зеркала были обнаружены в 19% всех захоронений с золотыми изделиями и в 39% погребений, содержащих серебряные предметы. Тенденция встречаемости зеркал в погребениях с золотыми изделиями является пониженной (табл. 71). У кочевников Золотой Орды зеркала не выступали в качестве инвестируемы, в отличие от зеркала, обнаруженного в кургане знатного воина VII в. н.э. [94, с. 34].

Учитывая все вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что в культуре кочевников Золотой Орды зеркала выполняли бытовые (косметические) и мировоззренческие функции, являлись показателями гендерной принадлежности, выступали в качестве элемента погребального инвентаря и погребальной обрядности; гипотетически можно предположить, что зеркала выполняли и другие культовые функции.

3.4. Сумки и футляры

Футляры

В погребениях кочевников золотоордынского времени встречаются остатки футляров из кожи, дерева и ткани (рис. 35). В большинстве случаев чехлы предназначались для зеркал. При отсутствии ручек зеркала для удобства ношения помещали в кожаные, матерчатые или деревянные футляры и подвешивали их к поясу. Иногда в них клали белила (Аткарск кург.29; Свинуха кург.17; Три Брата-II кург.8; Кулики), гребни (Лысье горы кург.1; Станция №8 (Белая гора) кург.2; Три Брата-I кург.14), кресало (Новочеркасский-VII кург.2; Урал кург.9; Федоровка; Колония Карраса кург.2), ножи, кремь (Свинуха (Лесное) кург.5; Дымовка кург.13), ножницы, шило (Станция №8 (Белая гора) кург.2.), монеты (Маячный бугор мавзолей) и амулеты (Маячный бугор мавзолей). Дополнением женского костюма из Новопавловского могильника являлись кожаные мешочки, заполненные травой. Они находились в склепе у головы погребенной. Подобные мешочки-обереги из материи и кожи, заполненные травами и семенами, у таджиков служили для изгнания «злых духов» [113, с. 67].

Особенности использования футляров по признаку пола, возраста и социального положения.

Футляры чаще встречались в женских погребениях (50 захоронений), чем в мужских (6 погребений). Рассматриваемые аксессуары были найдены рядом с погребенными, возраст которых варьировался в диапазоне от 20 до 65/70 лет.

На основе сравнительного анализа тенденции встречаемости футляров в погребениях с золотыми предметами (табл. 60) можно предположить, что футляры, как категория убранства костюма кочевников Улуса Джучи, использовались представителями всех категорий социального положения в обществе (табл. 60). Из 32 погребений с золотыми предметами футляры были обнаружены в четырех захоронениях (табл. 60). Из 106 погребений с серебряными предметами рассматриваемые аксессуары были зафиксированы в 18 погребальных комплексах.

В погребениях кочевников Золотой Орды футляры располагались у черепа и плеч, на груди, в области пояса и таза, у рук и ног (табл. 61).

Футляры изготавливались из материи различных видов (шелк, шерсть, парча, холст), кожи и дерева (табл. 62; рис. 35).

Сумки

В мужских и женских погребениях кочевников Золотой Орды на территории всех рассматриваемых нами локальных групп были обнаружены удовлетворительно сохранившиеся кожаные сумки (рис. 36; 37 – 1, 2), которые, возможно, прикреплялись к поясу сбоку (Скатовка кург.1, кург.4 и др.). Аналогичные кожаные сумки были широко распространены у кочевников-казахов в XIX в. Этнографические зарисовки художника В. Плотникова, воспроизводящие одежду казахов в XIX в., позволяют проследить бытование рассматриваемого аксессуара на протяжении многих столетий [35, с. 116, рис. 3/5; 6/5] (рис. 37 – 3).

Сумки (рис. 36; 37 – 1, 2) в погребениях кочевников Улуса Джучи рассматриваемого периода встречаются гораздо реже, чем чехлы. Они были обнаружены в 34 погребениях кочевников Золотой Орды. Сумки, имевшие хождение в кочевнической среде, были прямоугольной формы с клапанами-застежками. Как правило, сумки были изготовлены из кожи. Застежки от сумок были различных форм (рис. 35 – 6–11; трехлепестковые, круглые, яйцевидные) и изготавливались из бронзы (рис. 37 – 1; Джухта-II кург.2), железа (Скатовка кург.1; Черемшино кург.3; рис. 35 – 11; Покровский-IV кург.18, кург.19; Олень-Колодезь кург.9; рис. 35 – 9; Аткарск кург.10; рис. 35 – 7), кости (Харьковка гр.Б кург.2; рис. 35 – 10). Железные накладки от сумок также были обнаружены в городах Золотой Орды, в которых они и изготавливались [316, с. 138].

В погребениях в сумках находились гребни (Солодовка-II кург.3 погр.1; Царевский кург.2 и др.), белила (Архаринский-II кург.14; Слобода Рудня кург.1 и др.), игольники с иглами, ножи (Тлявгуловский кург.2 и др.), зеркала (Тлявгуловский кург.4 и др.), кресала (Курнаевка кург.2; Солодовка-II кург.1 погр.1 и др.), кремь (Дымовка кург.12 и др.), монеты (Харьковка гр.Б кург.2), ножницы (Архаринский-II кург.14 и др.), цилиндрики-амулеты (Слобода Рудня кург.1), чашечки (Скатовка кург.4).

В погребениях кочевников Золотой Орды сумки чаще располагались в области пояса и бедра, реже – у черепа, на груди, у рук и ног (табл. 65).

Футляры, чехлы были обнаружены в 65 погребениях кочевников Золотой Орды. В пяти погребальных комплексах были обнаружены одновременно и сумки, и футляры (табл. 66).

Особенности использования сумок по признаку пола, возраста и социального положения.

Проведем сравнительный анализ встречаемости сумок в мужских и женских захоронениях кочевников XIII–XIV вв. (табл. 63). Из данных таблицы 63 следует, что сумки обнаруживают повышенную тенденцию встречаемости (1,6) в мужских погребениях, в захоронениях женщин она (тенденция встречаемости) понижена (0,4). Таким образом, сумки были характерны для мужского костюма кочевников Улуса Джучи. Рассматриваемые аксессуары были найдены рядом с погребенными, возраст которых определен антропологами от 13/15 до 65 лет.

На основе сравнительного анализа тенденции встречаемости сумок в погребениях с золотыми предметами и без них (табл. 64) мы можем отметить, что в рассматриваемом аспекте сумки как категория убранства костюма кочевников Улуса Джучи относятся к всеобщим признакам, так они примерно в равной степени представлены в двух сравниваемых выборках. Из 32 погребений с золотыми предметами сумки были обнаружены в трех захоронениях (табл. 64). Из 106 погребений с серебряными предметами рассматриваемые аксессуары были зафиксированы в семи погребальных комплексах. Возможно, наличие сумок и футляров в погребениях объясняется тем, что в одежде кочевников Золотой Орды отсутствовали карманы.

Распределение футляров и сумок по локальным группам.

Распределение футляров и сумок в памятниках золотоордынских кочевников по локальным группам представлено в таблице 67 (в абсолютных и относительных показателях). При $R = 0,9–0,95$ мы можем считать, что сумки и футляры являются представительным признаком, характеризующим убранство костюма евразийских кочевников XIII–XIV вв. на территории всех локальных групп, кроме Левобережной Украины, так как относительный показатель встречаемости рассматриваемых аксессуаров на данной территории ниже порога значимости (табл. 67).

По имеющимся результатам, приведенным в таблице 67, можно отметить, что приспособления для ношения предметов повседневного пользования (сумки и футляры) в убранстве костюма евразийских кочевников XIII–XIV вв. относятся к локальным признакам «по тенденции», так как в ряде выборок тенденция встречаемости сумок и футляров повышена (от Южного Приуралья до Волго-Донского междуречья), а в других (от Дона до Правобережной Украины) – понижена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленном исследовании был обобщен, систематизирован и проанализирован широкий спектр источников, главным образом археологических, по элементам убранства и аксессуарам костюма кочевников Золотой Орды, происходящих с большей (основной) части Улуса Джучи, от Уральских гор до Днестра.

Несмотря на постоянно растущий интерес к изучению культуры Золотой Орды в последнее время, многие аспекты убранства костюма евразийских кочевников XIII–XIV вв. остаются актуальными, недостаточно изученными, без обобщений и научного анализа. В настоящей работе при исследовании деталей костюма кочевников в контексте «имперской» культуры и социокультурного фона, объективированного в элементах убранства и аксессуарах, кроме традиционных археологических методов, были применены методы статистического анализа.

На основе анализа широкого круга источников можно воссоздать обобщенный образ убранства костюма евразийских кочевников того времени. Костюм, внешний облик кочевников дополнялись комплексом украшений, который в общем виде содержал серьги (рис. 10–12; в большинстве случаев VI типа; всего 7 типов, 8 вариантов), шейно-нагрудные украшения (рис. 13–14; низки бус или ожерелья – 14 комбинаций), редко – украшения для рук (рис. 17; 18; браслеты – 2 типа, 2 варианта; перстни – 5 типов). В качестве дополнительного декора – одежды, головного убора, обуви и т.д. – выступали универсальные украшения по месту ношения: бусы (рис. 19–20; 14 групп, 26 типов; в зависимости от количества и локализации бус в погребениях выделяется несколько категорий убранства), амулеты (рис. 2 – 5; 3 – 16, 17; 6 – 14, 15; 7; 8; 9; цилиндрические подвески – 4 типа), бляшки, бубенчики (рис. 21). Из деталей одежды использовались поясные принадлежности (пряжки (2 группы; 5 отделов; 10 типов), бляшки, наконечники в единичных экземплярах или в совокупности; 5 видов комбинаций поясных принадлежностей) и пуговицы (2 отдела; 8 типов). В качестве аксессуаров использовались сумки, футляры, зеркала (24 отдела; 42 типа) и иные предметы. На основе анализа представительности признаков выяснилось, что костюм кочевников Золотой Орды состоял из стандартного набора деталей: серьги, ожерелья, бусы, поясные принадлежности, пуговицы, зеркала, сумки и футляры (табл. 77). Украшения для рук не являлись определяющим признаком убранства костюма (табл. 77).

Проведенный статистический анализ на предмет выявления *тенденции встречаемости* элементов убранства и аксессуаров *в локальных группах* показал, что к всеобщим признакам костюма кочевников Улуса Джучи, *индифферентным* к географическим ареалам, относятся бусы (табл. 36), поясные принадлежности (табл. 47), зеркала (табл. 78) и серьги в виде знака вопроса (табл. 13). Бусы встречаются повсеместно (хотя на Дону и Правобережной Украине их тенденция встречаемости понижена), так как они были найдены в мужских и женских погребениях, входили в состав многих украшений (ожерелий, серег, подвесок, бляшек) и также могли использоваться в качестве пуговиц. Наличие поясных принадлежностей (пряжек, бляшек, наконечников в единичных экземплярах или в совокупности) в ансамбле костюма золотоордынских кочевников (на Средней Волге, в Волго-Донском междуречье, Правобережной Украине – тенденция понижена) могло быть продиктовано условиями кочевого образа жизни, так как пояс не только стягивал одежду, но и использовался для подвешивания предметов обихода и вооружения. Следует отметить, что наборные пояса, имеющие разнообразную орнаментацию, были немногочисленны и присущи для кочевого нобилитета. Зеркала также имели широкий ареал распространения (хотя на Левобережной Украине тенденция их встречаемости понижена), так как они были характерным элементом туалетных принадлежностей евразийских кочевников с древности и женских погребений Улуса Джучи. В XIII–XIV вв. зеркала отличались своим орнаментальным многообразием и повсеместным использованием (в кочевнической и оседлой ойкумене). Можно отметить некоторые особенности в бытовании серег VI типа. Во-первых, украшения подобной формы, (не принимая во внимание нюансы в оформлении: размер, толщина проволоки, материал), были распространены долгое время у татар, казахов, узбеков, в Молдавском княжестве (рис. 12 – 36) [18, с. 142; 316, с. 193; 340, с. 173–185, рис. 2/5–8], Минской империи [214, с. 793] и т.д. У народов Волго-Камья в более позднем периоде они являлись этноопределяющим украшением, отличались по размерам, оформлению и

способу ношения, о чем подробно изложено в монографии Т.Б. Никитиной «Марийцы». Во вторых, подобные серьги встречались в золотоордынский период в мордовских памятниках [60, с. 64], в Пермском Предуралье [254, с. 14], Хорезме [316, с. 193], в захоронениях води на Ижорском плато [18, с. 142], погребениях христианского могильника на городище Верхний Джулат [213, с. 87–106, рис. 5/4,5; 8/4,5] и т.д. В-третьих, рассматриваемые серьги имеют широкий ареал распространения в памятниках кочевников XIII–XIV вв. от Западной Молдовы [18, с. 142] до Алтайского края [309, с. 28].

Выделенные всеобщие признаки – четыре категории убранства костюма кочевников Золотой Орды, а также некоторые украшения головных уборов (ромбические и цилиндрические) – отражают общекультурное явление, характерное для Золотой Орды. Данное явление, возможно, свидетельствует о правомочности использования термина «имперская» культура для характеристики убранства костюма рассматриваемого исторического периода. Этот феномен исследователи объясняют двумя взаимно связанными факторами: 1) кочевое население Золотой Орды обслуживалось городскими ремесленниками и использовало изделия, изготавливаемые в городе; 2) золотоордынский город, космополитичный по своей сути, не просто тиражировал, но и навязывал степи свои эстетические вкусы [141, с. 204]. Соглашаясь с обозначенными тезисами, выделим еще один: спрос на изделия, соответствующие условиям жизни и предпочтениям кочевников, породил производство городскими ремесленниками именно таких, затребованных «кочевническим рынком» изделий.

Диапазон значений частоты встречаемости остальных элементов убранства и аксессуаров костюма (серьги, ожерелья, браслеты, перстни, пуговицы, сумки, футляры) таков, что они соответствуют категории *локальные «по тенденциям»* (табл. 78). Данные признаки свидетельствуют о многообразии социокультурных связей, нашедших свое отражение в археологическом костюме, его поливариантности различного характера: социального, экономического и т.д. Серьги обнаруживают повышенную, нормальную или близкую к нормальной тенденцию встречаемости в четырех локальных группах, кроме Южного Приуралья, Средней Волги и Волго-Донского междуречья. Хотя серьги в виде знака вопроса в этих группах имеют нормальную тенденцию распространения (табл. 13). Перстни являются непредставительным признаком для большинства выделенных локальных групп и результаты статистического анализа на основе данных признаков могут быть малодостоверными [327, с. 78, 79]. Однако мы рассмотрели распределение этого признака в территориальных группах, так как специфика археологического материала отражает не только массовые, но и единичные особенности, которые также являются немаловажными. Перстни имеют повышенную, нормальную или близкую к нормальной тенденцию встречаемости в Волго-Донском междуречье, Южном Приуралье, на Дону и Правобережной Украине. Браслеты также являются непредставительным признаком для выделенных локальных групп. Они имеют повышенную тенденцию к распространению на Дону и Правобережной Украине. Таким образом, повышенную и нормальную тенденцию встречаемости украшения для рук обнаруживают на Дону и Правобережной Украине. Возможно, такая тенденция обусловлена тем, что в указанных локальных группах сосредоточена большая часть погребений с золотыми предметами (табл. 75, см. относительные показатели). Ранее уже отмечалась повышенная тенденция встречаемости украшений для рук в погребениях с золотыми вещами (табл. 20; 28). Однако данная аргументация приемлема не для всех территориальных групп, поэтому ее необходимо дополнить какими-то иными причинами, повлиявшими на распределение перстней и браслетов в вышеуказанных регионах. Сумки и футляры обнаруживают повышенную тенденцию к распространению от Южного Приуралья до Волго-Донского междуречья (табл. 78). Наименьшее значение встречаемости сумок и футляров характерно для Левобережной Украины. Видимо, этот факт обусловлен тем, что для данной территории зафиксировано наименьшее значение встречаемости зеркал по сравнению со всем массивом рассматриваемых памятников, а сумки и футляры применялись для ношения и хранения предметов обихода и туалетных принадлежностей, в том числе и зеркал. Следует отметить, что встречаемость рассматриваемых приспособлений для ношения предметов повседневного пользования может быть недостаточно достоверной, так как органика плохо сохраняется в погребениях. Для ожерелий повышенная и нормальная тенденция к распространению зафиксирована на Средней Волге, в

Южном Приуралье, Волго-Донском междуречье и Правобережной Украине. Наименьшее значение тенденции встречаемости ожерелий зафиксировано на территории Дона и Левобережной Украины. Этот факт, возможно, обусловлен тем, что в этих локальных группах мы оперировали наименьшим количеством женских погребений (табл. 74), в то время как ожерелья – это элемент убранства женского костюма. Повышенная и близкая к нормальной тенденция распространения пуговиц была зафиксирована на Средней Волге, в Волго-Донском междуречье и Украине. Обусловленность данного факта какими-либо причинами не выявлена.

Мы рассмотрели некоторые аспекты социокультурного фона, объективированного в убранстве и аксессуарах костюма кочевников. Проанализировав тенденцию встречаемости элементов убранства и дополнительных деталей костюма в мужских и женских захоронениях, способы ношения украшений, учитывая материалы, из которых они были изготовлены, мы выделили категории, индифферентные к признаку пола, и, наоборот, характерные только для мужского или женского костюма:

1. Украшения для рук (табл. 19; 26), ожерелья (табл. 16; все комбинации), цилиндрические подвески, серьги в виде знака вопроса (табл. 7), зеркала, футляры (табл. 59), бусы (рис. 34), ношение серег в двух экземплярах – все это было характерно для костюма женщин. В погребениях женщин также встречаются поясные принадлежности (табл. 48; 49), однако они преобладают в мужских захоронениях.

2. Для мужского костюма были характерны поясные принадлежности (табл. 48; 49; большинство комбинаций), определенный набор предметов, носимых на поясе, кожаные сумки (табл. 63) и золотые кольцевидные серьги (табл. 7). Редко встречались в мужских погребениях бусы (рис. 34), они не являлись обязательным атрибутом мужского костюма и, видимо, играли роль амулетов. Практически во всех мужских погребениях с бусами (в единичных экземплярах) были обнаружены предметы вооружения. В истории известны примеры, когда в кочевом обществе мужчины использовали бусы в качестве подвесок-амулетов к оружию [221, с. 26]. В единичных случаях в мужских захоронениях были обнаружены перстни (табл. 26), серьги в виде знака вопроса из драгоценных металлов (табл. 7; 9) и некоторые типы зеркал.

3. К всеобщим признакам, характерным как для мужчин, так и для женщин, относятся: пуговицы (табл. 53), кольцевидные серьги (если не принимать во внимание материал, из которого они были изготовлены; Табл. 7), отдельные типы зеркал. Зеркала, обнаруженные в мужских погребениях, представлены типами А III, К II, Э I. Выделить взаимосвязь между полом погребенного и орнаментом на зеркале не представляется возможным, так как типы зеркал, обнаруженные в погребениях мужчин, встречаются и в женских захоронениях. Следует отметить, что в декоративном оформлении различных категорий костюма встречались одинаковые орнаменты (лотос, дракон, циркулярный орнамент). Информацию о гендерной принадлежности подобные мотивы не содержали.

Исследовав встречаемость элементов убранства и аксессуаров в различных возрастных группах, мы выявили следующие особенности:

1. Кольцевидные серьги обнаруживают повышенную или нормальную тенденцию встречаемости в погребальных комплексах подростков и представителей старческого возраста (в захоронениях детей и индивидуумов среднего возраста – тенденция понижена), серьги в виде знака вопроса – в погребениях кочевников всех возрастных градаций, кроме детских захоронений (в которых данные изделия обнаружены не были). Тенденция встречаемости серег типа VI постепенно увеличивается в соответствии с увеличением возраста погребенных (начиная с подросткового периода) (табл. 6).

2. Ожерелья были обнаружены, главным образом, в детских погребениях и захоронениях женщин фертильного возраста. Наибольшую встречаемость бусы обнаруживают в погребениях детей (до 7/8 лет) и женщин среднего возраста (14/18–50), наименьшую – в захоронениях женщин старше 55 лет. Видимо, это связано с тем, что пристальный взгляд «дурного глаза» всегда считался особенно вредным для беременных женщин и детей. Причем использование бус в качестве оберега детьми и женщинами (в особенности это касается глазчатых бус) характерно и для современной культуры Востока [221, с. 28–29].

3. Перстни, браслеты встречались в погребениях женщин средних лет, реже – старческого и подросткового возраста.

4. Поясные принадлежности были найдены в захоронениях кочевников 13/15 – 55 лет. Пуговицы-бубенчики встречались в погребениях детей до 7 лет и рядом с погребенными, возраст которых определялся в диапазоне от 15/18 до 45/55 лет.

5. Зеркала, футляры, сумки были найдены рядом с погребенными кочевниками в возрасте от 15/17 до 65/70 лет.

6. Металлические цилиндрические подвески встречались в захоронениях женщин 20/25 лет.

7. Наибольший ассортимент элементов убранства и аксессуаров костюма приходится на возрастной диапазон 14/16 – 50 лет. Видимо, этими границами маркируется возраст фертильности.

На основе анализа тенденции встречаемости элементов убранства (или их типов), аксессуаров костюма в погребениях с золотыми предметами и без них, встречаемости с предметами, имеющими социально-ранговую атрибуцию, учитывая способы ношения украшений, материалы, из которых они были изготовлены, выявлены категории украшений, которые, возможно, содержали информацию о социальном и имущественном положении индивида в кочевом золотоордынском обществе:

1. Золотые серьги в виде кольца можно интерпретировать как символ мужчины-воина (табл. 8; рис. 4 – 1).

2. Можно предположить, что перстни, браслеты, цилиндрические подвески, серьги использовались в убранстве костюма кочевников высокого материального и социального положения в обществе. Они обнаруживают повышенную тенденцию встречаемости в погребениях с золотыми предметами (табл. 28; 20; 37; 76). Причем среди них выделяются погребения с шелковыми, парчовыми тканями и предметами, имеющими ранговую атрибуцию – казанами [166, с. 328].

3. Ожерелья, пряжки, пуговицы, футляры, сумки, зеркала и бусы использовались в убранстве костюма независимо от положения их владельца в имущественной и социальной иерархии кочевого общества, так как данные изделия относятся к всеобщим признакам, характерным для захоронений с золотыми изделиями и без них (табл. 35; 42; 54; 60; 64; 71; 73).

4. Установлено, что в VII–IX вв. в костюме алан, болгар, тюрков количество бляшек на поясе зависело от воинского статуса индивида. Рассмотрев зависимость встречаемости некоторых социально маркирующих вещей в погребениях кочевников Золотой Орды с составом наборного пояса (табл. 51; 52), а также вычислив тенденцию встречаемости поясных принадлежностей в погребениях с золотыми предметами (табл. 50), нет оснований однозначно утверждать, что для кочевников Золотой Орды данный факт был также характерен. Для кочевого нобилитета были присущи пояса из драгоценных металлов (табл. 51).

5. Убранство костюма знати отличалось изысканностью, богатством, что выражалось в изяществе изготовления изделий, орнаментации, количестве и качестве используемого материала. Серьги из драгоценных металлов в двух экземплярах носили представительницы высшего социального положения в обществе. Серьги встречаются на средневековых изображениях представителей правящей династии (рис. 4 – 1; 47). В погребениях, содержащих предметы из драгоценных металлов, были обнаружены стеклянные, янтарные, сердоликовые, жемчужные бусы, раковины «каури» и кораллы.

В данной работе впервые комплексно исследованы элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды с привлечением археологических материалов с обширной территории. В результате проведенного исследования дешифрованы некоторые аспекты материального и социокультурного фона, объективированного в элементах убранства и аксессуарах костюма кочевников с обширной территории. Также выявлены всеобщие и локальные признаки в ассортименте элементов убранства и аксессуаров костюма кочевников Улуса Джучи и определены способы ношения украшений, аксессуаров и их функции; представлена классификация рассмотренных артефактов. Изучены некоторые аспекты семантики элементов убранства и аксессуаров костюма, отраженные в нем мировоззренческие, религиозные представления в кочевнической среде, и выявлены предпочтения в цвете, орнаменте, количестве украшений в уборе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Гарустович, Г.Н. Научный отчет об археологических работах в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан на р. Макан в 1996 году / Г.Н. Гарустович. 1997. Архив ИА РАН, д. 20203.
2. Иванов, В.А. Научный отчет о результатах археологических исследований за 1984 год / В.А. Иванов. 1984. Архив МАЭ ИЭИ УНЦ РАН, А/АО/1 – 26.
3. Иванов, В.А. Научный отчет о результатах археологических исследований за 1985 / В.А. Иванов. 1985. Архив МАЭ ИЭИ УНЦ РАН, А/АО/1 – 27.
4. Мажитов, Н.А. Альбом иллюстраций к научному отчету о работе археологического отряда за 1968 г. / Н.А. Мажитов. 1968. Архив УНЦ РАН, ф. 3, оп. 2, д. 733.
5. Мажитов, Н.А. Научный отчет об археологических исследованиях в 1969 г на территории Башкирии по теме «Археологическая карта Южного Урала» / Н.А. Мажитов. 1969. Архив УНЦ РАН, ф. 3, оп. 2, д. 749.
6. Мажитов, Н.А. Научный отчет о результатах археологических исследований за 1974 г. Тема: «Южный Урал в период раннего средневековья» / Н.А. Мажитов. 1974. Архив АЛ БГУ, ф. 2, д. 6.
7. Мажитов, Н.А. Альбом иллюстраций к научному отчету об археологических исследованиях в 1975 г. в Оренбургской области / Н.А. Мажитов. 1975. Архив УНЦ РАН, ф. 3, оп. 2, д. 842.
8. Мажитов, Н.А. Научный отчет об археологических исследованиях в 1975 г. в Оренбургской области по теме «Археологические памятники среднего течения р. Урал» / Н.А. Мажитов. 1975. Архив УНЦ РАН, ф. 3, оп. 2, д. 841.
9. Пятых, Г.Г. Отчет об археологических исследованиях на территории Куйбышевской области в 1975 г. / Г.Г. Пятых. 1975. Архив ИА РАН, р-1, д. 5870.
10. Турецкий, М.А. Отчет об археологических исследованиях в Куйбышевской области в 1985 г. / М.А. Турецкий. 1985. Архив ИА РАН, р-1, д. 10442.

Письменные источники

11. Из описания путешествий Ибн Баттуты // Золотая Орда в источниках / Сост., вв. ст. и коммент. Р.П. Храпачевского. – Т. I: Арабские и персидские сочинения. – М.: ЦИВОИ, 2003. – С. 125–149.
12. Из сочинения Ибн Арабшаха // Золотая Орда в источниках / Сост., вв. ст. и коммент. Р.П. Храпачевского. – Т. I: Арабские и персидские сочинения. – М.: ЦИВОИ, 2003. – С. 205–217.
13. «Краткие сведения о черных татарах» Пен да-я и Сюй Тина («Хэй-да ши-люе») / Пер. Линь Кюн-и и Н.Ц. Мункуева // Из глубины столетий / Сост. Б.Л. Хамидуллина. 2-е изд.-е. – Казань: Таткнигоиздат, 2004. – С. 137–148.
14. Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Пер. с кит. Н.Ц. Мункуева. – М.: Наука, 1975. – 286 с.
15. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Пер. А.И. Малейна. – М.: Географгиз, 1957. – 300 с.
16. Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Пер. со староиспанского, предисл. и коммент. И.С. Мироковой. – М.: Наука. Гл. ред. восточной литературы, 1990. – 211 с.
17. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. / Пер. С.А. Козина. – М.-Л.: АН СССР, 1941. – Т. I. – 619 с.

Литература

18. Абызова, Е.Н. Изделия из цветных металлов и инструментарий ювелиров в контексте золотоордынских древностей Пруто-Днестровского междуречья / Е.Н. Абызова, С.С. Рябцева // Золотоордынская цивилизация: сб. ст. – Казань: Фэн АН РТ, 2009. – Вып. 2. – С. 139–153.
19. Авенариус, Н.П. Материалы по доисторической археологии России: Херсонская губ. Раскопки в Херсонском уезде / Н.П. Авенариус // ЗИРАО. Новая серия. Труды отделения русской и славянской археологии. – СПб., 1896. – Т. VIII. – Вып. 1/2. – Кн. 1. – 312 с.
20. Акишев, К.А. Жилища городища Бозок / К.А. Акишев, В.В. Варфоломеев // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: материалы международного полевого семинара. – Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2008. – С. 41–56.
21. Акишев, К.А. К вопросу о монгольских погребениях XIII–XIV вв. (по материалам некрополя Бозок) / К.А. Акишев, Б.М. Хасенова, Ю.А. Мотов // Бозок в панораме средневековых культур Евразии: материалы международного полевого семинара. – Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, 2008. – С. 56–66.
22. Алабин, П.В. Нам известные остатки древности в Самарском крае / П.В. Алабин // Труды IV АС. – Казань: Типография Императорского Университета, 1884. – Т. 1. – С. 1–7.
23. Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос / Пер. и коммент. В.Е. Майногашевой. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988. – 587 с.
24. Андросова, Э.М. Социокультурные основы восприятия цвета в костюме как проявление национального своеобразия: историко-культурный контекст: автореф. дис. ... канд. культурологии / Э.М. Андросова. – Челябинск, 2006. – 27 с.
25. Арсланова, Ф.Х. Погребения золотоордынского времени в Павлодарской области / Ф.Х. Арсланова // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С. 54–59.
26. Арсланова, Ф.Х. Средневековый могильник из Прииртышья / Ф.Х. Арсланова // История, философия, экономика. – Алма-Ата: Министерство высшего и среднего специального образования, 1963. – С. 278–294: ил.
27. Артамонова, О.А. Могильник Саркела – Белой Вежи / О.А. Артамонова // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. МИА. – М.-Л., 1963. – Т. III. – № 109. – С. 42–76.
28. Археологические памятники у села Рождествено / В.Ф. Генинг, В.Е. Стоянов, Т.А. Хлебникова, И.С. Вайнер, Е.П. Казаков, Р.К. Валеев. – Казань: КГУ, 1962. – 128 с.
29. Арциховский, А.В. Курганы вятичей / А.В. Арциховский. – М.: РАНИОН, 1930. – 222 с.
30. Асатрян, Г.С. Некоторые материалы по этикету у персов / Г.С. Асатрян, Н.Х. Геворкян // Этикет у народов Передней Азии: сб. ст. – М.: Наука, 1988. – С. 148–163.
31. Атавин, А.Г. Харинка: средневековый слой / А.Г. Атавин, И.С. Каменецкий // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград: ВолГУ, 2002. – Вып. 5. – С. 266–308.
32. Ахмеров, Р.Б. Новые археологические находки в Башкирии / Р.Б. Ахмеров // КСИ-ИМК. – М., 1951. – Вып. XXXIX. – С. 120–125.
33. Баллод, Ф.В. Культура Золотой Орды / Ф.В. Баллод // Новый Восток. – М.: Научная ассоциация востоковедения СССР, 1924. – С. 336–349.
34. Баллод, Ф.В. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Результаты археологических работ летом 1922 года / Ф.В. Баллод // ТА. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АНТ, 1998. – № 1(2). – С. 14–32; №2(3). – С. 109–135.
35. Бежкович, А.С. Этнографические рисунки Вл. Плотникова по быту казахов / А.С. Бежкович // СЭ. – 1953. – № 4. – С. 113–119.
36. Белинский, И.В. Позднокочевнический могильник XIII–XIV вв. Козинка-I на Маныче / И.В. Белинский, А.Н. Масловский // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. – Азов: Азовский краеведческий музей, 2000. – Вып. 16. – С. 135–156.
37. Белинский, И.В. Раскопки Азовского краеведческого музея / И.В. Белинский, Е.И. Беспалый, И.В. Волков, И.Н. Парусимов // АО 1986 года. – М.: Наука, 1988. – С. 110–113.
38. Березовец, Д.Т. Курганный могильник в с. Грушевка / Д.Т. Березовец // Археологические памятники УССР. – Киев: АН УССР, 1961. – Т. X. – С. 56–63.

39. Березуцкий, В.Д. Новые данные о поздних кочевниках из Левобережья Среднего Дона / В.Д. Березуцкий // Исследование памятников археологии Восточной Европы: межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: ВоронежГПУ, 1989. – С. 16–25.
40. Бисембаев, А.А. Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.) / А.А. Бисембаев. – Уральск: Западно-Казахстанский областной центр истории и археологии, 2003. – 232 с.
41. Бисембаев, А.А. Новые памятники древних и средневековых кочевников Казахстанского Приуралья / А.А. Бисембаев, С.Ю. Гуцалов // УАВ.– Уфа: Гилем, 1998. – Вып. 1. – С. 152–161.
42. Бисембаев, А.А. Погребения средневековья и нового времени Западного Казахстана / А.А. Бисембаев // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Международная Нижневолжская археологическая конференция: тез. докл. – Волгоград: ВолГУ, 2004. – С. 324–326.
43. Богомоллов, В.Б. Орнамент барабинских татар как исторический источник / В.Б. Богомоллов // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: тез. докл. обл. конф. – Омск: ОмГУ, 1979. – С. 206–210.
44. Боталов, С.Г. Аскизский курган монгольского времени Кула-Айгыр / С.Г. Боталов // РА. – 1992. – № 2. – С. 230–239.
45. Боталов, С.Г. Памятники кочевников Урало-Ишимского междуречья XII–XIV веков / С.Г. Боталов, Г.Б. Зданович // Источники по истории и культуре Башкирии: тез. докл. – Уфа: БФ АН СССР, 1986. – С. 66–71.
46. Бужилова А.П. Антропологические материалы из Новохарьковского могильника: оценка состояния здоровья палеопопуляции / А.П. Бужилова // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Т.И. Алексеева [и др.] – Воронеж: ВоронежГУ: МИОН, 2002. – Гл. V. – С. 146–154.
47. Бужилова А.П. Демографическая и социальная структура средневековой популяции / А.П. Бужилова, М.Б. Медникова, М.В. Козловская // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Т.И. Алексеева [и др.] – Воронеж: ВоронежГУ: МИОН, 2002. – Гл. VIII. – С. 168–175.
48. Бужилова А.П. Реконструкция хозяйственной деятельности палеопопуляции по данным антропологии / А.П. Бужилова, М.Б. Медникова // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Т.И. Алексеева [и др.] – Воронеж: ВоронежГУ: МИОН, 2002. – Гл. VI. – С. 155–162.
49. Булатов, Н.М. Золотой браслет с Селитренного городища / Н.М. Булатов // СА. – 1983. – № 3. – С. 219–223.
50. Булгаков, Р.М. Персидская надпись на серебряной пластинке из кыпчакского кургана на р. Урал / Р.М. Булгаков // Памятники кочевников Южного Урала: сб. науч. тр. – Уфа: БФ АН СССР, 1984. – С. 98–102.
51. Бусятская, Н.Н. Стекланные бусы Селитренного городища / Н.Н. Бусятская // СА. – 1973. – № 1. – С. 217–224.
52. Бусятская, Н.Н. Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) / Н.Н. Бусятская // Средневековые памятники Поволжья: сб. науч. ст. – М.: Наука, 1976. – С. 38–73.
53. Валеев, Ф.Х. Древнее искусство Татарстана / Ф.Х. Валеев, Г.Ф. Валеева-Сулейманова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. – 104 с.
54. Валеева, Д.К. Искусство волжских болгар периода Золотой Орды (XIII–XV вв.) / Д.К. Валеева. – Казань: Фикер, 2003. – 240 с.
55. Валеева-Сулейманова, Г.Ф. К вопросу о генезисе золотоордынских браслетов с зооморфными изображениями / Г.Ф. Валеева-Сулейманова // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и ее наследие. – Москва: Восточная литература, 2002. – С. 187–197.
56. Валиулина, С.И. Батынгуское (Торецкое) III селище и проблема преемственности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период / С.И. Валиулина // ТА. Золотая Орда: археология, нумизматика, искусство. Золотоордынский город и Дешт-и-Кыпчак. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АНТ, 2004. – № 1/2 (12/13). – С. 157–192.

57. Валиулина, С.И., Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища) / С.И. Валиулина. – Казань: КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. – 280 с.
58. Васильев, Д.В. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени / Д.В. Васильев // Древности Волго-Донских степей: сб. науч. ст. – Волгоград: ВолГУ, 1998. – Вып. 6. – С. 101–112.
59. Васильев, Д.Д. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии / Д.Д. Васильев, М.В. Горелик, С.Г. Кляшторный // Из истории Золотой Орды. – Казань, 1993. – С. 33–44.
60. Васильева, И.Н. II Усинский грунтовый могильник XIII–XIV вв. на Самарской Луке / И.Н. Васильева // Новое в средневековой археологии Евразии. – Самара: Историко-культурная ассоциация «Артефакт», 1993. – С. 58–77.
61. Васильева, И.Н. Золотоордынский период истории Самарского Поволжья / И.Н. Васильева // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. – М.: Наука, 2000. – С. 293–347.
62. Васильева, И.Н. Новые погребения средневековых кочевников в Куйбышевской области / И.Н. Васильева // Древности Среднего Поволжья: межвуз. сб. – Куйбышев: КГУ, 1985. – С. 176–178.
63. Васильева, И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья / И.Н. Васильева // Древняя история Поволжья: науч. тр. – Куйбышев: Куйб-ГПИ им. В.В. Куйбышева, 1979. – Т. 230. – С. 202–240.
64. Васюткин, С.М. К этнической истории Южного Приуралья в XIII–XIV вв. / С.М. Васюткин // Материалы по археологии Южного Урала: межвуз. науч. сб. – Уфа: БашГУ, 1992. – С. 114–130.
65. Веселовский, Н.И. Отчет о раскопках, произведенных в 1894 г. старшим членом Императорской Археологической Комиссии Н.И. Веселовским / Н.И. Веселовский // ОАК. – 1894. – С. 77–87.
66. Викторова, Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры / Л.Л. Викторова. – М.: Наука, 1980. – 222 с.
67. Винников, А.З. Заключение / А.З. Винников, М.В. Цыбин // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Т.И. Алексеева [и др.] – Воронеж: ВоронежГУ: МИОН, 2002. – Закл. – С. 176–177.
68. Винников, А.З. Материалы Новохарьковского могильника / А.З. Винников, М.В. Цыбин // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Т.И. Алексеева [и др.] – Воронеж: ВоронежГУ: МИОН, 2002. – Гл. I. – С. 14–105.
69. Винников, А.З. Погребения средневековых кочевников в могильнике у с. Третьяки / А.З. Винников, К.Ю. Ефимов, М.В. Цыбин // Археология Доно-Волжского бассейна. – Воронеж: ВоронежГПУ, 1993. – С. 30–47.
70. Виноградов, В.Б. Два зеркала золотоордынской эпохи из Чечено-Ингушетии / В.Б. Виноградов // СА. – 1987. – № 1. – С. 267–269.
71. Волков И.В. Золотоордынские браслеты с надписями / И.В. Волков // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Т.И. Алексеева [и др.] – Воронеж: ВоронежГУ: МИОН, 2002. – Гл. I. – С. 106–111.
72. Воробьев, М.В. Культура чжурчженей и государства Цзинь (X в. – 1234 г.) / М.В. Воробьев. – М.: Наука, 1983. – 367 с.
73. Воронцов, И.А. Средневековые погребения в низовьях реки Иловли / И.А. Воронцов // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград: ВолГУ, 2002. – Вып. 5. – С. 321–335.
74. Гаген-Торн, Н.И. Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу) / Н.И. Гаген-Торн. – Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1960. – 228 с.
75. Гаген-Торн, Н.И. К методике изучения одежды в этнографии СССР / Н.И. Гаген-Торн // СЭ. – 1933. – №3–4. – С. 119–135.
76. Галданова, Г.Р. Сагалган – древний народный праздник монголов и бурят / Г.Р. Галданова // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии: докл. и сообщ. Всесоюзной научной конференции. – М.: Наука, 1983. – Ч. I. – С. 40–50.

77. Гарустович, Г.Н. Брик-Алгинское местонахождение XIV века в Башкирском Приуралье / Г.Н. Гарустович, С.В. Рязанов, А.Ф. Яминов. – Уфа: Тау, 2005. – 152 с.: ил.
78. Гарустович, Г.Н. Кочевники Волго-Уральского региона эпохи средневековья (памятники VII – нач. XV вв.) / Г.Н. Гарустович, В.А. Иванов, Н.А. Мажитов. – Рукопись.
79. Гарустович, Г.Н. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века) / Г.Н. Гарустович, А.И. Ракушин, А.Ф. Яминов. – Уфа: Гилем, 1998. – 336 с.
80. Генинг, В.Ф. Очерки истории советской археологии / В.Ф. Генинг. – Киев: Наукова думка, 1982. – 226 с.
81. Глушков, И.Г. Керамика как археологический источник / И.Г. Глушков. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнограф. СО РАН, 1996. – 328 с.
82. Голдина, Е.В. Бусы Верхнего Прикамья конца IV–IX вв. (по материалам могильников неволинской культуры): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е.В. Голдина. – Ижевск, 1998. – 21 с.
83. Голдина, Р.Д. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья / Р.Д. Голдина, О.П. Королева // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. – Ижевск: УдГУ, 1983. – С. 40–71.
84. Голиков, В.П. Средневековый текстиль из могильника Му-Шарет-1 / В.П. Голиков, О.В. Орфинская // Могильники Му-Шарет в Калмыкии: комплексное исследование. – М.; Элиста: ГИМ; Калм. ин-т соц.-эк. и правовых исследований, 2001. – С. 81–83.
85. Горелик, М.В. Армии монголо-татар X–XIV веков. Военское искусство, оружие, снаряжение / М.В. Горелик. – М.: Восточный горизонт, 2002. – 84 с.
86. Горелик, М.В. Ближневосточная миниатюра XII–XIII вв. как этнографический источник (опыт изучения мужского костюма) / М.В. Горелик // СЭ. – 1972. – № 2. – С. 37–50.
87. Горелик, М.В. Культура империй, созданных кочевниками (Скифы, хазары, монголы) / М.В. Горелик // История и культура Улуса Джучи / Ин-т истории АН РТ. 2006. Бертольд Шпулер «Золотая Орда»: традиции изучения и современность / отв. ред. И.А. Гилязов, И.Л. Измайлов. – Казань: Фэн АН РТ, 2007. – С. 195–201.
88. Горелик, М.В. Монголы и огузы в тебризской миниатюре XIV–XV веков / М.В. Горелик // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии: докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. – М.: Наука, 1983. – Ч. I. – С. 67–73.
89. Горелик, М.В. Монгольский женский костюм X–XIV вв. / М.В. Горелик // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне: тез. докл. III Междунар. науч. конф., посв. 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). – М.: Нумизматическая литература, 2006. – С. 125–126.
90. Горелик, М.В. Монгольский костюм и оружие в XIII–XIV веках: традиции имперской культуры / М.В. Горелик // Золотоордынское наследие: материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XIV вв.)»: сб. ст. – Казань: Фэн АН РТ, 2009. – Вып. 1. – С. 450–462.
91. Горелик, М.В. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV–XIX вв. / М.В. Горелик // Костюм народов Средней Азии: историко-этнографические очерки. – М.: Наука, 1979. – С. 49–70.
92. Граков, Б.Н. Работы в районе проектируемых Южно-Уральских гидроэлектростанций / Б.Н. Граков // Археологические работы Академии на новостройках в 1932 – 1933 гг. Известия ГАИМК. – М.; Л.: ОГИЗ, 1935. – Т. II. – Вып. 110. – С. 91–119.
93. Грач, А.Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге / А.Д. Грач // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции; Вып. I. Материалы по археологии и этнографии Западной. – Тувы. М.-Л.: АН СССР, 1960. – 150 с.
94. Грач, А.Д. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-Вана в Туве / А.Д. Грач // СЭ. – 1958. – № 4. – С. 20–34.
95. Грач, А.Д. Древние кочевники в Центральной Азии / А.Д. Грач. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
96. Грязнов, М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири / М.П. Грязнов // Археологический сборник. Вып. 3. Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии. – Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1961. – С. 7–31.

97. Гумилев, Л.Н. Изменения климата и миграции кочевников / Л.Н. Гумилев // Природа. – 1972. – № 4. – С. 44–52.
98. Гумилев, Л.Н. Каспий, климат и кочевники / Л.Н. Гумилев, А.А. Алексин // Труды общества истории, археологии и этнографии. – 1963. – Т. I (36). – С. 41–55.
99. Гусева, Л.Н. Лотос в искусстве чжурчженей Приморья в XII – начале XIII вв. / Л.Н. Гусева // Древний и средневековый Восток. – М.: Наука, 1988. – Ч. II. – С. 261–267.
100. ДАК за 1882 – 1888 годы. – СПб.: типография императорской академии наук, 1891. – XL с.
101. Деопик, В.Б. Классификация и хронология аланских украшений VI–IX вв. / В.Б. Деопик // МИА. Средневековые памятники Северной Осетии. – М., 1963. – № 114. – С. 122–147.
102. Дзеконьска-Козловска, А. Женская мода XX века / А. Дзеконьска-Козловска. – М.: Легкая индустрия, 1977. – 296 с. с ил.
103. Длужневская, Г.В. Кочевое население Тувы в раннем средневековье / Г.В. Длужневская, Б.Б. Овчинникова // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл: Тувинский НИИ языка, литературы и истории, 1980. – С. 77–94.
104. Длужневская, Г.В. Памятники древности на дне Тувинского моря / Г.В. Длужневская, Д.Г. Савинов. – СПб.: ИИМК РАН, СГУ, 2007. – 197 с.
105. Добролюбский, А.О. Древности средневековых кочевников в Нижнем Поднестровье (материалы раскопок И.Я. Стемпковского) / А.О. Добролюбский // Курганы в зонах новостроек Молдавии. – Кишинев: Штиинца, 1984. – С. 153–175.
106. Добролюбский, А.О. Западный Причерноморский участок Великого Шелкового пути в первой половине XIV в. / А.О. Добролюбский // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье: тез. докл. Междунар. науч. семинара. – Донецк; Днепрпетровск: Юнеско [и др.], 1992. – С. 92–93.
107. Добролюбский, А.О. Кочевники северо-западного Причерноморья в эпоху средневековья / А.О. Добролюбский. – Киев: Наукова думка, 1986. – 140 с.
108. Доде, З.В. К вопросу о боктаг / З.В. Доде // РА. – 2008. – № 4. – С. 52–62.
109. Доде, З.В. Костюм как репрезентация историко-культурной реальности. К вопросу о методе исследования / З.В. Доде // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк: ДонНУ, 2005. – Т. 2. – С. 305–331.
110. Доде, З.В. Костюм населения Северного Кавказа VII–XVII веков (Реконструкция этносоциальной истории): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / З.В. Доде. – М., 2008. – 60 с.
111. Доде, З.В. Костюмы кочевников Золотой Орды из могильника Дхухта-2 / З.В. Доде // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа: сб. науч. ст. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – Вып II. – С. 117–127.
112. Доде, З.В. Символы легитимации принадлежности к империи в костюме кочевников Золотой Орды / З.В. Доде // Восток. – 2005. – № 4. – С. 25–35.
113. Доде, З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории / З.В. Доде. – М.: Восточная литература, 2001. – 136 с.: карты, ил.
114. Доде, З.В. Уникальный шелк с «драконами» из могильника Джухта (Северный Кавказ) / З.В. Доде // РА. – 2005. – № 2. – С. 138–148.
115. Дьяченко, А.Н. Результаты археологических исследований в Подонье и Заволжье / А.Н. Дьяченко // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград: ВолГУ, 2002. – Вып. 5. – С. 387–402.
116. Егоров, В.Л. Археологические исследования Водянского городища в 1967–71 гг. / В.Л. Егоров, М.Д. Полубояринова // Города Поволжья в средние века: сб. науч. ст. – М.: Наука, 1974. – С. 39–89.
117. Егоров, В.Л. Исследование мечети на Водянском городище / В.Л. Егоров, Г.А. Федоров-Давыдов // Средневековые памятники Поволжья: сб. науч. ст. – М.: Наука, 1976. – С. 108–167.
118. Егоров, В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. / В.Л. Егоров. – М.: Наука, 1985. – 248 с.

119. Ельников, М.В. Грунтовый кочевнический могильник Мамай-Гора XIV в. из Нижнего Поднепровья / М.В. Ельников // ТА. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АНТ, 2004. – № 1/2 (12/13). – Казань. – С. 86–111.
120. Ельников, М.В. Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы / М.В. Ельников // ТА. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АНТ, 2001. – №1/2. – С. 142–188.
121. Ефимов, К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» / К.Ю. Ефимов // РА. – 2000. – № 1. – С. 167–183.
122. Ефимов, К.Ю. Позднекочевническое захоронение в лодке у села Старая Калитва / К.Ю. Ефимов // Проблемы археологии бассейна Дона: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Д. Пряхин. – Воронеж: ВоронежГПУ, 1999. – С. 230–234.
123. Ефимова, А.Е. Бутаевский клад ювелирных изделий волжских болгар / А.Е. Ефимова // СА. – 1960. – №3. – С. 190–207.
124. Ефимова, А.М. Кладбище на окраине посада города Болгара / А.М. Ефимова // Города Поволжья в средние века: сб. науч. ст. – М.: Наука, 1974. – С. 24–30.
125. Железчиков, Б.Ф. Раскопки у села Маляевка / Б.Ф. Железчиков, Д.В. Кутуков // Древности Волго-Донских степей: сб. науч. ст. – Волгоград: ВолГУ, 1998. – Вып. 6. – С. 124–140.
126. Жуковская, Н.Л. Бинарные оппозиции в традиционной монгольской культуре / Н.Л. Жуковская // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии: докл. и сообщ. Всесоюзной науч. конф. – М.: Наука, 1983. – Ч. I. – С. 127–138.
127. Заднепровский, Ю.А. Трансазиатский степной путь – ветвь шелкового пути по археологическим данным / Ю.А. Заднепровский // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье: тез. докл. Междунар. науч. семинара. – Донецк; Днепрпетровск: Юнеско [и др.], 1992. – С. 19–22.
128. Зарецкий, И.А. Пос. Благословенка и Ак-Булак / И.А. Зарецкий // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. – М.-Л.: АН СССР, 1941. – С. 152–153.
129. Захаров, П.Е. Памятники золотоордынского времени у с. Нижняя Добринка / П.Е. Захаров, Л.В. Яворская // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград: ВолГУ, 2003. – Вып. 6. – С. 236–253.
130. Захарова, И.В. Головные уборы казахов (опыт локальной классификации) / И.В. Захарова, Р.Д. Ходжаева // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. – М.: Наука, 1989. – С. 204–228.
131. Захарова, И.В. Классификация и картографирование казахских головных уборов (XIX – начало XX вв.) / И.В. Захарова // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: тез. докл. областной конференции. – Омск: ОмГУ, 1979. – С. 160–163.
132. ИАК. Прибавление к вып. 3. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1902. – 130 с.
133. ИАК. Прибавление к вып. 5. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1903. – 98 с.
134. Ибрагимов, Ф.А. О связи средневековых городов Азербайджана со странами Центральной Азии / Ф.А. Ибрагимов, О.Ш. Исмизаде // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии: докл. и сообщ. Всесоюзной научной конференции. – М.: Наука, 1983. – Ч. I. – С. 139–148.
135. Иванов, В.А. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма) / В.А. Иванов, Н.Б. Крыласова. – Пермь: ПФ ИИА УрО РАН, 2006. – 162 с.
136. Иванов, В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.) / В.А. Иванов, В.А. Кригер. – М.: Наука, 1988. – 92 с.
137. Иванов, В.А. Погребения кыпчаков в бассейне р. Урал / В.А. Иванов // Памятники кочевников Южного Урала: сб. науч. тр. – Уфа: БФАН СССР, 1984. – С. 75–98.

138. Иванов, В.А. Социальный мир Золотой Орды и его отражение в археологических материалах / В.А. Иванов // Золотоордынское наследие: материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.): сб. ст.– Казань: Фэн АН РТ, 2009. – Вып. 1. – С. 15–23.
139. Иванов, В.А. Средневековые погребения могильника Тамар-Уткуль на Илеке / В.А. Иванов // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: ОГПУ, 2001. – Вып. V. – С. 155–162.
140. Иванов, В.А. Убранство костюма как индикатор этнокультурных связей ранних волжских болгар / В.А. Иванов // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. 100-летие А.П. Смирнова: тез. научной конференции. – Болгар, 1999. – С. 41–43.
141. Иванов, В.А. Убранство костюма кочевников Золотой Оды / В.А. Иванов // Самарский край в истории России: материалы юбилейной научной конференции. – Самара, 2001. – С. 200–207.
142. Иванов, В.А. Хабарный I – могильник золотоордынского времени в центральном Оренбуржье / В.А. Иванов // Археологические памятники Оренбуржья.– Оренбург: ОГПУ, 2004. – Вып. VI. – С. 74–83.
143. Игнатенко, А.А. Зеркало Ислама / А.А. Игнатенко. – М.: Русский институт, 2004. – 216 с.
144. Ильюков, Л.С. Курганы Миусского полуострова / Л.С. Ильюков, Л.М Казакова. – Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 1988. – 167 с.
145. Исенко, С.П. Этнокостюмология в контексте современной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии / С.П. Исенко. – М, 1999. – 45 с.
146. Исследование уникальных археологических памятников из собрания государственного исторического музея – комплексов одежд XIII–XIV вв. / О.Б. Лантратова, В.П. Голиков, О.В. Орфинская, О.Ф. Владимирова, В.Л. Егоров. – М.: ГИМ, 2002. – 237 с.
147. Исхаков, Д.М. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.) / Д.М. Исхаков, И.Л. Измайлов. – Казань: РИЦ Школа, 2007. – 356 с.
148. Кадырбаев, М.К. Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола / М.К. Кадырбаев, Р.З. Бурнашева // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С. 42–53.
149. Казаков, Е.П. Памятники болгарского времени в Восточных районах Татарии / Е.П. Казаков. – М.: Наука, 1978. – 132 с.
150. Казбулатова, Г.Х. Костюм и знаково-эстетическая деятельность (на примере традиционных костюмов народов Башкортостана): автореф. дис. ... канд. филос. наук / Г.Х. Казбулатова. – М., 2002. – 24 с.
151. Каминская, Н.М. История костюма. Костюм Древнего мира. Западноевропейский костюм V–XX вв. Русский и советский костюмы / Н.М. Каминская / 2-е изд., перераб. – М.: Легпромбытиздат, 1986. – 168 с., ил.
152. Кастанье, И.А. Древности киргизской степи и Оренбургского края / И.А. Кастанье // ТОУАК. – Оренбург, 1910. – Вып. 22. – 332 с.
153. Кастанье, И.А. Отчет о раскопках шести курганов в Актюбинском уезде летом 1906 г. / И.А. Кастанье // ТОУАК. – Оренбург, 1907. – Вып. 19. – С. 102–116.
154. Катанов, Н.Ф. Описание одного металлического зеркала с арабской надписью, принадлежащего Обществу Археологии, Истории и Этнографии / Н.Ф. Катанов // Известия Общества археологии, истории и этнографии. – Казань, 1898. – Т. XIV. – Вып. 6. – С. 662–664.
155. Ким, И.А. Золотоордынский мавзолей у д. Бахтияровка / И.А. Ким // Древности Волго-Донских степей: сб. науч. ст. – Волгоград: Перемена, 1993. – Вып. 3. – С. 172–183.
156. Клейн, Л.С. Археологическая типология / Л.С. Клейн. – Л.: Изд-во АН СССР, 1991. – 447 с.
157. Клещина, И.С. Гендерный подход и равноправие в межличностных отношениях / И.С. Клещина // Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 249–255.

158. Кляшторный, С.Г. Концепция «трех миров» в пантеоне древнетюркских памятников / С.Г. Кляшторный // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: тез. докл. областной конференции. – Омск: ОмГУ, 1979. – С. 109–112.
159. Ковалева, И.Ф. Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский» / И.Ф. Ковалева, С.С. Волкобой, В.И. Костенко, В.Н. Шалобудов // Курганские древности степного Поднепровья (III–I тыс. до н.э.): сб. науч. тр. – Днепропетровск: ДГУ, 1978. – Вып.2. – С. 5–24.
160. Козлова, Т.В. Художественное проектирование костюма / Т.В. Козлова. – М.: Легкая и пищевая промышленность, 1982. – 143 с.
161. Колчин, Б.А. Хронология Новгородских древностей / Б.А. Колчин // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода / под общ. ред. Б.А. Колчина, В.Л. Янина. – М.: Наука, 1982. – С. 156–178.
162. Корепанов, К.И. О находке зеркала на Селитренном городище / К.И. Корепанов // СА. – 1980. – № 1. – С. 283–287.
163. Космарова, Е.К. Украшения руки народов Западного Поволжья в средние века (V–XIV вв.) / Е.К. Космарова // Материалы XXXVIII УПАСК / отв. ред. Д.В. Васильев, А.В. Сызранов. – Астрахань: Астраханский университет, 2006. – С. 149–151.
164. Костюков, В.П. Материалы к этнической ситуации в Южном Зауралье в золотоордынское время / В.П. Костюков // УАВ. – Уфа: Гилем, 2007. – Вып. 6–7. – С. 151–157.
165. Котеньков, С.А. Средневековые погребения с джучидскими монетами из Астраханской области / С.А. Котеньков // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии. Серия «Восток-Запад: Диалог культур Евразии». – Казань: Фэн, 2004. – Вып. 4. – С. 153–161.
166. Кравец, В.В. О критериях социально-ранговой характеристики кочевников Золотой Орды (по материалам лесостепного и северостепного Подонья) / В.В. Кравец // Археологическое изучение Центральной России: тез. Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. – Липецк: ЛипГПУ, 2006. – С. 326–329.
167. Кравец, В.В. Погребение кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе «Высокая гора» на юге Воронежской области / В.В. Кравец, В.Д. Березуцкий, А.А. Бойков // Донская археология. – Ростов-на-Дону: РГУ, 2000. – №3/4. – С. 114–127.
168. Кравец, В.В. Погребения кочевников X–XIV вв. на юге Воронежской области / В.В. Кравец // Верхнедонской археологический сборник. – Липецк: ЛипГПУ, 2001. – Вып. 2. – С. 233–243.
169. Крамаровский, М.Г. Золото Чингисидов: джучидская сокровищница / М.Г. Крамаровский // Сокровища Золотой Орды. – СПб.: Славия, 2000. – С. 132–201.
170. Красильников, К.И. К вопросу о монгольском периоде на Среднем Подонье / К.И. Красильников // Археология Восточно-Европейской лесостепи. – Воронеж, 2001. – Вып.15. – С. 214–224.
171. Красноперов, А.А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II в. до н.э. – V в. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.А. Красноперов. – Ижевск, 2006. – 29 с.
172. Кривцова-Гракова, О.А. Погребения поздних кочевников из раскопок в Оренбургском уезде летом 1927 года / О.А. Кривцова-Гракова // ТСА РАНИОН. – М, 1928. – Т. IV. – С. 281–297.
173. Кригер, В.А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у пос. Лебедевка Уральской области / В.А. Кригер // Памятники кочевников Южного Урала: сб. науч. тр. – Уфа: БФАН СССР, 1984. – С. 102–117.
174. Кригер, В.А. Позднекочевнические погребения у пос. Рубежка и Алебастрово Уральской области / В.А. Кригер, Б.Ф. Железчиков // СА. – 1980. – № 1. – С. 301–306.
175. Кригер, В.А. Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника (Оренбургская область) / В.А. Кригер // СА. – 1983. – № 3. – С. 171–188.
176. Кротков, А.А. Раскопки на Увеке в 1913 году / А.А. Кротков // ТСУАК. – Саратов, 1915. – Вып. 32. – С. 111–113.

177. Круглов, Е.В. Средневековые памятники из Фроловского района Волгоградской области / Е.В. Круглов, В.М. Клепиков // Древности Волго-Донских степей: сб. науч. ст. – Волгоград: Перемена, 1993. – Вып. 3. – С. 138–151.
178. Крыласова, Н.Б. Археология повседневности: Материальная культура Среднего Предуралья: монография / Н.Б. Крыласова. – Пермь: ПГПУ, 2006. – 352 с.
179. Крыласова, Н.Б. История Прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья: монография / Н.Б. Крыласова. – Пермь: ПГПУ, 2001. – 257 с.
180. Крыласова, Н.Б. Материальная культура и быт средневекового населения пермского Предуралья: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Н.Б. Крыласова. – СПб., 2007. – 49 с.
181. Кубарев, Г.В. Китайское зеркало с Юстыда / Г.В. Кубарев // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы науч.-практ. конф. – Барнаул: НПЦ «Наследие»: ЛИК БГПУ: АКИПКРО, 1995. – Вып. V. – Ч. I. – С. 126–130.
182. Кузьмин, В.Н. Позднекочевническое погребение на территории Ростова-на-Дону / В.Н. Кузьмин // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998г. – Азов: Азовский краеведческий музей, 2000. – Вып. 16. – С. 274–277.
183. Куприянова, Е.В. Женский погребальный костюм эпохи средней – начала поздней бронзы Южного Зауралья и Казахстана (на материалах синташтинской, петровской и алакульской культур): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е.В. Куприянова. – Казань, 2009. – 21 с.
184. Кухарева, Л.С. Могильник кочевников у села Максимовка на Днепре / Л.С. Кухарева // Исследования по археологии СССР. – Л.: ЛГУ, 1961. – С. 194–202.
185. Кызласов, И.Л. Кыпчаки и восстание енисейских племен в XIII в. / И.Л. Кызласов // СА. – 1980. – № 2. – С. 80–94.
186. Ларенок, В.А. Об этнической принадлежности погребенных в средневековых курганах у х. Семенкина / В.А. Ларенок // Донские древности. – Азов: Азовский краеведческий музей, 1992. – Вып. I. – С. 158–189.
187. Левашова, В.П. Бусы из Кара-Корума / В.П. Левашова // Древнемонгольские города. – М.: Наука, 1965. – С. 303–312.
188. Лихтер, Ю.А. Гнездовские бусы. По материалам раскопок курганов и поселения / Ю.А. Лихтер, Ю.Л. Шапова // Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города): сб. ст. / под ред. Д.А. Авдусина. – М.: МГУ, 1991. – С. 244–259.
189. Лувсанвандан, Д. Концепция красоты человека в одном монгольском трактате / Д. Лувсанвандан // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии: докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. – М.: Наука, 1983. – Ч. II. – С. 48–67.
190. Лукина, Г.Н. Названия предметов украшения в языке памятников древнерусской письменности XI–XV вв. / Г.Н. Лукина // Вопросы словообразования по лексикологии древнерусского языка. – М.: Наука, 1974. – С. 246–261.
191. Львова, З.А. Стекланные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи / З.А. Львова // МИА. Труды Волго-Донской археологической экспедиции. – М.-Л., 1959. – Т. II. – № 75. – С. 307–332.
192. Мажитов, Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. / Н.А. Мажитов. – М.: АН СССР, 1981. – 164 с.
193. Мажитов, Н.А. Южный Урал в VII–XIV вв. / Н.А. Мажитов. – М.: Наука, 1977. – 250 с.
194. Макаренко, Н.Е. Археологические исследования 1907–1909 годов / Н.Е. Макаренко // ИАК. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1911. – Вып. 43. – 130 с.
195. Максимова, А.Г. Погребение воина XIV века / А.Г. Максимова // Вестник АН КазССР. – № 6 (243). Июнь 1965. – Алма-Ата: Наука, 1965. – С. 85–91.
196. Малиновская, Н.В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными и орнаментированными обкладками на территории евразийских степей / Н.В. Малиновская // Города Поволжья в средние века. – М.: Наука, 1974. – С. 163–169.
197. Мальм, В.А. Золотой браслет с персидской надписью / В.А. Мальм // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – С. 247–249.

198. Мальм, В.А. Золотые бляшки в виде цветка лотоса / В.А. Мальм // Древности Волго-Камья: сб. науч. ст. – Казань: КФ СССР, 1977. – С. 127–128.
199. Мамонтов, В.И. Курганный могильник у хутора Сенной / В.И. Мамонтов, А.В. Ситников // Древности Волго-Донских степей: сб. науч. ст. – Волгоград: ВолГУ, 1998. – Вып.6. – С. 113–120.
200. Мамонтов, В.И. Погребения поздних кочевников из курганного могильника Солодовка II / В.И. Мамонтов // Древности Волго-Донских степей: сб. науч. ст. – Волгоград: Перемена, 1993. – Вып. 3. – С. 115–172.
201. Мамонтов, В.И. Раскопки курганов в Волгоградском Заволжье / В.И. Мамонтов // Древности Волго-Донских степей: сб. науч. ст. – Волгоград: ВолГУ, 1998. – Вып. 6. – С. 141–149.
202. Мамонтов, В.И. Средневековые погребения Царевского курганного могильника / В.И. Мамонтов, А.В. Ситников // Древности Волго-Донских степей: сб. науч. ст. – Волгоград: Перемена, 1993. – Вып.3. – С. 183–208.
203. Маргулан, А.Х. Раскопки погребения воина XIV века в долине реки Нуры / А.Х. Маргулан // ТИИАЭ. Археология. – Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1959. – Т. 7. – С. 248–262.
204. Мартыанов, В.Н. Могильник Заречное II / В.Н. Мартыанов // Материалы и исследования по археологии Поволжья. – Йошкар-Ола: МарГУ, 1998. – Вып. I. – С. 91–106.
205. Матвеев, Ю.П. Курганы у села Караяшник на территории Воронежской области / Ю.П. Матвеев, А.П. Медведев // Археология Восточно-Европейской лесостепи. – Воронеж: ВоронежГУ, 1979. – С. 124–144.
206. Матвеев, Ю.П. Таганский грунтовый могильник. Археологические памятники Донского бассейна / Ю.П. Матвеев, М.В. Цыбин. – Воронеж: ВоронежГУ, 2004. – Вып. 6. – 78 с.: ил.
207. Матвеева, Г.И. Курганный могильник у с. Гвардейцы / Г.И. Матвеева, В.А. Скарбенко // Очерки истории и культуры Поволжья. Труды Средневолжской археологической экспедиции. – Куйбышев: КуйБГУ, 1976. – Вып. 2. – С. 147–174.
208. Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. – М.: Наука, 1989. – 170 с.
209. Матюшко И.В. Проблемы исследования социальной структуры средневековых племен степного Приуралья / И.В. Матюшко // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: материалы XVIII Уральского археологического совещания. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. – С. 346–348
210. Медникова, М.Б. Особенности скелетной конституции погребенных /М.Б. Медникова // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Т.И. Алексеева [и др.] – Воронеж: ВоронежГУ: МИОН, 2002. – Гл. IV. – С. 129–145.
211. Мерцалова, М.Н. Костюм разных времен и народов: энциклопедия: в 4 т. / М.Н. Мерцалова. – М.: Академия моды, 1993–2001.
212. Миллер, М.А. Моздок, 1935 / М.А. Миллер // АИ в РСФСР 1934–1936 гг.: краткие отчеты и сведения. – М.-Л.: АН СССР Институт истории материальной культуры им. Н.Я. Марра, 1941. – С. 238–242.
213. Милорадович, О.В. Христианский могильник на городище Верхний Джулат / О.В. Милорадович // МИА. Средневековые памятники северной Осетии. Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958–1969гг. – М., 1963. – Т. II. – № 114. – С. 87–106.
214. Мировая художественная культура. История искусства Китая. – СПб.: Лань: Триада, 2004. – 960 с.
215. Мироненко, А.П. Методика реконструкции женского костюма ранних кочевников Южного Урала / А.П. Мироненко // Перекрестки истории. Актуальные проблемы исторической науки: материалы Всероссийской научной конференции к 450-летию г. Астрахань / Сост. и ред. Д.В. Васильев, А.В. Сызранов. – Астрахань: Астраханский университет, 2008. – С. 111–114.
216. Монахов, С.Ю. Новые исследования грунтового Аткарского могильника / С.Ю. Монахов // Археология Восточно-Европейской степи: межвузовский сб. науч. тр. – Саратов: Саратовский университет, 1991. – Вып. 2. – С. 167–188.

217. Моргунова, Н.Л. I курганный могильник у с. Буранчи / Н.Л. Моргунова, И.В. Дойникова, Л.А. Краева // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: ОГПУ, 2004. – Вып. VI. – С. 3–16.
218. Моргунова, Н.Л. Курганный могильник Мустаево V / Н.Л. Моргунова, Л.А. Краева, И.В. Матюшко // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: ОГПУ, 2005. – Вып. VII. – С. 5–50.
219. Мордовский народный костюм: альбом / Сост. и авт. текста: Т.П. Прокина, М.И. Сурина. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. – 230 с.
220. Морфология украшений / Ю.Л. Щапова, Ю.А. Лихтер, Т.Г. Сарачева, Е.К. Столярова. – М.: КДУ, 2007. – Вып. 4. – 102 с.: ил., табл.
221. Мошеева, О.Н. Глазчатые бусы / О.Н. Мошева // РА. – 2008. – № 4. – С. 23–33.
222. Мошкова, М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска / М.Г. Мошкова // МИА. – М.: АН СССР. – 1962. – № 115. – С. 206–241.
223. Мухаметшин, Д.Г. Надписи на металлических изделиях / Д.Г. Мухаметшин, Ф.С. Хакимзянов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань: Наука, 1996. – С. 293–306.
224. Мыськов, Е.П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды / Е.П. Мыськов // РА. – 1995. – №2. – С. 36–43.
225. Набиуллин, Н.Г. Город Джукетау по итогам новых исследований / Н.Г. Набиуллин // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: материалы научной конференции / Труды ГИМ. – М.: ГИМ, 2000. – Вып. 122. – С. 275–293.
226. Недашковский, Л.Ф. Бронзовые зеркала второй половины X–XIV вв. из музеев Саратовской области / Л.Ф. Недашковский, А.И. Ракушин // ТА. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АНТ, 1998. – № 2 (3). – С. 87–109.
227. Недашковский, Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа / Л.Ф. Недашковский. – М.: Наука, 2000. – 250 с.
228. Недашковский, Л.Ф. Средневековые металлические зеркала с Увекского городища / Л.Ф. Недашковский, А.И. Ракушин // ТА. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АНТ, 1998. – №1 (2). – С. 32–51.
229. Нефедов, Ф.Д. Журнал курганных раскопок в 1887 – 88 гг. в Южном Приуралье / Ф.Д. Нефедов // МАВГР. – М., 1899. – Т. III. – С. 2–23.
230. Нефедов, Ф.Д. Журнал курганных раскопок, произведенных летом 1884 г. в Тургайской области Ф.Д. Нефедовым и К.А. Фишером. Антропологическая выставка 1879 г. / Ф.Д. Нефедов // Известия ОЛЕАЭ. – М., 1886. – Т. 49. – Вып. 3. – С. 482–488.
231. Николаев, В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках. Усть-Талькинская культура / В.С. Николаев. – Владивосток; Иркутск: Институт географии СО РАН, 2004. – 306 с.
232. Нифонтова, Л.К. Последние археологические поступления в Центральный государственный музей Казахской ССР / Л.К. Нифонтова // Известия Академии Наук Казахской ССР. Серия археологическая. – Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1948. – № 46. – Вып. 1. – С. 116–125.
233. Новгородова, Э.А. Искусство Древней Монголии / Э.А. Новгородова // Искусство и культура Монголии и Центральной Азии: докл. и сообщ. Всесоюзной научной конференции. – М.: Наука, 1983. – Ч. II. – С. 87–98.
234. Новичихин, А.М. Курганный погребение XIV в. в окрестностях станицы Натухаевской / А.М. Новичихин // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). – Армавир – Москва, 2002. Вып. 8. – С. 45–76.
235. ОАК за 1880 год. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1882. – 170 с.
236. ОАК за 1894 год. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1894. – 521 с.
237. ОАК за 1895 год. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1897. – 151 с.
238. ОАК за 1899 год. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1902. – 184 с.
239. ОАК за 1901 год. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1903. – 198 с.
240. ОАК за 1903 год. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1906. – 167 с.

241. ОАК за 1909–1910 годы. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1913. – 289 с.
242. Овчинникова, Б.Б. Социально-знаковая семантика наборных поясов кочевников степей Евразии VI–X вв. / Б.Б. Овчинникова // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье: тез. докл. Международного научного семинара. – Донецк; Днепропетровск: Юнеско [и др.] 1992. – С. 50–54.
243. Окладников, А.П. Древнемонгольский портрет, надписи и рисунки на скале у подножья горы Богдо-Уула / А.П. Окладников // Монгольский археологический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 68–74.
244. Орфинская, О.В. Исследование нескольких деталей женского костюма из захоронения золотоордынского периода на могильнике Маячный бугор-I / О.В. Орфинская, В.П. Голиков, О.Б. Лантратова, В.Г. Рудаков // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: тез. докл. III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). – М.: Нумизматическая литература, 2006. – С. 169–171.
245. Орфинская, О.В. Шелковая ткань XIII–XIV вв. из фондов СОИКМ им. И.В. Алабина / О.В. Орфинская, В.П. Голиков, Д.А. Сташенков // Самарский край в истории России: материалы юбилейной научной конференции. – Самара, 2001. – С. 207–213.
246. Павлова, А.Н. Семантика костюма волжских финнов середины I – начала II тыс. н.э.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А.Н. Павлова. – Казань, 2008. – 40 с.
247. Павлова, М.С. Женский костюм и структура традиционного общества: опыт построения модели / М.С. Павлова // Исследование археологических памятников эпохи средневековья: сб. науч. ст. – СПб.: Нестор-История, 2008. – С. 103–138.
248. Петров, Ф.Н. Гора Бурхан-Халдун в культовой практике современных монголов / Ф.Н. Петров // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы II региональной научно-практической конференции. – Челябинск: Рифей, 2004. – С. 99–104.
249. Пилипенко, С.А. К вопросу о выделении монголо-тянь-шаньской разновидности женского головного убора средневековых монголов «бокка» / С.А. Пилипенко // Алтай-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками: сб. науч. тр. / отв. ред. В.В. Невинский, А.А. Тишкин. – Барнаул: Алтайский университет, 2007. – С. 129–133.
250. Пиотровский, Б.Б. Ст. Моздок, 1936 / Б.Б. Пиотровский // АИ в РСФСР 1934–1936 гг.: краткие отчеты и сведения. – М. – Л.: АН СССР Институт истории материальной культуры им. Н.Я. Марра, 1941. – С. 242–248.
251. Плетнева, С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. / С.А. Плетнева // МИА. – М., 1967. – № 142. – 198 с.
252. Плетнева, С.А. Половецкие каменные изваяния / С.А. Плетнева // САИ. – М.: Наука, 1974. – Вып. Е4–2. – 199 с.
253. Плетнева, С.А. Половецкие погребения в урочище Каменная Балка / С.А. Плетнева // Археологические раскопки на Дону. – Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 1962. – С. 133–137.
254. Подосенова, Ю.А. Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю.А. Подосенова. – Казань, 2009. – 27 с.
255. Полубояринова, М.Д. Раскопки богатого дома золотоордынской эпохи в Болгаре / М.Д. Полубояринова // КСИА. Средневековые древности Восточной Европы. – М.: Наука, 1987. – С. 57–64.
256. Полубояринова, М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды / М.Д. Полубояринова. – М.: ИА АН СССР, 1991. – 112 с.
257. Полякова, Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов / Г.Ф. Полякова // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АНТ, 1996. – С. 154–269.
258. Полякова, Г.Ф. К вопросу о систематизации зеркал Волжской Болгарии / Г.Ф. Полякова // Древности Волго-Камья: сб. науч. ст. – Казань: КФ СССР, 1977. – С. 78–82.
259. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. – СПб.: Алетейя, 2003. – 512 с.

260. Пугаченкова, Г.А. Погребение монгольского времени в Халчаяне / Г.А. Пугаченкова // СА. – 1967. – № 2. – С. 252–258.
261. Путолова, Л.С. Самоцветы и цветные камни / Л.С. Путолова. – М.: Недра, 1991. – 130 с.
262. Пшеничнюк, А.Х. Курганы средневековых кочевников на Южном Урале / А.Х. Пшеничнюк // Памятники кочевников Южного Урала: сб. науч. тр. – Уфа: БФАН СССР, 1984. – С. 60–74.
263. Раевский, Д.С. Искусство и мифы скифов. Заговорят ли изображения? / Д.С. Раевский // Курьер ЮНЕСКО. – 1977. – № 1. – С. 15–41.
264. Рахимова, З.И. Мавераннахрская (среднеазиатская) миниатюрная живопись XVI–XVII вв. как источник по истории костюма: дис. ... канд. искусств. / З.И. Рахимова. – Ташкент, 1984. – 201 с.
265. Розенфельдт, Р.Л. Янтарь на Руси / Р.Л. Розенфельд // Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978. – С. 197–208.
266. Руденко, К.А. Золотоордынские кочевники в Среднем Поволжье / К.А. Руденко // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград: ВолгГУ, 2002. – Вып. 5. – С. 308–321.
267. Руденко, К.А. Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993–1994-м гг. / К.А. Руденко // Материалы и исследования по археологии Поволжья. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 1998. – Вып. I. – С. 60–72.
268. Руденко, К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан / К.А. Руденко // ТА. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АНТ, 2004. – № 1/2 (12/13). – С. 111–156.
269. Руденко, С.И. Искусство Алтая и Передней Азии (сер. I тыс. до н.э.) / С.И. Руденко. – М.: Восточная литература, 1961. – 86 с.
270. Руденко, С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время / С.И. Руденко. – М. – Л.: АН СССР, 1953. – 384 с., с илл. и табл.
271. Рыков, П.С. Раскопки курганного могильника в районе г. Элисты / П.С. Рыков // Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького. – Саратов: Саратовское краевое изд-во, 1936. – Т. VII. – С. 57–70.
272. Савельева, Н.Т. Мода и массовый вкус / Н.Т. Савельева. – М.: Легкая индустрия, 1966. – 150 с.
273. Савинов, Д.Г. Экология и культура раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири / Д.Г. Савинов, Г.В. Длужневская. – СПб.: Ладога, 2008. – 170 с.
274. Садыкова, М.Х. Археологические материалы о хозяйстве башкир IX–XIV вв. / М.Х. Садыкова // АЭБ. – Уфа: БФ АН СССР, ИИЯЛ, 1971. – Т. IV. – С. 143–147.
275. Самашев, З. Древние сокровища Казахского Алтая / З. Самашев, А. Ермолаева, Г. Куш. – Алматы: Онер, 2008. – 200 с.
276. Самоквасов, Д.Я. Описание археологических раскопок и собрания древностей профессора Д.Я. Самоквасова. Труды Московского Комитета по устройству Черниговского археологического съезда / Д.Я. Самоквасов. – М.: Синодальная Типография, 1908. – 277 с.
277. Сахаров, А. Казань в судьбах России / А. Сахаров // Родина. – 2005. – № 8. – С. 12–18.
278. Седова, М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода / М.В. Седова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.
279. Семенов, А.И. Курганы в г. Волгодонске / А.И. Семенов // АО 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 141.
280. Сенигова, Т.Н. Отчет о работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года / Т.Н. Сенигова // ТИИАЭ. – Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1956. – Т. 1. – С. 135–153.
281. Сизов, В.И. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского Московского Археологического Общества, снаряженными на Высочайше дарованные средства / В.И. Сизов. – М., 1889. – Вып. 2. – 183 с.
282. Синицын, И.В. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане / И.В. Синицын // КСИИМК. – М.: АН СССР, 1952. – Вып. 45. – С. 62–73.

283. Сеницын, И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) / И.В. Сеницын // *Материалы и исследования по археологии СССР. № 60. Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции)*. – М.: АН СССР, 1959. – Т. I. – С. 39–205.
284. Сеницын, И.В. Археологические памятники по р. Малый Узень / И.В. Сеницын // *КСИИМК*. – М., 1950. – Вып. 32. – С. 101–105.
285. Сеницын, И.В. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–63 гг.) / И.В. Сеницын, У.Э. Эрдниев. – Элиста: Калм. кн. изд., 1966. – Вып. 2. – 184 с. с ил.
286. Сеницын, И.В. Элистинский курганный могильник (по раскопкам 1964 года) / И.В. Сеницын, У.Э. Эрдниев. – Элиста: Калмыцкий НИИЯЛИ, 1971. – Вып. 3. – 140 с.
287. Синкевич, В.А. «Феномен зеркала в истории культуры». – СПб., 2006. – 66 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophy.ru/library/mirror/> (дата обращения: 25.07.2010).
288. Скворцов, Н.Б. Археологические зарисовки В. Часовникова / Н.Б. Скворцов // *Древности Волго-Донских степей*. – Волгоград: ВолГУ, 1998. – Вып. 6. – С. 161–167.
289. Смагулов, Е.А. «Тимуридский керамический стиль» как отражение интеграционных межкультурных процессов / Е.А. Смагулов // *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций*. – Алма-Ата: Наука, 1989. – С. 438–451.
290. Смирнов, А.П. Волжские булгары / А.П. Смирнов. – М.: Наука, 1951. – 300 с.
291. Смирнов, А.П. Донды-Карское городище / А.П. Смирнов // *Труды научного общества по изучению Вотского края*. – Ижевск, 1928. – Вып. IV. – С. 26–61.
292. Смирнов, А.П. Материальная культура средне-двинской мордвы VIII–XI вв. (Археологический сборник. Т. III) / А.П. Смирнов. Научная обработка и введение А.Е. Алиховой. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1969. – 176 с.
293. Смирнов, К.Ф. Сарматы на Илеке / К.Ф. Смирнов. – М.: Наука, 1975. – 176 с.
294. Соколова, З.П. Животные в религиях / З.П. Соколова. – СПб.: Лань, 1998. – 288 с.
295. Сокровища Золотой Орды, 2000. – СПб.: Славия. – 350 с.
296. Спирина, И.И. Декор ритуальных изделий (коллекция Омского музея изобразительных искусств) / И.И. Спирина // *Искусство и культура Монголии и Центральной Азии: докл. и сообщ. Всесоюзной научной конференции*. – М.: Наука, 1983. – Ч. II. – С. 145–150.
297. Спицын, А.А. Гдовские курганы в раскопках В.Н. Глазова / А.А. Спицын // *МАР*. – СПб., 1903. – № 29. – 70 с.
298. Сребродольский, Б.И. Мир янтаря / Б.И. Сребродольский. – Киев: Наукова думка, 1988. – 144 с.
299. Стаматина, О.Р. Погребальный обряд пьяноборской культуры в свете статистического анализа: автореф. дис. ... канд. ист. наук / О.Р. Стаматина. – Ижевск, 2004. – 26 с.
300. Степанова, Ю.В. Комплекс погребального костюма сельского населения Верхневолжья X–XIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю.В. Степанова. – М.: ИА РАН, 2003. – 22 с.
301. Сулова, И.В. Головные украшения китайнок и их символика / И.В. Сулова // *Одежда народов Зарубежной Азии: сб. МАЭ*. – Л.: Наука, 1977. – Вып. 32. – С. 230–247.
302. Сулова, С.В. Женские украшения казанских татар середины XIX – начала XX вв. / С.В. Сулова. – М.: Наука, 1980. – 150 с.
303. Сулова, С.В. Материалы к реконструкции средневековой одежды знатной казанской татарки XV–XVI вв. / С.В. Сулова // *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Алматы – Омск: Наука, 2004. – С. 256–257.
304. Сулова, С.В. Этнокультурное районирование по данным народного костюма / С.В. Сулова // *Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа*. – Казань: Изд-во ПИК «Дом печати», 2002. – С. 187–206.
305. Тайлор, Э.Б. Первобытная культура / Э.Б. Тайлор. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
306. Таскин, В.С. Материалы по истории ухуаней и сяньби / В.С. Таскин // *Дальний Восток и соседние территории в средние века*. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1980. – С. 54–102.

307. Тегачо, Л.И. Практическая антропология / Л.И. Тегачо, О.В. Марфина. – Ростов н/Д: Феникс, 2003. – 320 с.
308. Тишкин, А.А. Археологические, изобразительные и письменные свидетельства о женских головных уборах монгольского времени / А.А. Тишкин // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. – Омск: Наука-Омск, 2003. – С. 125–128.
309. Тишкин, А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения лесостепного Алтая в монгольское время: монография / А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, А.А. Казаков. – Барнаул: Алтайский университет, 2002. – С. 276.
310. Трефилюев, Е.П. Археологическая экскурсия в Купянский уезд / Е.П. Трефилюев // Труды XIII АС в Екатеринославле. 1905. – М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1907. – Т. I. – С. 131–411.
311. Файзуллина, Д.Ф. Историко-культурная реконструкция элементов костюма (на материале населения Волго-Камья XI–VI вв. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д.Ф. Файзуллина. – Казань, 2006. – 23 с.
312. Федин, Н.Ф. Археологические находки междуречья Волги и Урала / Н.Ф. Федин, Н.М. Владимиров // ВАН КазССР. – Алма-Ата, 1954. – №2 (107). – С. 75–81.
313. Федоров-Давыдов, Г.А. Археологическая типология и процесс типобразования (на примере средневековых бус) / Г.А. Федоров-Давыдов // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. – М.: Наука, 1981. – С. 267–318.
314. Федоров-Давыдов, Г.А. Астральный амулет из Царевского городища / Г.А. Федоров-Давыдов // Города Поволжья в средние века: сб. науч. ст. – М.: Наука, 1974. – С. 89–91.
315. Федоров-Давыдов, Г.А. Золотоордынские города Нижнего Поволжья в системе «Шелкового пути» / Г.А. Федоров-Давыдов // Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье: тез. докл. Международного научного семинара. – Донецк; Днепропетровск: Юнеско [и др.] 1992. – С. 70–71.
316. Федоров-Давыдов, Г.А. Золотоордынские города Поволжья / Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 232 с.
317. Федоров-Давыдов, Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов / Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Искусство, 1976. – 226 с.
318. Федоров-Давыдов, Г.А. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая / Г.А. Федоров-Давыдов, И.С. Вайнер, Т.В. Гусева // Города Поволжья в средние века: сб. науч. ст. – М.: Наука, 1974. – С. 89–100.
319. Федоров-Давыдов, Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники / Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. – 270 с.
320. Федоров-Давыдов, Г.А. Культура и общественный быт золотоордынских городов. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук / Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Наука, 1964. – 11 с.
321. Федоров-Давыдов, Г.А. Курганы, идолы, монеты / Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Наука, 1968. – 100 с.
322. Федоров-Давыдов, Г.А. Общественный строй Золотой Орды / Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. – 176 с.
323. Федоров-Давыдов, Г.А. Раскопки Поволжской археологической экспедицией золотоордынских городов на Нижней Волге / Г.А. Федоров-Давыдов // Материалы и исследования по археологии Поволжья. – Йошкар-Ола: МарГУ, 1998. – Вып. I. – С. 3–16.
324. Федоров-Давыдов, Г.А. Торговля Нижневолжских городов Золотой Орды / Г.А. Федоров-Давыдов // Материалы и исследования по археологии Поволжья. – Йошкар-Ола: МарГУ, 1998. – Вып. I. – С. 38–60.
325. Фефилова, Л.Ю. Методика исторического анализа европейского костюма конца XIX – начала XX вв. по фотоматериалам Урала и Сибири: историография, источниковедение и методы исторического исследования: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л.Ю. Фефилова. – Екатеринбург, 2007. – 22 с.

326. Фехнер, М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни / М.В. Фехнер // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / под ред. Б.А. Рыбакова. – Вып. 33: Труды ГИМ. – М.: Советская Россия, 1959. – С. 149–224.
327. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников) / В.Ф. Генинг, Е.П. Бунятян, С.Ж. Пустовалов, Н.А. Рычков. – Киев: Наукова думка, 1990. – 304 с.
328. Халикова, Е.А. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР в 1961 г. / Е.А. Халикова // Средневековые памятники Восточной Европы. КСИА. – М.: Наука, 1965. – Вып. 104. – С. 110–117.
329. Харузин, А.А. Курганы Букеевской степи / А.А. Харузин // ИОЛЕАЭ. Т. LXIV / Труды антропологического отдела. – М.: А. Левенсон и К^о, 1890. – Т. XI. – Вып. 2. – 112 с.
330. Цыбин, М.В. К изучению русско-золотоордынского пограничья в среднем Подонье / М.В. Цыбин // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Международная Нижневолжская археологическая конференция: тез. докл. – Волгоград: ВолГУ, 2004. – С. 315–319.
331. Цыбин, М.В. Погребения средневековых кочевников X–XIV вв. в Среднем Подонье / М.В. Цыбин // СА. – № 3. – М.: Наука, 1986. – С. 257–266.
332. Чвырь, Л.А. Судьба одного обряда (о бактрийско-таджикских соответствиях в похоронно-погребальной обрядности) / Л.А. Чвырь // Проблемы интерпретации памятников Востока. – М.: Наука, 1991. – С. 189–202.
333. Человек и его символы / Юнг, К.Г. [и др.] / под общ. ред. С.Н. Сиренко. – М.: Серебряные нити, 1997. – 368 с.
334. Чулууны Д. Монголия в XIII–XIV веках / Д. Чулууны. Авторизованный перевод с монгольского П. Нихлая. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983. – 232 с.
335. Шабаркина, И.В. Костюм как невербальная социокультурная система: автореф. дис. ... канд. социол. наук / И.В. Шабаркина. – М., 2004. – 27 с.
336. Шавкунов, Э.В. О семантике декора из четырех-лепестковых розеток на средневековых металлических зеркалах / Э.В. Шавкунов, Л.Н. Гусева // Древний и средневековый Восток. – М.: Наука, 1988. – Ч. II. – С. 352–363.
337. Шалобудов, В.Н. Позднекочевнический могильник XIV в. у с. Котовка / В.Н. Шалобудов // Древности степного Поднепровья (III–I тыс. до н.э.). – Днепропетровск: ДГУ, 1982. – С. 63–66.
338. Шварков, А.В. Роль металлических украшений как формообразующих элементов в костюме XX – нач. XXI вв. Традиции и новаторство: автореф. дис. ... канд. искусств. / А.В. Шварков. – СПб., 2007. – 23 с.
339. Швецов, М.Л. Котлы из погребений средневековых кочевников / М.Л. Швецов // СА. – 1980. – № 2. – С. 192–203.
340. Шикаева, Т.Б. Мало-Кугунурский могильник / Т.Б. Шикаева // Новые памятники археологии Волго-Камья. Археология и этнография Марийского края. – Йошкар-Ола: Марийский НИИ, 1984. – Вып. 8. – С. 173–185.
341. Шилов, В.П. Калиновский курганный могильник / В.П. Шилов // Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). МИА СССР / отв. ред. Е.И. Крупнов. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. I. – № 60. – С. 323–523.
342. Шилов, В.П. Проблема освоения открытых степей Калмыкии от эпохи бронзы до средневековья / В.П. Шилов // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. – Элиста: Калмыцкий НИИ истории, филологии и экономики, 1982. – С. 24–53.
343. Шитова, С.Н. Башкирская народная одежда / С.Н. Шитова. – 1-е изд. – Уфа: Китап, 1995. – 240 с., ил.
344. Шишлина, Н.И. Археологические исследования могильников Му-Шарет в Ики-Бурульском районе республики Калмыкия / Н.И. Шишлина, Е.В. Цуцкин, К.Б. Фирсов // Могильники Му-Шарет в Калмыкии: комплексное исследование. – М.; Элиста: ГИМ; Калмыцкий ин-т соц.-эк. и правовых исследований, 2001. – С. 11–74.

345. Шнайдштейн, Е.В. Новые средневековые памятники в дельте Волги / Е.В. Шнайдштейн // Древняя история Поволжья. Научные труды. – Т. 230. – Куйбышев: КуйБГПИ им. В.В. Куйбышева, 1979. – С. 191–202.
346. Шнайдштейн, Е.В. Раскопки курганной группы у Купцын Толга / Е.В. Шнайдштейн // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. – Элиста: Калмыцкий НИИ истории, филологии и экономики, 1981. – С. 78–119.
347. Шнайдштейн, Е.В. Раскопки курганов в урочище «Гува» / Е.В. Шнайдштейн // Археологические памятники Калмыкской степи. – Элиста: Калмыцкий НИИ истории, филологии и экономики, 1978. – С. 62–87.
348. Шапова, Ю.Л. Морфология древностей / Ю.Л. Шапова, Ю.А. Лихтер, Е.К. Столярова. – Киев: Общество «Знание» Украинской ССР, 1990. – 92 с.
349. Щербанов, Н.М. Этнокультурные связи Уральского казачества с соседними тюрко- и монголоязычными народами / Н.М. Щербанов // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: тез. докл. обл. конф. – Омск: ОмГУ, 1979. – С. 203–204.
350. Эварницкий, Д.И. Раскопка курганов в пределах Екатеринославской губернии / Д.И. Эварницкий // Труды XIII АС в Екатеринославле. 1905. – М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1907. – Т. I. – С. 108–158.
351. Эрдниев, У.Э. Гашунский могильник (Раскопки 1971 г.) / У.Э. Эрдниев // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. – Элиста: Калмыцкий НИИ истории, филологии и экономики, 1981. – С. 70–77.
352. Эренжен, Хара-Даван, 1996. Чингис-хан как полководец и его наследие / Хара-Даван Эренжен. – Белград, 1929 // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.) – М.: ИНСАН. – С. 75–280.
353. Яблонский, Л.Т. Раскопки курганных могильников Покровка-1 и Покровка-2 в 1994 г./ Л.Т. Яблонский, Дж. Дэвис-Кимболл, Ю.В. Демиденко // Курганы Левобережного Илека. – М.: ИА РАН, 1995. – Вып. 3. – С. 9–47.
354. Яворская, Л.В. Повозки в погребениях кочевников золотоордынского времени Нижнего Поволжья / Л.В. Яворская // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Международная Нижневолжская археологическая конференция, г. Волгоград: тез. докл. – Волгоград: ВолГУ, 2004. – С. 320–324.
355. Ямилова, Р.Р. Головные уборы кочевников Золотой Орды / Р.Р. Ямилова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 12 (89): общественные и гуманитарные науки: научный журнал. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. – С. 118–124.
356. Яценко, С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы / С.А. Яценко. – М.: Восточная литература, 2006. – 664 с.: ил.
357. Яценко, С.А. О некоторых вопросах изучения «археологического» костюма. Механизмы костюмных связей народов Великой Степи / С.А. Яценко // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма): материалы III Международной археологической конференции / отв. ред. Д.А. Сташенков. – Самара: СОИКМ, 2001. – Т.1. – С. 4–21.
358. Hoffmann, B. Das Ilkhanat – Geschichte und Kultur Irans von der Mongolischen Eroberung bis zum Ende der Ilkhanzeit (1220–1335) / B. Hoffmann // Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen. Catalogue. – Bonn, 2005. – S. 348–355.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИ – Археологические исследования
 АЛ БГУ – Археологическая лаборатория Башкирского государственного университета
 АН РТ (АНТ) – Академия наук Республики Татарстан (Академия наук Татарстана)
 АО – Археологические открытия
 АС – Археологический съезд
 АЭБ – Археология и этнография Башкирии
 БФАН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР
 ВАН – Вестник Академии наук
 ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ДАК – Доклады Археологической комиссии
 ЗИРАО – Записки Императорского русского археологического общества
 ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
 ИАК – Известия Археологической комиссии
 ИИМК – Институт истории материальной культуры
 ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы
 ИОЛЕАЭ – Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
 ИЯЛИ – Институт языка, литературы и искусства
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 МАВГР – Материалы по археологии Восточных губерний России
 МАР – Материалы по археологии России
 МарГУ – Марийский государственный университет
 МАЭ – Музей археологии и этнографии
 МАЭ ИЭИ УНЦ РАН – Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований Уфимского научного центра Российской Академии наук
 МГУ – Московский государственный университет
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
 ОАК – Отчет Императорской археологической комиссии
 ОЛЕАЭ – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
 ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет
 РА – Российская археология
 СА – Советская археология
 САИ – Свод археологических источников
 СЭ – Советская этнография
 ТА – Татарская археология
 ТИИАЭ – Труды Института истории, археологии и этнографии (г. Алма-Ата)
 ТОУАК – Труды Оренбургской учёной архивной комиссии
 ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
 ТСУАК – Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии
 УАВ – Уфимский археологический вестник
 УдГУ – Удмуртский государственный университет
 УПАСК – Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция

ПРИЛОЖЕНИЕ I.
Таблицы и диаграммы

Таблица 1.1.

Погребальные памятники кочевников Золотой Орды, материалы которых использовались в работе

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
1	Авиловский-I	4	0	22-25	0	1	Воронцов И.А., 2002. – С.320,321, рис.5,5	Низовья р.Иловли
2	Авиловский-II	33	1	под- рос- ток	0	1	Там же. – С.323-324, рис.8,1-4,7	Низовья р.Иловли
3	Аккулаевский одиночный курган	0	0	0	1	0	Мажитов Н.А. Отчет 1969. л.9,24, рис.27. Частично материалы опубликованы в монографии: Мажитов Н.А., 1977. – С.112-118 и др.	РБ, Давлекановский район. В 1,5 км севернее дер.Аккулаево, на высоком берегу р.Тюлянь
4	Алебастрово-II	5	0	0	1	0	Кригер В.А., Железчиков Б.Ф., 1980. – С.302-303, рис.3	Левый берег р.Урал, у с.Алебастрово
5	Алебастрово-II	11	0	0	1	0	Там же. – С.304-305, рис.4,1-5	Левый берег р.Урал, у с.Алебастрово
6	Алебастрово-II	3	0	0	1	0	Там же. – С.301-302, рис.2	Левый берег р.Урал, у с.Алебастрово
7	Александровка	7	2	0	0	1	Ковалева И.Ф., Волкобой С.С., Костенко В.И., Шалобу- дов В.Н., 1978. – С.14-15	Днепропетровская область, Новомосковский район, в 3,5 км к ЮВ от с.Александровка.
8	Александровский	3	0	0	1	0	Васильева И.Н., 2000. – С.317,338, табл.17,3,5,7-11	Самарская область, Безен- чукский район, в 1,5 км от с.Александровка
9	Александровский	2	0	0	0	1	Там же. – С.319, табл.19, табл.17,6	Безенчукский район, в 1,5 км к ЮВ от с.Александровка
10	Архаринский-II	15	0	0	1	0	Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1966. – С.76	Калмыкия, в 2 км. К ЮВ от пос.Хара. В 1,5 км от Лолин- ского могильника
11	Архаринский-II	16	0	0	1	0	Там же. – С.77	Там же
12	Архаринский-II	14	0	0	1	0	Там же. – С.75-76	Там же
13	Архаринский-II	23	0	0	1	0	Там же. – С.90-91	Там же
14	Аткарский	1	0	моло- дая	1	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.86, табл.V,12	Саратовская область, г.Аткарск
15	Аткарский	6	0	0	1	0	Там же. – С.88, табл.V,11	Саратовская область, г.Аткарск
16	Аткарский	8	0	0	1	0	Там же. – С.89, табл.V,116-18, табл.I,19	Саратовская область, г.Аткарск
17	Аткарский	10	0	0	1	0	Там же. – С.90, табл.I,25,V,4;VI,2	Саратовская область, г.Аткарск
18	Аткарский	13	0	0	1	0	Там же. – С.90, табл.VI,6	Саратовская область, г.Аткарск
19	Аткарский	16	0	под- рос- ток	1	0	Там же. – С.91, табл.V,1, 22-24, табл.I,21	Саратовская область, г.Аткарск
20	Аткарский	23	0	ребе- нок	0	0	Там же. – С.93	Саратовская область, г.Аткарск

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
21	Аткарский	1	0	взрос лый	0	1	Там же. – С.191	Саратовская область, южная окраина г.Аткарска
22	Аткарский	21	1	0	0	1	Там же. – С.194.	Саратовская область. В 1,5 км к югу от г.Аткарска на окраине пос.Южный Там же
23	Аткарский	29	0	0	1	0	Там же. – С.194-195, табл.ХХІІ,9	Там же
24	Аткарский	0	11	0	0	1	Монахов С.Ю., 1991. – С.177-178, рис.4,3,8,11;6,7,9	Там же
25	Аткарский	0	6	0	0	1	Там же. – С.170-174, рис.4,6,8,10;5,8,11, 13-16,30;6,8	Там же
26	Аул №1 Гр.І (Каратугайская волость)	3	0	0	1	0	Нефедов Ф.Д., 1899. Т. III. – С.20	Актюбинская область Казахстана, Мартукский район
27	Аул №1 Гр.ІІ (Каратугайская волость)	4	0	0	1	0	Там же. – С.20	Актюбинская область Казахстана, Мартукский район
28	Афанасьевский	3	0	0	1	0	Эварницкий Д.И., 1907. – С.121	Днепропетровская область. Лев. берег р.Орели., под. г.Новомосковск
29	Афанасьевский	2	0	0	0	0	Там же. – С.121	Там же
30	Ают	2	0	0	1	0	Белинский И.В., Беспалый Е.И., Волков И.В., Парусимов И.Н., 1988. – С.113	Октябрьский район. В 7 км. К ЮВ от г.Новошахтинска, правый берег р.Ают
31	Балкин Хутор	1	0	0	0	1	Шилов В.П.,1982. – С.25-27	Калмыкия. Сарпинский район
32	Балымерский	3	0	0	0	0	Халикова Е.А., 1965. – С.114-115	Республика Татарстан, левый бер. р.Волги
33	Балымерский	4	0	0	0	1	Там же. – С.114-115, рис.42	Там же. К ССЗ от села
34	Балымерский	1	0	0	1	0	Там же. – С.114-115, рис.41	Там же. На мысу коренной террасы
35	Балымерский	3	2	0	1	0	Там же. – С.114-115, рис.41,2	Там же
36	Басы-І	0	2	0	0	1	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф.,1998. – С.204, табл.ХХVІІ, 27	Калмыкия, Черноземельский район. В 3 км от с.Басы на «Малиновском» бугре, на ЮВ от Ильмена
37	Басы-І	0	3	0	1	0	Там же. – С.204	Там же
38	Басы-І	0	0	0	0	1	Там же. – С.205	Там же
39	Басы-І	0	1	0	1	0	Там же. – С.205, табл.ХХVІІ,21-23,42	Там же
40	Башкир- Беркутово	3	0	0	1	0	Мажитов Н.А. Отчет 1969. л.3,4,12, рис.1-3. Частично мат-лы опубл. в монографии: Мажитов Н.А., 1977	РБ, Кугарчинский район
41	Башкир- Беркутово	2	0	0	0	0	Частично мат-лы опубл. в монографии: Мажитов Н.А., 1977. – С. 112-118 и др. Мажитов Н.А. Альбом иллюстраций к отчету 1968 г. рис.38-44, л.9,10	РБ, Кугарчинский район

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
42	Башкирское стойло	3	0	0	1	0	Кривцова-Гракова О.А., 1928. – С. 289	Оренбургская область. Группа курганов располагалась вблизи пос.Нежинского, на берегу р.Урал
43	Башкирское стойло	4	2	молодая	1	0	Там же. – С.288-289	Там же
44	Бек-Бике (Джангала-19)	0	0	0	0	1	Синицын И.В., 1950. – С. 101-111	В 7 км к востоку от с.Джангала, на восточном берегу оз.Сарайдын
45	Белокаменка	Д-36	0	0	0	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф.,1998. – С.182	Нижнее Поволжье
46	Белокаменка	Д-41	0	0	1	0	Там же. – С.184	Нижнее Поволжье
47	Бережновский-I	40	0	0	0	1	Синицын И.В., 1959. – С.102-103	В низовьях р.Еруслана, у д.Бережновка
48	Бережновский-I	49	0	0	0	1	Синицын И.В., 1959. – С.106	Там же
49	Бесленевская	8	0	0	0	0	ОАК за 1895. – С.131	Краснодарский край, Мостовский район. У хут.Николенкина
50	Бичкин-Булук	7	0	0	0	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.168	Калмыкия
51	Благодатный	3	1	0	1	0	Эварницкий Д.И., 1907. – С.153	Днепропетровская область
52	Благодатный	3	2	0	0	1	Там же. – С.153	Там же
53	Благословенский курган	0	0	0	0	1	Зарецкий И.А., 1941. – С.152	Оренбургская область, Оренбургский район, р.Бердянка. Междуречье р.Урала и р.Илека
54	Блюменфельд, гр.А	4	0	0	1	0	Там же. – С.137-138	Волгоградская область, Старо-Полтавский район
55	Блюменфельд, гр.Б	7	0	0	0	1	Там же. – С.141	Там же
56	Боаро	Д-26	0	ср. лет	0	1	Там же. – С.181	Саратовская область, Марковский район, с.Бородаевка, р.Малый Караман
57	Большая Дмитриевка	1	0	0	0	1	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.124, табл. VIII, 22	Саратовская область, Лысогорский район
58	Большая Князевка-I	0	0	0	0	0	Там же. – С.103	Саратовская область. На берегу р.Медведицы
59	Большой Кинель	0	0	0	0	0	Алабин П.В., 1884. – С.3-4	Кинельский район Самарской области. Расположен вблизи с.Студенцы и станции Кинель. На склоне возвышенности левого берега р.Большой Кинель. Левобережье Средней Волги
60	Большой Шихан	0	0	0	0	0	Васильева И.Н., 2000. – С.319,317-318	Богатовский район, в 2 км к 3 от пос.Буревестник

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
61	Буранчи-I	1	2	7-8	0	0	Моргунова Н.Л., Дойникова И.В., Краева Л.А., 2004. – С.3,4 рис.1,6,7; рис.2,2,3,6	Курганы располагались на низкой надпойменной террасе левого берега р.Урал. Восточнее курганов протекала р.Буртя, левый приток р.Урал
62	Буранчи-I	1	1	взрослая	1	0	Там же. – С.3	Там же
63	Буранчи-I	7	2	0	1	0	Там же. – С.8, рис.6,2,5	Там же
64	Буранчи-I	7	1	взрослый	0	0	Там же. – С.7, рис.5,5,6	Там же
65	Васильевка	0	0	0	0	0	Макаренко Н.Е., 1911. – С.100-103	Левый берег р.Днепр
66	Визенмиллер-III	5	0	0	1	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.134. табл.XIV, 19,21-23	Саратовская область, Ровенский район, левый берег р.Волги, р.Еруслан
67	Виловатовский	0	3	0	0	0	Васильева И.Н., 1979. – С.228	Богатовский район, в 2 км к СВ от с.Виловатое
68	Виловатовский	0	10	0	0	0	Васильева И.Н., 1979. – С.228	Богатовский район, в 2 км к СВ от с.Виловатое
69	Виловатовский	0	6	ребенок	0	0	Там же. – С.228	Там же
70	Власовский-I	3	1	0	1	0	Березуцкий В.Д., 1989. – С.18	Водораздел р.Ворона и р.Баклуша (бассейн Хопра) у с.Власовка. Воронежская область, Грибановский район
71	Воронцовка	6	3	0	1	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.171	Саратовская область
72	Высокая гора	3	0	20-25	1	0	Кравец В.В., Березуцкий В.Д., Бойков А.А., 2000. №3-4. – С.118-125, рис.5-8.	К ЮВ от г.Богучара; правый берег р.Дон
73	Высокая гора	2	0	35-40	0	1	Там же. – С.114-118, рис.2-3,4	Там же
74	Гвардейский	24	0	0	0	0	Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А., 1976. – С.147-174; Васильева И.Н., 2000.– С.319,337, табл.16,5-7	Борский район, на террасе берега р.Самары. В 1 км к Ю от с.Гвардейцы
75	Гвардейский	3	0	0	1	0	Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А., 1976. – С.147-174; Васильева И.Н., 2000.– С.319,339, табл.18	Там же
76	Григорьевка	4	0	0	1	0	Эварницкий Д.И., 1907. – С.147	Днепропетровская область, прав. берег р. Конки. Близ с.Новогригорьевка
77	Григорьевка	5	0	0	0	0	Там же. – С.147	Там же
78	Григорьевка	6	0	0	0	0	Там же. – С.147	Там же
79	Грушевка	8	3	0	0	0	Березовец Д.Т., 1961. – С.56-63	Днепропетровская область, Апостольский район, на плато правого берега р.Днепр
80	Гува-I	8	1	0	0	0	Шнайдштейн Е.В., 1978	Калмыкия, Малодербетовский район

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
81	Гува-I	2	1	0	0	0	Эрдниев У.Э., 1981. – С.70-71	Там же
82	Гува-III	1	0	0	1	0	Шнайдштейн Е.В., 1978	Там же
83	Гундоровский одиночный курган	1	0	0	0	0	Васильева И.Н., 2000. – С.315	Самарская область; близ бывшей д.Гундоровка Красноярского района
84	Гусевка	2	1	0	1	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.83., табл.1,5-7	Волгоградская область, Ольховский район
85	Гусевка	1	0	0	0	0	Там же. – С.81-82, табл. 2,5	Там же
86	Давыдовка-II	3	0	0	1	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.116	Саратовская область, Пуга- чевский район
87	Давыдовка-II	5	0	0	1	0	Там же. – С.116, табл. X,2,3,7	Там же
88	Давыдовка-III	1	0	по- жи- лая	1	0	Там же. – С.117, табл.X,5,6,11,14	Там же
89	Давыдовка-III	4	0	0	0	1	Там же. – С.118., табл.IX,12,20,22	Там же
90	Джангала, Кара-Оба	12	0	0	1	0	Синицын И.В., 1952. – С.71 и др.	Уральская (Западно- Казахстанская) область Казахстана, Джангалинский район. В 6 км к СВ от с.Джангала (Новая Казанка), в местности Джас-аул, на левом берегу р.Малый Узень. Междуречье р.Кушум и р.Урал
91	Джангала, Кара- Оба	4	0	0	1	0	Там же	Там же
92	Джангала. Кара-Оба	1	0	взрос- лая	1	0	Синицын И.В., 1952. – С.71 и др.	Западно-Казахстанская область Казахстана
93	Джангала, Сарайдин	2	0	0	0	0	Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Мажитов Н.А. (в печати). Синицын И.В., 1950	Уральская (Западно- Казахстанская) область Казахстана, Джангалинский район. На дюнах оз.Сарайдин. (Устье р.Кушум)
94	Джангала, Сарайдин	1	0	0	1	0	Там же	Там же
95	Джухта-II	2	2	0	1	0	Доде З.В., 2001. – С.117-127	Ставропольский край, Апанасенковский район, с.Апанасенковское
96	Джухта-II	2		45-55	0	1	Там же	Там же
97	Дымовка	3	1	0	0	0	Авенариус Н.П., 1896. – С.172-178	Приток р.Буг, р.Гнилой Еланец. Вблизи г.Николаев
98	Дымовка	13	0	0	0	0	Там же. – С.175	Там же
99	Дымовка	12	0	0	0	0	Там же. – С.173	Там же
100	Дымовка	14	0	0	0	0	Там же. – С.176	Там же
101	Дымовка	5	1	0	0	0	Там же.	Там же

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
102	Есауловский	0	0	0	1	0	Скворцов Н.Б., 1998. – С.164	Миусский округ, по р.Малой Крепкой, близ пос.Есауловки. Луганская область Украины, Антрацитовский район
103	Жаксы-Каргала	1	0	взрослая	1	0	Кастанье И.А., 1907. – С.101-106; Кастанье И.А., 1910. – С.68-69	Актюбинская область Казахстана, Актюбинский район
104	Жаман-Каргала-I	12	0	0	0	0	Бисембаев А.А., 2003. – С.155, рис.19,А	Актюбинская область Казахстана, Актюбинский район. В 10 км С-В г.Актюбе
105	Жаман-Каргала-I	13	0	0	1	0	Там же. – С.155, рис.19, Б	Там же
106	Жаман-Каргала-I	22	0	0	0	0	Бисембаев А.А., 2003. – С.160, рис.24,6	Там же
107	Жаман-Каргала-I	30	0	0	0	0	Там же. – С.160, рис.24,6	Там же
108	Жанаталапский-I	1	0	взрослый	0	0	Мажитов Н.А. Отчет 1975(а) г. рис.67; Мажитов Н.А. Альбом иллюстраций к отчету 1975 г. л.16,17, рис.61-69; Мажитов Н.А., 1977. – С.112-118 и др.	Между дер.Жанаталап и Карагач Беляевского района, на расстоянии около 8 км от первой из указанных деревень, на правом берегу р.Буртя
109	Жанаталапский-II	0	2	0	1	0	Мажитов Н.А. Отчет 1975 г. л.17-18; Мажитов Н.А. Альбом иллюстраций к отчету 1975 г. л.21,22, рис.82-91	Там же
110	За Малым Узенем (оз. Ашикулак)	16	0	0	1	0	Харузин А.А., 1890. – С.6-7	Уральская (Западно-Казахстанская) область Казахстана, Джангалинский район. В 10,7 км от с.Новая Казанка, вблизи оз.Ашикулак. Левобережье р.Кушум
111	За Малым Узенем (оз. Ашикулак)	18	0	0	1	0	Там же	Там же
112	Заяры	1	2	0	1	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.120. табл.ХХІХ, 4,18	Волгоградская область, Среднеахтубинский район
113	Заяры	2	0	0	1	0	Там же. – С.121	Там же
114	Золотушинская. сев.гр.	1	0	0	1	0	Там же. – С.150	Астраханская область, Ахтубинский район. Левый берег Ахтубы
115	Илецкая Защита	19	0	0	1	0	Нефедов Ф.Д., 1899. – С.21	Оренбургская область, Соль-Илецкий район
116	Илецкая Защита	19	0	взрослая	1	0	Там же. – С.23	Там же
117	Имангулово 2-е, III	1	0	0	1	0	Мажитов Н.А. Отчет 1974 г. – С.31-32	Оренбургская область, Октябрьский район. В 0,6 км к югу от дер.Второе Имангулово на возвышенности левого берега р.Салмыш
118	Имение П.П.Высоцкого	1	0	0	0	0	ИАК. Прибавление к вып.3, 1902. – С.69-70	Херсонская губерния, Херсонский уезд, Любомирской волости, р.Висунь

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
119	Ишкуловский-II	2	0	0	0	0	Иванов В.А. Отчет 1984. л.27	В 2,5 км к северу от с.Ишкулово, на краю пологой каменной террасы левого берега р.Большой Кизил
120	Ишкуловский-II	3	0	0	1	0	Там же	Там же
121	Ишкуловский-II	4	0	под- рос- ток	1	0	Там же	Там же
122	Ишкуловский-II	5	0	0	1	0	Там же	Там же
123	Казанская	29	2	0	1	0	ОАК за 1901. – С.80	Правый берег р.Кубань, в 8 км западнее города Кропоткин, в 130 км СВ Краснодара
124	Казенная мельница	5	0	0	1	0	Нефедов Ф.Д., 1899. Т.III. – С.27-28	В 8 км от г.Соль-Илецка
125	Казенная мельница	1	0	0	1	0	Там же	Там же
126	Казенная мельница	3	0	0	1	0	Там же	Там же
127	Калиновский	45	2	0	0	1	Шилов В.П., 1959. – С.394-395	Волгоградская область, Пролетский район. На 35 км севернее Волгограда
128	Каменная балка	0	3	0	0	1	Плетнева С.А., 1962. – С.134-135	Ростовская область, Мясниковский район. Хут.Недвиговка, Нижний Дон
129	Каменная балка	0	2	0	1	0	Там же	Там же
130	Каменно-Озерный	0	1	0	1	0	Мажитов Н.А. Отчет 1975 г. л.13-14; Мажитов Н.А. Альбом иллюстраций к отчету 1975. л.12, рис.42;43;44,1;45;46,3. Мажитов Н.А., 1977. – С.112-118 и табл. I (окончание), 367-369,372,381; рис.7,1-5	Находится примерно в 3 км от дер.Каменноозерное, на возвышении (сырте), справа от дороги в с.Сакмара
131	Каменный Амбар-III	2	0	ребенок 6-8	0	0	Костюков В.П., 2007. – С.151-157	Челябинская область, Каргалинский район (примерно в 120 км ВЮВ г.Магнитогорска)
132	Камышин	0	2	0	1	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.95, рис.3,3,5	На дюнах у «Барсучьего оврага», южнее г.Камышина
133	Караяшник	6	0	0	0	0	Матвеев Ю.П., Медведев А.П., 1979. – С.124-144	Воронежская область
134	Караяшник	2	0	0	0	0	Там же	Там же
135	Козинка-I	6	0	0	1	0	Белинский И.В., Масловский А.Н., 2000. – С.135-141, рис.6	На мысу Маныча, у балки Козинка
136	Козинка-I	5	0	0	1	0	Там же. рис.5,6	Там же
137	Козинка-I	4	0	0	0	1	Белинский И.В., Масловский А.Н. Там же. рис.4	Там же
138	Козинка-I	2	0	0	1	0	Там же. рис.2	Там же

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
139	Козинка-I	8	0	0	0	1	Там же. рис.7,8,9	Там же
140	Козицкое	1	1	0	1	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.177-178	Саратовская область
141	Колобовка	4	0	0	0	0	Мамонтов В.И., 1998. – С.142-143, рис.2	Волгоградская область, Ленинский район, с.Колобовка
142	Колобовка-IV	6	5	0	0	1	Дьяченко А.Н., 2002. – С.400-401	Там же
143	Колония Карраса	2	0	0	0	0	Самоковасов., 1908. – С.243	Под г.Пятигорском
144	Колония Карраса	41	0	0	0	0	Там же. – С.247	Под г.Пятигорском
145	Комсомольский-VI	3	0	0	0	0	Пшеничнюк А.Х., 1984. – С.71-73, рис.8	РБ, Баймакский район, р.Сакмара
146	Котовка-I	8	1	0	0	0	Шалобудов В.Н., 1982, – С.65-66	Днепропетровская область, Магдалиновский район в 5,3 км к ЮВ от с.Котовка.
147	Котовка-III	4	1	0	0	0	Там же. – С.62-64	Там же
148	Котовка-III	2	2	0	0	0	Там же. – С. 60-61	Там же
149	Котовка-III	2	3	0	0	0	Там же. – С. 60-61	Там же
150	Красная Котлубань	1	1	0	0	1	Воронцов И.А., 2002. – С.322, рис.7,5,9	Низовья р.Иловли
151	Кругляковский	0	0	0	1	0	Скворцов Н.Б., 1998. – С.163-164	Левый берег р.Хопер
152	Крутец	1	0	взрослый	0	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.83-84	Саратовская область, Аркадакский район. При впадении р.Аркадак в р.Хопер
153	Крутец	3	1	взрослый	1	0	Там же. – С.84-85	Там же
154	Кулики		0	0	1	0	ОАК за 1909-1910 годы. – С.156-158	Ставропольский край
155	Купцын-Толга	46	2	0	0	1	Шнайдштейн Е.В., 1981. – С.78-120;107-108	Калмыкия, Малодербетовский район, близ границы с Астраханской областью
156	Купцын-Толга	51	0	молодая	1	0	Там же. – С.116-117	Там же
157	Курнаевка	2	0	0	0	1	Синицын И.В., 1959. – С.51	Старо-Полтавский район, с.Курнаевка
158	Курпе-Бай	5	0	сред. лет	0	1	Синицын И.В., 1950. – С.101-111	Уральская (Западно-Казахстанская) область Казахстана, Джангалинский район. В 13-15 км к северу от с.Джангала, в местности Курпе-Бай
159	Курчанская станица-III	1	0	0	0	0	ОАК за 1880. – С.7-8	Между хребтом вдоль р.Кубань и Курчанским лиманом
160	Лебедевка-II	0	0	0	0	1	Кригер В.А., 1984. – С.111	Верховья р.Калдыгайты на В Уральской области

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
161	Лебедевка-IV	0	0	0	0	1	Там же	Там же. В 7-8 км к западу от пос.Лебедевка
162	Лебедевка-IV	3	0	0	0	1	Кригер В.А., 1984. – С.111	Там же
163	Лебедевка-VIII	3	0	взрослая	1	0	Там же. – С.106, рис.4	Верховья р.Калдыгайты на востоке Уральской области. В 0,7-1 км к С-3 от пос.Егендыколь
164	Летницкое	0	0	0	1	0	ОАК за 1899 год. – С.56-57, рис.105;106	Ставропольский край, Красногвардейский район
165	Лиман	2	0	0	0	1	Нефедов Ф.Д., 1899. – С.23	Оренбургская область, Соль-Илецкий район. Могильник расположен в 7,5 км к югу от пос.Мертвецовского, вблизи р.Ветлянки (приток р.Илек)
166	Лола-II	2	0	0	1	0	Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1966. – С.109	Калмыкия, В 20 км к В от пос.Лола
167	Лола-II	10	0	взрослый	0	0	Там же	Там же
168	Лола-II	8	3	0	0	1	Там же. – С.126	Там же
169	Лысье Горы	1	0	0	1	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф.,1998. – С.125. табл. XIV,2	Саратовская область, Лысогорский район
170	Максимовка	0	4	0	0	0	Кухарева. Л.С., 1961. – С.198	Возвышенная надпойменная терраса левого берега р.Днепр, у с. Максимовка
171	Максимовский	0	7	0	0	0	Васильева И.Н., 1979. – С.226	Богатовский район, в 1 км к ЮЗ от с.Максимовка. На левом берегу р.Самара
172	Максимовский	0	6	0	0	0	Васильева И.Н., 2000. – С.319-320,342, табл.21, рис.8,10	Там же
173	Максимовский	0	0	ребенок	0	0	Васильева И.Н., 1979. – С.226	Там же
174	Маляевка	2	0	35-40	1	0	Железчиков Б.Ф., Кутуков Д.В., 1998. – С.126-127, рис.1,9,10; рис.2,1,6	Волгоградская область, Ленинский район, с.Маляевка
175	Маляевка	7	0	30-35	1	0	Железчиков Б.Ф., Кутуков Д.В., 1998. – С.130,131, рис.4	Там же
176	Маляевка	3	1	ребенок	0	0	Там же. – С.127, рис.2,4	Там же
177	Маляевка	12	0	30-35	1	0	Там же. – С.132	Там же
178	Маляевка	6	0	старческ.	0	1	Там же. – С.126-127, рис.1,9,10; рис.2,1,6	Там же
179	Мамай-Гора, вост. гр.	0	4	30-35	1	0	Ельников М.В., 2004. – С. 89-90, рис.6;7	У с.Великая Знаменка Каменско-Днепровского района Запорожской области Украины. Левый берег Каховского водохранилища
180	Мамай-Гора, вост. гр.	0	1	16-18	0	1	Там же. – С.86-87, рис.1	Там же
181	Мамай-Гора, вост. гр.	0	2	14-15	0	0	Там же. – С.87, рис.2	Там же

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
182	Мамай-Гора, вост. гр.	0	3	25-30	0	1	Там же. – С.88-89, Рис.3,3,2;4,2,3,6,7	Там же
183	Мамай-Гора, зап. гр.	0	6	0	1	0	Там же. – С.92-93, рис.11	Там же
184	Мамай-Гора, зап. гр.	0	1	25-30	0	1	Там же. – С.90-91, рис.8,5	Там же
185	Мамай-Гора, зап. гр.	0	2	35-40	0	1	Там же. – С.91, рис.9,3	Там же
186	Мамай-Гора, зап. гр.	0	3	25-30	0	1	Там же. – С.91, рис.9,8	Там же
187	Мамай-Гора, зап. гр.	0	4	50-55	1	0	Там же. – С.91-92, рис.10,3	Там же
188	Мануйловка	0	0	0	0	0	Кызласов И.Л.,1980. – С.80-87	Ростовская область, с.Мануйловка
189	Мануйловка	0	0	взрос- лый	0	0	Там же	Ростовская область, с.Мануйловка
190	Мариенталь	0	0	0	0	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф.,1998. – С.188-189	Саратовская область, Совет- ский район
191	Марки	0	0	0	0	1	Цыбин М.В., 1986. – С.257- 266, рис.3,19-26	С.Марки Каменского района Воронежской области
192	Марьевка	0	0	0	0	0	Там же. – С.77, табл.1,2,3	Пензенская область
193	Машевка	12	0	0	1	0	Там же. – С.79, табл.3,13; ОАК за 1895. – С.31	Саратовская область, Аркадарский район, р.Аркадак
194	Маячный бугор Центр. камера	Мавзолей		стар.	1	0	Васильев Д.В., 1998. – С.101- 112	Астраханская область, с.Красный Яр. В 1,5 км к ССВ
195	Маячный бугор восточная камер	Мавзолей		мла- денец	0	0	Там же. – С.103	Там же
196	Маячный-I	93	0	0	0	0	Котеньков С.А., 2004. – С153- 161	Там же
197	Маячный-I	94	0	0	0	0	Там же	Там же
198	Маячный-I	103	0	0	1	0	Там же	Там же
199	Маячный-I	106	0	0	1	0	Там же	Там же
200	Маячный-I	163	0	0	1	0	Там же	Там же
201	Маячный-I	188	0	0	1	0	Там же	Там же
202	Маячный-I	189	0	0	0	0	Там же	Там же
203	Маячный-I	224	0	0	1	0	Там же	Там же
204	Маячный-I	215	0	0	1	0	Там же	Там же

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
205	Маячный-I	192	0	0	0	0	Там же	Там же
206	Маячный-I	205	0	0	0	0	Там же	Астраханская область, с.Красный Яр
207	Маячный-I	93	0	0	0	0	Там же	Астраханская область, с.Красный Яр
208	Между ст. Казанской и Тифлисской	37	0	0	0	0	ОАК за 1901. – С.81	На правом берегу р.Кубань. 100 км восточнее Краснодара
209	Мертвецовский-I	3	0	0	0	1	Нефедов Ф.Д., 1899. – С.23	Оренбургская область. Пра- вый берег р.Илек, г.Соль- Илецк
210	Мертвецовский- II	6	0	0	0	1	Нефедов Ф.Д., 1899. – С.22-23	Там же
211	Мертвецовский- II	8	0	0	1	0	Там же	Там же
212	Мирный (Фри- денберг)-II	3	0	0	1	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.134	Саратовская область, Ровен- ский район, левый берег р.Волги
213	Мокитра	4	0	0	0	0	Веселовский Н.И., 1894. – С.137	Макитра, под г.Анапа
214	Мокитра	2	1	0	0	0	Там же. – С.82-83	Мокитра, под г.Анапа
215	Мокитра	5	1	взрос- лый	1	0	Там же. – С.77-87	Мокитра, под г.Анапа
216	Мокитра	6	1	0	0	0	Там же. – С.77-87	Мокитра, под г.Анапа
217	Мокитра	4	1	0	0	0	Там же	Мокитра, под г.Анапа
218	Мокитра	5	1	ребен- ок	0	0	Там же	Мокитра, под г.Анапа
219	Мокитра	1	0	0	0	0	Там же. – С.82	Мокитра, под г.Анапа
220	Мокринский-I	11	0	0	1	0	Бисембаев А.А., 2003. – С.166, рис.30,Б	Уральская область, Джанга- линский район
221	Мокринский-I	16	0	0	1	0	Там же. – С.167, рис.31,Б	Уральская область, Джанга- линский район
222	Мокринский-I	14	1	0	1	0	Там же. – С.166, рис.30, В	Уральская область, Джанга- линский район
223	Мокринский-I	17	1	0	1	0	Там же. – С.167, рис.31, В	Уральская область, Джанга- линский район
224	Мокринский-I	3	0	0	1	0	Там же	Уральская область, Джанга- линский район
225	Молчановка-I	2	0	0	0	1	Синицын И.В., 1959. – С.130	В районе с.Молчановка, на берегах р.Волги и р.Еруслана
226	Молчановка-II	4	0	0	0	1	Там же. – С.137	Там же
227	Мустаево-V	10	0	55	1	0	Моргунова Н.Л., Краева Л.А., Матюшко И.В., 2005. – С.17	Оренбургская область, Новосергиевский район, в 1 км к З от с.Мустаево. Левобережье р.Кинделя

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
228	Мустаево-V	11	0	15-17	1	0	Там же. – С.17-18	Там же
229	Мустаево-V	6	3	18-25	1	0	Там же. – С.14	Там же
230	Мустаево-V	5	0	45-55	0	1	Там же. – С.11	Там же
231	Мустаево-V	15	1	25-35	0	1	Там же. – С.19, рис.19	Там же
232	Мустаево-V	6	1	20-30	1	0	Там же. – С.12-13, рис.10, рис.11	Там же
233	Мустаево-V	6	2	45-50	0	1	Там же. – С.13, рис.11,14,15	Там же
234	Му-Шарет-I	4	1	25-35	1	0	Шишлина Н.И., Цуцкин Е.В., Фирсов К.Б., 2001. – С.14-16, рис.12,13	Республика Калмыкия, Ики- Бурульский район, восточ- ный холм всхолмления, на гребне водораздела, между балками Му-Шарет с юга и Чилюта с севера
235	Мысхако	0	0	0	0	0	Сизов В.И., 1889. – С.73-74	г.Новороссийск, на берегу р.Мысхако
236	Нижняя Добрин- ка	1	2	взрос- лая	1	0	Захаров П.Е., Яворская Л.В., 2003. рис.6,7	Волгоградская область, Жирновский район
237	Нижняя Дуванка	4	0	0	0	0	Трефилюев Е.П., 1907. – С.133	Верхнее теч. р.Красной, на правом берегу
238	Нижняя Дуванка	2	0	0	0	0	Там же. – С.132-133	Там же
239	Нижняя Дуванка	3	0	13	1	0	Там же	Там же
240	Нижняя Дуванка	3	1	0	1	0	Там же	Там же
241	Новая Казанка. Кара-Оба	3	0	0	1	0	Сенигова Т.Н., 1956. – С.150-151	Уральская (Западно- Казахстанская) область Казахстана, Джангалинский район. Левый берег р.Малый Узень, в 6 км к северо- востоку от с.Новая Казанка, в местности Джас-аул
242	Новая Казанка. Кара-Оба	4	0	0	1	0	Там же. – С.152	Там же
243	Новая Казанка. Кара-Оба	12	0	0	1	0	Там же. – С.154	Там же
244	Ново- григорьевка-III	2	0	0	1	0	Самоквасов Д.Я., 1908. – С.238-239; ДАК за 1882-1888 годы, 1891. – С.Л1	В 2 в. от с.Новогригорьевка. Правобережье Днепра. К 3 от «Рясных могил»
245	Ново-Кумакский	14	0	0	1	0	Кригер В.А., 1983. – С.186, рис.10,1-7	Оренбургская область, Орский район. В окрестно- стях г.Орска
246	Ново-Кумакский	28	0	0	0	0	Кригер В.А., 1983. – С.178, рис.5,6-9	Там же
247	Ново-Кумакский	29	0	0	0	0	Мошкова М.Г., 1962 г.; Кригер В.А., 1983. – С.182	Там же

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
248	Ново-Кумакский	1	0	0	0	1	Мошкова М.Г., 1962. – С.205	Там же. Расположен на окраине г.Орск
249	Ново-Кумакский	16	1	0	1	0	Кригер В.А., 1983. – С.183	Там же
250	Ново-Кумакский	16	2	0	1	0	Там же	Там же
251	Ново-Кумакский	38	0	0	1	0	Там же; Мошкова М.Г., 1962	Там же
252	Ново-Кумакский	35	0	0	0	1	Там же	Там же
253	Ново-Кумакский	28	0	0	0	1	Там же	Там же
254	Ново-Кумакский	39	0	0	1	0	Там же	Там же
255	Ново-Кумакский	9	0	0	0	0	Кригер В.А., 1983. – С.178, рис.5,41-47	Там же
256	Ново-Кумакский-II	4	0	0	1	0	Там же. – С.184	Там же
257	Ново-Кумакский-II	3	0	0	0	0	Там же. – С.183-185, рис.9,1-3,4	Там же
258	Новоорский-I	2	0	0	0	0	Гарустович Г.Н., Иванов В.А., Мажитов Н.А.(Рукопись)	Новоорский район, пос.Новоорский. На правом берегу р.Кумак
259	Новопавловский	7	0	0	0	0	Васильева И.Н., 2000. – С.317, табл.16,1-4	В 1,2 км к ЮЗ от д. Новопавловка Красноармейского района
260	Новосергиевский	2	0	0	1	0	Нефедов Ф.Д., 1899. – С.23	Оренбургская область, Новосергиевский район
261	Новочеркасский-VII	1	0	25-30	0	1	Иванов В.А., 1984а. – С.84-86, рис. 8	Оренбургская область, Саракташский район, в 10 км к СВ от с.Новочеркасск
262	Новочеркасский-VII	2	0	0	0	0	Там же. – С.87, рис.9	Там же
263	Новый Буравль	0	0	0	0	0	Цыбин М.В. 1986. – С.264	Воронежская область, Бобровский район
264	Олень-Колодезь	7	0	взрослый	0	1	Ефимов К.Ю., 2000. – С.167-176, рис.1-7	На возвышенности четвертой надпойменной террасы левого берега р. Дон в 500 м северо-восточнее с. Олень-Колодезь Каширского района Воронежской области
265	Олень-Колодезь	9	0	взрослая	1	0	Там же. – С.176-180, рис.8,9	Там же
266	Осинковский-I	0	0	0	0	0	Пярых Г.Г. Отчет 1975 г.	Самарская область, Безенчукский район
267	Парканы	3	0	0	0	0	Добролюбский А.О., 1984. – С.153-175	Непризн. Приднестровская Молдавская Республика, Слободзейский район. Левый берег р.Днестра, севернее с.Терновки
268	Парканы	120	0	0	0	0	Там же. – С.164; Добролюбский А.О., 1986. – С.88	Там же

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
269	Парканы	18	0	0	1	0	Там же; Добролюбский А.О., 1986. – С.85	Там же
270	Парканы	37	0	0	0	0	Там же. – С.165.; Добролюбский А.О., 1986. – С.85	Там же
271	Парканы	2	0	0	1	0	Там же. – С.164.; Добролюбский А.О., 1986. – С.85, табл.VI,10	Там же
272	Парканы	17	0	0	0	1	Там же; Добролюбский А.О., 1986. – С.84	Там же
273	Песчаный остров	0	5	20-30	1	0	Руденко К.А., 2002. – С.308-310, рис.5,2-6	РТ, Алексеевский район. Левый приток р.Камы. Расположен на останце надлуговой террасы правого берега р.Курналинка, на месте селища конца XIII – первой трети XIV в.
274	Песчаный остров	0	11	16-18	1	0	Там же. – С.309, рис.5,7	Там же
275	Петровск	1	0	взрослый	0	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.99	Саратовская область. г.Петровск
276	Плоское	1	0	0	0	1	ИАК. Прибавление к вып.5, 1903. – С.58	Недалеко от г.Тирасполя. Левый берег Днестра
277	Плоское	48	0	0	1	0	Добролюбский А.О., 1984. – С.166	Там же
278	Плоское	68	0	0	1	0	Там же. – С.166	Там же
279	Покровск	2	0	0	1	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.100, табл.VIII,3,4	Саратовская область, окрестности г.Энгельса
280	Покровск	4	0	0	0	0	Там же. – С.101	Там же
281	Покровск	5	0	0	1	0	Там же. – С.104., табл.VI,25	Там же
282	Покровск	6	0	под-росток	0	0	Там же. – С.110	Там же
283	Покровск	7	0	0	1	0	Там же. – С.110	Там же
284	Покровск	8	0	0	1	0	Там же. – С.111, табл. VI, 22	Там же
285	Покровск. южн.	10	0	0	1	0	Там же. – С.145	Там же
286	Покровск. южн. гр.	5	0	0	1	0	Там же. – С.144	г.Покровск (Энгельс)
287	Покровский	14	0	0	0	0	Васильева И.Н., 2000. – С.319	В 4 км к ЮВ от с. Покровка, на водоразделе рек Самара и Ветлянка
288	Покровский	7	0	взрослый	0	0	Васильева И.Н., 1979. – С.218-219	Там же

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
289	Покровский-I	3	4	под- рос- ток	1	0	Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В., 1995. – С.11-12, рис. 5;16,1,5	Оренбургская область, Соль-Илецкий район. В 4 км к З от с. Покровка, на первой надпойменной террасе левого бер. р.Хобда.
290	Покровский-IV	18	1	0	1	0	Иванов В.А. Отчет за 1985	Оренбургская область, Кваркенский район. В 3 км к югу от с.Покровка, на берегу Ириклинского водохранилища
291	Покровский-IV	19	0	0	0	1	Там же	Там же
292	Покровский-IV	17	0	0	0	1	Там же	Там же
293	Покровский-IV	18	2	0	0	1	Там же	Там же
294	Потемкино	2	0	моло- дая	1	0	Синицын И.В, 1959. – С.51-52, рис.8,5	У с.Потемкино, недалеко от берега р.Еруслан
295	Потемкино	8	0	стар- ческ.	1	0	Там же. – С.56	Там же
296	Потемкино	10	0	зре- лого	1	0	Там же. – С.56, рис.8,6	Там же
297	Пугачев	0	0	0	1	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.113	В черте города
298	Пугачев	1	0	0	1	0	Там же. – С.111-112; табл. IX,2,8	Саратовская область
299	Пчельник	1	0	0	1	0	Нефедов Ф.Д., 1886. – С.482	Оренбургская область, Соль-Илецкий район, правый берег р.Илек
300	Пчельник	2	0	взрос- лая	1	0	Нефедов Ф.Д., 1899. – С.21	Там же
301	Пчельник	4	0	0	1	0	Там же. – С.22	Там же
302	Пчельник	8	0	0	1	0	Нефедов Ф.Д., 1886	Там же
303	Пчельник	10	0	0	0	0	Там же	Там же
304	Пчельник	28	0	0	1	0	Там же	Там же
305	Пчельник	29	0	0	1	0	Там же	Там же
306	Пчельник	6	0	0	1	0	Нефедов Ф.Д., 1899. – С.22	Там же
307	Пчельник	3	0	0	1	0	Там же. – С.21	Там же
308	Пчельник	22	0	0	1	0	Нефедов Ф.Д., 1886	Там же
309	Раевская	1	1	0	0	1	ОАК за 1894. – С.96-97	Недалеко от Анапы, по дороге на Новороссийск

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
310	Раевская	2	2	0	0	1	Сизов В.И., 1889. – С.96-100	Краснодарский край. Близ г.Новороссийска
311	Раевская	2	3	0	0	1	Там же	Там же
312	Резяповское	0	0	0	0	0	Ахмеров Р.Б., 1951. – С.124-125	РБ, Чекамгушевский район, Правобер. р.Ик
313	Ровное	8	0	0	1	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.171	Саратовская область, Ровненский район
314	Ровное	10	0	0	1	0	Там же. – С.172	Там же. Левый берег р.Волги
315	Рождественский	0	18	0	0	0	Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К., 1962. – С.82; Руденко К.А., 2002. – С.308-321	Республика Татарстан, Лаишевский район
316	Россыпинские	2	0	0	0	0	Мажитов Н.А. Отчет 1975 г., – л.11; Мажитов Н.А. Альбом иллюстраций к отчету 1975 г., – л.10, рис.36; Мажитов Н.А., 1977. – С.112-118	Между дер.Россыпная и дер.Нижнее Озерное, на правом бер. р.Урал, на вершине мысообразного возвышения
317	Русский колодец	10	1	взрослый	0	0	Ильюков Л.С., Казакова Л.М., 1988. – С.124-127	Ростовская область, Неклиновский район, Таганрогский залив
318	Русский колодец	10	2	взрослый	0	0	Там же	Там же
319	Ряские могилы	3	0	0	0	0	Самоквасов Д.Я., 1908. – С.239-240	Днепропетровская область, с.Вороная, недалеко от р.Днепра
320	Ряские могилы	7	0	0	0	1	Макаренко Н.Е., 1911. – С.89-92	Там же
321	Ряские могилы	8	0	0	1	0	Там же. – С.92-93	Там же
322	Ряские могилы	17	1	0	1	0	Там же. – С.99-100, рис.90,а	Там же
323	Ряские могилы	9	0	0	0	0	Там же. – С.93-94	Там же
324	Ряские могилы	13	0	0	0	0	Там же. – С.97	Там же
325	Ряские могилы	10	0	0	0	0	Там же. – С.95-96	Там же
326	Ряские могилы	14	0	0	1	0	Там же. – С.97-98	Там же
327	Ряские могилы	16	0	0	1	0	Там же. – С.99	Там же
328	Ряские могилы	2	0	0	0	0	Там же. – С.240	Там же
329	Ряские могилы	5	0	0	0	0	Там же. – С.241	Там же
330	Ряские могилы	17	2	0	1	0	Там же. – С.99-100	Там же

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
331	Сайхин ю-з гр.	2	0	стар- ческ	1	0	Синицын И.В., 1959. – С.142	Западно-Казахстанская область, Урдинский район. К северу от оз.Боткуль
332	Салтак-I	1	0	взрос- лая	1	0	Бисембаев А.А., 2003. – С.129, рис.23; Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю., 1998. – С.152	Актюбинская область Казахстана, Ленинский район
333	Свинуха (Лесное)	17	0	0	1	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.201, табл. XXV, 18,19,21	Саратовская область, Бала- шовский район, р.Хопер
334	Свинуха (Лесное)	18	0	моло- дая	1	0	Там же. – С.202., табл. XXV, 24	Там же
335	Свинуха (Лесное)	19	0	моло- дая	1	0	Там же. – С.202, табл. XXV, 26,28,27, табл. III, 19	Там же
336	Свинуха (Лесное)	1	0	0	0	1	Там же. – С.155-156	Там же
337	Свинуха (Лесное)	5	0	ср- лет	0	1	Там же. – С.196-197, табл. XXIII, 10	Там же
338	Свинуха (Лесное)	9	0	моло- дая	1	0	Там же. – С.198	Там же
339	Свинуха (Лесное)	10	0	по- жи- лая	1	0	Там же	Там же
340	Сенной	5	1	0	0	0	Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1998. – С.115-116	Волгоградская область, Михайловский район, р.Медведица
341	Сенной	4	1	0	0	0	Там же. – С.114-115	Там же
342	Сербка	180	0	0	0	1	Добролюбский А.О., 1984. – С.171	Одесская обл. Украины, левобер. Днестра
343	Скатовка	15	0	0	1	0	Синицын И.В., 1959. – С.172	Левый берег Волги; между с.Старое Привольное и с.Тарлыковка
344	Скатовка	7	0	0	1	0	Синицын И.В., 1959. – С.164	Там же
345	Скатовка	11	0	реб- нок	1	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.172	Саратовская область, Ров- ненский район, левый берег Волги
346	Скатовка	4	0	0	0	1	Синицын И.В., 1959. – С.160, рис.55,3	Там же. Между с.Старое Привольное и с.Тарлыковка
347	Скатовка	1	0	0	0	1	Там же. – С.159	Там же
348	Скатовка	8	0	0	0	1	Там же. – С.164	Там же
349	Скатовка	11	0	0	1	0	Там же. – С.172	Там же
350	Скатовка	19	3	0	0	0	Там же, 1959. – С.175	Там же
351	Скатовка	20	1	0	1	0	Там же	Там же
352	Слобода Рудня	1	0	0	1	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.126-127, табл. XII, 6-9	Волгоградская область, Руднянский (Жирновский) район, р.Терса

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
353	Солодовка-II	7	2	60-65	0	1	Мамонтов В.И., 1993. – С.167-169, рис.10	В 4 км на СЗ от с.Солодовка Ленинского района Волгоградской области, в 3 км от пос.Царев
354	Солодовка-II	8	1	7-8	0	0	Там же. – С.169-171, рис.7,2,4,5	Там же
355	Солодовка-II	1	1	13-15	0	1	Там же. – С.151-155, рис.2,4,9	Там же
356	Солодовка-II	3	1	60-65	1	0	Там же. – С.157-159, рис.5	Там же
357	Солодовка-II	5	1	60	1	0	Там же. – С.161-163, рис.7,6	Там же
358	Солодовка-II	6	1	45-50	0	1	Там же. – С.163-165, рис.7,13	Там же
359	Солодовка-II	7	1	65-70	1	0	Там же. – С.165-167, рис.8,3,9	Там же
360	Станция №5, гр.I	1	0	0	0	1	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.153	Калмыкия
361	Станция №8 (Белая гора)	2	0	0	1	0	Там же. – С.154	Калмыкия
362	Станция Моздок	6	0	0	0	0	Пиотровский Б.Б., 1941. – С.246-248	Северный Кавказ, Моздок
363	Станция Моздок	2	0	0	0	0	Миллер М.А., 1941. – С.242	Северный Кавказ, станция Моздок
364	Старая Калитва	0		0	0	1	Кравец В.В., 2001. – С.233-239	Воронежская область, Россошанский район, с.Старая Калитва
365	Старо-Елшанский	0	1	0	0	0	Васильева И.Н., 2000. – С.319,341, табл.20,10	Бузулукский район, в 6 км к С-З от с.Новая Елшанка и в 4-5 км к В от с.Старая Елшанка
366	Столетовская группа	3	0	30	1	0	Семенов А.И., 1978. – С.141	Ростовская область, окраина г.Волгодонска, Нижн. Дон
367	Сукля	143	0	0	1	0	Добролюбский А.О., 1984. – С.169; Добролюбский А.О., 1986. – С.90	Непризн. Приднестровская Молдавская Респ., Слободзейский район.
368	Сукля	147	0	0	0	0	Добролюбский А.О., 1984. – С.169	Там же. Нижнее течение Днестра, южнее Тирасполя, на левом берегу Днестра.
369	Сукля	144	0	0	0	0	Там же	Там же
370	Сукля	149	0	0	0	0	Там же; Добролюбский А.О., 1986. – С.91	Там же
371	Сукля	159	0	0	1	0	Там же. – С.171; Добролюбский А.О., 1986. – С.92	Там же
372	Сукля	151	0	0	1	0	Там же. – С.170; Добролюбский А.О., 1986. – С.91	Там же
373	Сукля	1	0	0	0	0	Там же. – С.163, рис.7,13; Добролюбский А.О., 1986. – С.83, табл.VI,13	Там же
374	Сукля	2	0	0	0	0	Там же. – С.163.; Добролюбский А.О., 1986. – С.83	Там же

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
375	Сукляя	55	0	0	1	0	Добролюбский А.О., 1984. – С.164, рис. 7,11	Там же
376	Сукляя	156	0	0	1	0	Там же. – С.170-171; Добролюбский А.О., 1986. – С.92	Там же
377	Сукляя	58	0	0	0	0	Добролюбский А.О., 1986. – С.84	Там же
378	Сукляя	145	0	0	1	0	Добролюбский А.О., 1984. – С.169	Там же
379	Сукляя	140	0	0	1	0	Там же	Там же
380	Сукраковские-II	3	0	0	1	0	Гарустович Г.Н. Отчет 1997	РБ, Хайбуллинский район. На возвышенной холмистой террасе правого бер. ручья Кизяташ – правого притока р.Малая Уртазымка. В 6 км к ССВ от с.Подольск
381	Суслы	40	0	сред. лет	1	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. табл. XIV,12,14	Саратовская область, Марковский район
382	Сынтыштамак	4	0	0	0	1	Васюткин С.М., 1992. – С.119	РБ, Благоварский район. На юго-зап. окраине дер.Сынтыштамак, на краю надпойменной террасы правого берега р.Чермасан
383	Сынтыштамак	9	0	0	0	0	Там же. – С.122	Там же
384	Сынтыштамак	15	0	0	0	0	Там же. – С.124	Там же
385	Сынтыштамак	18	0	0	1	0	Там же. – С. 124-126	Там же
386	Тамар-Уткуль	10	0	0	0	1	Иванов В.А., 2001. – С.158-160, рис.3	Оренбургская область, Соль-Илецкий район, левый бер. р.Илек. В 3,5 км к В от пос.Тамар-Уткуль
387	Татарбранка	5	0	0	0	0	Эварницкий Д.И., 1907. – С.128-129	Лев. берег р.Орели. Южнее Афанасьевки
388	Терновка	1	0	0	0	1	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.106-108	Правый берег р.Терновки
389	Тимашев Колок-I	1	0	0	1	0	Нефедов Ф.Д., 1899. – С.23	Оренбургская область, Соль-Илецкий район. В 5,5 верс. (5,8 км) к северу от Илецкой Защиты (г.Соль-Илецк), на берегу р.Песчанки
390	Тимашев Колок-I	3	0	0	1	0	Там же	Там же
391	Тимашев Колок-I	5	0	0	0	0	Там же	Там же
392	Тлявгуловский	1	0	30	0	1	Иванов В.А., 1984а. – С.77-80, рис.3	В 5 км к З от г.Кувандык, возле д.Тлявгулово, правый берег р.Сакмары
393	Тлявгуловский	2	0	60-65	0	1	Там же, 1984. – С.80, рис.4	Там же
394	Тлявгуловский	4	0	38-40	1	0	Там же, 1984. – С.81-84, рис.6	Там же

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
395	Тонкошуровка	Д 34	0	0	0	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.182	Саратовская область, Советский район. В бассейне р.Караман
396	Третьяки	24	0	0	0	0	Винников А.З., Ефимов К.Ю., Цыбин М.В., 1993. – С. 30-47	Близ р.Хопер, не далеко от Власовского курганного могильника
397	Три Брата-I	12	0	0	0	1	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.161	В 15км к ЮЗ от г.Элисты, в местности Хамур
398	Три Брата-I	14	0	0	1	0	Там же. – С.165	Там же
399	Три Брата-I	2	0	0	1	0	Там же. – С.158	Там же
400	Три Брата-II	7	0	0	0	0	Там же. – С.162	Там же
401	Три Брата-II	8	0	0	1	0	Там же. – С.163	Там же
402	Три Брата-II	11	0	0	1	0	Там же. – С.163	В 15км к ЮЗ от г.Элисты
403	У Обелиска Славы	0	0	36-40	0	1	Кригер В.А., 1983. – С.184	Оренбургская область. На территории г.Орска. Расположен в 0,3-0,4 м западнее курганов раскопанных К.Ф. Смирновым в 1972 г. в 0,2 м южнее Орского проспекта
404	У хутора Ветютнев	2	3	55-60	0	1	Круглов Е.В., Клепиков В.М., 1993. – С.143-145	Волгоградская область, Фроловский район. К ВЮВ от х.Ветютнев
405	Увак	3	1	45-55	1	0	Смирнов К.Ф, 1975	Оренбургская область, Акбулакский район. На правом берегу р.Илек, между пос.Кумакский и Увак
406	Увек	0	1	0	0	1	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.101,103	Саратовская область. На правом берегу р.Волги, на окраине г.Саратова
407	Увек	0	2	0	1	0	Там же. – С.101,103	Там же
408	Урал	5	0	55-56	1	0	Иванов В.А., 1984а. – С.87-91, рис.11	Оренбургская область, Кувандыкский район. Устье р.Киялы-Буртя, левый приток р.Урал. В 1,5-2 км к западу от пос.Урал, на вершине невысокого холма
409	Урал	9	0	54-56	0	1	Там же. – С.93, рис.12	Там же
410	Усинский-II	0	15	0	0	0	Васильева И.Н., 2000. – С.308,327 табл.6,3-6	Самарская область; в 5-6 км от с.Рождествено Волжского района, у пос.Учхоз (Левобережье Волги)
411	Усть-Курдюм	1	0	0	1	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.209, табл. XXVIII, 18,28	Саратовская область, Советский район. К С-В от с.Усть-Курдюм
412	Усть-Курдюм	5	1	0	1	0	Там же. – С.210, табл. XXVIII, 17,24, 20	Там же
413	Усть-Курдюм	6	0	0	1	0	Там же. – С.211, табл. XXVIII, 16, 19,21,22,23	Там же

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
414	Усть-Курдюм	7	0	0	1	0	Там же. – С.211, табл. XXVIII, 25	Там же
415	Усть-Курдюм	8	0	0	0	1	Там же. – С.213, табл. XXVIII, 2-6, 7, 8	Там же
416	Усть-Курдюм	9	0	0	1	0	Там же. – С.213, табл. XXVIII, 27, 29, 30; рис. 13	Там же
417	Усть-Курдюм	11	0	0	1	0	Там же. – С.213-216, табл. XXVIII, 1	Саратовская область, Саратовский район. К С-В от с. Усть-Курдюм
418	Усть-Курдюм-I	2	0	0	1	0	Там же. – С.109	Там же
419	Усть-Лабинский	7	0	0	0	1	ОАК-1903. – С.70	Кубанская обл., в 3 вер. От станицы, на берегу р. Кубани
420	Усть-Лабинский	11	0	0	0	0	Там же. – С.70	Там же
421	Федоровка	0	0	0	0	0	Боталов С.Г., Зданович Г.Б., 1986. – С. 68-69, рис. 1, 2, 3, 5, 16-18	В 3 км восточнее Челябинска, на правом берегу р. Миасс
422	Фокин курган	0	0	0	0	1	Турецкий М.А. Отчет 1985 г.	Расположен в 3 км южнее с. Большая Глушица (Большеглушицкий район Самарской области), на надпойменной террасе р. Глушичка
423	Хабарный-I	4	0	ребенок	1	0	Иванов В.А., 2004. – С.74, рис. 2	Гайский район, пос. Шевченко (Хабарный), правый берег р. Урал
424	Хабарный-I	7	0	0	1	0	Там же. – С.75, рис. 4	Там же
425	Хабарный-I	9	0	0	1	0	Там же. – С. 75, рис. 5	Там же
426	Хабарный-I	10	0	0	0	1	Там же. Рис. 6	Там же
427	Харинка	2	0	0	1	0	Атавин А.Г., Каменецкий И.С., 2002. – С.266, рис. 1	Ростовская область, Дубовский район. Левый берег Сала
428	Харинка	6	0	0	1	0	Там же. – С.268, рис. 5, 3	Там же
429	Харинка	11	0	0	1	0	Там же. – С.270, рис. 9	Там же
430	Харинка	13	0	0	1	0	Там же. – С.273, рис. 13	Там же
431	Харинка	18	0	0	1	0	Там же. – С.275-276, рис. 17	Там же
432	Харинка	20	0	0	1	0	Там же. – С.276, рис. 20, 4	Там же
433	Харьковка, гр. Б	2	0	0	0	1	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.140, табл. XXVI, 4	Волгоградская область, Ставропольский район
434	Харьковка-I	9	0	0	0	1	Там же. – С.142	Там же
435	Харьковка-I	13	0	0	0	1	Там же. – С.142-143, табл. XXVI, 3, 14	Там же

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
436	Худай-Берген (Могильник 53 LX)	пло- щад- ка 5	0	ребен- нок	0	0	Граков Б.Н., 1935. – С.100	Актюбинская область Казахстана. Группа курганов и «каменных площадок» занимает невысокую гряду вблизи гор, протянувшуюся от левого берега р.Урал, в 0,5 км юго-западнее аула Ху- дайберген
437	Худай-Берген (Могильник 53 LX)	пло- щад- ка 12	0	0	0	1	Там же. – С.101	Там же
438	Худай-Берген (Могильник 54 LIV)	пло- щад- ка 4	0	0	0	1	Там же. – С.102	Там же
439	Худай-Берген (Могильник 54 LIV)	пло- щад- ка 5	0	0	1	0	Там же. – С.103	Там же
440	Цаган-Эльсин	1	0	сред. лет	0	1	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.166-167	в 15-20 км от Элисты
441	Цаган-Эльсин	7	3	0	1	0	Там же. – С.167	Там же
442	Царевский	2	0	0	0	1	Мамонтов В.И., Ситников А.В., 1993. – С.187 рис.4,2	Волгоградская область, Ленинский район. В 1,5 км на С-3 от с.Царев
443	Царевский	7	0	0	0	1	Там же. – С.193	Там же
444	Царевский	15	0	0	1	0	Там же. – С.198, рис. 8,6	Там же
445	Царевский	20	0	подр.	0	0	Там же. – С. 207, рис.10,1,2	Там же
446	Царевский	17	0	0	0	1	Там же. – С.199, рис.8,2,3	Там же
447	Царевский	3	0	0	0	1	Там же. – С.187-189	Там же
448	Царевский	5	0	0	1	0	Там же. – С.191, рис.4,5	Там же
449	Царевский	8	0	0	1	0	Там же. – С.193, рис. 6,1,2,3	Там же
450	Царевский	10	0	0	0	1	Там же. – С.194, рис.6,13,14	Там же
451	Царевский	1	0	0	0	1	Там же. – С.185, рис.2,3	Там же
452	Царевский	16	0	0	1	0	Там же. – С.198-199, рис.8,12	Там же
453	Царевщина	1	0	0	1	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.80	Саратовская область, Бал- тайский район
454	Чадаевка	1	0	0	0	0	Там же. – С.126	Саратовская область, Лысо- горский район. Левый берег р.Баланды
455	Чауш	13	1	0	0	0	Добролюбский А.О., 1986. – С.101	Непризн. Приднестровская Молдавская Респ.

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
456	Человечья голова	0	0	0	0	0	Васильева И.Н., 1985. – С.176-178; Васильева И.Н., 2000. – С.320,342, табл. 21,12-20	Самарская область; с.Утевка Нефтегорского района
457	Черемшино	2	0	0	0	1	Красильников К.И., 2001. – С.214-224	Луганской область Украины, Свердловский район, с.Черемшино. Правобережье р.Донец
458	Черемшино	3	0	0	0	1	Красильников К.И. – С.214-224	Там же
459	Черемшино	4	0	0	0	1	Там же. рис.5	Там же
460	Шляховский-I	2	0	30-35	1	0	Круглов Е.В., Клепиков В.М., 1993. – С.145-149, рис.4	Волгоградская область, Фроловский район
461	Шляховский-III	1	1	стар- ческ	1	0	Там же. – С.140-141, рис.1, 4,6-7	Там же
462	Штрасбург	1	0	30	1	0	Там же. – С.179, табл.ХХ, 9,6,2,4	Республика немцев Поволжья, Старополтавский район
463	Элистинский	1	0	0	0	0	Рыков П.С., 1936. – С.57	У южной окраины г.Элитсты
464	Элистинский	24	0	по- жи- лая	1	0	Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1971. – С.90-91	На окраине г.Элисты
465	Элистинский	22	0	0	1	0	Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1971. – С.88	Там же
466	Юлдыбаевский	2	0	0	1	0	Садькова М.Х., 1971. – С.145-146	РБ, Зилаирский район. На С-В окраине дер.Юлдыбаево
467	Яшкуль	1	0	0	1	0	Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф., 1998. – С.155, табл.ХVI,3, табл.ХVII,9,12,15	Калмыкия, Яшкульский район

Таблица 1.2.

**Погребальные памятники северо-восточных районов Золотой Орды,
материалы которых использовались в работе**

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
1	Бозок	мавзолей	4	взрослый	0	1	Акишев К.А., Варфоломеев В.В., 2008. – С.41-56, рис.7	Казахстан. Левобережная долина р.Ишим, на окраине г.Астаны, близ р.Нура и р.Козыкош
2	Бозок	раскоп 5	2	40-50	1	0	Акишев К.А., Хасенова Б.М., Мотов Ю.А., 2008. – С.56-66, рис.2-4	Там же
3	Бозок	раскоп 6	2	50-60	0	1	Акишев К.А., Хасенова Б.М., Мотов Ю.А., 2008. – С.56-66, рис.1	Там же
4	Жартас (Нуры)	5	0	сред. лет	0	1	Маргулан А.Х., 1959. – С.248-262	В устье р.Сокур, впадающей в р.Нуру, в 46 км к 3 от г.Караганды. Близ аула Жартас
5	Ждановский	17	0	зрелого возр.	1	0	Арсланова Ф.Х., 1970. – С.54-59	Казахстан, Павлодарская область
6	Ждановский	14	0	зрелого возр.	1	0	Арсланова Ф.Х., 1970. – С.54-59	Казахстан, Павлодарская область
7	Кенес	9	0	0	1	0	Боталов С.Г., Зданович Г.Б., 1986. – С.67, рис.2,1,3	Казахстан, Северо-Казахстанская область, левый берег р.Ишим
8	Крестьянское	0	0	0	0	0	Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002. – С.28	Алтайский край, с.Крестьянка
9	Кула-Айгыр	0	курган	0	1	0	Боталов С.Г., 1992. – С.230-239, рис.1-5	Казахстан, Карагандинская область, Бухар-Жырауский район. В 4,5 км к Ю-В от с.Кула-Айгыр, правый приток Шерубай-Нуры
10	Курган в Павлодарской области	0	0	0	1	0	Арсланова Ф.Х., 1970. – С.54-59	Казахстан. Актогайский район Павлодарской области (в 120 км севернее г.Павлодара)
11	Островное-III	0	0	0	1	0	Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002. – С.28	Алтайский край, Мамонтовский район. На дюне в пойме оз.Большого Островного
12	Тасмола	2	0	0	0	0	Кадырбаев М.К., Бурнашева Р.З., 1970. – С. 42-53	Казахстан, урочище Тасмола, в 50 км к С-З от г.Экибастуза, на правом берегу р.Шидерты
13	Телеутский Взвоз-I	11	0	45-50	0	1	Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002. – С.47-50	Алтайский край, Павловский район. На левом берегу р.Оби, в 5 км к СВ от с.Елунино и примерно в 40 км к ЗСЗ от Барнаула
14	Телеутский Взвоз-I	14	0	30-35	0	1	Там же. – С.59-60, рис.65	Там же
15	Телеутский Взвоз-I	12	0	30-35	0	1	Там же. – С.56-58, рис.53-57	Там же
16	Телеутский Взвоз-I	1	0	взрослая	1	0	Там же. – С.42-44, рис.4,1-5, рис.5,1,2	Там же
17	Телеутский Взвоз-I	2	0	55-60	1	0	Там же. – С.44-45, рис.8,9	Там же
18	Телеутский Взвоз-I	6	0	35-40	0	1	Там же. – С.46-47, рис.13,14	Там же
19	Телеутский Взвоз-I	8	0	18-20	1	0	Там же. – С.50-51, рис.26; 27	Там же
20	Телеутский Взвоз-I	9	0	30-35	1	0	Там же. – С.50-52, рис.30,32	Там же
21	Телеутский Взвоз-I	10	0	25-30	0	1	Там же. – С.52-53, рис.37-40,42-44	Там же
22	Якши-Янгистау	4	0	0	0	1	Боталов С.Г., Зданович Г.Б., 1986. – С.68, рис.2,28,24	Северо-Казахстанская область. Арык-Балык

Таблица 1.3.

Погребальные памятники золотоордынского круга, материалы которых использовались в работе

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
1	Таганский	раскоп 3	8	0	0	0	Матвеев Ю.П., Цыбин М.В., 2004. – С.16, рис.20,5,6	Воронежская область, Павловский район. В пойме левого берега р. Битюг (левый приток р.Дон). С.Лосево
2	Таганский	раскоп 1	5	ребенок	0	0	Там же. – С.10, рис.9,1,2	Там же
3	Таганский	раскоп 1	14	ребенок	0	0	Там же. – С.10, рис.9,6.	Там же
4	Таганский	раскоп 3	15	ребенок	0	0	Там же. – С.17, рис.20,12.	Там же
5	Новохарьковский	0	3	30-39	0	1	Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Алексеева Т.И., Бужилова А.П., Винников А.З., Волков И.В., Козловская М.В., Лебединская Г.В., Медникова М.Б., Цыбин М.В., 2002. – С.16,17, рис.6,1, С.15	Воронежская область, Ольховатский район. У с.Новохарьковка в пойме правого берега р.Ольховатка, являющейся левым притоком Черной Калитвы, впадающей в р.Дон
6	Новохарьковский	0	4	40-49	1	0	Там же. – С.16-18,17,рис.6,2,3,С.15, рис.5,4	Там же
7	Новохарьковский	0	6	0	0	0	Там же. – С.19,17, рис.6,4-7, С.18, рис.7,1	Там же
8	Новохарьковский	0	7	11-12	0	0	Там же. – С.19,17, рис.6,8, С.18, рис.7,2	Там же
9	Новохарьковский	0	8	0	0	0	Там же. – С.19,17, рис.6,10,11, С.18, рис.7,3	Там же
10	Новохарьковский	0	9	0	0	0	Там же. – С.20, С.17 рис. 6,12, С.18 рис.7,4	Там же
11	Новохарьковский	0	10	0	0	0	Там же. – С.20,17, рис.6,13,С.18, рис.7,5	Там же
12	Новохарьковский	0	14	25-29	0	1	Там же. – С.22,17, рис.6,15-17, С.21, рис.8,2	Там же
13	Новохарьковский	0	14	5-6	0	0	Там же. – С.22	Там же
14	Новохарьковский	0	15	0	0	0	Там же. – С.22-23,17, рис.6,18	Там же
15	Новохарьковский	0	17	0	0	0	Там же. – С.24,17, рис.6,19,21;8,5	Там же
16	Новохарьковский	0	18	0	0	0	Там же. – С.24,17, рис.6,20, С.21, рис.8,6	Там же
17	Новохарьковский	0	19	20-24	1	0	Там же. – С.24-26, С.17, рис.6,21,22, С.25, рис.10,1	Там же
18	Новохарьковский	0	20	35-45	0	1	Там же. – С.26,25, рис.10,2	Там же
19	Новохарьковский	0	21	0	0	0	Там же. – С.26,17, рис.6,23, С.25, рис.10,3	Там же
20	Новохарьковский	0	22	20-24	1	0	Там же. – С.27,17, рис.6,24	Там же
21	Новохарьковский	0	26	20-29	0	1	Там же. – С.27,17, рис.6,25, С.28, рис.11,1	Там же
22	Новохарьковский	0	27	0	0	0	Там же. – С.29,17, рис.6,26-29, С.28, рис.11,2	Там же
23	Новохарьковский	0	28	0	0	0	Там же. – С.29,17, рис.6,30, С.28, рис.11,3	Там же
24	Новохарьковский	0	31	20-29	1	0	Там же. – С.30,17, рис.6,31-37, С.28, рис.11,6	Там же

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
25	Новохарьковский	0	36	35-391	1	0	Там же. – С.31,32,17, рис.6,39,40, С.32, рис.12,1	Там же
26	Новохарьковский	0	38	0	0	0	Там же. – С.33,17, рис.6,41-46, С.32, рис.12,2	Там же
27	Новохарьковский	0	41	0	0	0	Там же. – С.34,17, рис.6,47,48, С.32, рис.12,5	Там же
28	Новохарьковский	0	44	0	0	0	Там же. – С.35,17, рис.6,51, С.32, рис.12,8	Там же
29	Новохарьковский	0	45	25-35	0	1	Там же. – С.35,17, рис.6,52, С.32, рис.12,9	Там же
30	Новохарьковский	0	46	0	0	0	Там же. – С.35, С.37, рис.14,1,2, С.36, рис.13,1	Там же
31	Новохарьковский	0	48	0	0	0	Там же. – С.37,38,37, рис.14,3- 14, С.36, рис.13,3	Там же
32	Новохарьковский	0	50	0	0	0	Там же. – С.38-39,37, рис.14,15,16, С.36, рис.13,5	Там же
33	Новохарьковский	0	52	25-35	0	1	Там же. – С.39,36, рис.13,7	Там же
34	Новохарьковский	0	54	0	0	0	Там же. – С.39, С.40, рис.15,1	Там же
35	Новохарьковский	0	55	0	0	0	Там же. – С.39-41, С.37, рис.14,17, С.40, рис.15,2	Там же
36	Новохарьковский	0	57	20-29	0	1	Там же. – С.41,37, рис.14,18, С.40, рис.15,4	Там же
37	Новохарьковский	0	60	0	0	0	Там же. – С.42,37,40, рис.15,7	Там же
38	Новохарьковский	0	62	30-39	0	1	Там же. – С.42,37,40 рис.15,8	Там же
39	Новохарьковский	0	65	1-1,5	0	0	Там же. – С.44	Там же
40	Новохарьковский	0	67	1,5-2	0	0	Там же. – С.44-45,49, рис.15,9	Там же
41	Новохарьковский	0	69	ребен- нок	0	0	Там же. – С.47,37, рис.14,20-22	Там же
42	Новохарьковский	0	70	до 6 мес.	0	0	Там же. – С.47	Там же
43	Новохарьковский	0	72	3-4	0	0	Там же. – С.47	Там же
44	Новохарьковский	0	74	35-39	0	1	Там же. – С.48,37, рис.14,23,46, рис.17,2	Там же
45	Новохарьковский	0	75	0	0	0	Там же. – С.48-49,37, рис.14,24,46, рис.17,3	Там же
46	Новохарьковский	0	79	0	0	0	Там же. – С.51-53,37, рис.14, 25,26, С.46, рис.17,7	Там же
47	Новохарьковский	0	80	20-24	1	0	Там же. – С.53-58,56, рис.21,25,26, С.54,рис.20,1	Там же
48	Новохарьковский	0	88	30-39	1	0	Там же. – С.63-64,61, рис.24,4, С.37, рис.14,27,28	Там же
49	Новохарьковский	0	91	25-35	1	0	Там же. – С.65-66,66, рис.27,1, С.67, рис.28,1	Там же
50	Новохарьковский	0	95	1,5-2	0	0	Там же. – С.68,67, рис.28,2,3	Там же
51	Новохарьковский	0	99	0	0	0	Там же. – С.69-70,67, рис.28,4,5	Там же
52	Новохарьковский	0	104	1,5-2	0	0	Там же. – С.70-71,67, рис.28,6,7, С.66, рис.27,4	Там же
53	Новохарьковский	0	106	4-5	0	0	Там же. – С.71,67, рис.28,8, С.66, рис.27,5	Там же
54	Новохарьковский	0	110	30-39	1	0	Там же. – С.73-75,67, рис.28,9,10, С.74, рис.30,2	Там же
55	Новохарьковский	0	112	4-5	0	0	Там же. – С.75-76,67, рис.28,11,12, С. 74, рис.30,4	Там же
56	Новохарьковский	0	113	40-44	0	1	Там же. – С.76,67, рис.28,13, С.74, рис.30,5	Там же
57	Новохарьковский	0	119	30-34	1	0	Там же. – С.82,67, рис.28,14- 16, С.81, рис.34,2	Там же
58	Новохарьковский	0	122	40-44	1	0	Там же. – С.84,67, рис.28,17-	Там же

№	ПАМЯТНИК	К	П	ЛЕТ	ПОЛ		ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ	МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ
					Ж	М		
							21, С.81, рис.34,4	
59	Новохарьковский	0	124	1-1,5	0	0	Там же. – С.84,67, рис.28,17-21, С.81, рис.34,5	Там же
60	Новохарьковский	0	127	1-1,5	0	0	Там же. – С.86	Там же
61	Новохарьковский	0	130	0	0	0	Там же. – С.88	Там же
62	Новохарьковский	0	131	15-18	0	0	Там же. – С.88,67, рис.28, 22-24, С.89, рис.38,1	Там же
63	Новохарьковский	0	133	45-49	1	0	Там же. – С.88,67, рис.28,25,26, С.89, рис.38,2	Там же
64	Новохарьковский	0	137	30-39	1	0	Там же. – С.93,67, рис.28,27,28, С.89, рис.38,5	Там же
65	Новохарьковский	0	139	35-39	1	0	Там же. – С.93-95,67, рис.28,29,30, С.94, рис.41,1	Там же
66	Новохарьковский	0	141	ребенок	0	0	Там же. – С.95,94, рис.41,2	Там же
67	Новохарьковский	0	142	0	0	0	Там же. – С.95-97,94, рис.41,3, С.67, рис.28,32-35	Там же
68	Новохарьковский	0	89	20-24	1	0	Там же. – С.65,61, рис.24,5, С.37, рис.14,29-33	Там же

Таблица 2.

Статистический анализ распределения головных уборов на берестяном каркасе в погребениях золотоордынских кочевников по локальным группам (абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)

Показатели и категории	Локальная группа							Всего
	Южн. Приуралье	Нижн. Волга	Ср. Волга	Волго-Донск. межд.	Дон	Левобер. Украина	Правобер. Украина	
Гол. уборы в погр.	29	13	16	10	1	2	2	73
Всего погр. в группе	129	72	99	70	29	31	37	467
% погр. с гол. уборами	22,5	18	16,2	14,3	3,4	6,5	5,4	15,6
Порог значимости, в %	3	5	4	5	12	11	10	0,8
Норма распределения	12,3	12,3	12,3	12,3	12,3	12,3	12,3	
Тенденция встречаемости	1,8	1,5	1,3	1,2	0,3	0,5	0,4	

Таблица 3.

Локализация цилиндрических подвесок в погребениях кочевников Золотой Орды

Таблица 4.

Характеристика распространения серег в погребальных памятниках кочевников Золотой Орды (по типам изделий)

Тип, кол-во	Памятники (с указанием локальной группы)
I 32 экз.	Серьги были обнаружены в кочевнических погребальных памятниках XIII–XIV вв.: Лебедевка-II одиночный курган; Буранчи-I кург.1 погр.2; Казенная мельница кург.1; Покровский могильник-IV кург.18 погр.1; Сынтыштамак кург.4; Сукраковские-II кург.3; Царевский кург.20; Маляевка кург.6; Покровск кург.6; Машевка кург.12; Скатовка кург.20; Станция Моздок кург.6; Колония Карраса кург.41; Му-Шарет-I кург.4 погр.1; Козинка-I кург.5; Харинка кург.2; Русский колодец кург.10 погр.1; Черемшино кург.3; Высокая гора кург.2; Старая Калитва; Александровка кург.7 погр.2; Мамай-Гора вост. гр. погр.2, 3; Мамай-Гора зап. гр. погр.3, 6. В Новохарьковском могильнике (11 экз.) погр.3, 10, 27, 48, 74, 80, 104, 112, 119.
II 4 экз.	Серьги были обнаружены в кочевнических погребениях XIII–XIV вв. Тлявгуловский кург.2; с. Козицкое кург.1 погр.1; Черемшино кург.4. Таганский грунтовый погр.14; Новохарьковский погр.8, 21, 26, 31, 41, 46, 48, 69, 79, 80, 88, 89, 91, 95, 106, 119, 131.
III 2 экз.	Две бронзовые серьги данного типа были обнаружены в курганном могильнике Грушевка кург.8. погр.3.
VI а 5 экз.	Золотые серьги VI типа варианта а обнаружены в кургане 4 могильника Ишкулово-II (одна была целая, вторая фрагментирована); Нижняя Дуванка, кург.3. В одном экземпляре аналогичная бронзовая серьга с аметистом на конце обнаружена в кургане 11 могильника близ села Скатовка.
VI б 75 экз.	Серьги были обнаружены в памятниках кочевников XIII–XIV вв.: Буранчи-I кург.7 погр.1, 2; Ишкуловский-II кург.2, 3; Лебедевка-VII кург.3; Мокринский-I кург.11, 14, 17; Хабарный-I кург.9; Ново-Кумакский кург.14; Алебастрово-II кург.11; Аул №1 Гр.I (Каратугайская волость) кург.3; Пчельник кург.6; Каменно-Озерный одиночный погр.1; Жаман-Каргала-I кург.13; Джангала. Кара-Оба кург.1; Жанаталапский-II курган погр.2; Тимашев Колок-I кург.1, 3; Мустаево-V мавзолее кург.6 погр.3; Слобода Рудня кург.1; Солодовка-II кург.6 погр.1; Маячный-I кург.94, 103, 188, 189, 192, 215, 224; центральная камера мавзолея Маячный бугор; Шляховский-III кург.1 погр.1; Аткарский кург.10; Суслы кург.40; Козицкое кург.1, погр.1; Александровский кург.3; Усть-Курдюм кург.6; Летницкое; Му-Шарет-I кург.4 погр.1; Столетовская группа кург.3; Харинка кург.18; Казанская кург.29 погр.2; Русский колодец кург.10 погр.2; Высокая гора кург.3; Мануйловка; Олень-Колодезь; Мамай-Гора вост. гр. погр.4; Парканы кург.2, 3; Сербка кург.180; Плоское кург.48; Имение П.П.Высоцкого кург.1. Аналогичные серьги были обнаружены в кочевнических памятниках Центрального и Восточного Казахстана – Тасмола кург.2; Бозок раскоп 5 погр.2 и в памятниках золотоордынского круга – Таганский, раскоп 3, погр.8; Новохарьковский погр.48, 50, 60.
VI в 8 экз.	Серьги были обнаружены в погребениях кочевников XIII–XIV вв.: Алебастрово-II кург.5; Гусевка кург.2 погр.1; Маляевка кург.7; Пугачев кург.1, Увек погр.2; Яшкуль кург.1; Мануйловка, В памятнике золотоордынского круга – Новохарьковский погр.133.
VI д 9 экз.	Серьги были обнаружены: Ишкуловский-II кург.5; Аткарский кург.8; Давыдовка-II кург.5; Гвардейский кург.3; Басы-I погр.1; Харинка кург.6; Каменная балка погр.3. В памятнике золотоордынского круга (1 экз.) – Новохарьковский погр.55.
VI е 1 экз.	Бронзовая серьга была обнаружена слева от черепа женщины в кургане 3 памятника Новая Казанка, Кара-Оба.
VI з* 2 экз.	Серьги были обнаружены в погребениях: Ровное кург.8; Маячный-I. В памятнике золотоордынского круга (6 экз.) – Новохарьковский погр.14, 27, 75, 80.
VII. 1 экз.	Серебряная серьга была обнаружена в Алебастрово-II кург.3 (Южное Приуралье).
X 2 экз.	Серьга из бронзы была обнаружена в результате раскопок проводимых П.С. Рыковым в 1924 г. близ с. Лысье горы в кургане 1 возле левого плеча погребенной женщины (Средняя Волга). В Волго-Донском междуречье – Гува-I кург.8 погр.1.
XII 2 экз.	В могильнике Солодовка-II кург.7 погр.1 были обнаружены фрагменты серег, которые состояли из проволочных колец, с заведенными концами друг за друга. К каждому кольцу крепились две тонкие штампованные бляшки в виде пятиконечной звезды.

Таблица 5.

Статистический анализ встречаемости типов серег в различных возрастных категориях кочевников XIII–XIV вв. (абсолютные показатели)

Возрастная категория	Типы серег – кол-во погребений	Материал	Кол-во погр. с серьгами	Кол-во серег в погребении	Кол-во погр. в возрастной категории
Детский	I – 1 (2) II – 0 (4) Неопред. тип – 1	Серебр. и бронз. в одинаковом кол-ве	2 (6)	По 1 экз. в погребении (искл. Ново-харьковский погр. 112 – 2 экз.)	12 (16)
Подростково-юношеский	I – 3 II – 0 (1) VI а – 2 XII – 0 (1)	Преобладают серебр., в одном погр. – 2 золотых экз.	5 (2)	По 1 экз., искл. Ишкуловский-II кург. 4 – 2 экз.	12 (2)
Средний	I – 5 погр. (4) II – 0 (6) VI б – 13 VI в – 1 (1) VI з – (2) XII – 0 (1) Неизв. – (1)	Серебр. серьги – 9 погр.; бронз. – 2 погр.; золотые – 3 погр.	19 (15)	По 1 экз. – 8 погр.; по 2 экз. – 6 погр.; по 3 экз. – 1 погр.	59 (25)
Старческий	I – 1 погр. II – 1 VI – 2 VI б – 2 VI в – 1 (1) XII – 1	Серебр. – 2 экз.; бронз. – 3 экз.; медн. – 1 экз.; золотые – 1 погр.	8	По 1 экз. – 3 погр.; по 2 экз. – 3 погр.; по 8 экз. – 1 погр.	17 (2)

В скобках обозначены данные по памятникам золотоордынского круга.

Таблица 6.

Статистический анализ тенденции встречаемости серег в различных возрастных категориях золотоордынских кочевников (абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)

Показатель	Категория совокупности	Украшения					
	Совокупность признаков	Серьги					
	Признак	кольцевидные			в виде знака вопроса		
есть		нет	Не определен. тип	есть	нет	Не определен. тип	
Кол-во	Детский	1	10	1	0	11	1
	Подростково-юношеский	3	9	0	2	10	0
	Средний	5	54	0	14	45	0
	Старческий	3	14	0	5	12	0
	Всего	12	87	1	21	78	1
Частость совокупности	Детский	9,09	90,9		–	100	
	Подростково-юношеский	25	75		16,7	83,3	
	Средний	8,5	91,5		23,7	76,2	
	Старческий	17,6	82,4		29,4	70,6	
Норма распределения		15	85		17,5	82,5	
Тенденция совокупности	Детский	0,6	1		–	1,2	
	Подростково-юношеский	1,7	0,9		0,95	1	
	Средний	0,6	1		1,4	0,9	
	Старческий	1,2	1		1,7	0,9	

Таблица 7.

**Статистический анализ тенденции встречаемости серег
в мужских и женских погребениях кочевников XIII–XIV вв.
(абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)**

Показатель	Категория совокупности	Украшения			
	Совокупность признаков	Серьги			
	Признак	кольцевидные		в виде знака вопроса	
есть		нет	есть	нет	
Кол-во	Мужские	10	95	5	100
	Женские	23	204	83	144
	Всего	33	299	88	244
Частость совокупности	Мужские	10	90	5	95
	Женские	10	90	37	63
Норма распределения		10	90	21	79
Тенденция совокупности	Мужские	1	1	0,2	1,2
	Женские	1	1	1,8	0,8

Таблица 8.

Характеристика погребального инвентаря захоронений кочевников XIII–XIV вв. с серьгами типа I

Памятник	№ к., п.	Целый остов коня	Череп и кости ног	Сбруя без коня	Признаки «всадничества»	Оружие и доспехи	Поясн.наборы, бляшки на пояс	Изделия из золота	Изделия из серебра	Сосуд (казан, модель казана, чаша с дужкой) в ногах	Материал серьги
Покровск	6	-	-	-	-	-	-	-	+	-	Серебр.
Лебедевка-II одиночный	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	Золот.
Буранчи-I	1	-	-	-	-	-	-	-	-	лепной	Бронз.
Машевка	12	-	-	-	-	+	-	-	-	-	Бронз.
Казенная мельница	1	-	-	-	-	-	-	-	+	лепной	Серебр.
Царевский	20	-	-	-	-	-	-	-	+	Локализация неизв. +	Серебр.
Станция Моздок	6	-	-	-	-	-	-	-	+	-	Серебр.
Колония Карраса	41	-	-	-	-	-	-	-	+	-	Серебр.
Афанасьевский	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Медн.
Русский колодец	10	-	-	+	+	+	+	-	+	-	Серебр.
Александровка	7	-	+	-	+	+	-	-	+	-	Серебр.
Черемшино	3	-	-	+	+	+	-	-	+	-	Серебр.
Высокая гора	2	-	-	+	+	+	+	+	+	+	Золот.
Маляевка	6	-	-	+	+	-	-	-	-	-	Серебр.
Мамай-Гора, вост. гр.	2	-	-	-	-	-	-	-	+	лепной	Серебр.
Мамай-Гора, вост. гр.	3	-	-	+	+	+	-	-	+	Под левой лопаткой	Серебр.
Мамай-Гора, зап. гр.	3	-	-	-	-	-	-	-	+	-	Серебр.
Мамай-Гора, зап. гр.	6	-	-	+	+	+	-	-	+	-	Серебр.
Покровский-IV	18	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Бронз.
Му-Шарет-I	4	-	-	-	-	-	-	-	+	-	Неопр.
Козинка-I	5	-	-	-	-	-	-	+	+	-	Серебр.
Старая Калитва		-	-	-	-	+	+	+	+	+	Золот.
Скатовка	20	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Бронз.
Харинка	2	+	-	-	+	-	-	-	+	-	Серебр.
Сынтыш-тамак	4	-	-	+	+	+	-	-	+	-	Серебр.
Рясные могилы	9	-	-	-	-	+	-	+	+	-	Серебр. Бронз.
Сукраковские-II	3	-	-	+	+	-	-	-	+	-	
Итого кол-во погр.		1	1	9	11	11	4	5	20	4	
%		4	4	35	42	42	15	19	77	15	

Таблица 9.
Характеристика погребального инвентаря мужских захоронений с золотыми серьгами VI б.

Памятник	К	П	Возр.	Череп и кости ног	Остов коня	Сбруя без коня	Доспех	Оружие	Пояной набор	Зол.серьга VI б	Кол-во серег	Сосуд
Солодовка-II	6	1	45-50	-	-	+	+	+	-	+	1	-
Сербка	180	0	-	-	+	-	+	+	-	+	1	-
Олень-Колодезь	7	0	Взрослый	-	-	+	+	+	+	+	1	Сер. ковш

Таблица 10.

Статистический анализ распределения типов серег золотоордынских кочевников по локальным группам (абсолютные показатели)

Типы серег	Локальная группа							Всего	Материал
	Южн. Приуралье	Нижн. Волга	Ср. Волга	Волго-Донск. межд.	Дон	Левобер. Украина	Правобер. Украина		
I	6	2	3	5	4 (9)	5	0	25 (9)	Золот. – 3 экз. Серебр. – 19 экз. Бронз. – 5 экз. Медн. – 1 экз. Неизв. – 4 экз.
II	1	0	2	0	1 (21)	0	0	4 (21)	Серебр. – 3 (14) экз. Бронз. – (7) экз. Медн. – 1 экз.
III	0	0	0	0	0	0	1	1	Бронз. – 2 экз.
VI неопред. вар-т	6	3	3	7	1 (1)	4	12	36 (1)	Золот. – 1 экз. Серебр. – 12 (1) экз. Бронз. – 13 экз. Медн. – 0 экз. Неизв. – 24 экз.
VI а	1	0	1	0	2	0	0	4	Золот. – 2 экз. Бронз. – 1 экз. Неизв. – 2 экз.
VI б	20	11	5	5	4 (4)	1	5	51 (4)	Золот. – 17 экз. Серебр. – 25 экз. Бронз. – 15 экз. Медн. – 1 экз. Неизв. – 17
VI в	1	2	2	1	1 (1)	0	0	7 (1)	Золот. – 2 экз. Серебр. – 2 экз. Бронз. – 3 экз. Неизв. – 1
VI д	1	0	3	2	1 (1)	0	0	7 (1)	Серебр. – 3 экз. Бронз. – 3 (1) экз. Медн. – 1 экз. Неизв. – 2
VI е	1	0	0	0	0	0	0	1	Бронз. – 1 экз.
VI з*	0	1	1	0	0 (4)	0	0	2 (4)	Бронз. – 1 (2) экз. Серебр. – 0 (4) экз. Неизв. – 1 экз.
Всего VI	30	17	15	15	9 (10)	5	17	108 (14)	
VII	1	0	0	0	(1)	0	0	1 (1)	Серебр. – 1 экз. Бронз. – 0 (1) экз.

X	0	0	1	1	0	0	0	2	Бронз. – 1 экз. Неизв. – 1 экз.
XII	0	1	0	0	(10)	0	0	1 (10)	Бронз. – 1 экз.
Неопр. тип	6	8	2	1	2	4	3	26 (2)	Серебр. – 9 экз. Бронз. – 16 экз. Неизв. – 6 экз. Стекл. – 1 экз.
Всего погр. с опр. типом серег	38	20	21	21	14	10	18	142	
Всего погр. с серьгами	44	28	23	22	16 (52)	14	21	168 (59)	Всего серег 224 экз. Золот. – 25 экз. Серебр. – 74 экз. Бронз. – 60 экз. Медн. – 4 экз. Стекл. – 1 экз. Неизв. – 60 экз.
Всего погр. в группе	129	72	99	70	29 (68)	31	37	467	

В скобках указаны данные по памятникам золотоордынского круга.

Таблица 11.

Статистический анализ распределения типов серег золотоордынских кочевников по локальным группам (в %, для определения представительности признаков в различных территориальных группах)

Типы серег	Локальная группа							Все лок. группы
	Южн. Приуралье	Нижн. Волга	Ср. Волга	Волго-Донск. межд.	Дон	Левобер. Украина	Правобер. Украина	
I	4,7	2,8	3	7,1	13,8 (13)	16,1	0	5,4
II	0,8	0	2	0	3,4 (30,8)	0	0	0,9
III	0	0	0	0	0	0	2,7	0,2
VI неопред. вар-т	4,7	4,2	3	10	3,4 (1,5)	12,9	32,4	7,7
VI а	0,8	0	1	0	6,9	0	0	0,9
VI б	16	15,3	5	7,1	13,8 (6)	3,2	13,5	10,9
VI в	0,8	2,8	2	1,4	3,4 (1,5)	0	0	1,5
VI д	0,8	0	3	2,9	3,4 (1,5)	0	0	1,5
VI е	0,8	0	0	0	0	0	0	0,2
VI з*	0	1,4	1	0	0 (6)	0	0	0,4
Всего VI	23,3	23,6	15	21,4	31 (14,7)	16,1	45,9	23,1
VII	0,8	0	0	0	(1,5)	0	0	0,2
X	0	0	1	1,4	0	0	0	0,4
XII	0	1,4	0	0	(14,7)	0	0	0,2
Неопред. тип	4,7	11,1	2	1,4	6,9	12,9	8	5,6
Всего погр. с серьгами	34,1	38,9	23,2	31,4	55 (76,4)	45,2	56,8	36
Порог значимости, %	3	5	4	5	12 (6)	11	10	0,8
Норма распределения для серег всех типов	40,7	40,7	40,7	40,7	40,7	40,7	40,7	
Тенденция встречаемости серег всех типов	0,8	1	0,6	0,8	1,4	1,1	1,4	

В скобках указаны данные по памятникам золотоордынского круга.

Таблица 12.

Статистический анализ распределения типов серег золотоордынских кочевников по локальным группам (в %, частотность совокупности)

Типы серег	Локальная группа							Норма распределения
	Южн. Приуралье	Нижн.Волга	Ср.Волга	Волго-Донск.межд.	Дон	Левобер. Украина	Правобер. Украина	
I	15,8	10	14,2	23,8	28,6	50	0	20,3
II	2,6	0	9,5	0	7,1	0	0	2,7
III	0	0	0	0	0	0	5,6	0,8
VI	79	85	71,4	71,4	64,3	50	94,4	73,6
VII	2,6	0	0	0	0	0	0	0,4
X	0	0	4,8	4,8	0	0	0	1,4
XII	0	5	0	0	0	0	0	0,7
Показатель исчисления	100% – 38 погр.	100% – 20 погр.	100% – 21 погр.	100% – 21 погр.	100% – 14 погр.	100% – 10 погр.	100% – 18 погр.	

Таблица 13.

Тенденция встречаемости типов серег в убранстве костюма кочевников Золотой Орды по локальным группам

Типы серег	Локальная группа						
	Южн. Приуралье	Нижн.Волга	Ср.Волга	Волго-Донск. Межд.	Дон	Левобер. Украина	Правобер. Украина
I	0,8	0,5	0,7	1,2	1,4	2,5	0
II	1	0	3,5	0	2,6	0	0
III	0	0	0	0	0	0	7
VI	1	1,2	1	1	0,9	0,7	1,3
VII	7	0	0	0	0	0	0
X	0	0	3,4	3,4	0	0	0
XII	0	7	0	0	0	0	0

Таблица 14. Комбинации элементов ожерелий

Таблица 14.1.

Ожерелья, в составе которых имеются стеклянные бусы

Памятник	Курган	Погребение	Характеристика ожерелий
Аткарский	8	0	Вокруг шеи собрано несколько стеклянных бусин желтого, черного и других цветов (2 поперечно-полосчатые зонные, 2 кольцевидные монохромные); на груди обнаружены 3 бронзовые пуговицы неопред. типа
Архаринский-II	14	0	На шее обнаружены бусы
Слобода Рудня	1	0	На шее расчищена нитка голубых стеклянных бус
Казенная мельница	1	0	На шее расчищены стеклянные разноцветные бусины (в том числе с перламутром)
Казенная мельница	3	0	На шее расчищено 12 разноцветных стеклянных бусин
Скатовка	7	0	На груди и под челюстью находились мелкие стеклянные бусы темно-синего цвета
Ишкуловский-II	4	0	Вдоль позвоночника, на груди и поясе обнаружена россыпь стеклянных бусин (имеются бусы из синего стекла), среди которых есть кольцевидные – не менее 4 экз.; зонная, мозаичная – 1 экз.; зонная полосчатая – 1 экз.; бочонковидная монохромная – 1 экз.; бочонковидная полосчатая – 1 экз.; подцилиндрические, двух – трехчастные, в виде навитых одно на другое колец
Пчельник	6	0	На шее помещались мелкие стеклянные бусины белого цвета
Плоское	48	0	У шеи – 5 стеклянных бусин

Сукляя	143	0	5 стеклянных бусин
Козинка-I	6	0	Стеклянные бусы
Мокитра	4	0	У шеи – стеклянные бусы
Столетовская группа	3	0	Крупные стеклянные бусы с глазками и накладной нитью (из ремесленных центров Поволжья)
Дымовка	3	1	Стеклянные бусы
Скатовка	11	0	Низка из стеклянных бус
Усть-Курдюм	6	0	В районе грудной клетки обнаружено несколько стеклянных бус: одна – в поперечном сечении граненая, в продольном – усеченно-бипирамидальная шестигранная (гр. I, отд. 2, тип 3, по Н.Н. Бусятской); две другие – в поперечном сечении ребристые, в продольном – округлоребристые (гр. II, отд. 2, тип 1, по Н.Н. Бусятской)
Олень-Колодезь	9	0	В области шеи найдена россыпь короткоцилиндрического стеклянного бисера голубого и синего цвета и три небольшие стеклянные бусины
Потемкино	2	0	В области шеи – мелкий бисер из стеклянных бус
Харинка	2	0	4 бусины: кольцевидная, две овальные-бочонковидные с накладным зигзагом и вытянуто-бочковидная с накладным зигзагом в середине и поясками на краях
Бальмерский	3	2	Крупный и мелкий бисер двух цветов – бирюзового и молочно-белого
Каменный Амбар-III	2	0	На шее – низка из стеклянных бусин. Тулово пяти бусин круглое биконическое, двух – округлое шаровидное, одной – округлое яйцевидное. Цвет стекла: темно-зеленый, темно-желтый, светло-оранжевый. Техника изготовления – навивка, обкатка
Казенная мельница	5	0	На шее расчищены три бусины из стекла (разного цвета)
Сукляя	2	0	18 бусин
Му-Шарет-I	4	1	8 стеклянных бусин: круглая во всех сечениях, с однократным поперечным зигзагом; круглая во всех сечениях с многократными беспорядочными пятнами; бочонковидная, круглая с реснитчатыми глазками; бочонковидная, круглая монокромная; бочонковидная с шейкой, пятнистая; бочонковидная, круглая с однократным поперечным зигзагом; зонная, круглая с реснитчатыми глазками
Буранчи-I	1	2	Среди фрагментов черепа – 7 стеклянных бусин: 1 – зонная бусина небесно-голубого цвета, крупного размера: диаметр 1,7 см, длина 1,7 см. Украшена глазковым орнаментом с разноцветными ресничками (гр. I, подгр. Б, тип III, вид 1, по С.И. Валиулиной); 2 – черная округлая бусина, диаметром 1,1 см и длиной 1,1 см, украшена тремя желтыми глазками, которые заключены в соприкасающиеся между собой плоские овалы из нитей желтого стекла. Один глазок сильно выступает, два других меньше. Со стороны отверстия бусина производит впечатление треугольника с закругленными углами, которые образуются выступающими глазками, в продольном сечении – зонная (гр. II, подгр. Б, бусы со слоисто-щитковыми глазками; отд. II, тип I, вид 1, по С.И. Валиулиной); 3 – желтая зонная глазчатая бусина, диаметром 2 см, длиной 0,9 см. Глазки синие, окаймленные белыми и красными овалами (гр. II, подгр. Б, отд. I, тип II, вид 2, по С.И. Валиулиной); 4 – желтая зонная глазчатая бусина, диаметром 1,3 см, длиной 0,7 см. Глазки синие, окаймленные белыми и красными овалами (гр. II, подгр. Б, отд. I, тип II, вид 2, по С.И. Валиулиной); 5 – черная округлая глазчатая бусина, диаметром 1 см, длиной 1 см. Украшена красными глазками, которые заключены в соприкасающиеся между собой выпуклые овалы из нитей зеленого стекла в продольном сечении – зонная (гр. II, подгр. Б, бусы со слоисто-щитковыми глазками, отд. II, тип I, вид 1, по С.И. Валиулиной); 6 – черная округлая сплюснутая бусина, диаметром 1,2 см, длиной 0,8 см, украшена яркими глазками с цветными ресничками и бирюзовыми лентами, отделяющими один глазок от другого. Один глазок слегка выступает. В продольном сечении – зонная (гр. II, подгр. Б, бусы со слоисто-щитковыми глазками, отд. II, тип I, вид 1, по С.И. Валиулиной). Такая бусина копирует бусину с выступающими глазками и выступающими нитями – овалами вокруг глазков; 7 – глазчато-полосатая, светло-коричневая, диаметром 1,1 см, длиной 0,8 см, украшенная желтыми глазками, окаймленными коричневыми овалами и коричневыми полосками, идущими от одного глазка к другому (гр. II, подгр. Б, бусы с мозаичным узором, отд. I, тип I, вид I, по С.И. Валиулиной)
Тимашев Колок-I	1	0	В Эрмитажной коллекции в этом погребении значится низка бус из стекла, разного размера: бусина с внутренней позолотой; боченоковидные, темно-синего цвета (13 экз.) и перламутровые боченоковидные (20 экз.); зонная бесцветная с внутренней позолотой; ребристая светло-коричневая (гр. II, подгр. А, отд. III, тип I, вид I, по Валиулиной; гр. II, отд. 2, тип 1, по М.Д. Полубояриновой); синие бусы, покрыты перламутром (6 экз.); битрапециевидная бусина из «глухой» стеклянной пасты светло-зеленого цвета; бусина темно-голубого цвета, покрыта перламутром (гр. I, подгр. А, отд. I, тип I, по С.И. Валиулиной)

Таблица 14.2.

Ожерелья, в составе которых имеются стеклянные бусы и раковины «каури»

Памятник	Курган	Погребение	Характеристика ожерелий
Пугачев	1	0	Под шейными позвонками – 29 бусин; у левой ключицы – раковина «каури» с отверстием
Хабарный-I	4	0	На шее и груди – цветные стеклянные бусины и раковина «каури», составляющие ожерелье
Элистинский	24	0	На груди и вокруг шейных позвонков находились: круглые из стекла бусы темно-зеленого цвета (4 экз.), 5 бусин бочонковидной формы из стекла темно-прозрачного и зеленоватого цвета. Одна большая, плоской формы бусина из темного стекла с желтовато-зелеными полосками. Среди стеклянных бус найдено 3 подвески из раковин «каури»
Жанаталапский-II курган	0	2	Вокруг шеи – 2 «каури» и несколько стеклянных бус

Таблица 14.3.

Ожерелья, в составе которых имеются стеклянные и серебряные бусы

Памятник	Курган	Погребение	Характеристика ожерелий
Чадаевка	1	0	На шее найдены стеклянные бусы бочонковидной формы, а также цилиндрические серебряные бусы

Таблица 14.4.

Ожерелья, в составе которых имеются стеклянные, сердоликовые бусы, металлические детали и веточки коралла

Памятник	Курган	Погребение	Характеристика ожерелий
Джухта-II	2	2	На шее – несколько разноцветных бусин, нанизанных на нитку: из стекла (3 – одноцветные: 2 кольцевидные, 1 шаровидная; 3 пятнистые: 1 зонная, 2 шаровидные; 1 полосчатая шаровидная), сердолика (2 граненые призматические шестигранные отд. III тип I подтип А; одна граненая битрапециоидная с пояском отд. III тип III подтип I, по М.Д. Полубояриновой), маленькая золотая бляшка в виде цветочной розетки и две веточки коралла

Таблица 14.5.

Ожерелья, в составе которых имеются стеклянные бусы и жемчуг

Памятник	Курган	Погребение	Характеристика ожерелий
Новогригорьевка	2	0	Три жемчужины и две стеклянные бусины

Таблица 14.6.

Ожерелья, в составе которых имеются стеклянные, хрустальные бусы и египетский фаянс

Памятник	Курган	Погребение	Характеристика ожерелий
Колобовка	4	0	Низка бус: бусина из горного хрусталя, бипирамидальная (отд. I, тип III, по М.Д. Полубояриновой); бусы бочонковидные пастовые, черного цвета с желтыми круговыми линиями (гр. V, отд. 1.тип 3, по Н.Н. Бусятской); бочонковидная пастовая бусина, черный цвет чередуется с зигзагами желтого и красноватого цвета (гр. V, отд. 1.тип 3, по Н.Н. Бусятской); бочонковидная пастовая бусина черного цвета с крупными глазками белого цвета; бусина из голубого египетского фаянса в виде стопы ноги с двумя кольцевыми перехватами (аналоги неизвестны); крупная пастовая бусина в виде цилиндра (длина 2 см) со сквозным отверстием. Сверху прикреплен малый цилиндр, также с отверстием. Цвет бусины зеленый, по которому разбросаны овальные белые глазки с коричневыми ободками

Таблица 14.7.

Ожерелья, в составе которых имеются стеклянные и глиняные бусы (2 экз.)

Памятник	Курган	Погребение	Характеристика ожерелий
Пчельник	3	0	На шее расчищены бусины (от бокки?) – глиняные и мелкие стеклянные (одна из которых изготовлена из пестрой массы), крупных размеров
Бесленевская	8	0	2 стеклянные и 4 глиняные бусины

Таблица 14.8.

Ожерелья, в составе которых имеются стеклянные, известняковые бусы и раковины «каури» (1 экз.)

Памятник	Курган	Погребение	Характеристика ожерелий
Аткарский	16	0	Вокруг шеи собрано несколько бусин (5 кольцевидных стекл.) и две раковины «каури»; самые крупные зонные бусины (5 экз.) сделаны из известняка

Таблица 14.9.

Ожерелья, в составе которых имеются стеклянные, глиняные бусы и раковины «каури» (1 экз.)

Памятник	Курган	Погребение	Характеристика ожерелий
Рясные могилы	2	0	Бусы из стекла (4 экз.), глины (2 экз.) и раковин «каури» с отверстиями (4 экз.)

Таблица 14.10.

Ожерелья, в составе которых имеются стеклянные и костяные бусы (1 экз.)

Памятник	Курган	Погребение	Характеристика ожерелий
Крутец	3	1	На шее – ожерелье из голубых и белых бус, а также из рыбьих костей

Таблица 14.11.

Ожерелья, в составе которых имеются бронзовые и сердоликовые бусы (1 экз.)

Памятник	Курган	Погребение	Характеристика ожерелий
Покровский-IV	18	1	Сердоликовая граненая бусина и обломки мелких бронзовых бусинок – с левой стороны грудной клетки и под глазницей

Таблица 14.12.

Ожерелья, в составе которых имеются раковины «каури» (1 экз.)

Памятник	Курган	Погребение	Характеристика ожерелий
Маячный бугор	мавзолей	восточная камера (младенец)	Вокруг шеи, на груди и вокруг черепа погребенного было обнаружено 13 раковин «каури» с отверстиями для продевания нитки – остатки ожерелья

Таблица 14.13.

Ожерелья, в составе которых имеются янтарные бусы (1 экз.)

Памятник	Курган	Погребение	Характеристика ожерелий
Визенмиллер-III	5	0	На шее – янтарные бусы (уплощенные в поперечном сечении; в продольном – каплевидные)

Таблица 14.14.

Ожерелья, в составе которых имеются металлические детали (1 экз.)

Памятник	Курган	Погребение	Характеристика ожерелий
Элистинский	22	0	Около шейных позвонков находились мелкие бронзовые подвески круглой формы с выпуклой поверхностью размером около 0.5 см. Всего найдено 5 подвесок

Таблица 14.15.

Ожерелья, состоящие из неопределенных элементов (4 экз.)

Памятник	Курган	Погребение	Характеристика ожерелий
Пчельник	28	0	На месте шеи расчищены обрывки бересты (бокка?) и несколько бусин
Машевка	12	0	На груди – 4 бусины
Парканы	18	0	У шеи – 3 бусины
Суклея	55	0	14 бусин

Таблица 15.

Предметы, найденные в области шеи и груди погребенных кочевников Золотой Орды

Памятник	Пол	Лет	Характеристика артефакта
Козинка-I кург.4	Ж		Серебряные ажурные розетки
Высокая гора кург.3	Ж	20-25	У шеи – брошь квадратной формы
Козицкое кург.1 погр.1	Ж		Возле левого плеча лежала удлиненная призматическая привеска из черного камня с тремя бронзовыми позолоченными обоями, украшенными розетками на трех срединных гранях и серебряными ушками на обратной плоской стороне
Пчельник кург.1	Ж		На груди – металлический цилиндрик-амулет, перевитый тонкой проволокой
Три Брата-I кург.12	М		На груди – обломок предмета из серебряной пластинки (может быть онгон)
Слобода Рудня кург.1	Ж		На груди обнаружена фигурка идола-онгона, вырезанная из серебряной пластинки
Котовка-III кург.4 погр.1			На груди вместе с пинцетом амулет
Котовка-III кург.2 погр.3			Амулет-онгон. Место находки изделия не зафиксировано
Лебедевка-VIII кург.3			Костяная поделка (шейно-нагрудное украшение, амулет ?) со сквозным отверстием – справа у нижней челюсти
Колония Карраса кург.41			На груди – 6 ажурных серебряных застежек с фрагментом шелкового шнура
Ново-Кумакский кург.1			Над левым плечом зафиксированы две бронзовые нашивные бляшки в виде пятиугольных розеток
Усть-Курдюм кург.5 погр.1	Ж		Рядом с левым плечом – бронзовая пластинка
Песчаный остров погр.5			На груди найдена бронзовая штампованная накладка 17x15 мм. Аналогичная накладка найдена в погр.6 этого же могильника
Ишкуловский-II кург.3	Ж		Возле черепа и верхних позвонков найдены две бронзовые позолоченные нашивки в виде цилиндров, украшенные по верхнему краю позолоченными трилистниками и вставками из голубого камня
Жанаталапский-II курган погр.2	Ж		На груди – кусок парчовой материи (шелк, золото), куда завернуто два человеческих зуба, шесть серебряных колечек и железная пластина, обложенная с двух сторон бронзовыми пластинами. Пластины прикреплены шпеньками и находились в кожаном чехле
Маячный бугор мавз. центр. камера	Ж	Старая	На груди – узелок из двух кусков ткани, в который был завернут несохранившийся предмет – амулет

Таблица 16.

Распределение ожерелий в погребениях кочевников Золотой Орды (по признаку пола)

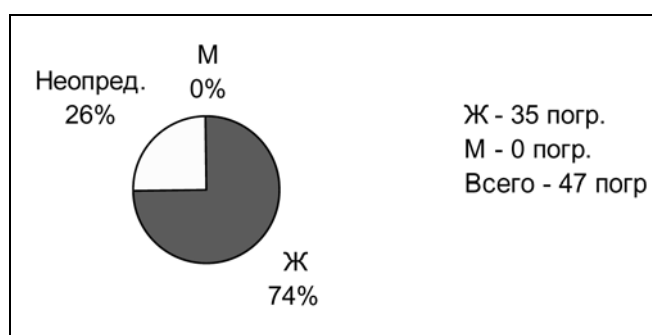

Таблица 17.

**Количество элементов в ожерельях кочевников Золотой Орды
(в абсолютных и относительных показателях)**

Количество элементов				Всего
3-5	6-12	13-23	24-34	
22	17	6	2	47 погр.
47	36	13	4	100 %

Таблица 18.

**Статистический анализ распределения ожерелий в погребениях
золотоордынских кочевников по локальным группам (абсолютные, относительные показатели,
норма распределения, тенденция встречаемости)**

Показатели	Локальная группа							Всего
	Южн. Приуралье	Нижн. Волга	Ср. Волга	Волго-Донск. Межд.	Дон	Левобер. Украина	Правобер. Украина	
Погр. с ожерельями	11	4	13	9	1(14)	1	8	47
Всего погр. в группе	129	72	99	70	29 (68)	31	37	467
% погр. с ожерельями	8,5	5,5	13	12,8	3,4	3,2	21,6	10
Порог значимости, %	3	5	4	5	12 (6)	11	10	0,8
Норма распределения	9,7	9,7	9,7	9,7	9,7 (36)	9,7	9,7	
Тенденция встречаемости	0,9	0,6	1,3	1,3	0,3 (1,2)	0,3	2,2	

В скобках указаны данные по памятникам золотоордынского круга.

Таблица 19.

Распределение браслетов в погребениях кочевников Золотой Орды (по признаку пола)

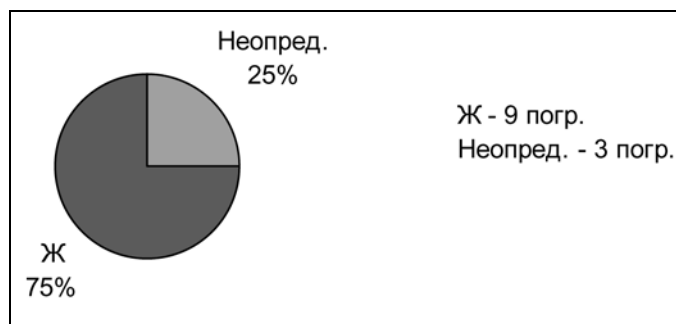

Таблица 20.

**Статистический анализ встречаемости браслетов в погребениях с золотыми предметами
(абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)**

Показатель	Наличие или отсутствие золотых предметов	Наличие или отсутствие браслетов	
		Есть	Нет
Количество	Погребения с золотом	6	26
	Погребения без золота	6	429
Частость совокупности	Погребения с золотом	18,75	81,3
	Погребения без золота	1,4	98,6
Норма распределения		10	89,95
Тенденция встречаемости	Погребения с золотом	1,9	0,9
	Погребения без золота	0,1	1,1

Таблица 21.

Характеристика погребений кочевников Золотой Орды с браслетами и золотыми предметами

Название памятника	Костяк коня или сбруя	Оружие	Пояс	Казан, чаши	Шелк, парча
Парканы кург.3	+	+	-	-	-
Высокая гора кург.3	-	-	+	В ногах – бронз. казан	+
Каменно-Озерный погр.1	+	+	-	На груди – серебряные чаши	+
Олень-Колодезь кург.9	+	-	-	В южном углу гробовища – медный кованный казан	+
Мустаево-V мавзолей кург.6 погр.1	-	+	-	-	-
Парканы кург.2	+	+	-	-	-

Таблица 22.

Количественное распределение браслетов в погребениях кочевников Золотой Орды

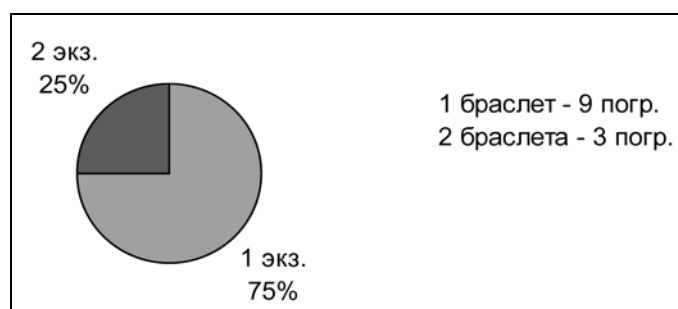

Таблица 23.

Количественное распределение браслетов, изготовленных из различных материалов

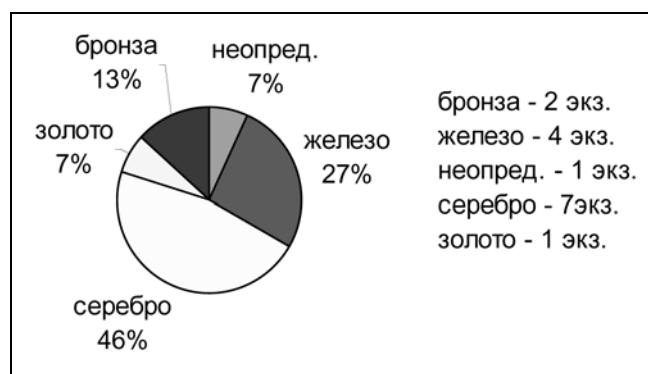

Таблица 24.

Статистический анализ распределения браслетов в погребениях золотоордынских кочевников по локальным группам (абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)

Показатели	Локальная группа							Всего
	Южн. Приуралье	Нижн.Волга	Ср.Волга	Волго-Донск. межд.	Дон	Левобер. Украина	Правобер. Украина	
Погребения с браслетами	3	-	3	1	2(4)	-	3	12
Всего погребений в группе	129	72	99	70	29 (68)	31	37	467
% погр. с браслетами	2,3	0	3	1,4	6,9 (5,9)	0	8	2,6
Порог значимости, %	3	5	4	5	12 (6)	11	10	0,8
Норма распределения	3	3	3	3	3	3	3	
Тенденция встречаемости	0,7	0	1	0,4	2,3	0	2,7	

В скобках указаны данные по памятникам золотоордынского круга.

Таблица 25.

Количественное распределение перстней, изготовленных из различных материалов

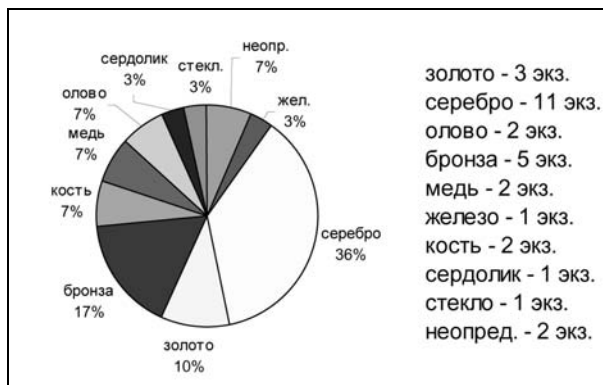

Таблица 26.

Распределение перстней в погребениях кочевников Золотой Орды (по признаку пола)

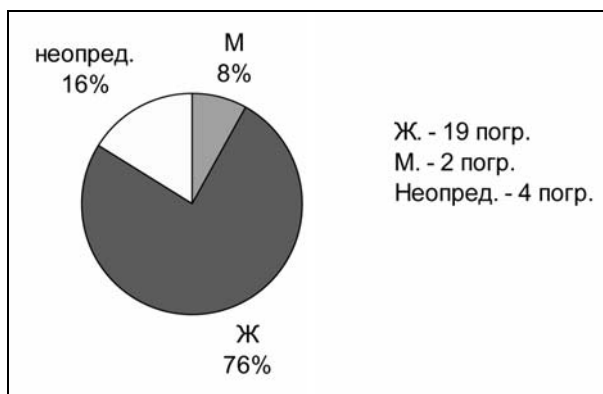

Таблица 27.

Количественное распределение перстней в погребениях кочевников Золотой Орды

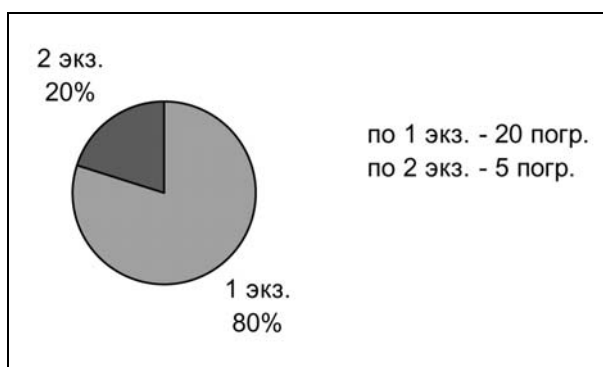

Таблица 28.

Статистический анализ встречаемости перстней в погребениях с золотыми предметами (абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)

Показатель	Наличие или отсутствие золотых предметов	Наличие или отсутствие перстней	
		Есть	Нет
Количество	Погребения с золотом	7	25
	Погребения без золота	18	417
Частость	Погребения с золотом	21,8	78,1
	Погребения без золота	4,1	95,9
Норма распределения		13	87
Тенденция встречаемости	Погребения с золотом	1,7	0,9
	Погребения без золота	0,3	1,1

Таблица 29.

Статистический анализ распределения перстней в погребениях золотоордынских кочевников по локальным группам (абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)

Показатели	Локальная группа							Всего
	Южн. Приуралье	Нижн. Волга	Ср. Волга	Волго-Донск. Межд.	Дон	Левобер. Украина	Правобер. Украина	
Погребений с перстнями	6	3	3	8	2 (7)	1	2	25
Всего погребений в группе	129	72	99	70	29 (68)	31	37	467
% погр. с перстнями	4,7	4,2	3	11,4	6,9 (10)	3,2	5,4	5,4
Порог значимости, %	3	5	4	5	12 (6)	11	10	0,8
Норма распределения	5,5	5,5	5,5	5,5	5,5	5,5	5,5	
Тенденция встречаемости	0,9	0,8	0,5	2	1,3	0,6	1	

В скобках указаны данные по памятникам золотоордынского круга.

Таблица 30.

Классификация бус из погребений кочевников Золотой Орды

<p>Группа I. Стекланные Подгруппа I. Монохромные Отдел I – Круглые Тип I. Шаровидные (гр. I отд.1 тип 1 по Н.Н. Бусятской – рис. 19 – 1) Тип II. Зонные (гр. I отд.1 тип 2 по Н.Н. Бусятской – рис. 19 – 2) Тип III. Бочонковидные (гр. I отд.1 тип 3 по Н.Н. Бусятской – рис. 19 – 3) Тип IV. Кольцевидные (гр. I отд.1 тип 4 по Н.Н. Бусятской – рис. 19 – 4) Тип V. Усеченно-конические (гр. I отд.1 тип 8 по Н.Н. Бусятской – рис. 19 – 5) Тип VI. Усеченно-биконические (гр. I отд.1 тип 9 по Н.Н. Бусятской – рис. 19 – 6) Тип VII. Подцилиндрические (гр. I отд.1 тип 10 по Н.Н. Бусятской – рис. 19 – 7) Тип VIII. Биконические (группа II подгруппа А отдел I тип VI по типологии С.И. Валиуллиной (рис. 19 – 8) Тип IX. Яйцевидные (рис. 19 – 9) Тип X. Цилиндрические (гр. II отд.1 тип 1 по Н.Н. Бусятской – рис. 19 – 10) Тип XI. Бисер (гр. II отд.1 тип 2 по Н.Н. Бусятской – рис. 19 – 11) Отдел II. Граненые Тип I. Усеченно-бипирамидальные (гр. I отд.2 тип 3 по Н.Н. Бусятской – рис. 19 – 12) Отдел III. Ребристые (гр. II отд.2 по Н.Н. Бусятской) Тип I. Округлоребристые (гр. II подгр. А отд. III тип I вид I по С.И. Валиуллиной; Гр II отд.2 тип 1 по Н.Н. Бусятской – рис. 19 – 13) Подгруппа II. Полихромные Разряд I. Поперечно – полосатые Отдел I. Круглые (гр. V по Н.Н. Бусятской)</p>
--

Тип I – Шаровидные (гр. V отд.1 тип 1 по Н.Н. Бусятской – рис. 19 – 14)
 Тип II – Зонные (гр. V отд.1 тип 2 по Н.Н. Бусятской – рис. 19 – 15)
 Тип III. Бочонковидные (гр. V отд.1 тип 3 по Н.Н. Бусятской – рис. 19 – 16)
 Тип IV. Усечено-биконическая (рис. 19 – 17)
 Отдел II. Ребристые
 Тип I. Бочонковидные (рис. 19 – 18)
 Разряд II. Мозаичные, орнамент в виде 3-6 пятен
 Отдел I. Круглые
 Тип I. Шаровидные (гр. III подгр. А отд.1 тип 1 по Н.Н. Бусятской – рис. 19 – 19)
 Тип II. Зонные (Гр. III подгр. А отдел 1 тип 2 по Н.Н. Бусятской – рис. 19 – 20)
 Разряд III. Мозаичные, орнамент в виде множества разбросанных пятен
 Отдел I. Круглые
 Тип I. Шаровидные (Гр. III подгр. Б отд. 1 тип I по Н.Н. Бусятской – рис. 19 – 21)
 Тип II. Зонные (Гр. III подгр. Б отд. 1 тип 2 по Н.Н. Бусятской – рис. 19 – 22)
 Отдел II. Уплощенные, в виде вытянутого овала
 Тип I. Круглые (рис. 19 – 23)
 Разряд IV. Глазчатые
 Отдел I. Круглые
 Тип I. Зонные (Гр. IV отд. 1 тип 3 по Н.Н. Бусятской; группа II подгруппа Б, бусы со спаянно-накладным плоским глазчатым узором, отдел I тип II вид 2; группа I подгруппа Б тип III вид 1 С.И. Валиулина (рис. 19 – 24)
 Тип II – бочонковидные (группа II подгруппа Б, со спаянно-накладным плоским глазчатым узором, отдел I тип III по С.И. Валиулиной – рис. 19 – 25)
 Отдел II. Треугольные
 Тип I. Зонные (Гр II подгруппа Б, бусы со слоисто-щитковыми глазками, Отдел II, тип I, вид 1 по С.И. Валиулиной – рис. 19 – 26)
 Группа II. Сердоликовые (отдел I тип I – рис. 20 – 1; отдел III тип I подтип А; отдел III тип III подтип I – рис. 20 – 2 по М.Д. Полубояриновой)
 Группа III. Хрустальные (отдел I тип III по М.Д. Полубояриновой – рис. 20 – 3)
 Группа IV. Бусы из бирюзы
 Группа V. Янтарные (отдел III тип III – рис. 20 – 5, 6; отдел I тип I – рис. 20 – 4 по М.Д. Полубояриновой; уплощенные, каплевидные – рис. 20 – 7)
 Группа VI. Перламутровые (квадратная – рис. 20 – 8; бочонковидная)
 Группа VII. Бусы из жемчуга
 Группа VIII. Бусы из аметиста
 Группа IX. Коралловые (рис. 20 – 9, 10)
 Группа X. Бусы из известняка (рис. 20 – 11, 12)
 Группа XI. Глиняные
 Группа XII. Серебряные
 Группа XIII. Бронзовые
 Группа XIV. Золотые (биконические – рис. 20 – 13)

Таблица 31.

Характеристика бус из погребений кочевников Золотой Орды

Группа I. Стекланные.
 Подгруппа I. Монохромные.
 Отдел I. Круглые.

Тип I. Шаровидные.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Высокая гора кург.2	М	35-40	Бусина, круглая, шаровидная		У ног
Джухта-II погр.2	Ж		Одна одноцветная, шаровидная	В составе ожерелья	На шее
Каменный Амбар-III кург.2		6-8	Тулово двух бусин округлое шаровидное. Темно-зеленая, темно-желтая.	Низка из стекланных бусин	На шее

Тип II. Зонные.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Мертвецовский кург.8	Ж		Возле затылка обнаружена пастовая бусина зонная, монохромная, украшавшая головной убор – бокку?		Возле затылка
Тимашев Колок-I кург.1	Ж		Зонная, бесцветная с внутренней позолотой	В составе ожерелья	
Царевский кург.8	Ж		Бусины стеклянные (3 экз.): коричневая зонная бусина диаметром 0,8 см		За головой
Новохарьковский погр.38			Бусины одноцветные зонные (5 экз.) желтого, зеленого и голубого цветов. Их диаметр 6-11 мм	В составе ожерелья из 13 бусин	Вокруг шейных позвонков
Новохарьковский погр.65		1-1,5	Одна бусина голубая зонная диаметром 8 мм	В составе ожерелья	Под черепом
Новохарьковский погр.130			5 бусин: патинизированные (некоторые зеленого цвета) зонные, диаметром до 6 мм	На груди – ожерелье из стеклянных бусин (не менее двадцати)	На груди
Новохарьковский погр.133	Ж	45-49	Одна зонная диаметром 11 мм из темного стекла	Всего в погр. 5 бусин	Под правой ключицей
Новохарьковский погр.141		Ребенок	4 экз. бус – зонные диаметром до 7 мм, сильно патинизированные (некоторые зеленого цвета)	Всего в погр. 10 бусин и две раковины «каури»	В верхней части грудной клетки, у позвоночника

Тип III. Бочонковидные.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Чадаевка			Стеклянные бусы бочонковидной формы		На шее
Му-Шарет кург.4 погр.1	Ж	25-35	Стеклянная монохромная бочонковидная, круглая		У черепа
Тимашев Колок-I кург.1	Ж		Бочонковидные, темно-синего цвета (13 экз.)	В составе ожерелья	
Ишкулово кург. 4	Ж	Подрос-ток	Россыпь стеклянных бусин (имеются бусы из синего стекла), среди которых есть монохромная бочонковидная		На поясе, вдоль позвоночника и на груди – россыпь стеклянных бусин
Новохарьковский погр.27			Мелкая бусина желтого цвета – бочонковидная диаметром в поперечном сечении 5 мм, высотой 5 мм.	В составе низки из 3 бусин	

Тип IV. Кольцевидные.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Аткарск кург.8	Ж		2 кольцевидные монохромные	У шеи – несколько стеклянных бусин желтого, черного и других цветов	У шеи
Аткарск кург.16	Ж	Подрос-ток	5 кольцевидных монохромных (диаметр в поперечном сечении 10 мм)	Вокруг шеи в составе ожерелья	У шеи
Джухта-II погр.2	Ж		Две одноцветные кольцевидные	В составе ожерелья	На шее
Мамай-Гора вост. гр., погр.2		14-15	Среди шейных позвонков – две округлые, кольцевидные бусины черного и светло-желтого цветов		На шее
Царевский кург.10	Ж		Кольцевидная монохромная. Диаметр 1,1 см		В южном углу ямы

Ишкулово кург.4	Ж	Под-росток	Россыпь стеклянных бусин (имеются бусы из синего стекла), среди которых есть кольцевидные монохромные		Вдоль позвоночника, на груди и поясе
Новохарьковский погр.6			Стеклянные бусины: четыре (гр. I отд. 1 тип 4 по Н.Н. Бусятской) черного цвета диаметром 6-7 мм; одна – желтого цвета диаметром 5,5 мм; одна голубого цвета диаметром 8 мм		На груди
Новохарьковский погр.14	М	25-29	Справа от черепа – стеклянная синяя кольцевидная бусина диаметром 7 мм		Справа у черепа
Новохарьковский погр.18			Шесть круглых кольцевидных (гр. I отд. 1 тип 4 по Н.Н. Бусятской; четыре зеленые, одна черная, одна патинизированная, диаметром 5 мм), одна кольцевидная кирпичного цвета с нарезками, диаметром 7,5 мм	В составе ожерелья (10 бусин и «каури»)	На груди
Новохарьковский погр.20	М	35-45	Бусина – круглая кольцевидная патинизированная, диаметром 6 мм	Всего 2 бусины: одна граненая, другая – кольцевидная	В районе живота
Новохарьковский погр.36	Ж	35-39	34 бусины кольцевидной (гр. I отд. 1 тип 4 по Н.Н. Бусятской) формы желтого или зеленого цветов	Вокруг шейных позвонков – ожерелье из бусин (72 экз.) и двух раковин «каури» с отверстиями	На шее
Новохарьковский погр.38			Бусины одноцветные кольцевидные (5 экз.) желтого, зеленого и голубого цветов. Их диаметр 6-11 мм	В составе ожерелья из 13 бусин	Вокруг шейных позвонков
Новохарьковский погр.48			В районе шеи – три стеклянные кольцевидные бусины желтого цвета диаметром 5 мм		У шеи
Новохарьковский погр.52			Кольцевидная бусина темного цвета диаметром 9 мм, диаметр отверстия 3 мм		У правой руки
Новохарьковский погр.65		1-1,5	Семь бусин – кольцевидные диаметром 6-8 мм (определяемый цвет некоторых из них – зеленый)	В составе ожерелья	Под черепом
Новохарьковский погр.70		До 6 мес.	В районе грудной клетки – шесть бусин. Пять из них кольцевидные диаметром 5-5,5 мм (четыре бусины зеленого цвета, одна – желтого)	В составе ожерелья	На груди
Новохарьковский погр.80	Ж	20-24	Возле локтевого сустава левой руки – небольшое ожерелье из восьми стеклянных кольцевидных бусин желтого цвета (их диаметр 5-5,5 мм)	В составе ожерелья	Возле леволотка
Новохарьковский погр.89	Ж	20-24	В районе грудной клетки – стеклянная кольцевидная бусина диаметром 6 мм зеленого цвета	Одна бусина	У груди
Новохарьковский, погр.95		Ребенок 1,5-2 года	Две пастовые бусины. Одна бусина кольцевидная диаметром 5 мм желтого цвета; вторая – кольцевидная диаметром 3,7 мм зеленого цвета		Внутри разрушенного черепа
Новохарьковский погр.110	Ж	30-39	В районе шейных позвонков обнаружены две плохо сохранившиеся кольцевидные бусины коричневого цвета		У шеи
Новохарьковский погр.112		4-5	Две кольцевидные бусины (одна бордовая, другая желтая)		На груди
Новохарьковский погр.124		1-1,5	9 бусин кольцевидных патинизированных диаметром до 6 мм	У черепа найдены 15 бусин	У черепа
Новохарьковский погр.127		1-1,5	Стеклянная кольцевидная бусина синего цвета диаметром 8 мм	Только одна бусина	

Новохарьковский погр.130			5 бусин патинизированные (некоторые зеленого цвета) кольцевидные диаметром до 6 мм	Кольцевидные бусы в составе ожерелья из стеклянных бус (не менее двадцати)	На груди
Новохарьковский погр.141		Ребенок	5 экз. бус – кольцевидные с диаметром до 7 мм, сильно патинизированные (некоторые зеленого цвета)	Всего в погр. 10 бусин и 2 раковины «каури»	В верхней части грудной клетки

Тип V. Усеченно-конические.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Царевский кург.8	Ж		Усечено-коническая бусина светло-голубого цвета	Среди стеклянных бус (3 экз.)	За черепом
Новохарьковский погр.18			Одна усеченно-коническая желтая диаметром в поперечном сечении до 5 мм (гр. I отд. 1 тип 8 по Н.Н. Бусятской)		В области груди
Новохарьковский погр.36	Ж	35-39	34 бусины усеченно-конической формы диаметром 3,5-6,5 мм (гр. I отд.1 тип 8 по Н.Н. Бусятской), желтого или зеленого цветов	В составе ожерелья из бусин (72 экз.) и двух раковин «каури»	На шее
Новохарьковский погр.124		1-1,5	Четыре бусины усеченно-конические патинизированные с диаметром до 6 мм	У черепа найдены 15 бусин	У черепа

Тип VI. Усеченно-биконические.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Тимашев Колок-I кург.1	Ж		Усеченно биконическая бусина из «глухой» стеклянной пасты светло-зеленого цвета	В составе ожерелья	
Солодовка-II кург.8 погр.1		7-8	Несколько стеклянных бус из белого стекла, усеченно-биконические диаметром 8 мм	Бусы смещены	Под черепом и слева от него
Новохарьковский погр.65		1-1,5	Две бусины усеченно-биконические диаметром 7- 8 мм.	В составе ожерелья	Под черепом
Новохарьковский погр. 130			Одна бусина усеченно-биконическая диаметром 7 мм, фиолетовая с позолотой; другая – аналогичной формы темного цвета диаметром 8 мм	Ожерелье из стеклянных бус (не менее 20 экз.)	На груди

Тип VII. Подцилиндрической формы бусины в виде навитых одно на другое колец из непрозрачного стекла (4 экз.).

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Ишкулово кург. 4	Ж	Под-росток	Россыпь стеклянных бус (имеются бусы из синего стекла), среди которых есть подцилиндрические в виде двух, трех навитых колец (4 экз.)		Вдоль позвоночника, на груди и поясе
Новохарьковский погр.18			Обломок патинизированной бусины подцилиндрической формы в виде навитых друг на друга колец (Гр. I отд. 1 тип 10 по Н.Н. Бусятской)		В области груди
Новохарьковский погр.36	Ж	35-39	Четыре зеленые бусины имели подцилиндрическую форму в виде навитых трех колец диаметром 5-6 мм (гр. I отд. 1 тип 10 по Н.Н. Бусятской). Диаметр отверстия 2 мм	Ожерелье из 72 бус и двух раковин «каури»	На шее
Новохарьковский погр.112		4-5	Три бусины подцилиндрической формы в виде двух навитых колец (диаметр бусин 2,5-3 мм)		На груди
Новохарьковский погр.130		0	Две бусины патинизированные подцилиндрические в виде двух навитых колец диаметром 5 мм; одна бусина патинизированная подцилиндрическая в виде трех колец диаметром 6,5 мм	Ожерелье из стеклянных бусин (не менее 20 экз.)	На груди

Тип VIII. Биконические.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Маляевка кург.3 погр.1		Ребенок	Биконическая из синего стекла (бисер) (диаметр 0,3 см)	Рядом с 2 бусинами	В СЗ углу погребения
Максимовский дюнный могильник		Ребенок	У головы – две пастовые биконические бусины желтого и голубого цветов		У головы
Каменный Амбар-III кург.2		6-8	Тулово пяти бусин круглое, биконическое. Цвет стекла темно-зеленый, темно-желтый, светло-оранжевый. Техника изготовления – навивка, обкатка	Низка из стеклянных бус	На шее

Тип IX. Яйцевидные.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Каменный Амбар-III кург.2		6-8	Тулово одной бусины яйцевидное. Цвет стекла темно-зеленый, темно-желтый, светло-оранжевый. Техника изготовления – навивка, обкатка	Низка из стеклянных бус	На шее

Тип X. Цилиндрические.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Царевский кург.1	М		Стеклянные бусы (2 экз.): одна – рубчатая с золочением; вторая – цилиндрическая		У шеи

Тип XI. Рубленный бисер.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Маляевка кург.12	Ж	30-35	У правого плеча найдена круглая стеклянная бусина – бисер		У правого плеча
Потеемкино кург.2	Ж	Молодая	Мелкий стеклянный бисер		У шеи
Пчельник кург.29	Ж		Голубой и белый бисер	Зеркало было завернуто в парчу затканную золотыми нитями и расшитую голубым и белым бисером	На шее
Бальмерский кург.1	Ж		Крупный и мелкий бисер двух цветов – бирюзового и молочно-белого	В составе ожерелья	
Олень-Колодезь кург.9	Ж	Взрослая	В месте соединения голенища и подъема берестяного сапога найдена россыпь стеклянного голубого и синего бисера. В области шеи найдена россыпь короткоцилиндрического голубого и синего стеклянного бисера и три небольшие стеклянные бусины		У черепа и у шеи
Новохарьковский погр.112		4-5	Бисер темного цвета диаметром 2,5 мм.		На груди

Отдел 2. Граненые.

Тип 1. Усеченно-бипирамидальные шестигранные.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Усть-Курдюм кург. 6	Ж		В районе грудной клетки обнаружено несколько бус: одна из них в поперечном сечении граненая, в продольном – усеченно-бипирамидальная шестигранная		В районе грудной клетки

Отдел 3. Ребристые.

Тип 1. Округлоребристые.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Ново-Кумакский кург.28			Бусина ребристая		
Усть-Курдюм кург. 6	Ж		В районе грудной клетки обнаружено несколько бус: две из них в поперечном сечении ребристые, в продольном – округлоребристые		В районе грудной клетки
Тимашев Колок-I кург.1	Ж		Ребристая светло-коричневая (гр. II подгр. А отд. III тип I вид I по С.И. Валиулиной; гр. II отд. 2 тип 1 по Н.Н. Бусятской (пастовая, на синей основе)	В составе ожерелья	
Царевский кург.1	М		Бусины 2 шт. Одна рубчатая с золочением. Изготовлены из стекла		У шейных позвонков
Новохарьковский погр.18			Одна ребристая патинизированная бусина		В области груди

Подгруппа II. Полихромные.

Разряд I. Полосчатые. Орнамент в виде одной или нескольких линейно-волнистых линий.

Отдел I. Круглые.

Тип I. Шаровидные.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Му-Шарет кург.4 погр.1	Ж	25-35	Круглая, шаровидная украшена однократным поперечным зигзагом		У черепа
Джухта-II погр.2	Ж		Полосчатая шаровидная	В составе ожерелья	На шее
Рясные могилы кург.17 погр.2			Бусина круглая, шаровидная, на темном фоне волнистый зеленоватый орнамент		У колена правой ноги
Новохарьковский погр.133	Ж	45-49	Одна шаровидная полосчатая из темного стекла со светлой волнистой линией (диаметр 10,5 мм)	Всего в погребении 5 бусин	Под правой ключицей

Тип II. Зонные.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Козинка-I кург.6	Ж		Пять бусин в поперечном сечении круглые, в продольном – зонные, на темном фоне светлый зигзаг, края обвиты поперечной полосой, на центральном поле растянут спиральный, зигзагообразный узор		На шее
Козинка-I кург.6	Ж		Одна из бусин в поперечном сечении круглая, в продольном – зонная, на темном фоне светлый орнамент, края обвиты поперечной полосой, на центральном поле в 2 ряда растянут елочный орнамент, лежащий в поперечном сечении		На шее
Козинка-I кург.4	М		Бусина в поперечном сечении круглая, в продольном – зонная, на темном фоне бусины светлый орнамент, по краям бусины – поперечная линия, в центре – волнистая (высота 10 мм)		На животе
Столетовская группа кург.3	Ж	30	Крупные стеклянные бусы с накладной нитью (из ремесленных центров Поволжья)	В составе ожерелья	
Штрасбург кург.1	Ж	30	Возле правой руки лежала бусина из черной пасты, зонная в продольном сечении, круглая – в поперечном, с частыми мелкими волнистыми светлыми линиями на темном фоне		Возле правой руки
Мертвцовский кург.8		Ж	На шее расчищены мелкие разноцветные бусы, одна из них зонная полосчатая		На шее
Ишкулово кург.4	Ж	Под-росток	Вдоль позвоночника, на груди и поясе обнаружена россыпь стеклянных бусин (имеются бусы из синего стекла), среди которых есть полосчатая, зонная	Россыпь стеклянных бус	Вдоль позвоночника, на груди и поясе
Новохарьковский погр.19	Ж	20	Круглая зонная патинизированная. Изготовлена предположительно из темного стекла и украшена	Всего 2 бусины: одна	На груди

			поперечными нарезками и волнистыми линиями голубого цвета. Диаметр в поперечном сечении 13 мм, высота в продольном сечении 11 мм.	пятнистая, другая – с волнистыми линиями	
Новохарьковский погр.38			Вокруг шейных позвонков – бусы (13 экз.). Три бусины зонные полосчатые. На одной из них – красные волнистые линии на темном фоне, на двух – светлые волнистые линии на темном фоне. Диаметр бусин 12, 9,5 и 9 мм	В составе ожерелья из 13 бусин	Вокруг шейных позвонков
Новохарьковский погр.124		1-1,5	Одна бусина полосчатая зонная с тремя волнистыми светлыми линиями на черном фоне (диаметр бусины 9,5 мм)	У черепа найдены 15 бусин	
Новохарьковский погр.133	Ж	45-49	Одна зонная полосчатая из темного стекла со светлой волнистой линией (диаметром 11 мм)	Всего в погребении 5 бусин	Под правой ключицей
Новохарьковский погр.141			Одна бусина полосчатая (красные волнистые линии на темном фоне) зонная диаметром 10 мм	Всего в погр. 10 бусин и две раковины «каури»	В верхней части грудной клетки
Аткарск кург.8	Ж		Две поперечно-полосчатые зонные бусины	У шеи – несколько бусин желтого, черного и других цветов (2 поперечно-полосчатые зонные)	У шеи

Тип III. Бочонковидные.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Колобовка кург.4			Бусы бочонковидные пастовые черного цвета с желтыми круговыми линиями; на одной из них черный цвет чередуется с зигзагами желтого и красноватого цвета		
Му-Шарет кург.4 погр.1	Ж	25-35	Бочонковидная, круглая стеклянная с однократным поперечным зигзагом		У черепа
Харинка кург.2	Ж		Три бусины: две овально-бочонковидные с накладным зигзагом и вытянуто-бочковидная с накладным зигзагом в середине и поясками на краях	Рядом была обнаружена еще одна кольцевидная	На костчке
Ишкулово кург.3	Ж		В ЮЗ углу деревянного ящика – крупная бочонковидная бусина из темно-синего стекла с белым волнистым орнаментом		В ЮЗ углу деревянного ящика
Ишкулово кург.4	Ж	Под-росток	Россыпь стеклянных бусин (имеются бусы из синего стекла), среди которых есть полосчатая, бочонковидная	Россыпь стеклянных бусин	Вдоль позвоночника

Тип 4. Усечено-биконическая.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Царевский кург.8	Ж		Бусины стеклянные (3 шт.): одна из них биконическая светло-зеленая, в средней части проходит белая полоска		За головой

Отдел II. Ребристые.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Олень-Колодезь кург.7	М	Взрослая	Синяя пастовая бусина с полосатым орнаментом. Бусина бочонковидной формы, ребристая высотой 0,9 см и диаметром 0,7 см.	Аналогии неизвестны	В 0,2 м южнее наконечника копья

Разряд II. Мозаичные.

Отдел I. Круглые.

Тип I. Шаровидные.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Колобовка кург.4			Шаровидная пастовая бусина черного цвета с крупными белыми пятнами	В составе ожерелья	

Тип II. Зонные (1 экз.).

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Ишкулово кург.4	Ж	Подросток	Россыпь стеклянных бусин (имеются бусы из синего стекла), среди которых есть пятнистая зонная, круглая		Вдоль позвоночника, на груди и поясе

Разряд III. Мозаичные, орнамент в виде множества разбросанных пятен.

Отдел I. Круглые.

Тип I. Шаровидные.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Му-Шарет кург.4 погр.1	Ж	25-35	Круглая, шаровидная с многократными беспорядочными пятнами		У черепа
Му-Шарет кург.4 погр.1	Ж	25-35	Круглая, шаровидная с шейкой и многократными беспорядочными пятнами		У черепа
Джухта-II погр.2	Ж		Две пятнистые шаровидные бусины	В составе ожерелья	На шее
Новохарьковский погр.112		4-5	Одна бусина шаровидная (диаметр 10-11 мм) пятнистая (пятна желтого, зеленого, коричневого, красного и белого цвета)		У шеи

Тип II. Зонные.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Козинка-I кург.6	Ж		Две бусины: в поперечном сечении круглые, в продольном – зонные, на темном фоне светлый пятнистый орнамент, без четкой системы распределения пятен		На шее
Новохарьковский погр.19	Ж	20	В поперечном сечении – круглая, в продольном – зонная, орнаментирована пятнами (диаметром в поперечном сечении 12 мм, высотой в продольном сечении 11 мм.). Патинизирована		На груди
Новохарьковский погр.27			Одна крупная зонная пятнистая из темного стекла с глазками зеленого, красного, желтого и голубого цветов (диаметром в поперечном сечении 13 мм, высотой 10 мм)		У шейных позвонков

Отдел II. Уплощенные, в виде вытянутого овала.

Тип I. Круглые.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Джухта-II погр.2	Ж		Пятнистая уплощенная	В ожерелье	На шее

Разряд IV. Глазчатые.
Отдел I. Круглые.
Тип I. Зонные (4 экз.).

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Му-Шарет кург.4 погр.1	Ж	25-35	Зонная, круглая с реснитчатыми глазками		У кисти правой руки
Буранчи-I кург.1 погр.2		7-8	Стеклянная зонная бусина небесно-голубого цвета, довольно крупных размеров: диаметром 1,7 см, длиной 1,7 см. Украшена глазковым орнаментом с разноцветными ресничками		Среди фрагментов черепа
Буранчи-I кург.1 погр.2		7-8	Одна бусина – желтая зонная глазчатая бусина, диаметром 2 см, длиной 0,9 см. Глазки синие, окаймленные белыми и красными овалами, другая – желтая зонная глазчатая, диаметром 1,3 см, длиной 0,7 см. Глазки синие, окаймленные белыми и красными овалами		Среди фрагментов черепа

Тип II. Бочонковидные.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Суслы кург.40	Ж	Средних лет	На груди покойной – две пастовые бочонковидные бусины темно-синего цвета с желтыми глазками в красных ободках	Также были обнаружены раковины «каури»	На шее
Му-Шарет кург.4 погр.1	Ж	25-35	Бочонковидная, круглая с реснитчатыми глазками		У кисти правой руки

Отдел II. Треугольные
Тип I. Зонные.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Буранчи-I кург.1 погр.2		7-8	Черная бусина, в продольном сечении – зонная диаметром 1,1 см и высотой 1,1 см, в поперечном сечении треугольная, украшена тремя желтыми глазками, которые заключены в соприкасающиеся между собой плоские овалы из нитей желтого стекла. Один глазок сильно выступает, два других меньше. Со стороны отверстия бусина производит впечатление треугольника с закругленными углами, которые образуются выступающими глазками; черная округлая глазчатая бусина, диаметром 1 см, длиной 1 см. Украшена красными глазками, которые заключены в соприкасающиеся между собой выпуклые овалы из нитей зеленого в продольном сечении зонная	Среди россыпи бус	Среди фрагментов черепа

Бусы редко встречающихся форм.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Колобовка кург.4			Бусина из голубого египетского фаянса в виде стопы ноги		
Колобовка кург.4			Крупная пастовая бусина в виде цилиндра (длина 2 см) со сквозным отверстием. Сверху прикреплен малый цилиндр, также с отверстием. Цвет бусины зеленый, по которому разбросаны овальные белые глазки с коричневыми ободками		
Мамай-Гора зап. гр. погр.6		Ж	Тусок украшен округлыми вставками-таблетками	Цветное стекло	У правого предплечья

Бусы из камня, металла и материалов органического происхождения.
Группа II. Сердоликовые.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Джухта-II погр.2	Ж		Три бусины из сердолика (две граненые призматические шестигранные отд. III тип I подтип А по М.Д. Полубаяриновой; одна граненая битрапециодная с «пояском» отд. III тип III подтип I по М.Д. Полу-баяриновой)	В составе ожерелья	На шее
Бальмерский кург.1	Ж		Сердоликовые бусины	В составе ожерелья	
Колония Каррраса кург.3			При костяке у левого уха – сердоликовая бусина		
Царевский кург.20		Под-росток	Бусина из красного сердолика (диаметр 0,8 см). Аналогичная была найдена у локтя правой руки (отд. I тип I по М.Д. Полу-баяриновой)		Слева у локтя правой руки
Покровский-IV кург.18 погр.1	Ж		Сердоликовая граненая бусина	Россыпь бус	На грудной клетке и под правой глазницей
Урал кург.5	Ж	55-56	Сердоликовые вставки от украшения из тонкой медной проволоки в виде ажурной розетки (формы вставок неизвестны).		У левого локтя
Новохарьковский погр.28			Бусина призматической формы, красного цвета, размерами 23,5x9,5x11,5 мм. В сечении – восьмигранник. Диаметр отверстия 2 мм		Слева от черепа
Новохарьковский погр.110	Ж	30-39	Усеченно-битрапециодная бусина с «пояском», плоской гранью по периметру, шестигранная в поперечном сечении (отд. III, тип III, подтип I по М.Д. Полу-баяриновой)		Между челюстью и ключицей
Новохарьковский погр.133	Ж	45-49	Усеченно-битрапециодная шестигранная в поперечном сечении из сердолика	Всего в погребении 5 бусин	Под правой ключицей

Группа III. Горный хрусталь.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Колобовка кург.4			Бусина из горного хрусталя, бипирамидальная, в сечении – пятигранник		
Новохарьковский погр.80	Ж	20-24	2 бусины из горного хрусталя, имеющие 14 граней (форма куба со срезанными углами)		Между ребрами

Группа IV. Бирюза.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Покровский-IV кург.18 погр.2	М		Бирюзовая подвеска в виде шестигранной пирамидки, насаженная на тонкую бронзовую проволоку		В заполнении могилы

Группа V. Янтарные.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Высокая гора кург.3	Ж	20-25	У правой ключицы – 2 янтарные бусины граненые в поперечном сечении, эллипсоидные уплощенные в продольном сечении. Высота 19 мм, диаметр 9 мм (отд. III тип III по М.Д. Полубаяриновой)		У правой ключицы
Камышин погр.2	Ж		Рядом с черепом найдены три янтарные бусинки, круглые в поперечном сечении, шарообразные – в продольном (Отд. I тип I по М.Д. Полубаяриновой)		У черепа
Визенмиллер-III кург.5	Ж		Бусы в поперечном сечении уплощенные, в продольном – каплевидные, аналогии неизвестны		На шее

Группа VI. Перламутровые.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Царевский кург.27	Ж		Слева у черепа найдена бусина из перламутра. Аналогии неизвестны. Форма квадратная. Размеры 1 x 0,9 см. В узкой части имелось 2 отверстия	Аналогии неизвестны.	Слева у черепа
Тимашев Колок-I кург.1	Ж		Перламутровые, боченоковидные (20 экз.)	В составе ожерелья	

Группа VII. Жемчуг.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Штрасбург кург.1	Ж	30	Между бедрами – жемчужина с продетой шелковой ниткой золотистого цвета		Между бедрами
Буранчи-I кург.7 погр.1	Ж	Взрослая	На серьге закреплена бусина из речного жемчуга, состоящая из двух частей	Жемчуг от серьги в виде знака вопроса	У черепа
Бозок погр.2 раск.5	Ж	40-50	В районе височных костей расположены скопления речного жемчуга, представляющие собой остатки подвесок головного убора. Жемчужины нанизаны на шелковую нить, объединены в отдельные фигуры ромбовидной формы	Жемчуг от ромбического украшения	У височных костей
Мамай-Гора зап. гр. погр.6	Ж		Верхняя и нижняя части берестяного тусека украшены мелким бисером из жемчуга, который нашит вкруговую		У правого предплечья
Маячный Бугор-I, погр. 224	Ж		Нашивки на одежду из речного жемчуга		
Тимашев Колок-I кург.1	Ж		Серьга в виде знака вопроса с жемчужной привеской		У правого виска
Тимашев Колок-I кург.3	Ж		Серьга серебряная в виде знака вопроса с жемчужной привеской		У правого виска
Мокринский кург.11	Ж		Двенадцать бусин из жемчуга		Под черепом

Группа VIII. Бусы из аметиста.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Скатовка кург.11	Ж		Бронзовая серьга в виде знака вопроса с аметистом на конце		У черепа, справа

Группа IX. Коралловые.

Памятник	Лет	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Пугачев кург.1	Ж		Зерно коралла с дырочкой		У кисти правой руки
Джухта-II погр.2	Ж		Две веточки коралла	В составе ожерелья	На шее

Группа X. Бусы из известняка.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Аткарск кург.16	Ж	Под-росток	5 бусин (диаметр в поперечном сечении 19 мм) из известняка	Вокруг шеи, в составе ожерелья	У шеи
Маляевка кург.3 погр.1		Ребенок	Меловая округлая (кольцевидная) (диаметр 0,8 см)		В СЗ углу

Группа XI. Глиняные.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Пчельник кург.3	Ж		На шее расчищены глиняные бусы (от бокки?)	В составе ожерелья?	На шее

Новохарьковский погр.80	Ж	20-24	Под лучевой костью левой руки – голубая кашинная (?) бусина цилиндрической формы с рельефным орнаментом в виде ромбов (диаметр бусины в поперечном сечении 13 мм, высота 13 мм)	В составе ожерелья?	С левой стороны между ребрами
Бозок погр.2 раск.5	Ж	40-50	Бусины с ребристой поверхностью, покрытые голубой глазурью; биконические, покрытые золотистым перламутром; зооморфные бусины, покрытые светло-голубой глазурью: одна из бусин представляет собой фигурку тулова птицы с несохранившимися головой и хвостом, другая – в виде головки птицы с коротким клювом	Бусы от ожерелья (в.т. ч. зооморфные). В области шейных позвонков была расположена подвеска в виде клюва пеликана	У шеи

Группа XII. Серебряные.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Чадаевка			На шее найдены серебряные бусы цилиндрической формы		На шее
Бозок погр.2. раск.5	Ж	40-50	В районе шейных позвонков, а также слева и справа от них, расположены бусины разных форм (одна металлическая, остальные из глиняной массы). Выделяется серебряная цилиндрическая бусина с прикрепленными к ней шелковой нитью двумя жемчужинами	Бусина от ожерелья	У шеи

Группа XIII. Бронзовые.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Тлявгуловский кург.4	Ж	38-40	Остатки бронзовой бусины и несколько мелких бусин желтого цвета, вероятно, украшавших бокку	От боки ?	Под черепом
Покровский-IV кург.18 погр.1	Ж		Обломки мелких бронзовых бусинок		На груди

Группа XIV. Золотые.

Памятник	Пол	Лет	Характеристика	Особенности	Место
Увек погр.2	Ж		Золотая бусина биконическая		

Таблица 32.

Локализация бус в погребениях кочевников Золотой Орды

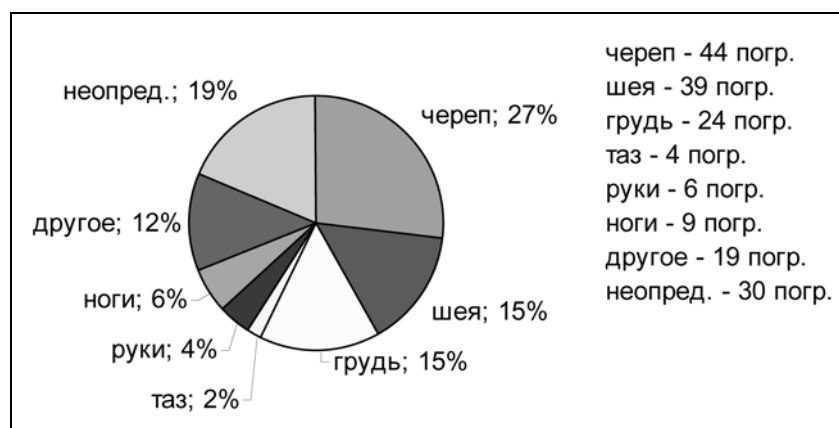

Таблица 33.

**Количество бус в погребениях кочевников Золотой Орды
(в абсолютных и относительных показателях)**

Количество бус						Всего
1-2	3-5	6-12	13-23	24-34	35-50	
77	47	22	12	2	1	161 погр.
48	29	14	7	1	1	100 %

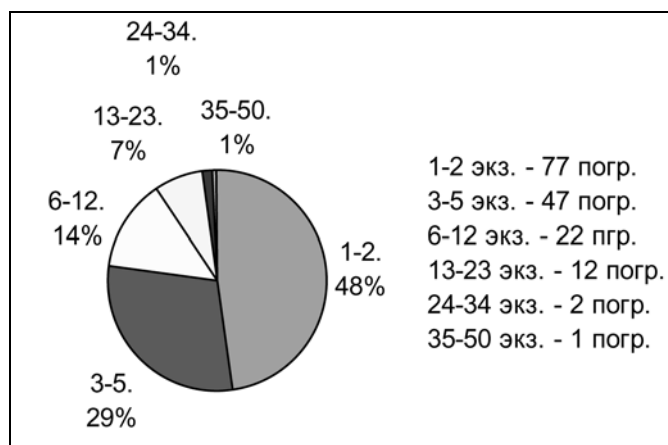

Таблица 34.

Распределение бус в погребениях кочевников Золотой Орды (по признаку пола)

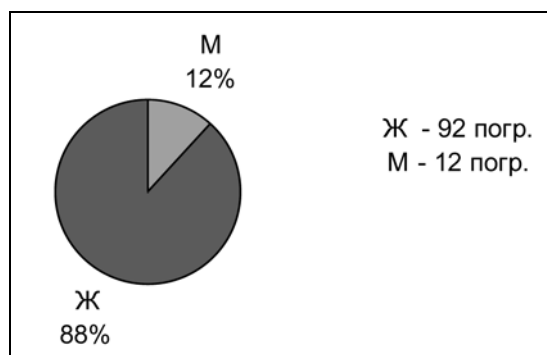

Таблица 35.

**Статистический анализ встречаемости бус в погребениях с золотыми предметами
(абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)**

Показатель	Наличие или отсутствие золотых предметов	Наличие или отсутствие бус	
		Есть	Нет
Количество	Погребения с золотом	16	16
	Погребения без золота	145	290
Частость совокупности	Погребения с золотом	50	50
	Погребения без золота	33,3	66,7
Норма распределения		41,7	58,4
Тенденция встречаемости	Погребения с золотом	1,2	0,9
	Погребения без золота	0,8	1,1

Таблица 36.
Статистический анализ распределения бус из погребений кочевников по локальным группам (абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)

Показатели	Локальная группа							Всего
	Южн. Приуралье	Нижн. Волга	Ср. Волга	Волго-Донск. Межд.	Дон	Левобер. Украина	Правобер. Украина	
Погр. с бусами	43	24	38	28	7 (30)	11	10	161
Всего погр. в группе	129	72	99	70	29 (68)	31	37	467
% погр. с бусами	33	33	38	40	24 (44)	35	27	34
Порог значимости, %	3	5	4	5	12 (6)	11	10	0,8
Норма распределения	32,9	32,9	32,9	32,9	32,9 (36)	32,9	32,9	
Тенденция встречаемости	1	1	1,2	1,2	0,7 (1,2)	1	0,8	

В скобках указаны данные по памятникам золотоордынского круга.

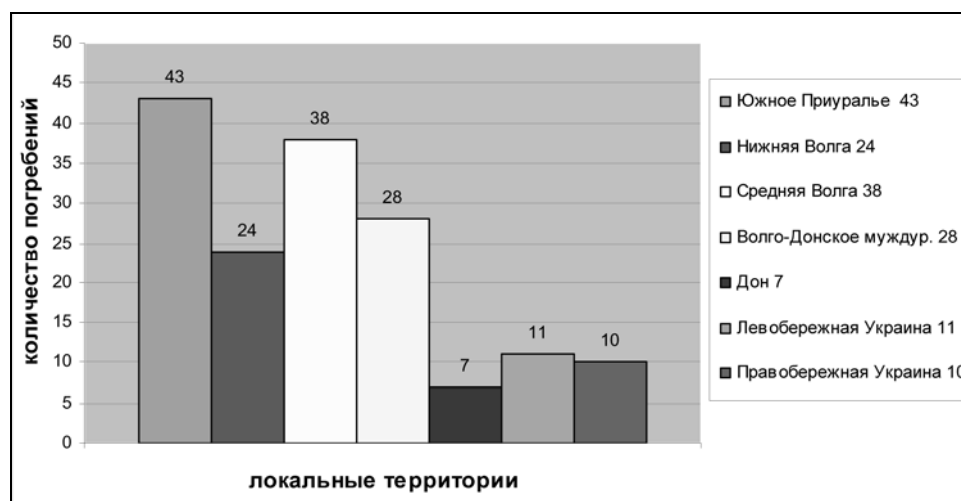

Таблица 37.
Статистический анализ встречаемости металлических цилиндрических подвесок в погребениях кочевников Золотой Орды с золотыми предметами (абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)

Показатель	Наличие или отсутствие золотых предметов	Наличие или отсутствие цилиндриков	
		Есть	Нет
Количество	Погребения с золотом	3	29
	Погребения без золота	6	429
Частость	Погребения с золотом	9,4	90,6
	Погребения без золота	1,4	98,6
Норма распределения		5,4	94,6
Тенденция встречаемости	Погребения с золотом	1,7	1
	Погребения без золота	0,3	1

Таблица 38.

Характеристика цилиндрических подвесок по качеству материала

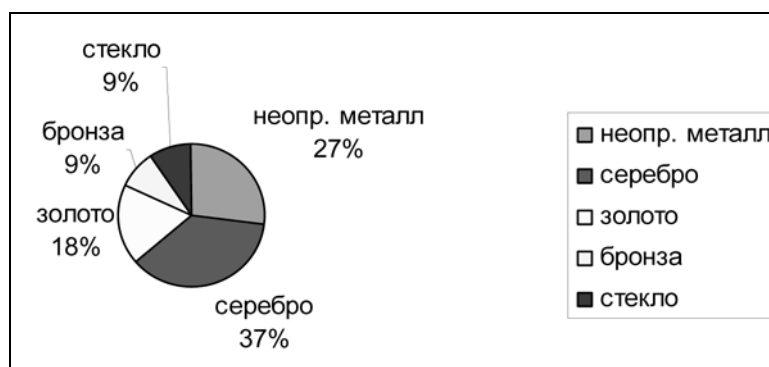

Таблица 39.

Погребения кочевников Золотой Орды с бубенчиками

Памятник	Кург.	Погр.
Александровка	7	2
Мокринский-I	16	0
Свинуха (Лесное)	9	0
Свинуха (Лесное)	19	0
Яшкуль	1	0
Парканы	120	0
Васильевка	0	0
Маляевка	7	0
Лола-II	10	0
Мокитра	4	1
Дымовка	3	1
Олень-Колодезь	7	0
Увак	3	1
Сукляя	2	0

Таблица 40.

Погребения кочевников Золотой Орды с железными пряжками (отдела А)

Группа II. Железные.

Отдел А.

Без специального приспособления для соединения ремня с пряжкой. Ремень охватывает часть рамки.

Тип I (15 экз.). Прямоугольные.

Памятник	Кург.	Погр.	Лет	Ж.	М.
Лебедевка-IV	0	0	0	0	1
Мустаево-V	5	0	45-55	0	1
Сенной	5	1	0	0	0
Лебедевка-IV	3	0	0	0	1
Мамай-Гора вост. гр.	0	1	16-18	0	1
Мамай-Гора зап. гр.	0	1	25-30	0	1
Покровский-IV	19	0	0	0	1
Гусевка	2	1	0	1	0
Большая Дмитриевка	1	0	0	0	1
Максимовский	0	7	0	0	0
Авиловский-I	4	0	22-25	0	1
Красная Котлубань	1	1	0	0	1
Рождественский	0	18	0	0	0
Сынтыштамак	15	0	0	0	0
Фокин курган	0	0	0	0	1

Тип II (10 экз.). Сегментовидные.

Памятник	Кург.	Погр.	Лет	Ж.	М.
Царевский	7	0	0	0	1
Балкин Хутор	1	0	0	0	1
Бальмерский	4	0	0	0	1
Рясные могилы	13	0	0	0	0
Русский колодец	10	1	взросл.	0	0
Марки пряжка	0	0	0	0	1
Рясные могилы	10	0	0	0	0
Черемшино граблено	2	0	0	0	1
Черемшино	4	0	0	0	1
Казенная мельница	5	0	0	1	0

Тип III (15 экз.). Круглые.

Памятник	Кург.	Погр.	Лет	Ж.	М.
Тлявгуловский пряжка	1	0	30	0	1
Новочеркасский-VII	1	0	25-30	0	1
Федоровка	0	0	0	0	0
Три Брата-I	12	0	0	0	1
Свинуха (Лесное)	5	0	средних	0	1
Скатовка	8	0	0	0	1
Сенной	4	1	0	0	0
Мамай-Гора вост. гр.	0	3	25-30	0	1
Му-Шарет-I	4	1	25-35	1	0
Калиновский	45	2	0	0	1
Курпе-Бай	5	0	средних	0	1
Бек-Бике (Джангала-19)	0	0	0	0	1
Сынтыштамак	4	0	0	0	1
Сынтыштамак	9	0	0	0	0
Мустаево-V	6	3	18-25	1	0

Тип IV (2 экз.). Вытянутые в виде овала (варианта).

Памятник	Кург.	Погр.	Лет	Ж.	М.
Давыдовка-III	4	0	0	0	1
Большой Шихан	0	0	0	0	0

Таблица 41.

Распределение пряжек в погребениях кочевников Золотой Орды (по признаку пола)

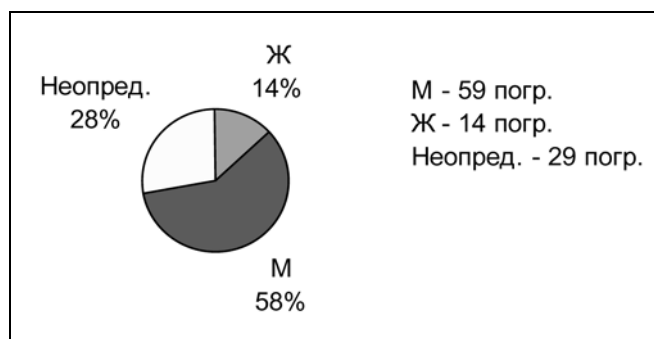

Таблица 42.

**Статистический анализ встречаемости пряжек в погребениях с золотыми предметами
(абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)**

Показатель	Наличие или отсутствие золотых предметов	Наличие или отсутствие пряжек	
		Есть	Нет
Количество	Погребения с золотом	6	26
	Погребения без золота	96	339
Частость	Погребения с золотом	18,75	81,3
	Погребения без золота	22	77,9
Норма распределения		20,4	79,6
Тенденция встречаемости	Погребения с золотом	0,9	1
	Погребения без золота	1	1

Таблица 43.

**Статистический анализ распределения комбинаций поясных принадлежностей в погребениях
золотоордынских кочевников по локальным группам (абсолютные показатели)**

Комбинации	Локальная группа							Всего
	Южн. Приуралье	Нижн. Волга	Ср. Волга	Волго- Донск. Межд.	Дон	Левобер. Украина	Правобер. Украина	
I	21	14	15	11	4 (2)	8	4	77 (2)
II	4	2	5	2	4 (0)	2	2	21 (0)
III	1	0	1	0	0	0	0	2 (0)
IV	9	3	1	3	3 (0)	0	2	21 (0)
V	0	0	0	0	1	0	0	1 (0)
Всего погр. с поясом	35	19	22	16	12 (2)	10	8	122 (2)
Всего погр. в группе	129	72	99	70	29 (68)	31	37	467

В скобках указаны данные по памятникам золотоордынского круга.

Таблица 44.

**Статистический анализ распределения комбинаций поясных принадлежностей в погребениях
кочевников по локальным группам (в %, для выделения представительных признаков)**

Комбинации	Локальная группа						
	Южн. Приуралье	Нижн. Волга	Ср. Волга	Волго- Донск. Межд.	Дон	Левобер. Украина	Правобер. Украина
I	16,3	19,4	15,2	15,7	13,8	25,8	10,8
II	3,1	2,8	5	2,9	13,8	6,5	5,4
III	0,8	0	1	0	0	0	0
IV	7	4,2	1	4,3	10,3	0	5,4
V	0	0	0	0	3,4	0	0
Всего погр с поясом, %	27,2	26,4	22,2	22,9	41,4	32,3	21,6

Таблица 45.

Статистический анализ распределения комбинаций поясных принадлежностей золотоордынских кочевников по локальным группам (в %, частотность совокупности)

Комбинации	Локальная группа							Норма распределения
	Южн. Приуралье	Нижн. Волга	Ср. Волга	Волго-Донск. Межд.	Дон	Левобер. Украина	Правобер. Украина	
I	60	73,7	68	68,8	33,3	80	50	62
II	11,4	10,5	23	12,5	33,3	20	25	19,4
III	2,9	0	4,5	0	0	0	0	1
IV	25,7	15,8	4,5	18,8	25	0	25	16,4
V	0	0	0	0	8,3	0	0	1,2
Показатель исчисления	100	100	100	100	100	100	100	

Таблица 46.

Тенденция встречаемости комбинаций поясных принадлежностей в убранстве костюма кочевников Золотой Орды

Типы серег	Локальная группа						
	Южн. Приуралье	Нижн. Волга	Ср. Волга	Волго-Донск. Межд.	Дон	Левобер. Украина	Правобер. Украина
I	1	1,2	1	1,1	0,5	1,3	0,8
II	0,6	0,5	1,2	0,6	1,7	1	1,3
III	2,9	0	4,5	0	0	0	0
IV	1,6	1	0,3	1,1	1,5	0	1,5
V	0	0	0	0	7	0	0

Таблица 47.

Статистический анализ распределения поясных принадлежностей (независимо от их комбинаций) в погребениях золотоордынских кочевников по локальным группам (абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)

Показатели	Локальная группа						
	Южн. Приуралье	Нижн. Волга	Ср. Волга	Волго-Донск. Межд.	Дон	Левобер. Украина	Правобер. Украина
Абсолютные показатели	35	19	22	16	12 (2)	10	8
Всего погребений в группе	129	72	99	70	29 (68)	31	37
Относительные показатели	27,2	26,4	22,2	22,9	41,4	32,3	21,6
Норма распределения	27,7	27,7	27,7	27,7	27,7	27,7	27,7
Тенденция	1	1	0,8	0,8	1,5	1,2	0,8
Порог значимости, %	3	5	4	5	12 (6)	11	10

Таблица 48.

Распределение поясных принадлежностей в погребениях кочевников Золотой Орды (по признаку пола)

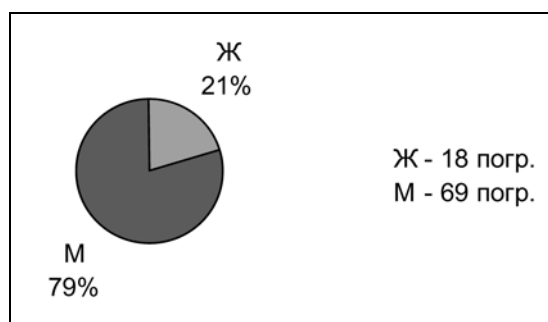

Таблица 49.

Статистический анализ тенденции встречаемости различных комбинаций поясных принадлежностей в мужских и женских погребениях кочевников XIII–XIV вв. (абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)

Показатель	Категория совокупности	Детали одежды									
		Комбинации поясных принадлежностей									
	Совокупность признаков	I		II		III		IV		V	
		есть	нет	есть	нет	есть	нет	есть	нет	есть	нет
Кол-во	М	44	61	15	90	0	105	9	96	1	104
	Ж	12	215	1	226	1	226	4	223	0	227
Всего		56	276	16	316	1	331	13	319	1	331
Частость совокупности, %	М	42	58	14,3	85,7	0	100	8,6	91,4	1	99
	Ж	5,3	94,7	0,4	99,6	0,4	99,6	1,8	98,2	0	100
Норма распределения		23,7	76,4	7,4	92,7	0,2	99,8	5,2	94,8	0,5	99,5
Тенденция совокупности	М	1,8	0,8	1,9	0,9	0	1	1,7	1	2	1
	Ж	0,2	1,2	0,1	1,1	2	1	0,3	1	0	1

Таблица 50.

Статистический анализ встречаемости поясных принадлежностей (независимо от их комбинаций) в погребениях с золотыми предметами (абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)

Показатель	Наличие или отсутствие золотых предметов	Наличие или отсутствие поясных принадлежностей	
		Есть	Нет
Количество	Погребения с золотом	10	22
	Погребения без золота	112	323
Частость	Погребения с золотом	31,3	68,8
	Погребения без золота	25,7	74,3
Норма распределения		28,5	71,6
Тенденция встречаемости	Погребения с золотом	1,1	1
	Погребения без золота	0,9	1

Таблица 51.

Характеристика встречаемости поясных наборов с социально-маркирующими вещами в погребениях кочевников Золотой Орды

Памятник	Лет	Пол	Кол-во поясных принадлежностей	Материал	Сосуд	Предметы вооружения	Золото
Мариенталь			20	Золото	У ног – котелок	+	+
Высокая гора кург.2	35-40	М	19	Серебро позолоченное	У ног – казан	+	+
Лебедевка-IV кург.3		М	9	Серебро, железо	–	–	–
Старая Калитва		М	10	Серебро	У ног – «модель казана»	+	+
Олень-Колодезь кург.7	Взрослый	М	14	Серебро с позолотой и без	Ковш с ручкой в виде дракона	+	+

Благословенский курган		М	Примерно 6	Бронза, серебро с позолотой	У головы плоская чаша	-	-
Лебедевка-II одиночный курган		М	4	Серебро	Между бедренными костями – серебряный сосуд	+	+
Лебедевка-IV		М	9	Серебро	-	-	-
Гусевка кург. 2 погр.1		Ж	12	Серебро	У ног – чаша	+	-
Русский колодец кург.10 погр.1	Взрослый		12	-	+	+	-
Высокая гора кург.3	20-25	Ж	9	Золото	У пояса – серебряная чаша. В ногах – бронз. казан	-	+
Комсомольский-VI кург.3			Более 5	Серебро	-	+	-
Ново-Кумакский-II кург.3			3	Бронза	-	+	-
Дымовка кург.14			10	Бронза	-	-	-
Сукля кург.55			15	Медь	-	-	-
Фокин курган		М	14	Бронза	-	+	-
Сукля кург.85			15	Медь	-	-	-
Мустаево-V кург.15 погр.1	25-35	М	Более 2	Железо	-	-	-
Рясные могилы кург.10		М	Более 7	Железо, медь	-	+	-
Черемшино кург.4		М	9	Железо	-	+	-
Аткарский погр.6		М	23	Железо	В ногах – котел	+	-
Сукля кург.58			15	Медь	-	-	-
Новоорский-I кург.2			Неск-ко	Бронза	-	+	-
Федоровка			59	Железо	-	-	-
Рясные могилы кург.7		М	Более 10	Медь, железо	У руки – медная чашка	+	-
Усть-Курдюм кург.8		М	Примерно 4	Бронза	Деревян. блюдо	-	-

Таблица 52.

Статистический анализ встречаемости поясных наборов, изготовленных из различных материалов (золота, серебра, а также железа, меди, бронзы), с социально маркирующими вещами в погребениях (абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)

Показатель	Погребения с поясными наборами из различных материалов	Инвентарь					
		Сосуд		Вооружение		Золото	
		Есть	Нет	Есть	Нет	Есть	Нет
Количество	Погребения с поясами из золота и серебра	7	4	7	4	6	5
	Погребения с поясами из меди, бронзы, железа	1	13	7	7	0	14
Частость	Погребения с поясами из золота и серебра	63,7	36,4	63,7	36,4	54,5	45,5
	Погребения с поясами из меди, бронзы, железа	7,1	92,9	50	50	0	100
Норма распределения		35,4	64,7	56,9	43,2	27,3	72,8
Тенденция встречаемости	Погребения с поясами из золота и серебра	1,8	0,6	1,1	0,8	2	0,6
	Погребения с поясами из меди, бронзы, железа	0,2	1,4	0,9	1,2	0	1,4
Степень схождения		43,5		86,4		45,5	

Таблица 53.

**Статистический анализ встречаемости пуговиц
в мужских и женских погребениях кочевников XIII–XIV вв.
(абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)**

Показатель	Погребения по признаку пола	Пуговицы	
		есть	нет
Количество	Мужские	10	95
	Женские	25	202
Всего		35	297
Частость совокупности, %	Мужские	9,5	90,5
	Женские	11	89
Норма распределения, %		10,3	89,8
Тенденция совокупности	Мужские	0,9	1
	Женские	1,1	1
Степень сходства, %		98,5	

Таблица 54.

**Статистический анализ встречаемости пуговиц в погребениях с золотыми предметами
(абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)**

Показатель	Наличие или отсутствие золотых предметов	Наличие или отсутствие пуговиц	
		Есть	Нет
Количество	Погребения с золотом	5	27
	Погребения без золота	47	388
Частость	Погребения с золотом	15,6	84,4
	Погребения без золота	10,8	89,2
Норма распределения		13,2	86,8
Тенденция встречаемости	Погребения с золотом	1,2	1
	Погребения без золота	0,8	1
Степень сходства, %		95,2	

Таблица 55.

Локализация пуговиц в погребениях кочевников Золотой Орды

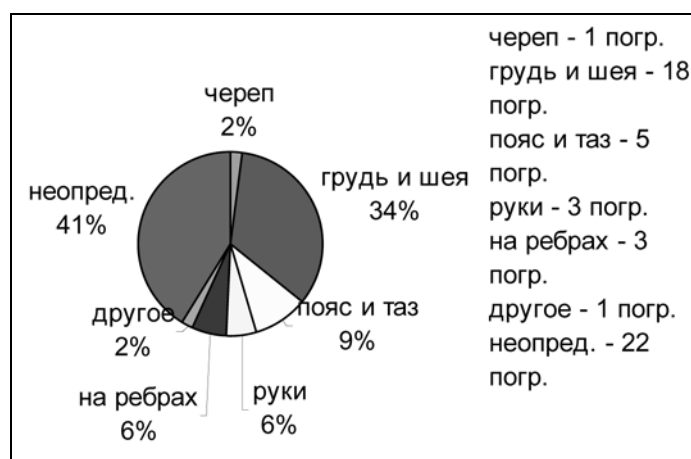

Таблица 56.

Распределение пуговиц, изготовленных из различных материалов (по погребениям кочевников Золотой Орды)

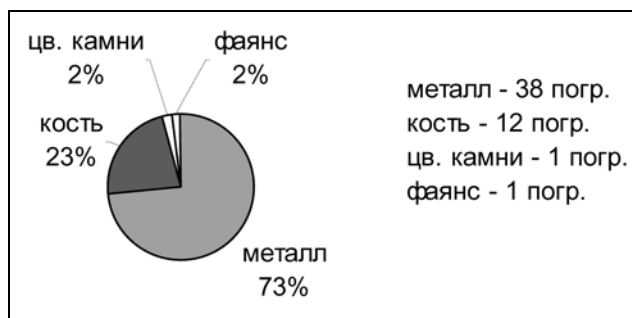

Таблица 57.

Распределение пуговиц, изготовленных из различных металлов (по погребениям кочевников Золотой Орды)

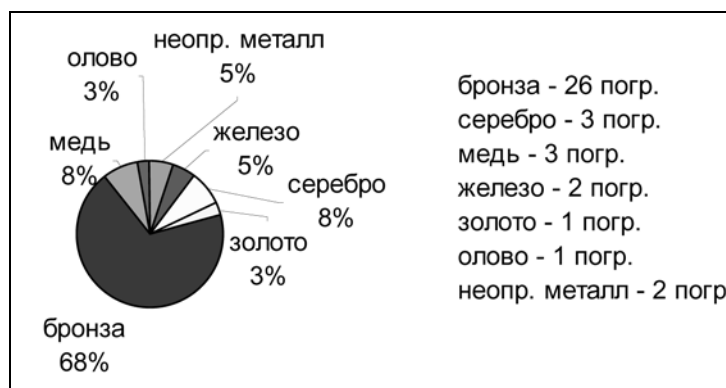

Таблица 58.

Статистический анализ распределения пуговиц в погребениях золотоордынских кочевников по локальным группам (абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)

Показатели и категории	Локальная группа							Всего
	Южн. Приуралье	Нижн. Волга	Ср. Волга	Волго-Донск. Межд.	Дон	Левобер. Украина	Правобер. Украина	
Пуговицы	8	3	11	14	1	5	10	52
Всего погр. в группе	129	72	99	70	29	31	37	467
% погребений с пуговицами	6,2	4,2	11	20	3,4	16	27	11
Порог значимости, %	3	5	4	5	12	11	10	0,8
Норма распред.	12,5	12,5	12,5	12,5	12,5	12,5	12,5	
Тенденция встречаемости	0,5	0,3	0,9	1,6	0,3	1,3	2,2	

Таблица 59.

Распределение футляров в погребениях кочевников Золотой Орды (по признаку пола)

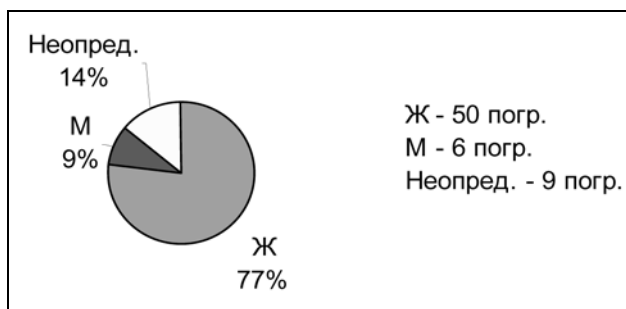

Таблица 60.

Статистический анализ встречаемости футляров в погребениях с золотыми предметами (абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)

Показатель	Наличие или отсутствие золотых предметов	Наличие или отсутствие футляров	
		Есть	Нет
Количество	Погребения с золотом	4	28
	Погребения без золота	61	374
Частость	Погребения с золотом	12,5	87,5
	Погребения без золота	14	86
Норма распределения		13,3	86,8
Тенденция встречаемости	Погребения с золотом	0,9	1
	Погребения без золота	1,1	1

Таблица 61.

Локализация футляров в погребениях кочевников Золотой Орды

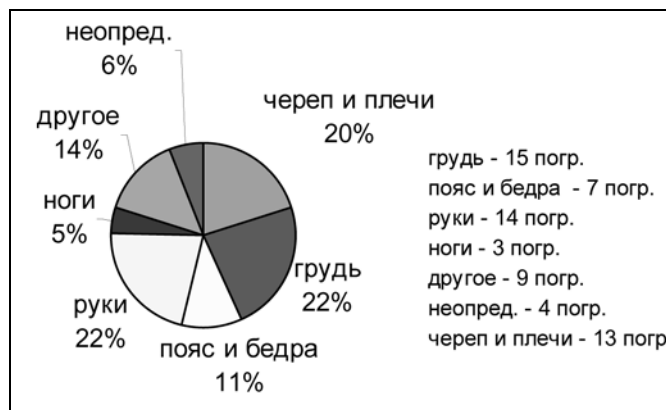

Таблица 62.

Характеристика сохранившихся материалов от футляров из погребений кочевников Золотой Орды

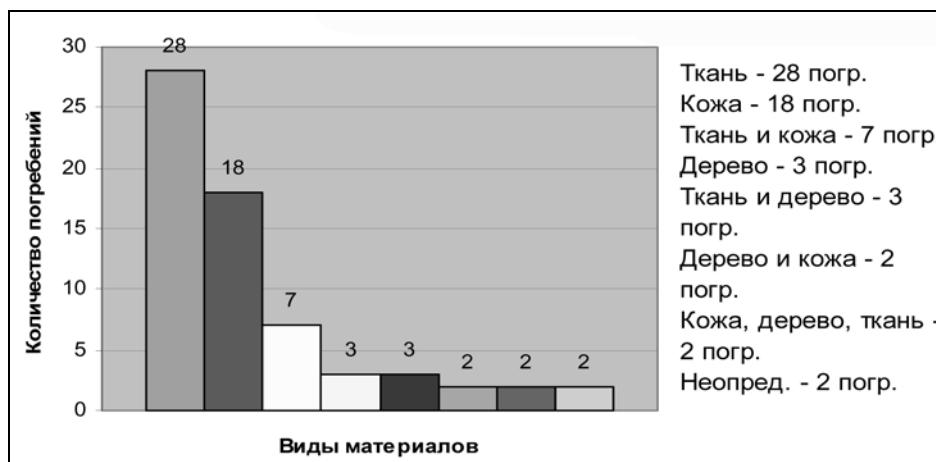

Таблица 63.

Статистический анализ встречаемости сумок в мужских и женских погребениях кочевников XIII–XIV вв. (абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)

Показатель	Погребения по признаку пола	Сумки	
		есть	нет
Количество	Мужские	18	87
	Женские	10	217
	Всего	28	304
Частость совокупности	Мужские	17,1	82,9
	Женские	4,4	95,6
Норма распределения		10,8	89,3
Тенденция совокупности	Мужские	1,6	0,9
	Женские	0,4	1,07

Таблица 64.

Статистический анализ встречаемости сумок в погребениях с золотыми предметами (абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)

Показатель	Наличие или отсутствие золотых предметов	Наличие или отсутствие сумок	
		Есть	Нет
Количество	Погребения с золотом	3	29
	Погребения без золота	31	404
Частость	Погребения с золотом	9,4	90,6
	Погребения без золота	7,1	92,9
Норма распределения		8,3	91,8
Тенденция встречаемости	Погребения с золотом	1,1	1
	Погребения без золота	0,9	1

Таблица 65.

Локализация сумок в погребениях кочевников Золотой Орды

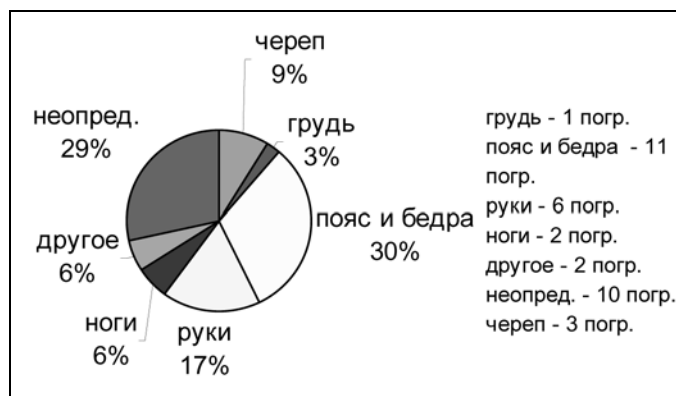

Таблица 66.

Погребальные комплексы кочевников Золотой Орды, в которых одновременно были обнаружены сумки и футляры

Памятник	Лет	Пол
Харьковка гр.Б кург.2		М
Тлягуловский кург.4	38-40	Ж
Архаринский-II кург.14		Ж
Станция №8 (Белая гора) кург.2		Ж
Олень-Колодезь кург.9	Взрослая	Ж

Таблица 67.

Статистический анализ распределения футляров и сумок в погребениях золотоордынских кочевников по локальным группам (абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)

Показатели и категории	Локальная группа							Всего
	Южн. Приуралье	Нижн. Волга	Ср. Волга	Волго-Донск. Межд.	Дон	Левобер. Украина	Правобер. Украина	
Погр. с футлярами	22	9	15	15	1	1	2	65
Погр. с сумками	8	8	8	3	4	1	2	34
Погр.с футлярами и сумками	29	16	23	16	4	2	4	94
Всего погр в группе	129	72	99	70	29	31	37	467
% погр. с футлярами и сумками	22,5	22,2	23,2	22,9	13,8	6,5	10,8	
Порог значимости, %	3	5	4	5	12	11	10	0,8
Норма распределения	17,4	17,4	17,4	17,4	17,4	17,4	17,4	
Тенденция встречаемости	1,3	1,3	1,3	1,3	0,8	0,4	0,6	

Таблица 68.

Распределение зеркал в погребениях кочевников Золотой Орды (в соответствии с типологией)

<p>Отдел А.</p> <p>Без орнамента.</p> <p>Тип I (6 экз.). С небольшим утолщением у края. Диаметр 6,6-10 см.</p> <p>Зеркала данного типа были обнаружены в следующих памятниках кочевников: Каменно-Озерный погр.1; Колобовка кург.4; Давыдовка-III кург.1; Лола-II кург.2; Мамай-Гора зап. гр. погр.4.; Станция № 8 кург.2; Гвардейский кург.3.</p> <p>Тип II (5 экз.). С небольшим утолщением у края, с выпуклостью или петлей в центре. Диаметр 6-8 см.</p> <p>Найдены в памятниках: Хабарный-I кург.7; Пчельник кург.6; Покровск кург.5; Элистинский кург.24; имение П.П. Высоцкого кург.1.</p> <p>Тип III (9 экз.). С небольшим утолщением у края, с боковой ручкой. Диаметр 5-7 см.</p> <p>Встречены в кочевнических погребальных памятниках: Пчельник кург.4; Мертвецовский-II кург.6; Ново-Кумакский кург.1; Илецкая Защита кург.19; Новая Казанка. Кара-Оба кург.3; Солодовка-II кург.5; Суслы кург.40; Балымерские кург.3 погр.2; Басы-I погр.1.</p>
<p>Отдел Б.</p> <p>С концентрическими кругами.</p> <p>Тип I (2 экз.). С небольшим утолщением у края. Диаметр одного зеркала 10 см.</p> <p>Обнаружены в погребениях: Лебедевка-VIII кург.3; Сукля кург.143.</p> <p>Тип II (8 экз.). С небольшим утолщением у края, с выпуклостью или петлей в центре, украшено концентрическими кругами. Диаметр 5-10 см.</p> <p>Зеркала данного типа найдены в памятниках: Мустаево-V кург.11; в сборах Жана-Унем; Усть-Курдюм-I кург.2; Усть-Курдюм кург.1; Пугачев; Три брата кург.11; Котовка-III погр.2; Плоское кург.68.</p> <p>Тип III (5 экз.). С утолщением по краю и с боковой ручкой. Диаметр 7-8 см.</p> <p>Обнаружены: Буранчи-I кург.7 погр.2; Башкир-Беркутово кург.3; 2-е Имангулово-III кург.1; Пугачев кург.1; Яшкуль кург.1.</p>
<p>Отдел В.</p> <p>С концентрическими кругами и овалами в промежутке между кругами.</p> <p>Тип I (1 экз.). С утолщением по краю.</p> <p>Обнаружено в погр.4 у с. Максимовка.</p> <p>Тип II (1 экз.). С валиком по краю, петлей в центре и орнаментом, состоящим из чередований окружностей и Т-образных значков.</p> <p>Зеркало данного типа было найдено на территории Южного Приуралья – Юлдыбаевский кург.2.</p> <p>Тип III (1 экз.). С ромбами, вписанными между кругами, с утолщением по краю и с боковой ручкой.</p> <p>В центральную окружность вписана розетка.</p> <p>Обнаружено в кург.4 Аула №1 гр. II.</p> <p>Тип IV (1 экз.). Со стилизованным растительным орнаментом, типа «бегущая волна», с утолщением по краю.</p> <p>Обнаружено в могильнике Визенмиллер-III кург.5.</p>
<p>Отдел Г.</p> <p>С орнаментом из дуг, повернутых выпуклостями к центру.</p> <p>Тип I (2 экз.). Арочный орнамент состоит из одной или нескольких линий. Диаметр 6-8 см.</p> <p>Зеркало данного типа с круглыми выпуклостями в центре обнаружено в могильнике Старо-Елшанский погр.1. В монографии В.А. Иванова и В.А. Кригера зеркала подобного типа отнесены к типу Ж I. Разновидность этого типа зеркала из кургана 13 могильника Харинка имеет изображение в центре многолепестковой розетки.</p> <p>Тип II (2 экз.). С петлей и окружностями в центре. На одном экземпляре внутри боковых арок имеются выпуклости и между арками V-образный орнамент. Диаметр 9,5 см.</p> <p>Зеркала рассматриваемого типа были найдены в могильнике Урал кург. 5, Пчельник кург.3.</p>
<p>Отдел Д.</p> <p>С орнаментом в виде многолепестковой розетки.</p> <p>Тип I (4 экз.). Многолепестковая розетка представлена в виде пересекающихся дуг или окружностей.</p> <p>Диаметр 6,6-7 см.</p> <p>Найдены в могильниках: Солодовка-II кург.3 погр.1; Маляевка кург.2; Усинский-II погр.15; Аткарск кург.29.</p> <p>Тип I а (1 экз.). С утолщением по краю без ручки. Орнамент в виде четырехлепестковой розетки. По краю идет бордюр с насечками; между лепестками – стилизованный растительный орнамент. Внутри основного рисунка композиция из маленьких 8 лепестковых розеток с точкой в каждом лепестке.</p> <p>Песчаный остров погр.5.</p> <p>Тип II (2 экз.). Диск с двумя валиками: один – по краю, другой в центре. Между валиками – арочный орнамент, в центре – многолепестковая розетка.</p> <p>Найдены в могильнике Жаман-Каргала кург. 30; Ново-Кумакский кург.14.</p> <p>Тип III (1 экз.). С валиком по краю, в центре по периметру – многолепестковые розетки.</p>

Обнаружено в Башкир-Беркутово кург.2.

Отдел Е.

С крестовидным орнаментом.

Тип I (3 экз.). С утолщением у края, с выпуклостью или петлей в центре. Диаметр 8 см. На одном зеркале крестовидный орнамент делит всю поверхность изделия на четыре сектора, в каждом имеется по две насечки и круглые выпуклости.

Рассматриваемые изделия найдены: Джангала Кара-Оба кург.12; Новая Казанка. Кара-Оба кург.12; Штрасбург кург.1.

Отдел Ж.

С крестовидно-арочным орнаментом.

Тип I (5 экз.). С петлей в центре. Диаметр 4 – 6,5 см.

Найдены в памятниках: Хабарный-I кург. 9; Козинка-I кург.5; Парканы кург.18; Сукля кург.1, 144.

Тип II (3 экз.). Такое же как тип I. Диаметр 8-10 см.

Покровск кург.8; Александровский кург.3; Потемкино кург.10.

Тип III (1 экз.). С крестово-арочным орнаментом и с боковой ручкой. Диаметр 6 см.

Обнаружено на Дону – Олень-Колодезь кург.9.

Отдел З.

С крестовидно-арочным и зигзагообразным орнаментом.

Тип II (1 экз.). Диск с двумя валиками в центре, между первым и вторым валиком – рельефные угольнички, стоящие на валике. В центре – арочный орнамент из трех линий.

Аул № 1 Гр. I кург.3.

Отдел И.

С крестовидным усложненным орнаментом.

Тип I (1 экз.). С утолщением у края.

Найдено в погребении 1 кургана 1 могильника у села Козицкое (Саратовская область).

Отдел К.

С изображением четырех животных (божеств), бегущих по кругу.

Тип I (3 экз.). Зеркало с петлей в центре.

Найдено в кургане 1 могильника у села Лысье горы, в кургане 6 Станции Моздок и в кургане 1 могильника Джангала, Сарайдин.

Тип II (2 экз.). С изображением четырех божеств и помещенных по сторонам драконов.

Байряки-Тамак; в Волго-Донском междуречье – Летницкое.

Отдел Л.

С изображением двух драконов (ящериц).

Тип IV* (1 экз.). С рельефным изображением двух ящериц (?). Диаметр 9 см.

Зеркало было найдено в Резяповском погребении на территории Южного Приуралья.

Отдел М.

С изображением лисиц и плодов.

Тип I (1 экз.). С высоким краем. Диаметр 9 см.

Потемкино кург.2.

Отдел Н.

С изображением рыб.

Тип I (13 экз.). С высоким краем. Диаметр 7-10 см.

Найдены в памятниках: Покровский-IV кург.18 погр.1; За Малым Узенем (оз. Ашикулак) кург.16; Пчельник кург.2; Жана-Унем (сборы); Слобода Рудня кург.1; Маляевка кург.7; Шляховский-III кург.1 погр.1; Гвардейский кург.24; погр. «Человечья голова»; Аткарск кург.13, кург.10; Гува-III кург.1; Цаган-Эльсин кург.7 погр.3.

Отдел О.

С изображением бегущих собак и зайцев.

Тип II (5 экз.). Диск с выступом в центре. На памятниках Приуралья к этому типу отнесены изделия с двумя валиками по краю и выступом в центре. По окружности – изображения четырех собак с загнутыми хвостами. На одном зеркале собаки отделены друг от друга круглыми выступами, на других – животные изображены без орнамента между ними.

Алебастрово-II кург.5; Салтак-I кург.1; Покровск кург.2; Ровное кург.8; Высокая гора кург.3.

В Алебастрово-II кург.5 было обнаружено бронзовое зеркало тип О II по Иванову с бортиком по краю и обломанным ушком для подвешивания.

Тип III* (1 экз.). С валиками по краю. Крестовидный орнамент разделяет поверхность зеркала на 4 сектора.

В каждом секторе изображено по одному зверю, предположительно собаки, лисицы ? или гепарды, украшенные по туловищу круглыми пятнами. В центре зеркала – петля, на которой сохранились остатки шерстяного шнура.

Зеркало обнаружено в могильнике Маячный Бугор-I погр.188.

Отдел Р.

С куфической надписью вокруг центральной орнаментальной розетки.

Тип I (1 экз.). С остросереберным валиком и окружностью по краю диска. В центре две концентрические окружности.

Между окружностями – рельефная арабская надпись.

Обнаружено в кургане 11 могильника Харинка.

Отдел С.

С арабской надписью вокруг центральной орнаментальной розетки.

Тип I (7 экз.). С высокой закраиной. Диаметр около 8-9 см.

Жаман-Каргала кург.13; Жанаталапский-II курган погр.2; Камышин погр.2; Давыдовка-II кург.3; Нижняя Дуванка кург.3 погр.1; Власовский-I кург.3 погр.1 и в случайных находках в Ростове-на-Дону.

Отдел Т.

С четырьмя выпуклостями, расположенными крестообразно, в кольцевой полосе, с рельефными S-образными фигурами между ними.

Тип I (2 экз.). С высоким краем. Диаметр около 9-10 см.

Обнаружены данные зеркала на Дону – Нижняя Дуванка кург.4 и в случайных находках в Ростове-на-Дону.

Отдел Ф.

С орнаментом в виде многолепестковой розетки.

Тип II (1 экз.). Диск с валиком по краю, в центре – звезда. Между звездой и валиком – сердцевидный орнамент и изображения птиц.

Обнаружено на территории Южного Приуралья – Алебастрово-II кург.3.

Тип II а (1 экз.). С розеткой из шести овальных лепестков.

Такое зеркало было обнаружено на территории Южного Приуралья – Алебастрово-II кург.11.

Отдел Х.

С орнаментом в виде сетки из четырехлепестковых розеток.

Тип I (2 экз.). Диск с утолщением по краю, в центре – выступ. Вся поверхность диска покрыта орнаментом из рельефных линий, образующих квадратики с пятью маленькими выступами внутри каждого. Диаметр 9-10 см. Такие изделия были найдены в кургане 4 Глягуловского могильника и кургане 1 погребения 1 Балымерского могильника.

Отдел Ц.

С орнаментом в виде тюльпанов, лотосов или гранатов.

Тип I (3 экз.). С валиком по краю. Диаметр 8,5-11 см.

Царевский кург.15; Аткарский кург.1; Мамай-Гора, вост. гр. погр.4.

Отдел Ч.

С изображением «гона животных».

Тип I (2 экз.) С бортиком по краю и орнаментом из трех полос: внешней, на которой изображен гон животных на растительном фоне, средней и внутренней со стилизованным растительным орнаментом.

Нижняя Дуванка кург.2; Байряки-Тамакский могильник.

Отдел Ш.

С изображением «Ал Бораков».

Тип I (4 экз.). В центре диска изображены фигуры двух фантастических крылатых существ с человеческими лицами и львиным туловищем, стоящих на задних лапах спинами друг к другу и головами, развернутыми в фас. По краю диска – арабская надпись. На отдельных экземплярах диаметр составляет 11 и 12 см.

Большой Кинель; Му-Шарет-I, кург.4 погр.1; Есауловский, Кругляковский.

ОТДЕЛ Э.

С орнаментом из пересекающихся линий.

Тип I (1 экз.). С утолщением по краю, прямые линии отходят от центра к краю зеркала.

Обнаружено в могильнике Царевский кург.17.

ОТДЕЛ Я.

С изображением растений и животных.

Тип I (2 экз.). С бортиком по краю, выпуклостью или окружностью в центре. Изображение состоит из переплетающихся побегов, человеческих личин и стилизованных голов животных.

Зеркала рассматриваемого типа были найдены в могильнике Харинка кург.2 и в кургане 37 между станцией Казанской и Тифлисской.

Тип IV (2 экз.). С изображением гусей или журавлей (лебедей).

Обнаружены в погребениях кочевников: Нижняя Добринка кург.1 погр.1; Кулики.

Тип V* (5 экз.). С валиком по краю и стилизованными растительными побегими. На некоторых экземплярах побег и «овы».

Жаман-Каргала-I кург.12, кург.22; Солодовка-II кург.7 погр.1; Маячный-I кург.224.

Таблица 69.

Локализация зеркал в погребениях кочевников Золотой Орды

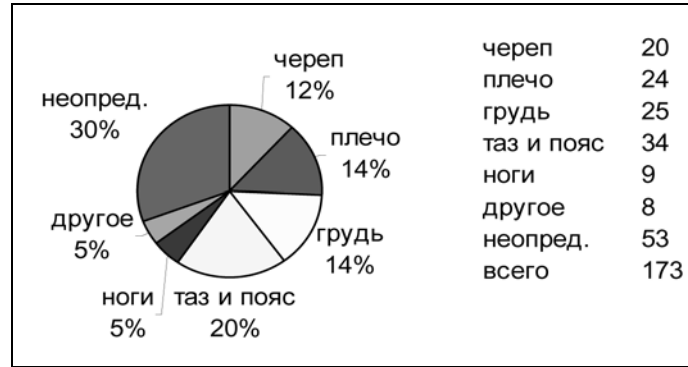
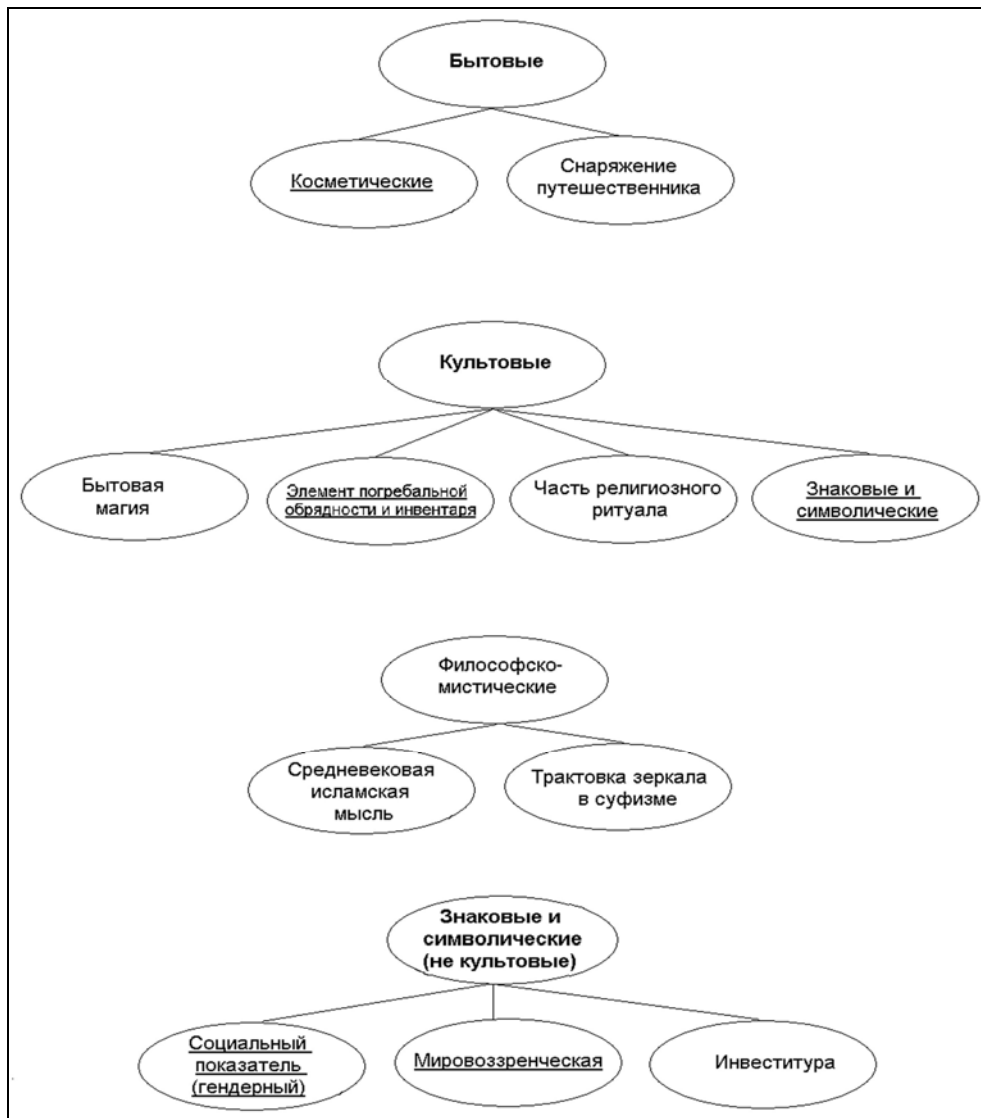

Таблица 70.

Обобщенная модель функций зеркал в различных культурах
(на основе функций, выделенных К.А. Руденко)

Косметические (и далее выделены подчеркиванием) – функции, характерные для культуры кочевников Золотой Орды.

Таблица 71.

Статистический анализ встречаемости зеркал в погребениях с золотыми предметами (абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)

Показатель	Наличие или отсутствие золотых предметов	Наличие или отсутствие зеркал	
		Есть	Нет
Количество	Погребения с золотом	7	25
	Погребения без золота	166	269
Частость	Погребения с золотом	21,9	78,1
	Погребения без золота	38,1	61,8
Норма распределения		30	70
Тенденция встречаемости	Погребения с золотом	0,7	1,1
	Погребения без золота	1,3	0,9

Таблица 72.

Статистический анализ распределения типов зеркал из погребений кочевников Золотой Орды по локальным группам (абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)

Типы зеркал	Локальная группа							Всего	Материал
	Южн. Приуралье	Нижн. Волга	Ср. Волга	Волго-Донск. межд.	Дон	Левобер. Украина	Правобер. Украина		
AI	1	1	2	2	-	1		7	Бронз. – 5 экз. Неизв. – 1 экз.
AII	2	-	1	1	-	-	1	5	Бронз. – 4 экз. Неизв. – 1 экз.
AIII	5	1	2	1	-	-	-	9	Бронз. – 8 экз. Неизв. – 1 экз.
BI	1	-	-	-	-	-	1	2	Бронз. – 2 экз.
BII	1 (1)	-	3	1	-	1	1	8	Бронз. – 6 экз. Серебр. – 1 экз. Неизв. – 1 экз.
BIII	3	-	1	1	-	-	-	5	Бронз. – 4 экз. Серебр. – 1 экз.
VI	-	-	-	-	-	1	-	1	Неизв. – 1 экз.
VII	1	-	-	-	-	-	-	1	Серебр. – 1 экз.
VIII	1	-	-	-	-	-	-	1	Серебр. – 1 экз.
IV	-	-	1	-	-	-	-	1	Бронз. – 1 экз.
GI	1	-	-	1	-	-	-	2	Бронз. – 1 экз. Неизв. – 1 экз.
GII	2	-	-	-	-	-	-	2	Бронз. – 1 экз. Неизв. – 1 экз.
DI	-	2	3	-	-	-	-	5	Бронз. – 2 экз. Неизв. – 2 экз.
DII	2	-	-	-	-	-	-	2	Бронз. – 1 экз. Неизв. – 1 экз.
DIII	1	-	-	-	-	-	-	1	Бронз. – 1 экз.
EI	2	1	-	-	-	-	-	3	Бронз. – 3 экз.
ZI	1	-	-	1	-	-	3	5	Бронз. – 5 экз.
ZII	-	1	2	-	-	-	-	3	Бронз. – 2 экз. Неизв. – 1 экз.
ZIII	-	-	-	-	1	-	-	1	Биллон. – 1 экз.
ZIV	1	-	-	-	-	-	-	1	Бронз. – 1 экз.
II	-	-	1	-	-	-	-	1	Бронз. – 1 экз.
KI	1	-	1	1	-	-	-	3	Бронз. – 2 экз. Неизв. – 1 экз.
KII	-	-	(1)	1	-	-	-	2	Бронз. – 1 экз. Неизв. – 1 экз.
LIV	1	-	-	-	-	-	-	1	Бронз. – 1 экз.
MI	-	1	-	-	-	-	-	1	Бронз. – 1 экз.

Н I	4	3	4	2	–	–	–	13	Бронз. – 11 экз. Биллон. – 1 экз. Неизв. – 1 экз.
О II	2	–	2	–	1	–	–	5	Бронз. – 5 экз.
О III	–	1	–	–	–	–	–	1	Бронз. – 1 экз.
Р I	–	–	–	1	–	–	–	1	Бронз. – 1 экз.
С I	2	1	1	–	2 (1)	–	–	7	Бронз. – 4 экз. Серебр. – 1 экз. Неизв. – 2 экз.
Т I	–	–	–	–	1 (1)	–	–	2	Бронз. – 1 экз. Неизв. – 1 экз.
Ф II, Па	2	–	–	–	–	–	–	2	Бронз. – 2 экз.
Х I	1	–	1	–	–	–	–	2	Неизв. – 2 экз.
Ц I	–	1	1	–	–	1	–	3	Бронз. – 3 экз.
Ч I	–	–	(1)	–	1	–	–	–	Бронз. – 1 экз. Неизв. – 1 экз.
Ш I	–	–	1	1	2	–	–	4	Бронз. – 2 экз. Неизв. – 2 экз.
Э I	–	1	–	–	–	–	–	1	Бронз. – 1 экз.
Я I	–	–	–	2	–	–	–	2	Бронз. – 1 экз. Медн. – 1 экз.
Я IV	–	1	–	1	–	–	–	2	Бронз. – 1 экз. Неизв. – 1 экз.
Я V	2	2	–	–	–	–	–	4	Бронз. – 1 экз. Серебр. – 1 экз. Неизв. – 2 экз.
Неопред. тип	13	6	10	13	2	3	7	54	
Всего погр. с зеркалами	54	23	39	30	12	7	13	178	
Всего погр в группе	130 (1)	72	101 (2)	70	31 (2)	31	37	472	
% погр. с зеркалами	41,5	31,9	38,6	42,8	38,7	22,5	35	37,7	
Порог значимости, %	3	5	4	5	11	11	10	0,8	
Норма распре-деле-ния	35,9	35,9	35,9	35,9	35,9	35,9	35,9		
Тенд. встречаемости	1,2	0,9	1	1,2	1	0,6	1		

В скобках представлены данные по зеркалам, происходящих из случайных сборов.

Таблица 73.

Статистический анализ встречаемости ожерелий в погребениях с золотыми предметами (абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)

Показатель	Наличие или отсутствие золотых предметов	Наличие или отсутствие ожерелий	
		Есть	Нет
Количество	Погребения с золотом	6	26
	Погребения без золота	41	394
Частость совокупности	Погребения с золотом	19	81
	Погребения без золота	9,4	90,6
Норма распределения		14,2	85,8
Тенденция встречаемости	Погребения с золотом	1,3	0,9
	Погребения без золота	0,7	1,1

Таблица 74.

Распределение женских погребений по локальным группам (абсолютные, относительные показатели)

Показатели	ЮП	НВ	СВ	В-Д	Д	ЛУ	ПУ
Абсолютные	75	33	53	34	9	9	14
Относительные	58	46	54	48	31	29	38

Таблица 75.

Распределение погребений с предметами из золота по локальным группам (абсолютные, относительные показатели)

Показатели	ЮП	НВ	СВ	В-Д	Д	ЛУ	ПУ
Абсолютные	8	2	2	5	7	3	5
Относительные	6	3	2	7	24	10	14

Таблица 76.

Статистический анализ встречаемости серег в погребениях с золотыми предметами (абсолютные, относительные показатели, норма распределения, тенденция встречаемости)

Показатель	Наличие или отсутствие золотых предметов	Наличие или отсутствие серег	
		Есть	Нет
Количество	Погребения с золотом	32	0
	Погребения без золота	136	299
Частость совокупности	Погребения с золотом	100	0
	Погребения без золота	31	69
Норма распределения		65,5	34,5
Тенденция встречаемости	Погребения с золотом	1,5	0
	Погребения без золота	0,5	2

Таблица 77.

Представительные признаки, характеризующие убранство костюма золотоордынских кочевников

№	Категория	Локальная группа							Все локальные группы
		ЮП	НВ	СВ	В-Д	Д	ЛУ	ПУ	
1	Серьги	+	+	+	+	+	+	+	+
2	Ожерелье	+	+	+	+	-	-	+	+
3	Браслеты	-	-	-	-	-	-	-	+
4	Перстни	+	-	-	+	-	-	-	+
5	Бусы	+	+	+	+	+	+	+	+
6	Поясные принадлежности	+	+	+	+	+	+	+	+
7	Пуговицы	+	-	+	+	-	+	+	+
8	Сумки и футляры	+	+	+	+	+	-	+	+
9	Зеркала	+	+	+	+	+	+	+	+

Таблица 78.

Тенденция встречаемости категорий убранства и аксессуаров костюма золотоордынских кочевников

№	Категория	Локальная группа													
		ЮП		НВ		СВ		В-Д		Д		ЛУ		ПУ	
		Т	%	Т	%	Т	%	Т	%	Т	%	Т	%	Т	%
1	Серьги	0,8	34,1	1	38,9	0,6	23,2	0,8	31,4	1,4	55	1,1	45,2	1,4	56,8
2	Ожерелье	0,9	8,5	0,6	5,5	1,3	13	1,3	12,8	0,3	3,4	0,3	3,2	2,2	21,6
3	Браслеты	0,7	2,3	0	0	1	3	0,4	1,4	2,3	6,9	0	0	2,7	8
4	Перстни	0,9	4,7	0,8	4,2	0,5	3	2	11,4	1,3	6,9	0,6	3,2	1	5,4
5	Бусы	1	33	1	33	1,1	38	1,2	40	0,7	24	1	35	0,8	27
6	Поясные принадлежности	1	27,2	1	26,4	0,8	22,2	0,8	22,9	1,5	41,4	1,2	32,3	0,8	21,6
7	Пуговицы	0,5	6,2	0,3	4,2	0,9	11	1,6	20	0,3	3,4	1,3	16	2,2	27
8	Сумки и футляры	1,3	22,5	1,3	22,2	1,3	23,2	1,3	22,9	0,8	13,8	0,4	6,5	0,6	10,8
9	Зеркала	1,2	41,5	0,9	31,9	1	38,6	1,2	42,8	1	38,7	0,6	22,5	1	35

Т – тенденция встречаемости; % – относительные показатели.

ЮП – Южное Приуралье; НВ – Нижняя Волга; СВ – Средняя Волга; В-Д – Волго-Донское междуречье; Д – Дон; ЛУ – Левобережная Украина; ПУ – Правобережная Украина.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.
Иллюстрации

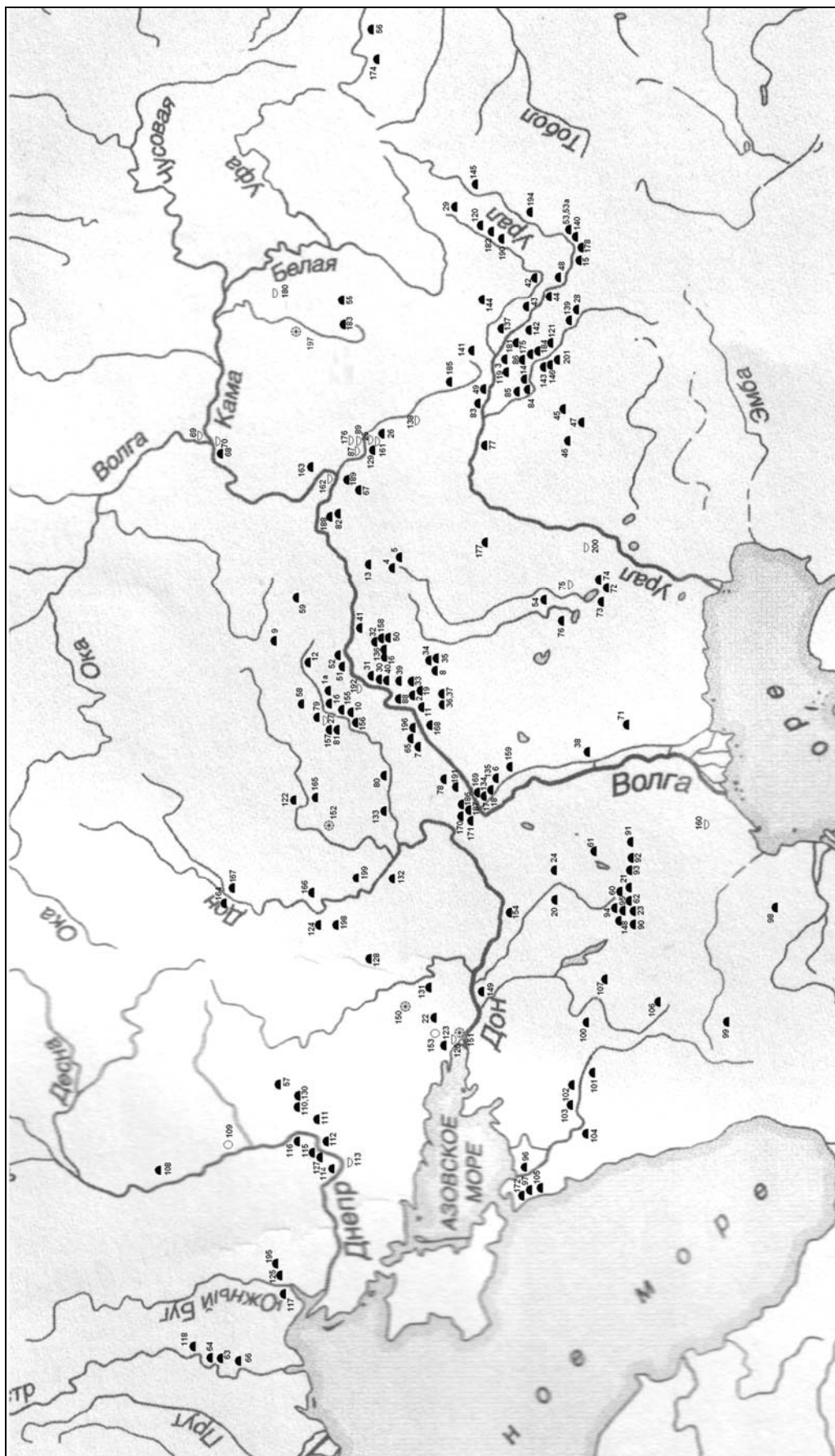
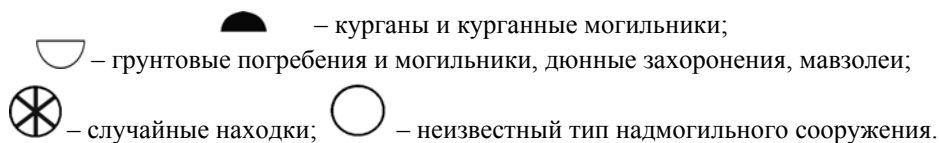

Рис. 1. Карта погребальных памятников кочевников Золотой Орды с элементами убранства и аксессуарами костюма.

А – курганы и курганные могильники; Б – грунтовые погребения и могильники, дюнные захоронения, мавзолеи; В – случайные находки; Г – неизвестный тип надмогильного сооружения.

1 а – Аткарский (А) (Ф.П. Коновалов, 1909); 1 б – Аткарский (А) (В.Н. Глазов, 1909; Н.К. Арзютов, 1928-1930); 2 – Бережновский (А); 3 – Буранчи (А); 4 – Давыдовка-II (А); 5 – Давыдовка-III (А); 6 – Заяры (А); 7 – Камышин (А); 8 – Курнаевка (А); 9 – Марьевка (А); 10 – Лысье Горы (А); 11 – Молчановка-I, II (А); 12 – Петровск (А); 13 – Пугачев (А); 14 – Пчельник (А); 15 – Салтак-I (А); 16 – Скатовка (А); 17 – Солодовка-II (А); 18 – Царевский (А); 19 – Штрасбург (А); 20 – Харинка (А); 21 – Архаринский-II (А); 22 – Ают (А); 23 – Лола-II (А); 24 – Балкин Хутор (А); 25 – Большой Шихан (Б); 26 – Гвардейский (А); 27 – Аткарский (Б); 28 – Жаман-Каргала (А); 29 – Ишкуловский-II (А); 30 – Покровск (А); 31 – Покровск, южн. гр. (А); 32 – Суслы (А); 33 – Визенмиллер-III (А); 34 – Блюменфельд, гр. А (А); 35 – Блюменфельд, гр. Б (А); 36 – Харьковка-I (А); 37 – Харьковка, гр. Б (А); 38 – Золотушинская. сев. гр. (А); 39 – Ровное (А); 40 – Козицкое (А); 41 – Боаро (А); 42 – Тлявгуловский (А); 43 – Новочеркасский-VII (А); 44 – Урал (А); 45 – Лебедевка-VIII (А); 46 – Лебедевка-II (А); 47 – Лебедевка-IV (А); 48 – Хабарный-I (А); 49 – Мустаево-V (в т.ч. мавзолей) (А); 50 – Мариенталь (А); 51 – Усть-Курдюм-I (Б.В. Зайковский, 1963) (А); 52 – Усть-Курдюм (И.В. Сينيцын, 1963) (А); 53 – Ново-Кумакский (М.Г. Мошкова, 1958, 1959, 1962; К.Ф. Смирнов, 1971-1973) (А); 53 а – Ново-Кумакский-II (В.А. Кригер, С.Н. Заседателева, 1979)(А); 54 – Мокринский-I (А); 55 – Аккулаевский (А); 56 – Федоровка (А); 57 – Котовка-I, III (А); 58 – Машевка (А); 59 – Царевщина (А); 60 – Гува-I, III (А); 61 – Купцын-Толга (А); 62 – Три Брата-I, II (А); 63 – Парканы (А); 64 – Плоское (А); 65 – Терновка (А); 66 – Сукля (А); 67 – Новопавловский (А); 68 – Бальмерский (А); 69 – Рождественский (Б); 70 – Песчаный остров (Б); 71 – Сайхин, ю-з гр. (А); 72 – Джангала, Сарайдин (А); 73 – Джангала, Кара-Оба (А); 74 – Курпе-Бай (А); 75 – Бек-Бике (Джангала-19) (Б); 76 – Новая Казанка, Кара-Оба (А); 77 – Алебастрово-II (А); 78 – Гусевка (А); 79 – Крутец (А); 80 – Слобода Рудня (А); 81 – Свинуха (Лесное) (А); 82 – Александровский (А); 83 – Россыпинские (А); 84 – Мертвецовский-I, II (А); 85 – Лиман (А); 86 – Казенная мельница (А); 87 – Максимовский (Б); 88 – Воронцовка (А); 89 – Виловатовский (Б); 90 – Элистинский (А); 91 – Станция № 5 (А); 92 – Станция № 8 (Белая гора) (А); 93 – Яшкуль (А); 94 – Бичкин-Булук (А); 95 – Цаган-Эльсин (А); 96 – Курчанская станица-III (А); 97 – Мыхако (А); 98 – Станция Моздок (А); 99 – Колония Карраса (А); 100 – Летницкое (А); 101 – Бесленевская (А); 102 – Казанская (А); 103 – между ст. Казанской и Тифлисской (А); 104 – Усть-Лабинский (А); 105 – Раевская (А); 106 – Кулики (А); 107 – Джухта-II (А); 108 – Васильевка (А); 109 – Максимовка (Г); 110 – Рясные могилы (А); 111 – Афанасьевский (А); 112 – Татарбранка (А); 113 – Мамай-Гора, вост., зап. гр. (Б); 114 – Грушевка (А); 115 – Григорьевка (А); 116 – Новогригорьевка-III, IV (А); 117 – Дымовка (А); 118 – Сербка (А); 119 – Башкирское стойло (А); 120 – Комсомольский-VI (А); 121 – Аул № 1 гр. I (А); 122 – Власовский-I (А); 123 – Русский колодец (А); 124 – Марки (А); 125 – Каменский (у Березанского лимана) (А); 126 – Каменная балка (Б); 127 – Благодатный (А); 128 – Нижняя Дуванка (А); 129 – Покровский (А) (Самарская область); 130 – Александровка (А); 131 – Черемшино (А); 132 – Высокая гора (А); 133 – Сенной (А); 134 – Маляевка (А); 135 – Колобовка (А); 136 – Мирный-II (Фриденберг) (А); 137 – Каменно-Озерный (А); 138 – Старо-Елшанский (Б); 139 – Жаксы-Каргала, Жаксы-Каргала-II (А); 140 – У Обелиска Славы (А); 141 – II Имангуловские-III (А); 142 – Жанаталапский-I, II (А); 143 – Тамар-Уткуль (А); 144 – Башкир-Беркутово (А); 145 – Покровский-IV (А); 146 – Покровский-I (А); 147 – Маячный-I, Маячный бугор (Б); 148 – Му-Шарет-I (А); 149 – Козинка-I (А); 150 – Есауловский курган (Б); 151 – Ростов-на-Дону (Б); 152 – Кругляковский (Б); 153 – Мануйловка (Г); 154 – Столетовская группа (А); 155 – Большая Князевка-I (А); 156 – Большая Дмитриевка (А); 157 – Чадаевка (А); 158 – Тонкошуровка (А); 159 – Белокаменка (А); 160 – Басы-I (Б); 161 – Человечья голова (Б); 162 – Усинский-II (Б); 163 – Гундоровский одиночный курган (А); 164 – Старая Калитва (А); 165 – Третьяки (А); 166 – Новый Буравль (А); 167 – Олень-Колодезь (А); 168 – Потемкино (А); 169 – Калиновский (А); 170 – Авиловский-I, II (А); 171 – Красная Котлубань (А); 172 – Мокитра (А); 173 – Целинный-I (А); 174 – Каменный Амбар-III (А); 175 – Илецкая Защита (А); 176 – Большой Кинель (Б); 177 – За Малым Узенем (оз. Ашикулак) (А); 178 – Худай-Берген (А); 179 – Благодольневский (А); 180 – Резяповское погребение (Б); 181 – Увак (А); 182 – Юлдыбаевский (А); 183 – Сынтгыштамак (А); 184 – Тимашев Колок-I (А); 185 – Новосергиевский (А); 186 – Шляховский-III (А); 187 – У хутора Вегютнев (А); 188 – Осинковский-I (А); 189 – Фокин курган (А); 190 – Сукраковские-II (А); 191 – Нижняя Добринка (А); 192 – Увек (мавзолей) (Б); 193 – Чауш (А); 194 – Новоорский-I (А); 195 – Имение П.П. Высоцкого (А); 196 – Даниловка (А); 197 – Байряки-Тамак (Б); 198 – Караяшник (А); 199 – Новая Меловатка (А); 200 – Жана-Унем (Б).

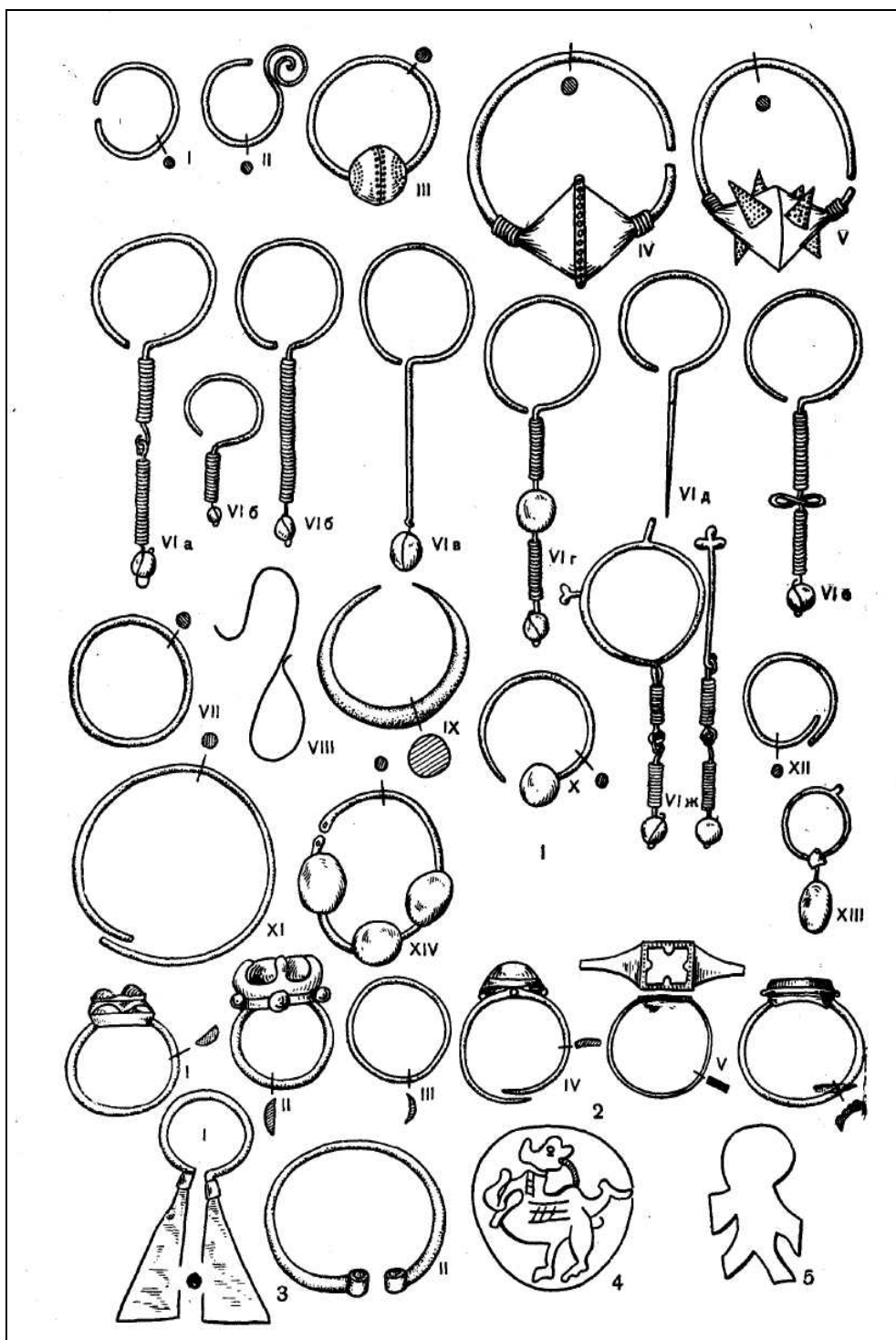

Рис. 2. Металлические изделия по типологии, разработанной Г.А. Федоровым-Давыдовым, для средневековых древностей: 1 – серьги; 2 – перстни; 3 – сьюлгамы; 4 – бляха; 5 – онгон (по Г.А. Федорову-Давыдову).

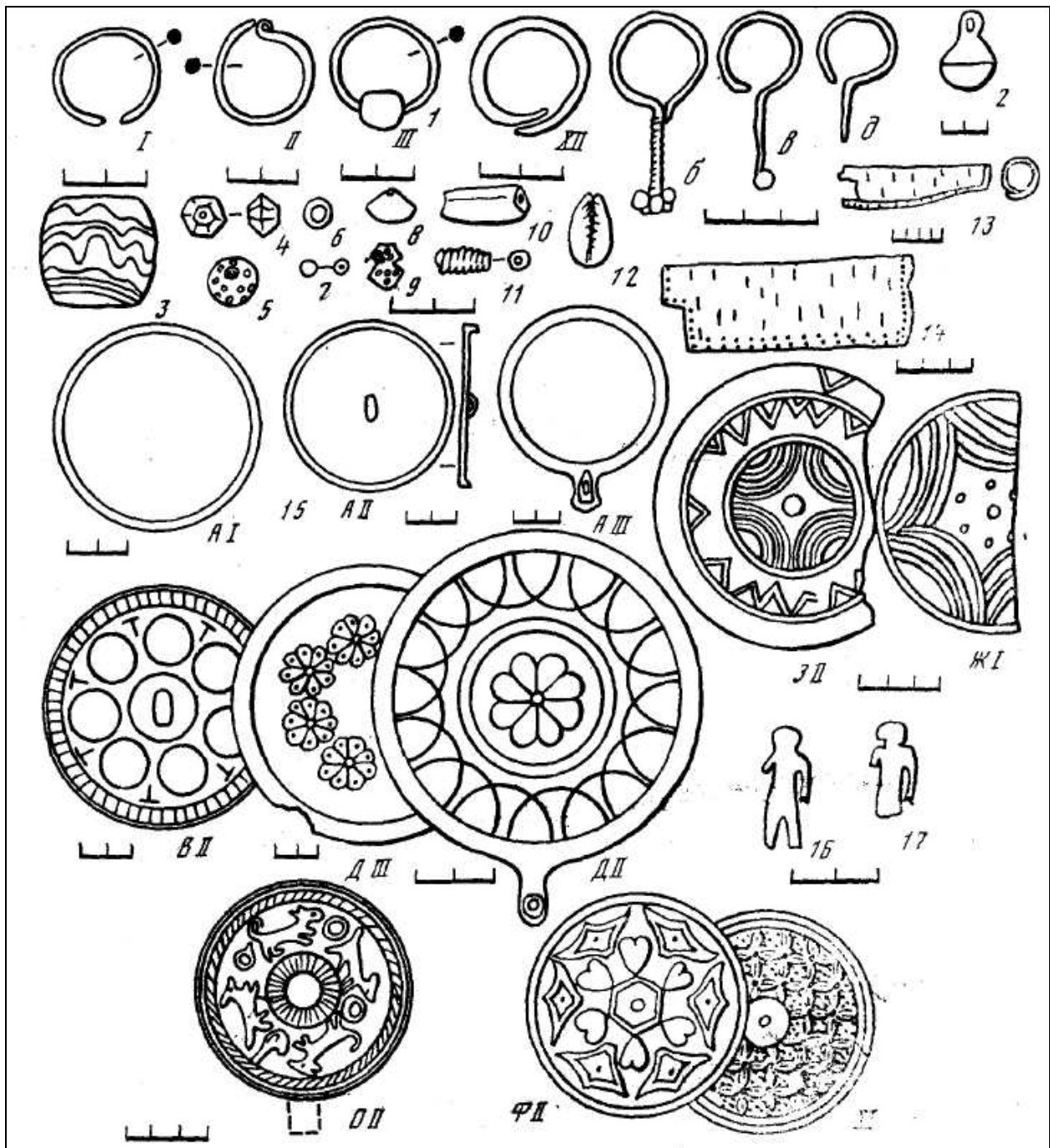

Рис. 3. Типы украшений и бронзовых зеркал из курганов XII–XIV вв. Южного Урала и Приуралья (по В.А. Иванову, В.А. Кригеру).

1

2

Рис. 4. Портреты представителей династии Юань.
1 – Хайшань-хан династии Юань; 2 – монгольская императрица династии Юань.

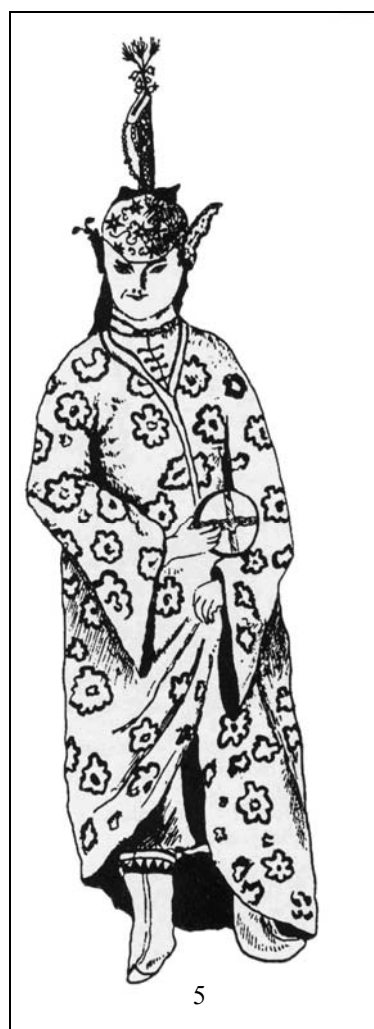
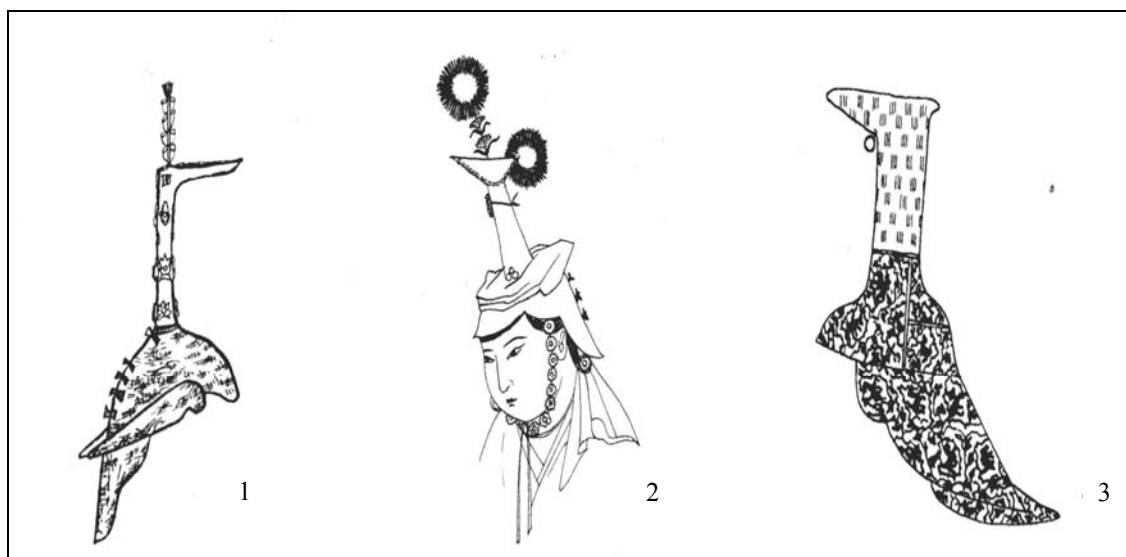

Рис. 5. Женские головные уборы эпохи Золотой Орды.
 1, 3 – находки из Увека и Царевского городища (по А.А. Кроткову и Е.П. Мыськову);
 2 – прорисовка из миниатюры 1330 года в собрании Музея Топкапы-Сарай в Стамбуле
 (по М.Г. Крамаровскому); 4 – реконструкция костюма знатной монголки, выполненная по материалам
 Новопавловского могильника (по З.В. Доде); 5 – реконструкция костюма знатной монголки XIV века
 с иранской миниатюры (по А.А. Кроткову).

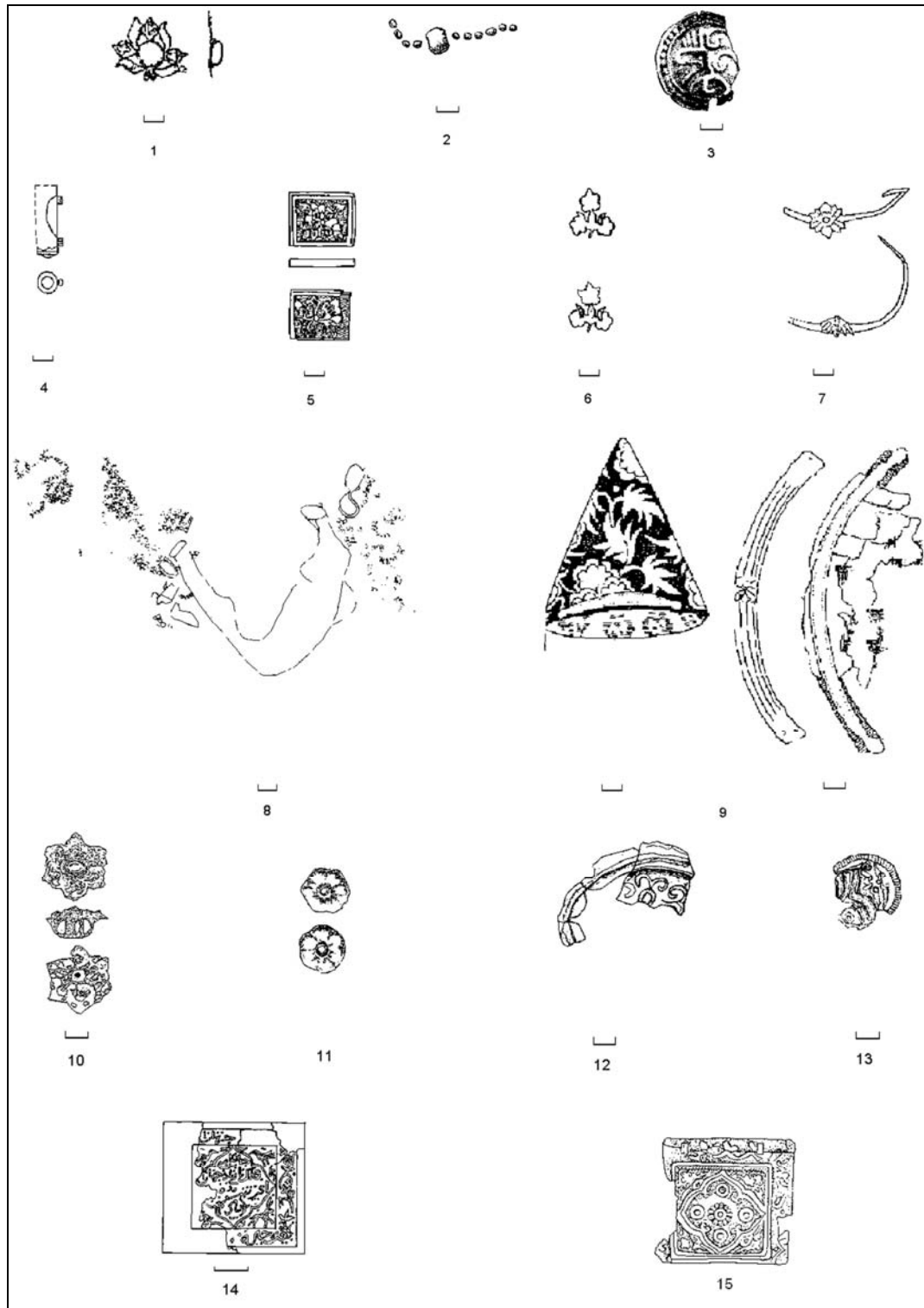

Рис. 6. Головные уборы кочевников XIII–XIV вв., их украшения и аналогии.

1 – Маляевка, кург.7 (по Б.Ф. Железчикову, Д.В. Кутукову); 2, 3 – Тлявгулово, кург.4 (по В.А. Иванову); 4-7 – Олень-Колодезь, кург.9 (по К.Ю. Ефимову); 8 – Бозок, раск.5, погр.2 (по К.А. Акишеву, Б.М. Хасеновой, Ю.А. Мотову); 9 – головной убор и его фрагменты из погребения воина XIV века (Казахстан; по А.Г. Максимовой); 10 – Шляховский-I, кург.2 (по Е.В. Круглову, В.М. Клепикову); 11 – Ишкуллово-II, кург.5 (по В.А. Иванову); 12 – Буранчи-I, кург.7, погр.2 (по Н.Л. Моргуновой, И.В. Дойниковой, Л.А. Краевой); 13 – Буранчи-I, кург.7, погр.1 (по Н.Л. Моргуновой, И.В. Дойниковой, Л.А. Краевой); 14 – Урал, кург.5 (по Р.М. Булгакову); 15 – Байряки-Тамак (по Е.П. Казакову).

1,4,5,12-15 – серебро; 2,9-11 – бронза; 2 – стекло; 3 – медь; 9 – золото; 6 – кожа; 9 – ткань.

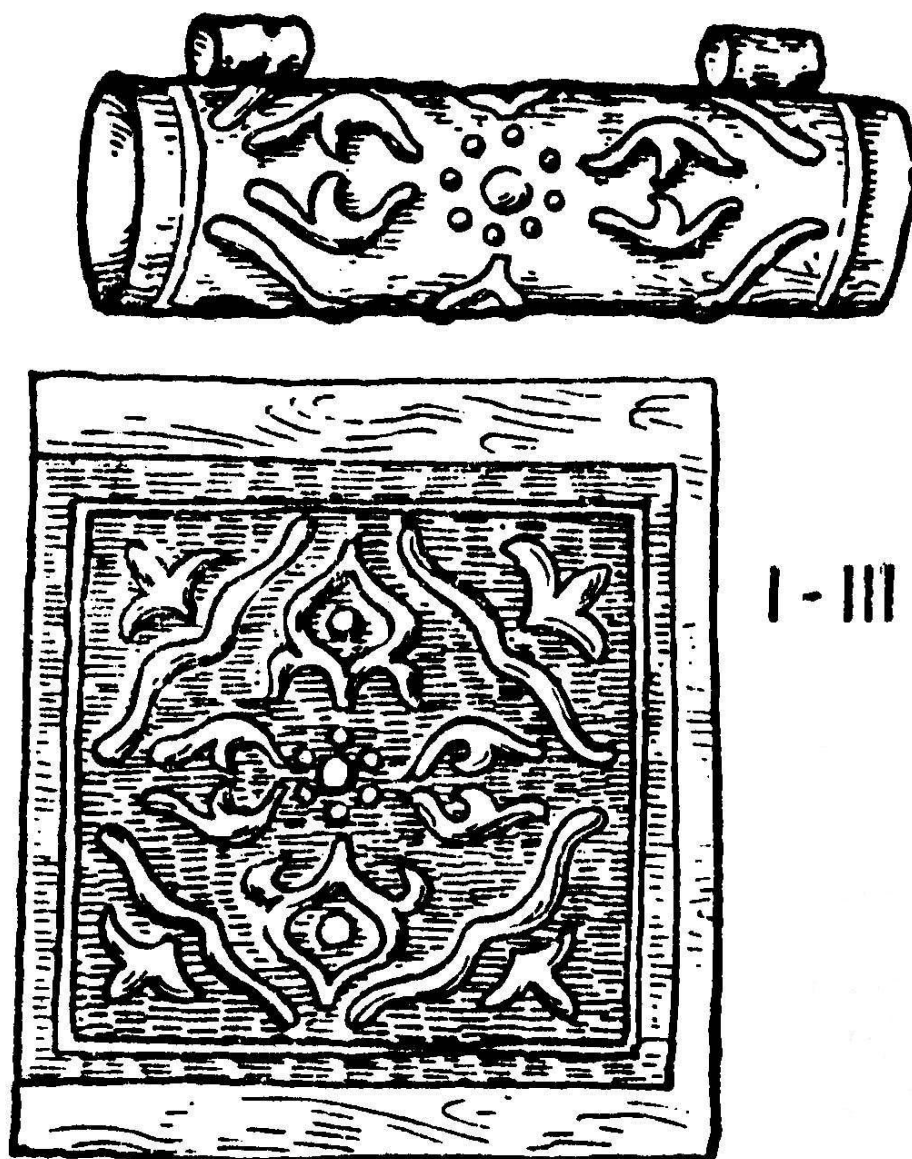

Рис. 7. Цилиндр-амулет – группа I, тип III по типологии Г.А. Федорова-Давыдова.

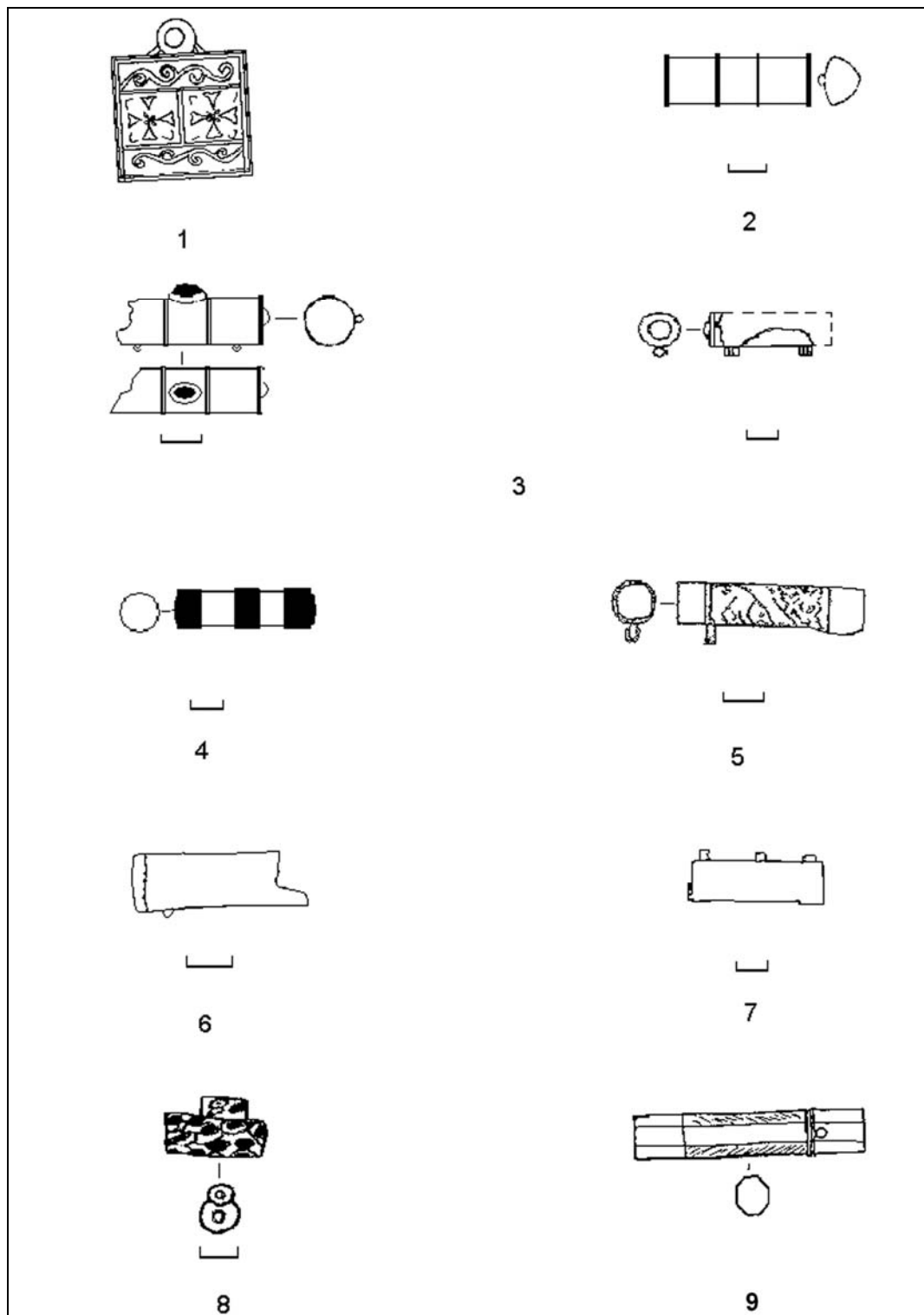

Рис. 8. Цилиндрические подвески гр. I (металлические), тип II, III, IV; гр. II (стеклянные), тип I.
 1 – Слобода Рудня, кург.1 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 2 – Высокая гора, кург.3 (по В.В. Кравцу, В.Д. Березуцкому, А.А. Бойко); 3 – Олень-Колодезь, кург.9 (по К.Ю. Ефимову); 4 – Мокринский-I, кург.11 (по А.А. Бисембаеву); 5 – Царевский, кург.16 (по В.И. Мамонтову, А.В. Ситникову); 6 – Новохарьковский, погр.50 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 7 – Мокринский-I, кург.16 (по А.А. Бисембаеву); 8 – Колобовка, кург.4 (по В.И. Мамонтову); 9 – Олень-Колодезь, кург.7 (по К.Ю. Ефимову).

1,3,7 – серебро; 2 – золото; 4,5,6 – бронза; 8,9 – стекло.
 1 – гр. I тип II; 2-6 – гр. I тип III; 7 – гр. I тип IV; 8 – гр. II тип I.

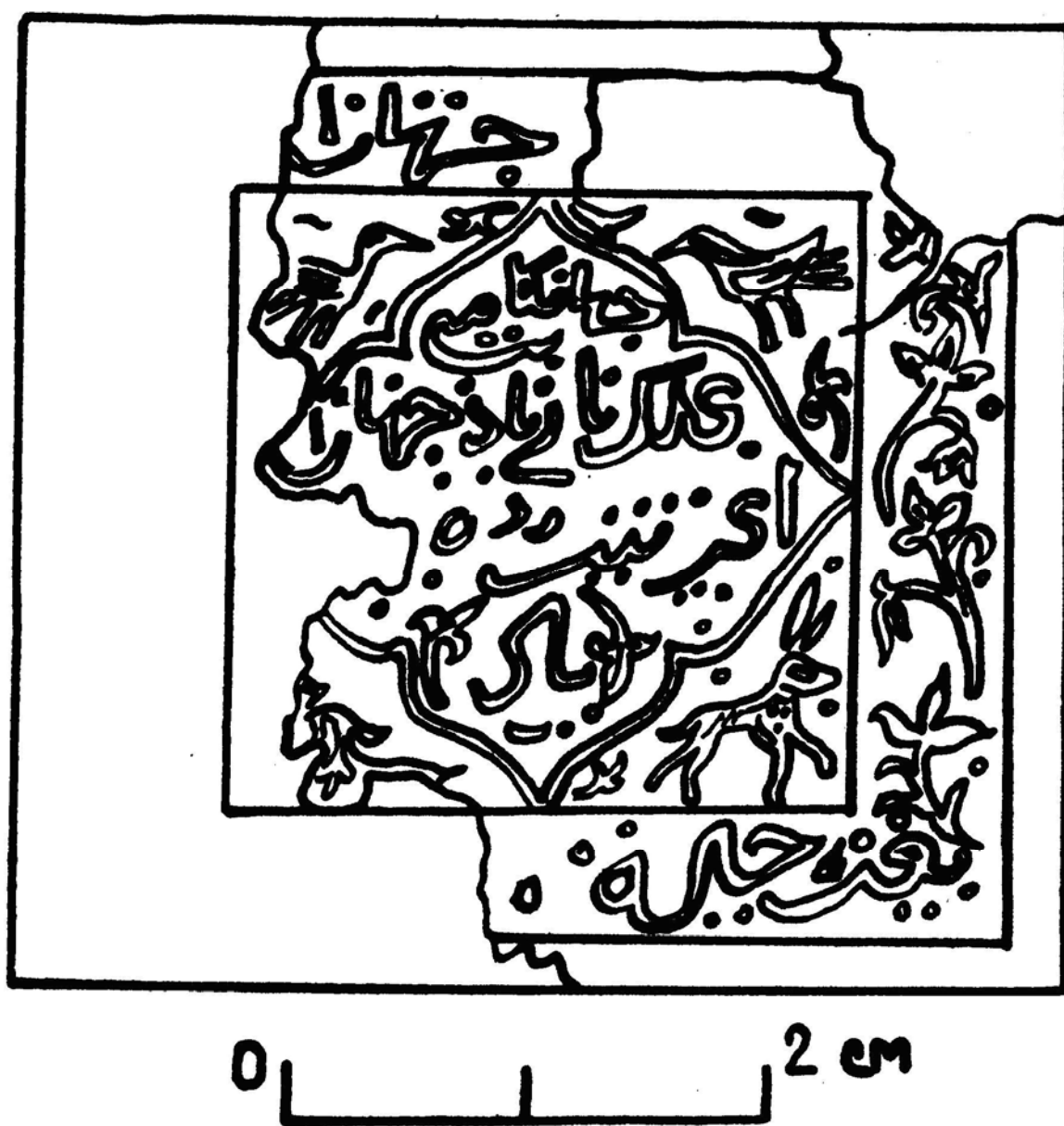

Рис. 9. Серебряная пластинка с надписью из кургана 5 Уральского могильника (по Р.М. Булгакову).

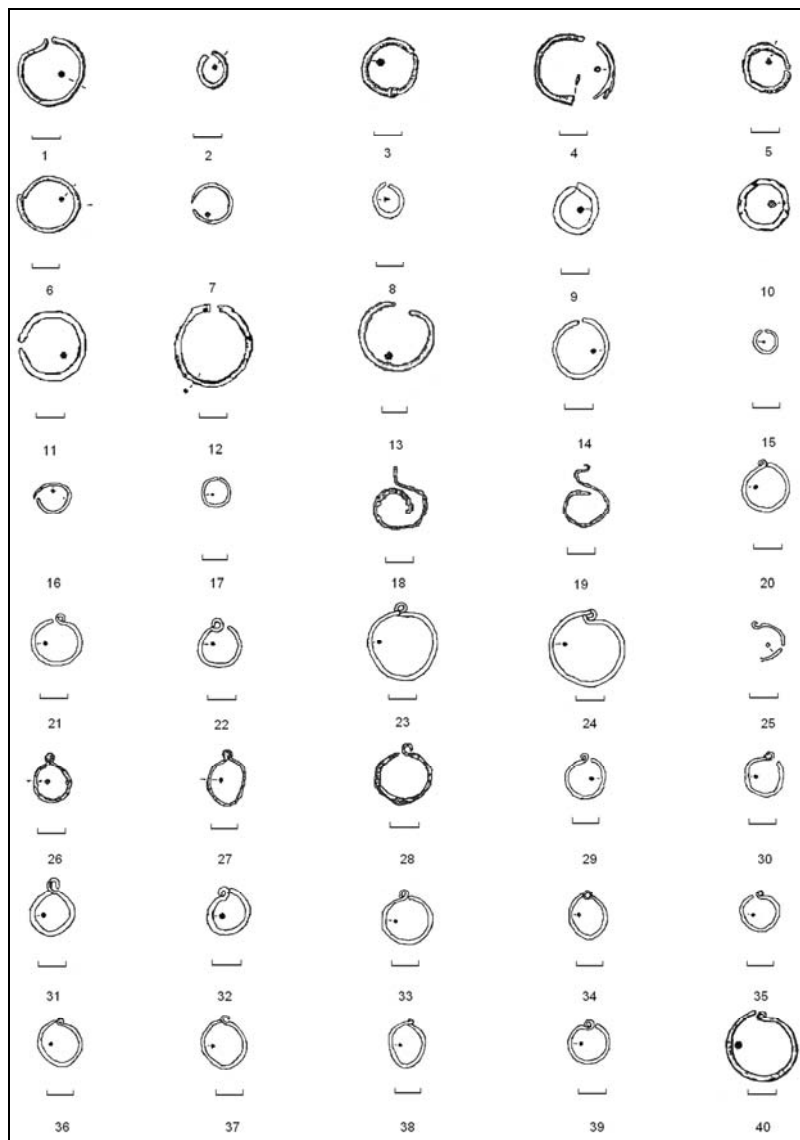

Рис. 10. Серьги типа I и II из погребений кочевников XIII–XIV вв. и памятников золотоордынского круга (Таганский и Новохарьковский могильники).

1 – Мамай-Гора, вост. гр., погр.3 (по М.В. Ельникову); 2 – Мамай-Гора, вост. гр., погр.2 (по М.В. Ельникову); 3 – Сынтыштамак, кург.4 (по С.М. Васюткину); 4 – Харинка, кург.2 (по А.Г. Атавину, И.С. Каменецкому); 5 – Мамай-Гора, зап. гр., погр.3 (по М.В. Ельникову); 6 – Мамай-Гора, зап.гр., погр.6 (по М.В. Ельникову); 7 – Сукраковские-II, кург.3 (по Г.Н. Гарустовичу); 8 – Новохарьковский, погр.74 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 9 – Новохарьковский, погр.3 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 10 – Лебедевка-II одиночный курган (по В.А. Кригеру); 11 – Высокая гора, кург.2 (по В.В. Кравец); 12 – Буранчи-I, кург.1, погр.2 (по Н.Л. Моргуновой, И.В. Дойниковой, Л.А. Краевой); 13 – Машевка, кург.12 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 14 – Новохарьковский, погр.10 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 15 – Новохарьковский, погр.104 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 16 – Сукраковские-II, кург.3 (по Г.Н. Гарустовичу); 17 – Новохарьковский, погр.27 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 18 – Козицкое, кург.1, погр.1 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 19 – Козицкое, кург.1, погр.1 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 20 – Новохарьковский, погр.46 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 21 – Новохарьковский, погр.48 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 22 – Новохарьковский, погр.79 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 23 – Новохарьковский, погр.88 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 24 – Новохарьковский, погр.88 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 25 – Таганский, раскоп 1, погр.14 (по Ю.П. Матвееву, М.В. Цыбину); 26 – Телеутский Взвоз-I, кург.9 (по А.А. Тишкину, В.В. Горбунову, А.А. Казакову); 27 – Телеутский Взвоз-I, кург.9 (по А.А. Тишкину, В.В. Горбунову, А.А. Казакову); 28 – Черемшинский, кург.4 (по К.И. Красильникову); 29 – Новохарьковский, погр.8 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 30 – Новохарьковский, погр.26 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 31 – Новохарьковский, погр.31 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 32 – Новохарьковский, погр.31 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 33 – Новохарьковский, погр.41 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 34 – Новохарьковский, погр.131 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 35 – Новохарьковский, погр. 95 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 36 – Новохарьковский, погр. 106 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 37 – Новохарьковский, погр. 119 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 38 – Новохарьковский, погр. 119 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 39 – Новохарьковский, погр.69 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 40 – Тлягуловский, кург.2 (по В.А. Иванову).

1-9, 28-39 – серебро; 10-11 – золото; 12-27 – бронза; 40 – медь. 1-17 – тип I; 18-40 – тип II.

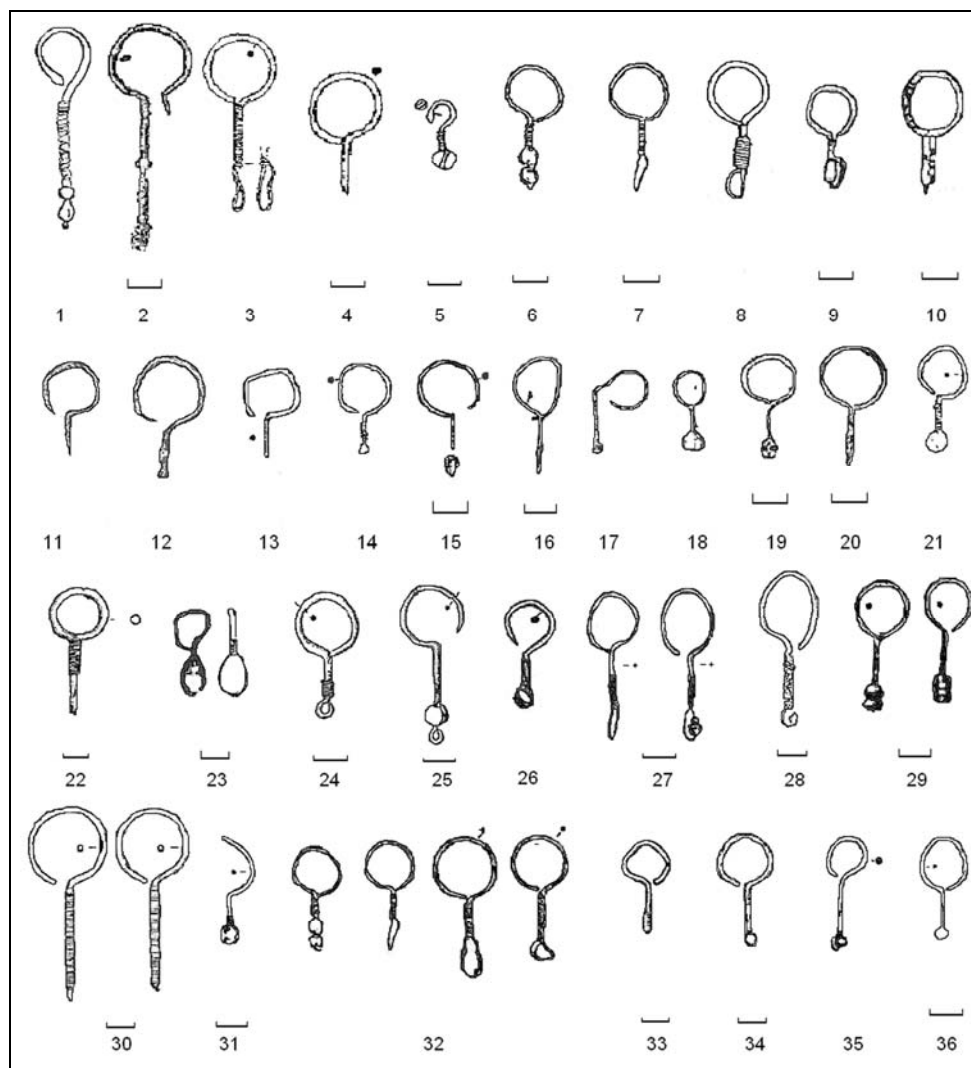

Рис. 11. Серьги типа VI а, б, в из погребений кочевников XIII–XIV вв. и памятников золотоордынского круга (Таганский и Новохарьковский могильники).

1 – Скатовка, кург.11 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 2 – Ишкулово-II, кург.4 (по В.А. Иванову); 3 – Высокая гора, кург.3 (по В.В. Кравцу, В.Д. Березуцкому, А.А. Бойко); 4 – Высокая гора, кург.3 (по В.В. Кравцу, В.Д. Березуцкому, А.А. Бойко); 5 – Лебедевка-VIII, кург.3 (по В.А. Кригеру); 6 – Маячный бугор (по Д.В. Васильеву); 7 – Маячный бугор (по Д.В. Васильеву); 8 – Олень-Колодезь, кург.7 (по К.Ю. Ефимову); 9 – Парканы, кург.2 (по А.О. Добролюбскому); 10 – Алебасторво-II, кург.11 (по В.А. Кригеру, Б.Ф. Железничкову); 11 – Аул № 1, гр.1, кург.3 (по Ф.Д. Нефедову); 12 – Аул № 1, гр.1, кург.3 (по Ф.Д. Нефедову); 13 – Аул № 1, гр.1, кург.3 (по Ф.Д. Нефедову); 14 – Аул № 1, гр.1, кург.3 (по Ф.Д. Нефедову); 15 – Джангала, Кара-Оба, кург.1 (по И.В. Синецкину); 16 – Козицкое, кург.1, погр.1 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 17 – Пчельник, кург.6 (по Ф.Д. Нефедову); 18 – Суслы, кург.40 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 19 – Таганский, раскоп 3, погр.8 (по Ю.П. Матвееву, М.В. Цыбину); 20 – Хабарный-I, кург.9 (по В.А. Иванову); 21 – Новохарьковский, погр.48 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 22 – Харинка, кург.13 (по А.Г. Атавину, И.С. Каменецкому); 23 – Бозок, раск.5, погр.2 (по К.А. Акишеву); 24 – Мамай-Гора, вост. гр., погр.4 (по М.В. Ельникову); 25 – Мамай-Гора, вост. гр., погр.4 (по М.В. Ельникову); 26 – Аткарск, кург.10 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 27 – Буранчи-I, кург.7 погр.1 (по Н.Л. Моргуновой, И.В. Дойниковой, Л.А. Краевой); 28 – Русский колодец, кург.10, погр.2 (по Л.С. Ильюкову, Л.М. Казаковой); 29 – Усть-Курдюм, кург.6 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 30 – Ростов-на-Дону. Случ. находки – ул. Баррикадная (по В.Н. Кузьмину); 31 – Новохарьковский, погр.50 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 32 – Маячный бугор (по С.А. Котенькову); 33 – Тасмола-IV, кург.2 (по М.К. Кадырбаеву, Р.З. Бурнашевой); 34 – Алебасторво-II, кург.5 (по В.А. Кригеру, Б.Ф. Железничкову); 35 – Увек, погр.2 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 36 – Новохарьковский, погр. 133 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину).
2,10-21,34 – бронза; 1,3-9,35 – золото; 22-31,36 – серебро.
1,2 – тип VI а; 3-33 – тип VI б; 34-36 – тип VI в.

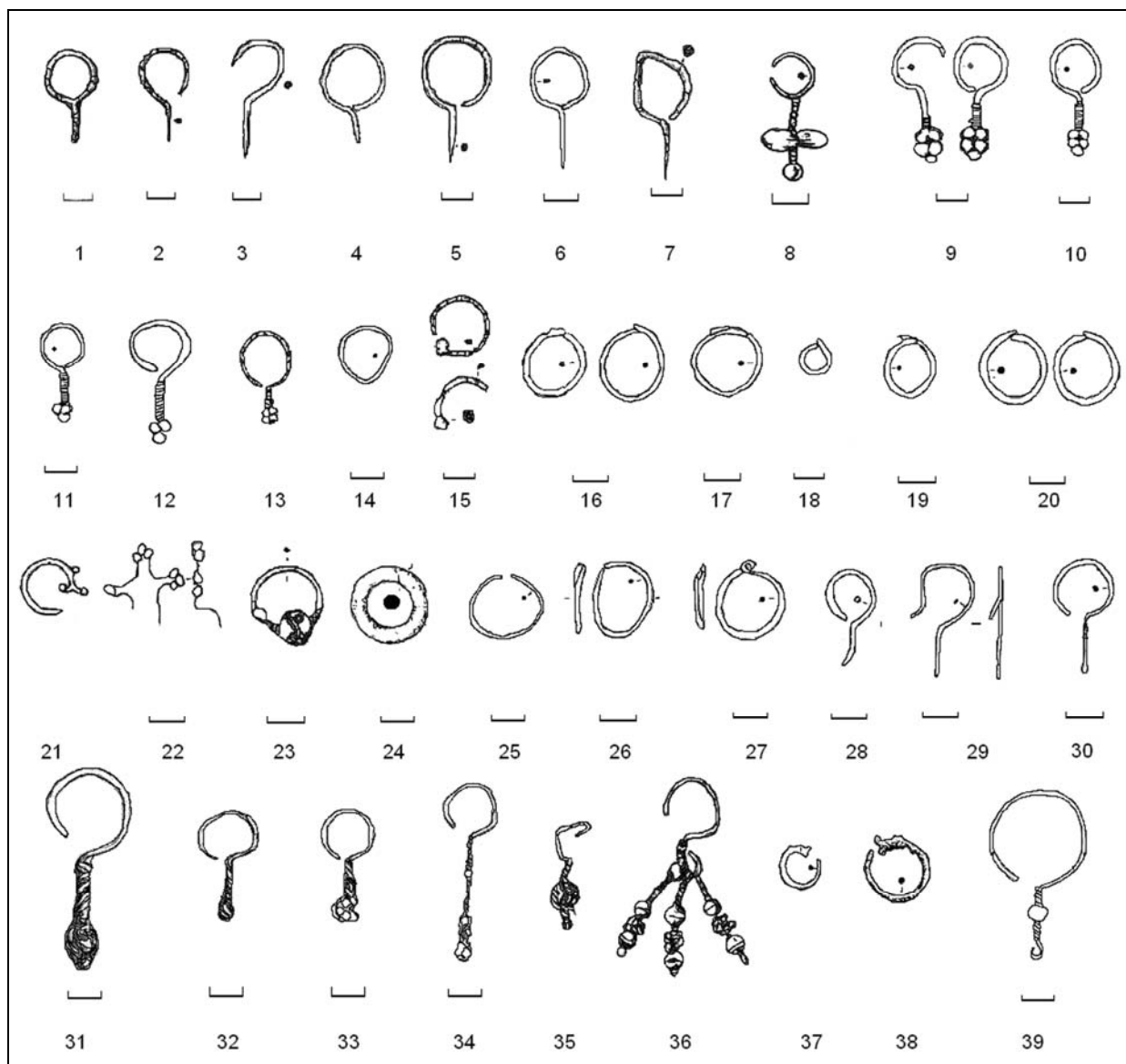

Рис. 12. Серьги типа III, VI д, е, з*, VII, X, XII из погребений кочевников XIII–XIV вв., памятников золотоордынского круга (Таганский и Новохарьковский могильники) и их аналогии.
 1 – Гвардейский, кург.3 (по И.Н. Васильевой); 2 – Аткарск, кург.8 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 3 – Басы-I, погр.1 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 4 – Каменная Балка, погр.3 (по С.А. Плетневой); 5 – Давыдовка-II, кург.5 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 6 – Новохарьковский, погр.55 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 7 – Ишкулово-II, кург.5 (по В.А. Иванову); 8 – Новая Казанка. Кара-Оба, кург.3 (по Т.Н. Сениговой); 9 – Новохарьковский, погр.14 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 10 – Новохарьковский, погр.27 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 11 – Новохарьковский, погр.75 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 12 – Ровное, кург.8 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 13 – Маячный бугор-I, погр.224 (С.А. Котенькову); 14 – Новохарьковский, погр.9 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 15 – Лысые горы, кург.1 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 16 – Новохарьковский, погр.6 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 17 – Новохарьковский, погр.7 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 18 – Новохарьковский, погр.48 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 19 – Новохарьковский, погр. 110 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 20 – Новохарьковский, погр. 137 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 21 – Слобода Рудня, кург. 1 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 22 – Шляховский-III, кург.1, погр.1 (по Е.В. Круглову, В.М. Клепикову); 23 – Станица Натухаевская (по А.М. Новичихину); 24 – Мамай-Гора, вост. гр., погр.3 (по М.В. Ельникову); 25-30 – Укек (по Л.Ф. Недашковскому); 31-34 – Болгар (по Г.Ф. Поляковой); 35-37 – Старый Орхей (по Е.Н. Абызовой, С.С. Рябцевой); 38 – Мамай-Сурка (по Е.Н. Абызовой, С.С. Рябцевой); 39 – Мало-Кугунурский XVII–XVIII вв. (по Т.Б. Шикаевой).
 2-4,10,11,17,21 – серебро; 5,6,8,12,14-16,19,20,22,35-38 – бронза; 7,23 – медь; 24 – стекло.
 1-7 – VI д; 8 – VI е; 9-13 – VI з*; 14 – VII; 15 – X; 16-22 – XII; 23 – III; 25-39 – аналогии.

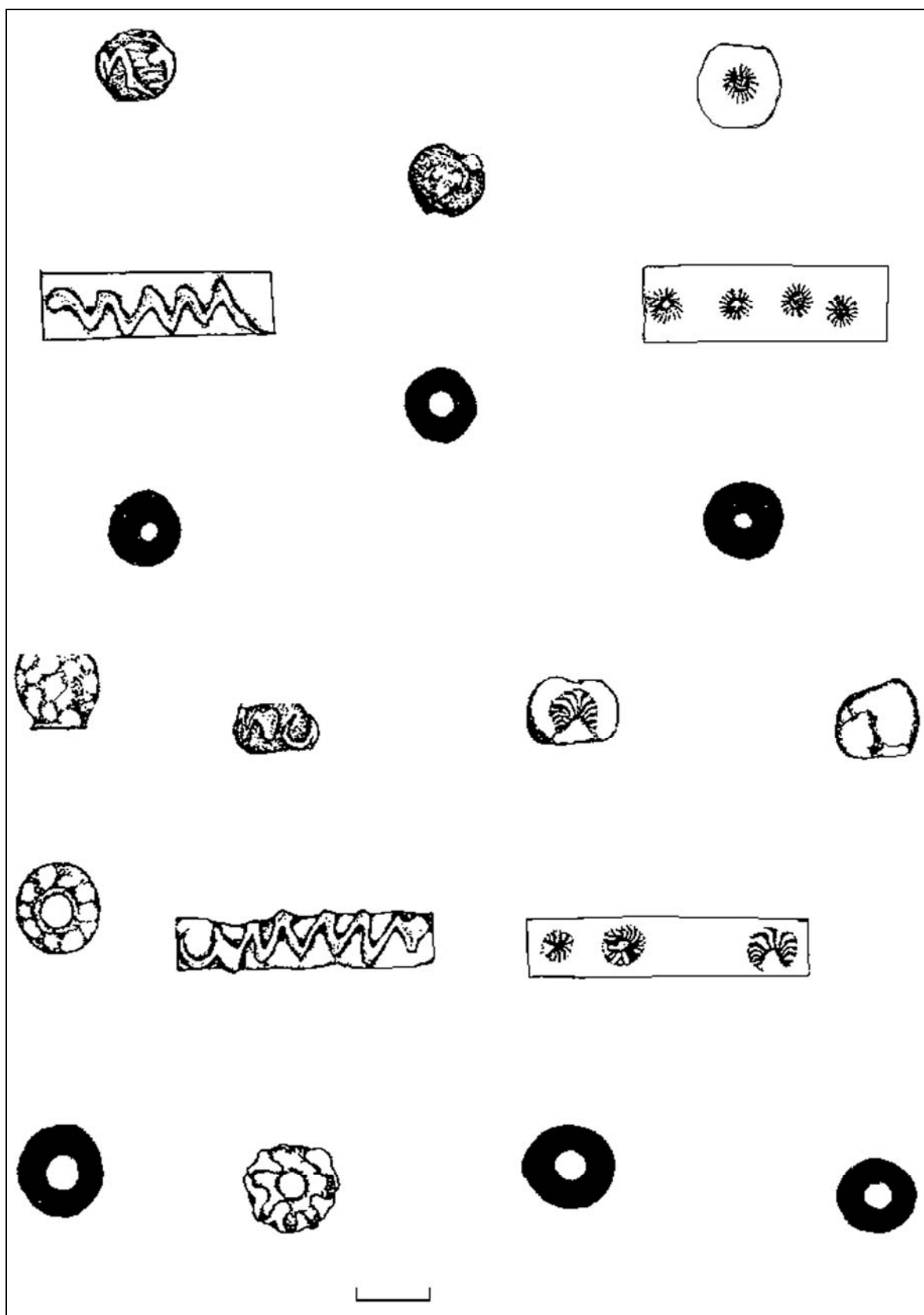

Рис. 13. Бусы из могильника Му-Шарет, кург.4, погр.1 (по Е.К. Столяровой).

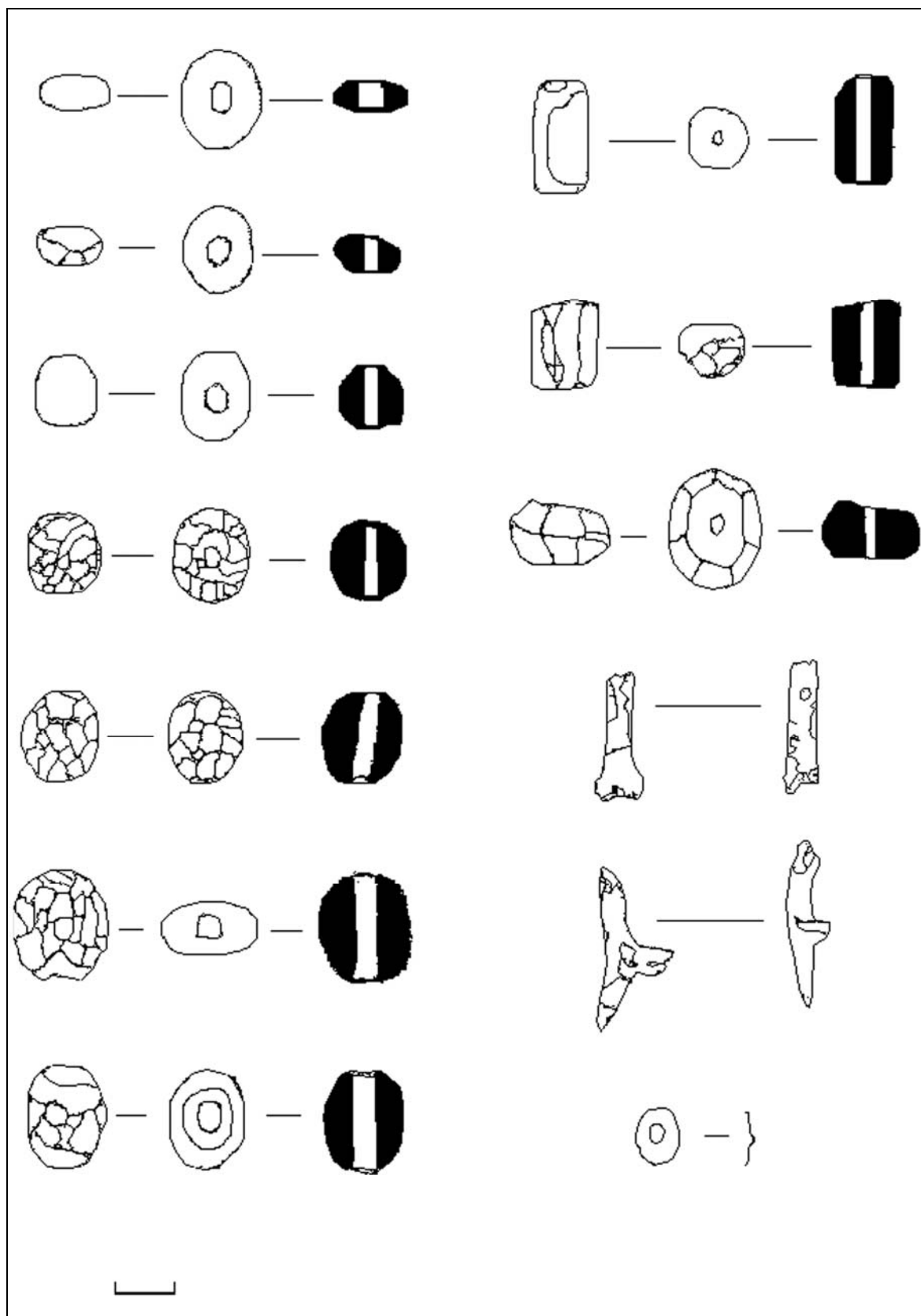

Рис. 14. Бусы из могильника Джухта-II, кург.2 (по З.В Доде).
 1-7 – бусы стеклянные (1-3 – одноцветные, 4-6 – мозаичные, мелкоглазчатые; 7 – полосчатая);
 8-10 – бусы сердоликовые; 11,12 – веточки коралла; 13 – бляшка золотая.

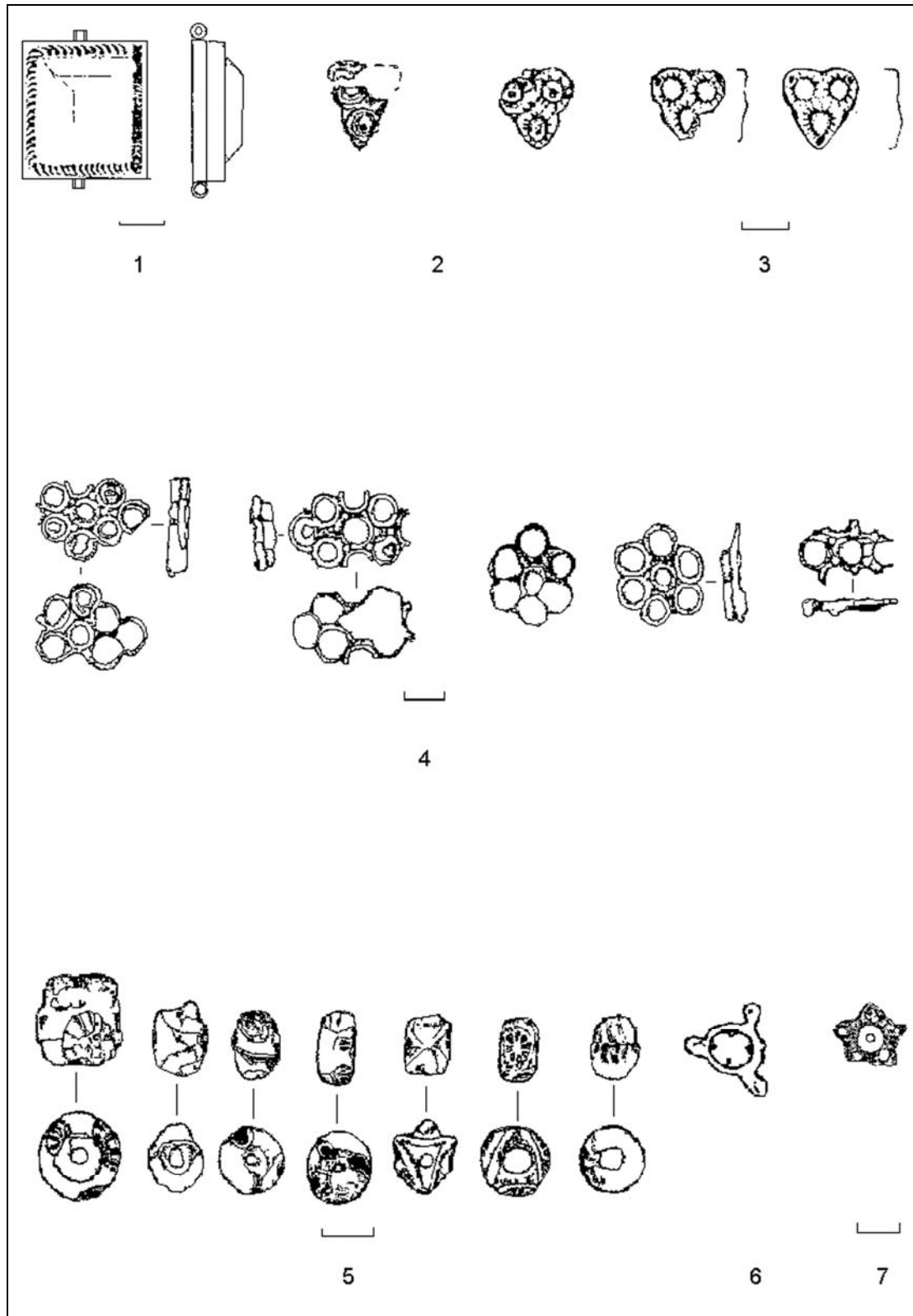

Рис. 15. Элементы шейно-нагрудных украшений эпохи Золотой Орды.

1 – Высокая гора, кург.3 (по В.В.Кравцу, В.Д. Березуцкому, А.А. Бойко); 2 – Песчаный остров, погр.5,6 (по К.А. Руденко); 3 – Новохарьковский, погр.89 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 4 – Козинка-I, кург.4 (по И.В. Белинскому, А.Н. Масловскому); 5 – Буранчи-I, кург.1, погр.2 (по Н.Л. Моргуновой, И.В. Дойниковой; Л.А. Краевой); 6 – Ишкулово-II, кург.3 (по В.А. Иванову); 7 – Ново-Кумакский, кург.1 (по М.Г. Мошковой).

2,3,6,7 – бронза; 5 – стекло.

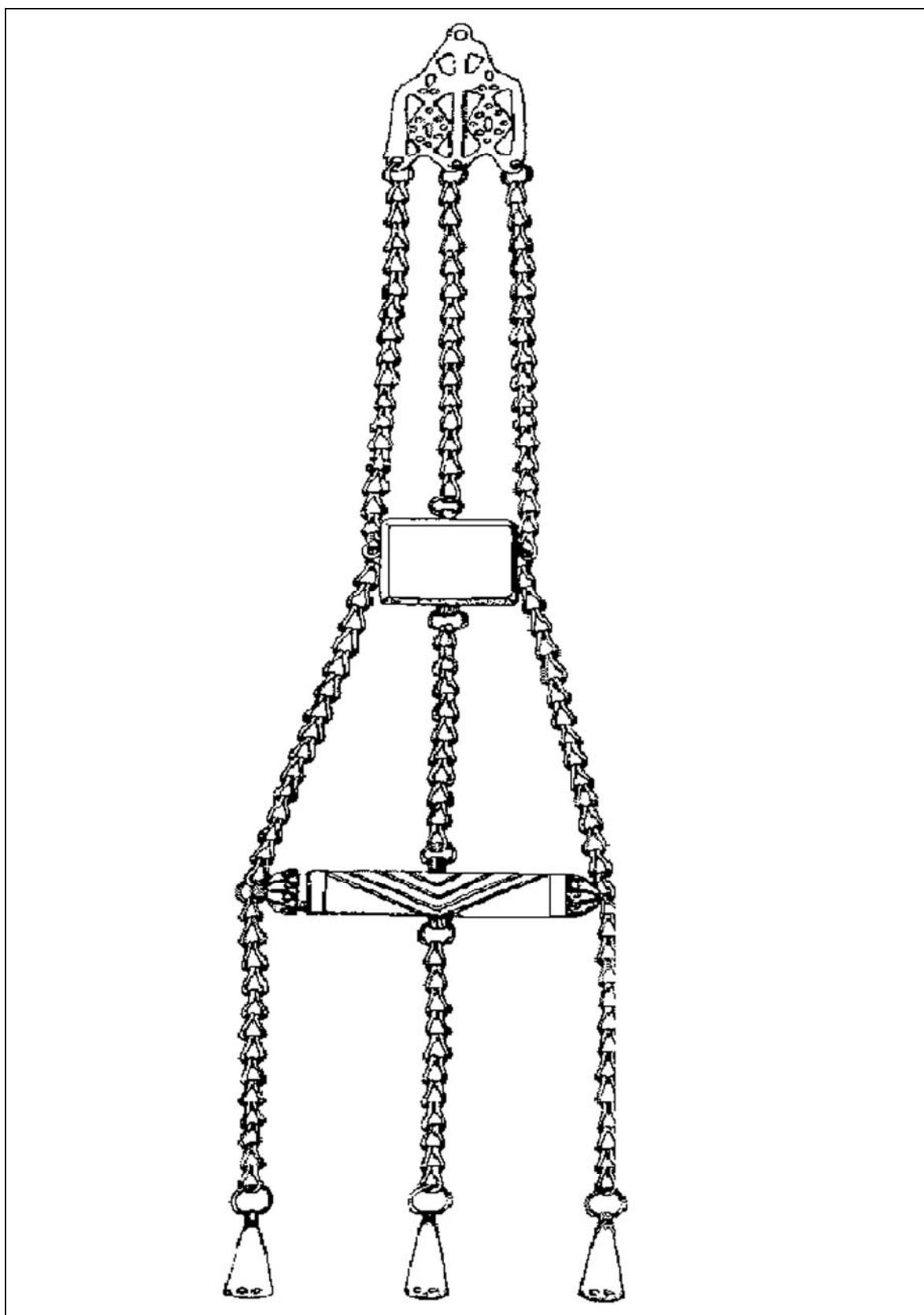

Рис. 16. Серебряное украшение. Могильник Зарагидж (по З.В. Доде).

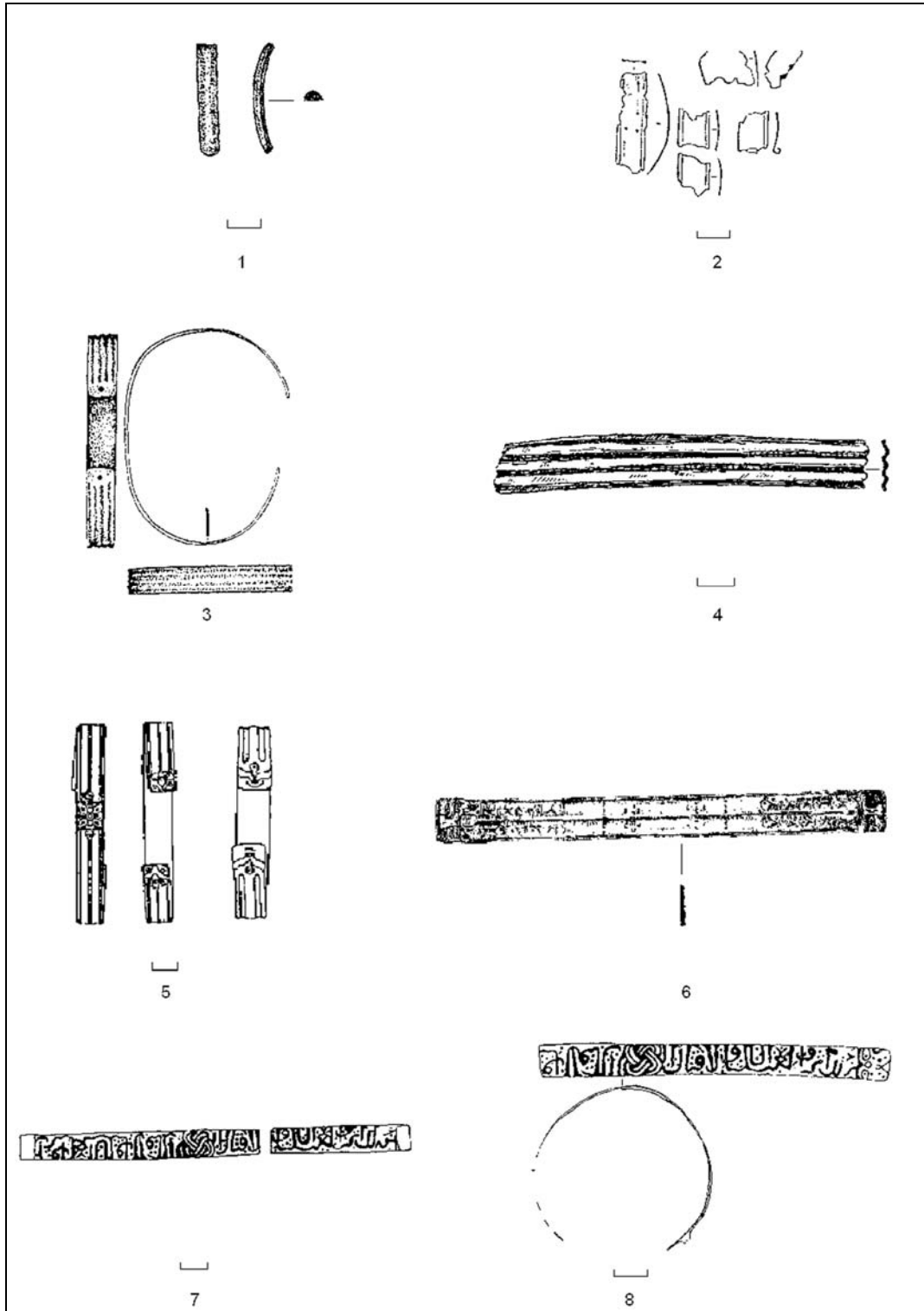

Рис. 17. Браслеты типа I, IV и с каллиграфическим орнаментом.

1 – Мустаево-V, кург.6 мавзолей (по Н.Л. Моргуновой, Л.А. Краевой, И.В. Матюшко); 2 – Высокая гора, кург.3 (по В.В. Кравцу, В.Д. Березуцкому, А.А. Бойко); 3 – Козинка-I, кург.6 (по И.В. Белинскому, А.Н. Масловскому); 4 – Песчаный остров, погр.11 (по К.А. Руденко); 5 – Олень-Колодезь, кург.9 (по К.Ю. Ефимову); 6 – Бозок, раск.5, погр.2 (по К.А. Акишеву, Б.М. Хасеновой, Ю.А. Мотову); 7 – Новохарьковский, погр.57 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 8 – Новохарьковский, погр.31 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину).

1-3,5,6 – серебро; 4,7,8 – бронза.

1 – тип I; 2-4 – тип IV вариант а*; 5-6 – тип IV вариант б*

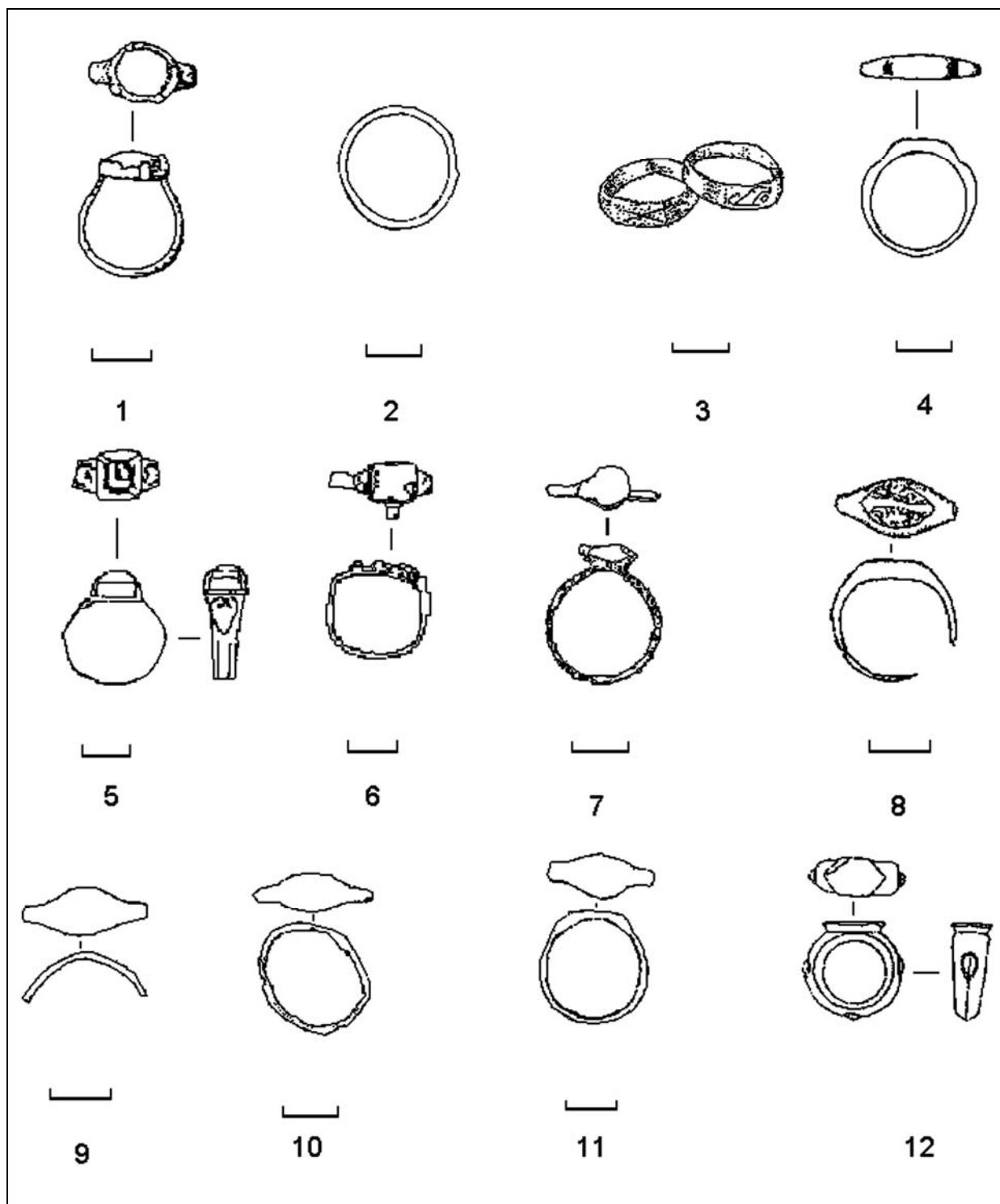

Рис. 18. Перстни типа II, III, V, VI, VII.

1 – Мамай-Гора, вост. гр, погр.4 (по М.В. Ельникову); 2 – Новохарьковский, погр.31 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 3 – Ишкулово-II, кург.4 (по В.А. Иванову); 4 – Новохарьковский, погр.31 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 5 – Высокая гора, кург. 3 (по В.В. Кравцу, В.Д. Березуцкому, А.А. Бойко); 6 – Олень-Колодезь, кург.9 (по К.Ю. Ефимову); 7 – Телеутский Взвоз-I, кург.9 (по А.А. Тишкину, В.В. Горбунову, А.А. Казакову); 8 – Маячный бугор (по Д.В. Васильеву); 9 – Таганский, раскоп 3, погр.15 (по Ю.П. Матвееву, М.В. Цыбину); 10 – Новохарьковский, погр. 139 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 11 – Новохарьковский, погр. 80 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 12 – Маячный бугор-1, погр.188 (по С.А. Котенькову).

2,4,7,9-11 – бронза; 1,3,8 – серебро; 5,6 – золото; 12 – сердолик.

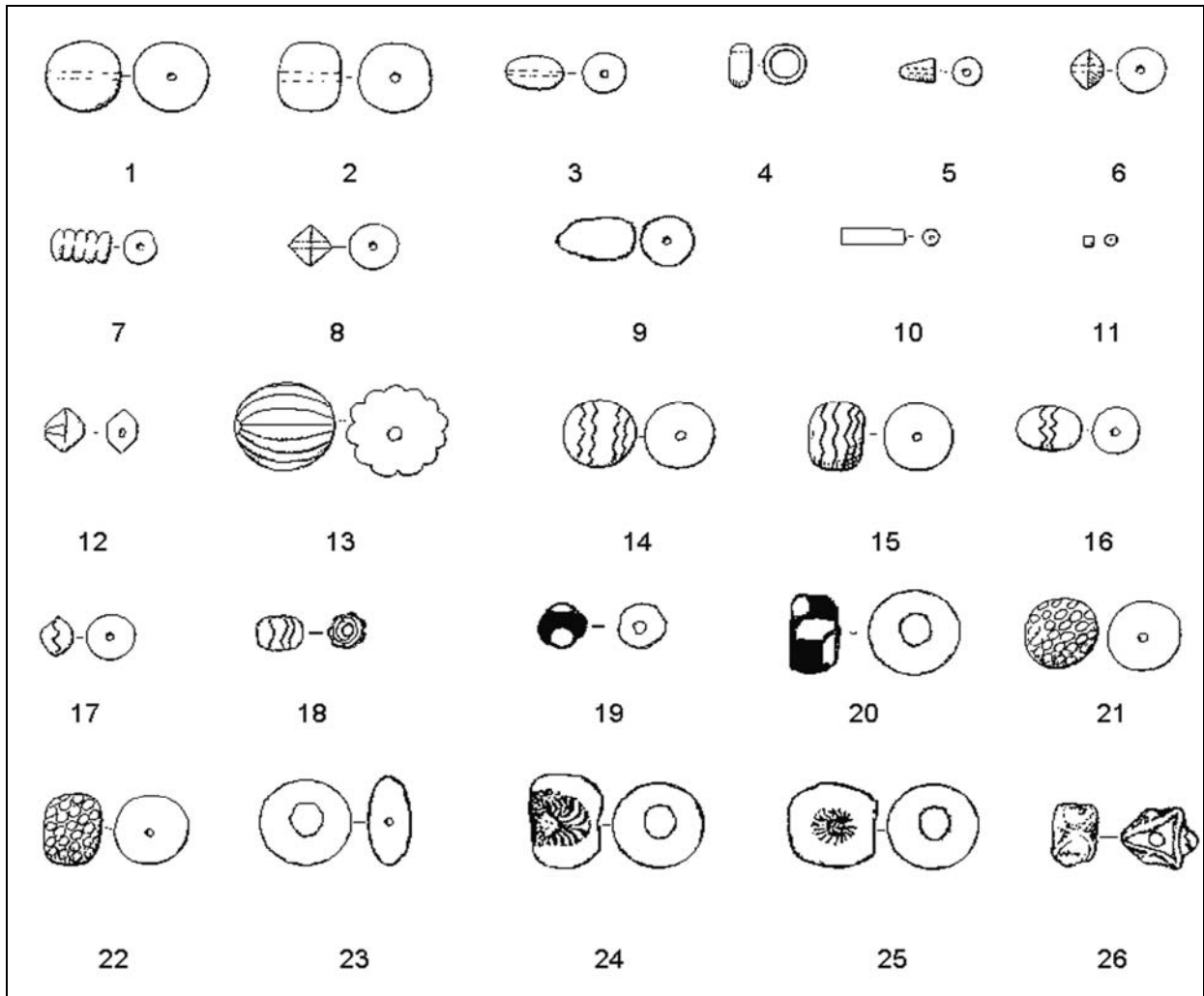

Рис. 19. Типы стеклянных бус из погребений кочевников Золотой Орды.

Группа I. Стеклянные. Подгруппа I. Монохромные. Отдел I – Круглые.

1 – Тип I. Шаровидные – гр. I отд.1 тип 1 по Н.Н. Бусятской; 2 – Тип II. Зонные – гр. I отд.1 тип 2 по Н.Н. Бусятской; 3 – Тип III. Бочонковидные – гр. I отд.1 тип 3 по Н.Н. Бусятской; 4 – Тип IV. Кольцевидные – гр. I отд.1 тип 4 по Н.Н. Бусятской; 5 – Тип V. Усеченно-конические – гр. I отд.1 тип 8 по Н.Н. Бусятской; 6 – Тип VI. Усеченно-биконические – гр. I отд.1 тип 9 по Н.Н. Бусятской; 7 – Тип VII. Подцилиндрические – гр. I отд.1 тип 10 по Н.Н. Бусятской; 8 – Тип VIII. Биконические – гр. II подгр. А отд. I тип VI по С.И. Валиулиной; 9 – Тип IX. Яйцевидные; 10 – Тип X. Цилиндрические – гр. II отд.1 тип 1 по Н.Н. Бусятской; 11 – Тип XI. Бисер – гр. II отд.1 тип 2 по Н.Н. Бусятской. Отдел II. Граненые. 12 – Тип I. Усеченно-бипирамидальные – гр. I отд.2 тип 3 по Н.Н. Бусятской. Отдел III. Ребристые – гр. II отд.2 по Н.Н. Бусятской; 13 – Тип I. Округлоребристые – гр. II подгр. А отд. III тип I вид I по С.И. Валиулиной; Гр II отд.2 тип 1 по Н.Н. Бусятской; Подгруппа II. Полихромные. Разряд I. Поперечно – полосатые. Отдел I. Круглые – гр. V по Н.Н. Бусятской. 14 – Тип I – Шаровидные – гр. V отд.1 тип 1 по Н.Н. Бусятской; 15 – Тип II – Зонные – гр. V отд.1 тип 2 по Н.Н. Бусятской; 16 – Тип III. Бочонковидные – гр. V отд.1 тип 3 по Н.Н. Бусятской; 17 – Тип IV. Усечено-биконическая; Отдел II. Ребристые. 18 – Тип I. Бочонковидные; Разряд II. Мозаичные, орнамент в виде 3-6 пятен. Отдел I. Круглые. 19 – Тип I. Шаровидные – гр. III подгр. А отд.1 тип 1 по Н.Н. Бусятской; 20 – Тип II. Зонные – Гр. III подгр. А отдел 1 тип 2 по Н.Н. Бусятской; Разряд III. Мозаичные, орнамент в виде множества разбросанных пятен. Отдел I. Круглые. 21 – Тип I. Шаровидные – Гр. III подгр. Б отд. 1 тип I по Н.Н. Бусятской; 22 – Тип II. Зонные – Гр. III подгр. Б отд. 1 тип 2 по Н.Н. Бусятской; Отдел II. Уплощенные, в виде вытянутого овала. 23 – Тип I. Круглые; Разряд IV. Глазчатые. Отдел I. Круглые. 24 – Тип I. Зонные – Гр. IV отд. 1 тип 3 по Н.Н. Бусятской; группа II подгруппа Б, бусы со спаянно-накладным плоским глазчатым узором, отдел I тип II вид 2; группа I подгруппа Б тип III вид 1 по С.И. Валиулиной; 25 – Тип II – бочонковидные – группа II подгруппа Б, со спаянно-накладным плоским глазчатым узором, отдел I тип III по С.И. Валиулиной; Отдел II. Треугольные. 26 – Тип I. Зонные – Гр II подгруппа Б, бусы со слоисто-щитковыми глазками, Отдел II, тип I, вид 1 по С.И. Валиулиной.

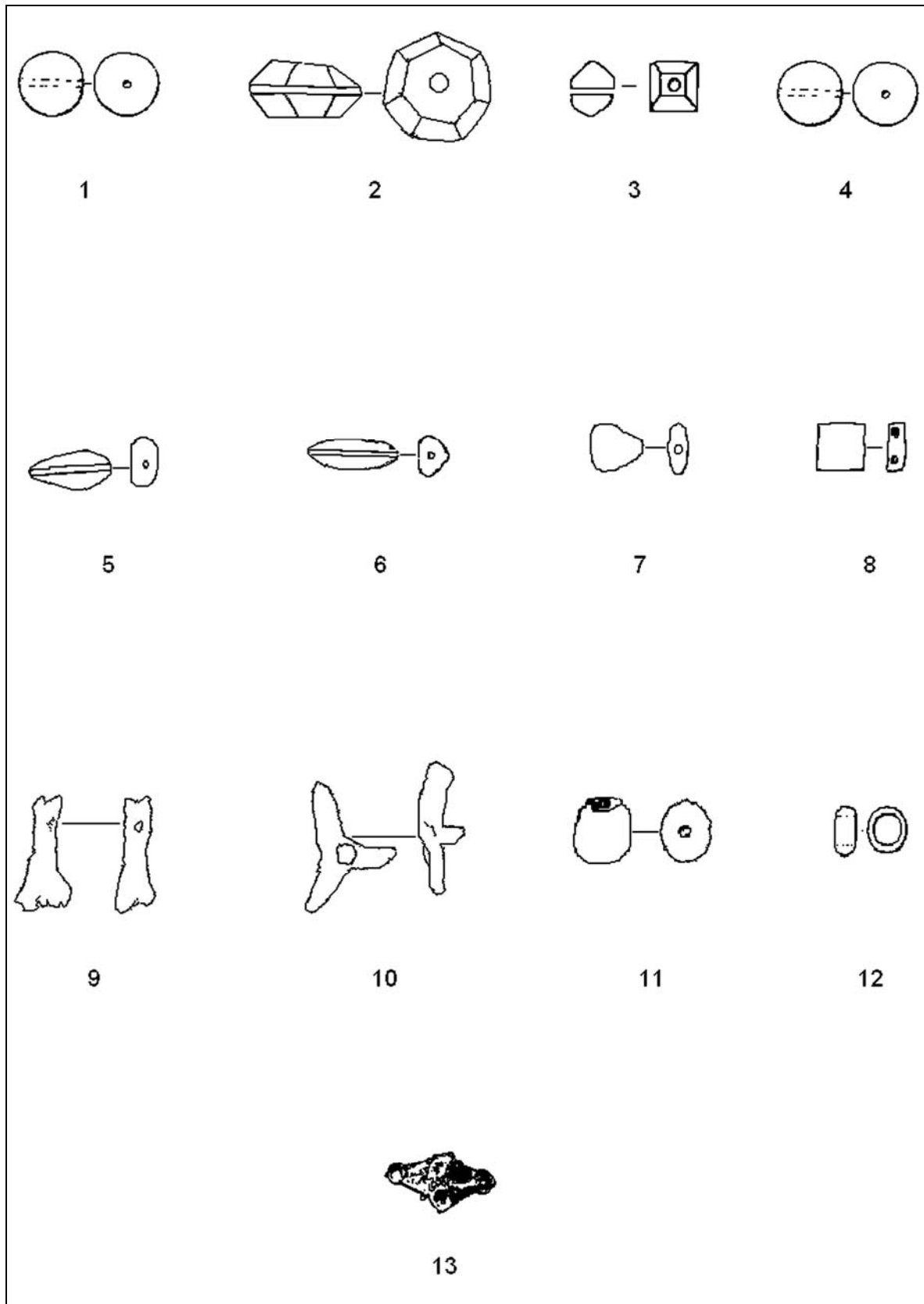

Рис. 20. Бусы из камня, металла и материалов органического происхождения.

1 – Группа II. Сердоликовые – отдел I тип I по М.Д. Полубояриновой; 2 – Отдел III тип III подтип I по М.Д. Полубояриновой; 3 – Группа III. Хрустальные – отдел I тип III по М.Д. Полубояриновой; 5,6 – Группа V. Янтарные – отдел III тип III; 4 – Отдел I тип I по М.Д. Полубояриновой; 7 – Уплощенные, каплевидные; 8 – Группа VI. Перламутровые – квадратная; 9,10 – Группа IX. Коралловые; 11,12 – Группа X. Бусы из известняка; 13 – Группа XIV. Золотые биконические.

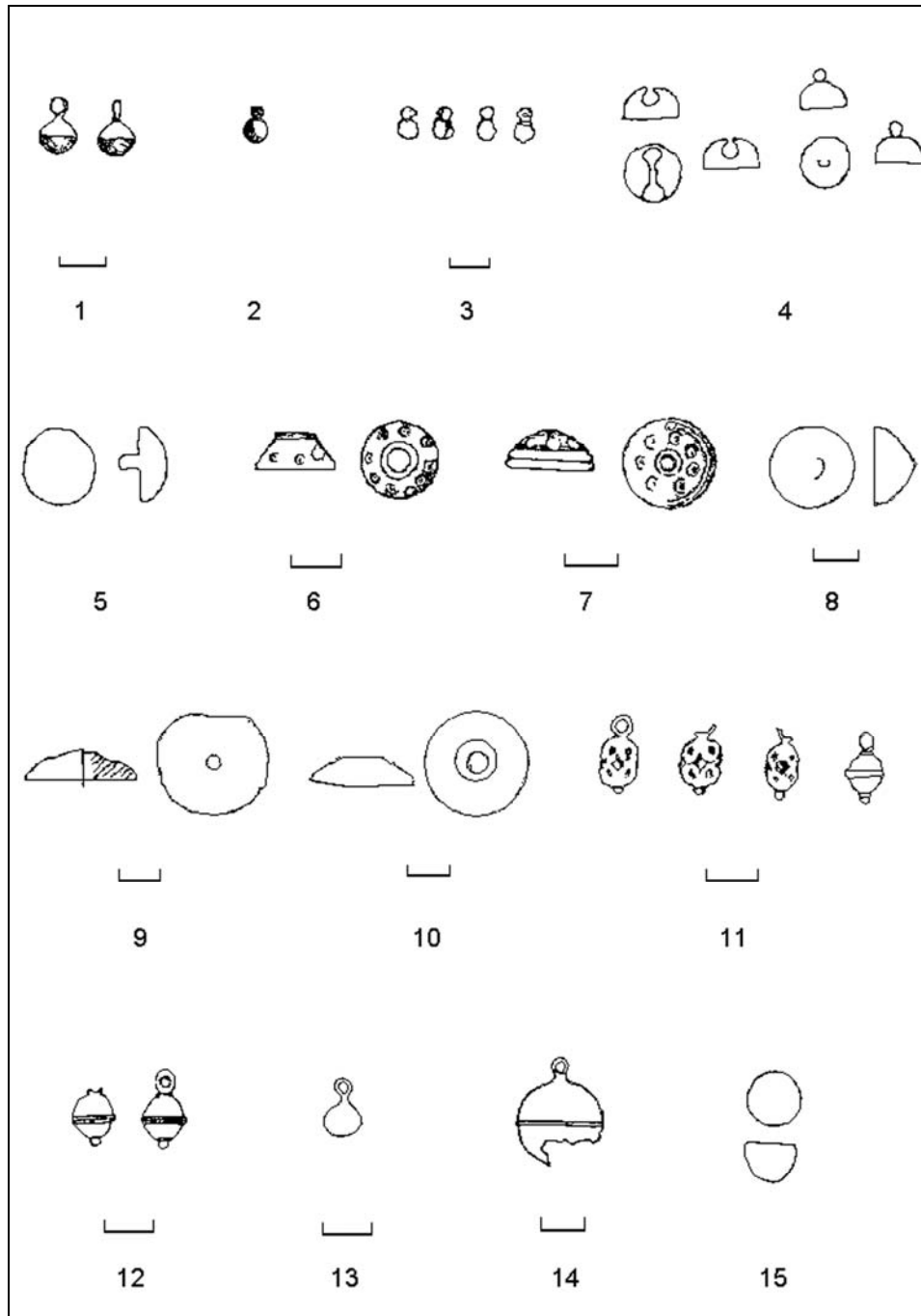

Рис. 21. Пуговицы (тип А I, А II, А V*, Б I, Б IV, Б V, Б VI*) и бубенчики из погребений кочевников Золотой Орды и их аналогии.

1 – Козинка-I, кург.2 (по И.В. Белинскому, А.Н. Масловскому); 2 – Аткарск, кург.6 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 3 – Бичкин-Булак, кург.7 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 4 – Маляевка, кург.7 (по Б.Ф. Железчикову, Д.В. Кутукову); 5 – Новочеркасский-VII, кург.1 (по В.А. Иванову); 6 – Буранчи-I, кург.1, погр.2 (по Н.Л. Моргуновой, И.В. Дойниковой, Л.А. Краевой); 7 – Буранчи-I, кург.1, погр.2 (по Н.Л. Моргуновой, И.В. Дойниковой, Л.А. Краевой); 8 – Царевский, кург.10 (по В.И. Мамонтову, А.В. Ситникову); 9 – Мамай-Гора, вост.гр, погр.4 (по М.В. Ельникову); Новохарьковский, погр. 142 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 11 – Новохарьковский, погр.80 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 12 – Новохарьковский, погр.38 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 13 – Новохарьковский, погр.38 (по А.З. Винникову, М.В. Цыбину); 14 – Олень-Колодезь, кург.7 (по К.Ю. Ефимову); 15 – Бичкин-Булак, кург.7 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову).

1,2,3,4,11-13,15 – бронза; 5 – железо; 14 – серебро; 6,7,10 – кость.

1 – отдел А (бронзовые, серебряные), тип I; 2,3,13 – отдел А тип V*; 6 – отдел Б (костяные) тип IV; 7 – отдел Б (костяные) тип I; 8 – отдел Б тип VI*; 9,10 – отдел Б тип V; 14 – отдел А тип II.

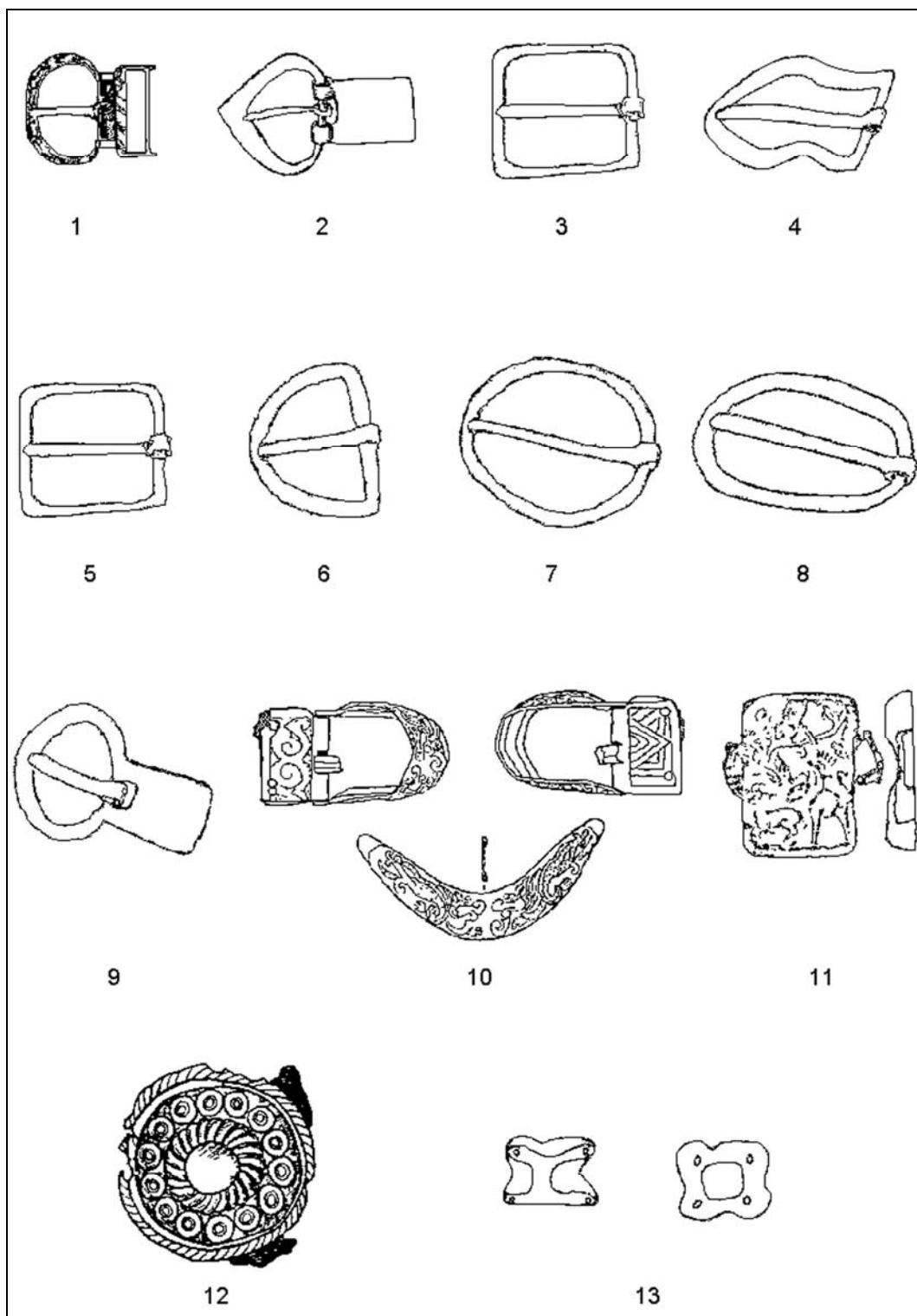

Рис. 22. Накладки и пряжки (тип I Б II, I Г IV, I Д V*, I Д VI*, II А I, II А II, II А III, II А IVa, II В I).
 1 – пряжка тип I Б II (Мариенталь – по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 2 – пряжка тип I Г IV; 3 – пряжка тип I Д V* (Солодовка-II, погр.1, кург.1 – по В.И. Мамонтову); 4 – пряжка тип I Д VI* (Царевский, кург.5 – по В.И. Мамонтову, А.В. Ситникову); 5 – пряжка тип II А I; 6 – пряжка тип II А II; 7 – пряжка тип II А III; 8 – пряжка тип II А IVa; 9 – пряжка тип II В I (Тамар-Уткуль, кург.10 – по В.А. Иванову); 10 – пряжка (Олень-Колодезь, кург.7 – по К.Ю. Ефимову); 11 – Аткарский, погр.11 – по С.Ю. Монахову; 12 – бляха (Лебедевка-II – по В.А. Кригеру); 13 – мавзолей Мустаево-V, кург.6.

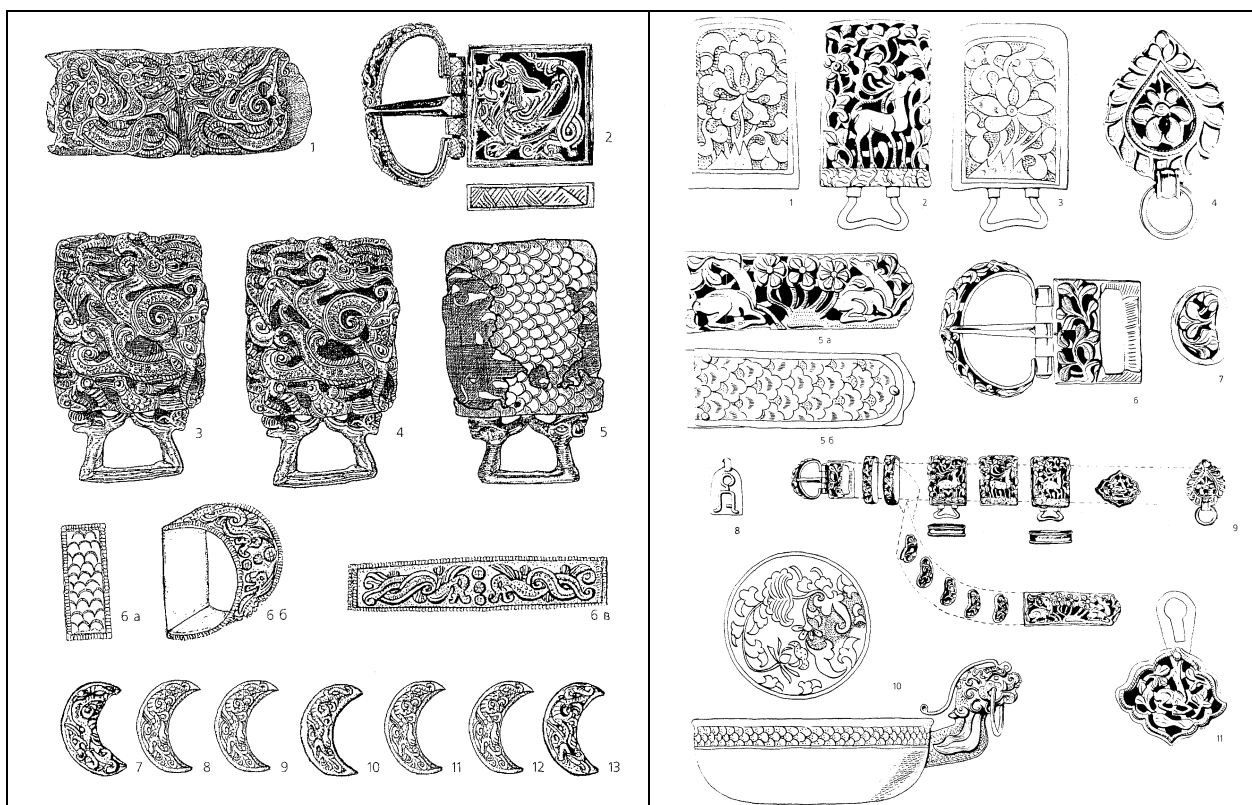

Рис. 23. Поясные наборы (по М.Г. Крамаровскому).
1 – детали поясного набора из Красного Яра; 2 – детали поясного набора из Гашун-Уста.

Рис. 24. Образцы зеркал Волжской Болгарии (по типологии Г.Ф. Поляковой).

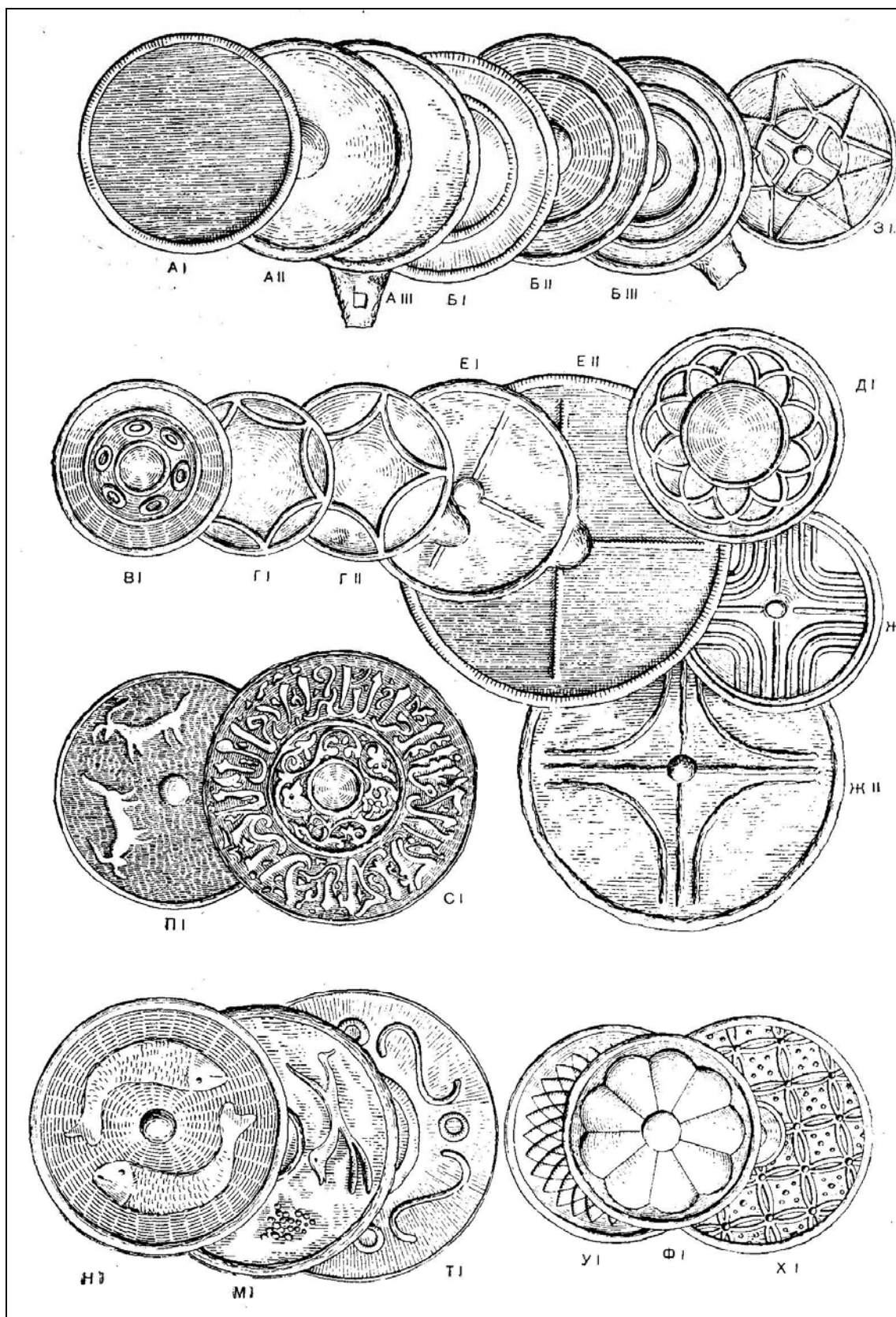

Рис. 25. Зеркала средневековых кочевников (по типологии Г.А. Федорова-Давыдова).

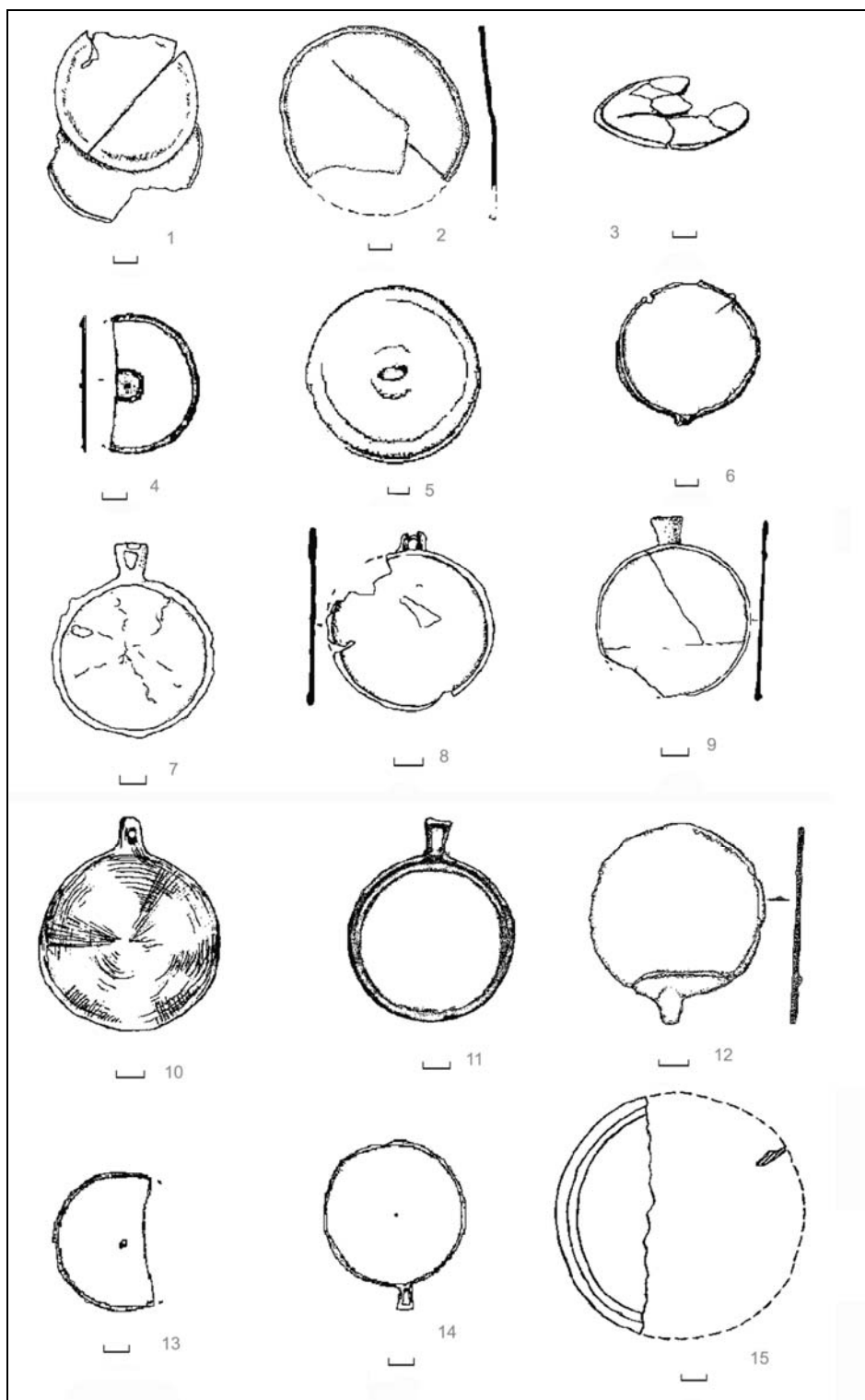

Рис. 26. Зеркала из погребений кочевников Золотой Орды. Тип А I, АII, АIII, БI. 1 – Давыдовка-III, кург.1 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 2 – Мамай-Гора, зап. гр., погр.4 (по М.В. Ельникову); 3 – Каменно-Озерный одиночный погр.1; 4 – Покровск, кург.5 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 5 – Хабарный-I, кург.7 (по В.А. Иванову, В.А. Кригеру); 6 – Балымеры (по Е.А. Халиковой); 7 – Пчельник, кург.4 (по Ф.Д. Нефедову); 8 – Мертвецовский-II, кург.6 (по Ф.Д. Нефедову); 9 – Илецкая Защита, кург.19 (по Ф.Д. Нефедову); 10 – Новая Казанка. Кара-Оба кург.3 (по Сениговой Т.Н.); 11 – Ново-Кумакский, кург.1 (по М.Г. Мошковой); 12 – Солодовка-II, кург.5, погр.1 (по В.И. Мамонтову); 13 – Басы-I, погр.1 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 14 – Суслы, кург.40 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 15 – Лебедевка-VIII, кург.3 (по В.А. Кригеру).

Бронза – 2,4,5,7,8,9-15; серебро – 3; бронза и кожа – 1.
1-3 – тип А I; 4,5 – тип А II; 6-14 – тип А III; 15 – тип Б I.

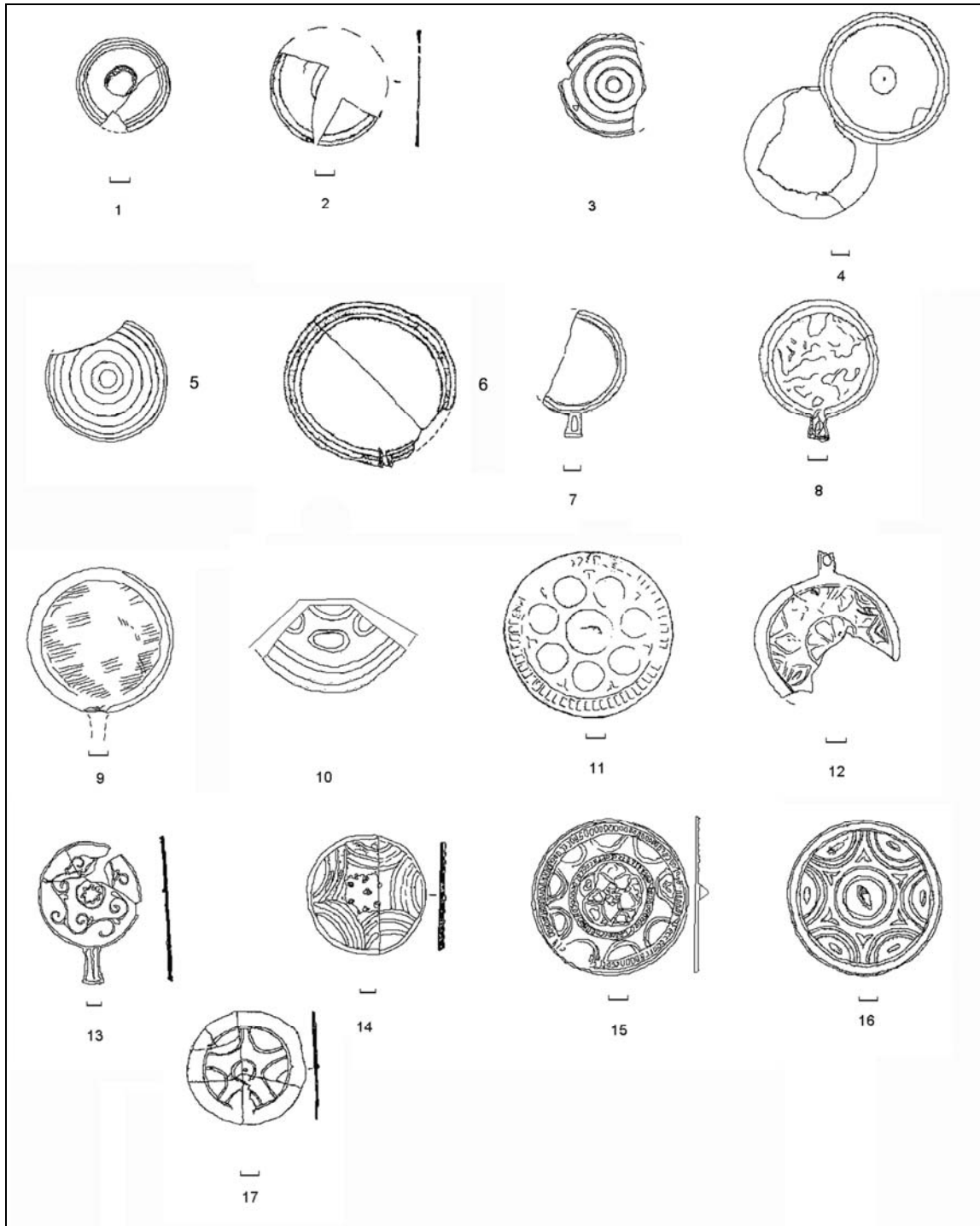

Рис. 27. Зеркала из погребений кочевников Золотой Орды. Тип Б II, Б III, В I, В II, В III, Г I, Г II.
 1 – Жана-Унем (по Н.Ф. Федину, Н.М. Владимирову); 2 – Мустаево-V, кург.11 (по Н.Л. Моргуновой, Л.А. Краевой, И.В. Матюшко); 3 – Три брата, гр. II, кург.11 (по Г.Н. Гарустовичу, А. И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 4 – Усть-Курдюм, кург.1 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 5 – Усть-Курдюм, кург.2 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 6 – II Имангулово-III (по Н.А. Мажитову); 7 – Пугачев, кург.1 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 8 – Буранчи-I, кург.7, погр.2 (по Н.Л. Моргуновой, И.В. Дойниковой, Л.А. Краевой); 9 – Башкир-Беркутово, кург.3 (по Н.А. Мажитову); 10 – Максимова, погр. 4; 11 – Юлдыбаевский, кург.2 (по М.Х. Садыковой); 12 – Аул №1, гр. II, кург.4 (по Ф.Д. Нефедову); 13 – Визенмиллер-III, кург.5 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 14 – Старо-Елшанский, погр. 1 (по И.Н. Васильевой); 15 – Харинка, кург.13 (по А.Г. Атавину, И.С. Каменецкому); 16 – Урал, кург.5 (по В.А. Иванову); 17 – Пчельник, кург.3 (по Ф.Д. Нефедову).
 1-8,13,15,16 – бронза; 9,11,12 – серебро. 1-5 – тип Б II; 6-9 – тип Б III; 10 – тип В I; 11 – тип В II; 12 – тип В III; 13 – тип В IV; 14,15 – тип Г I; 16,17 – тип Г II.

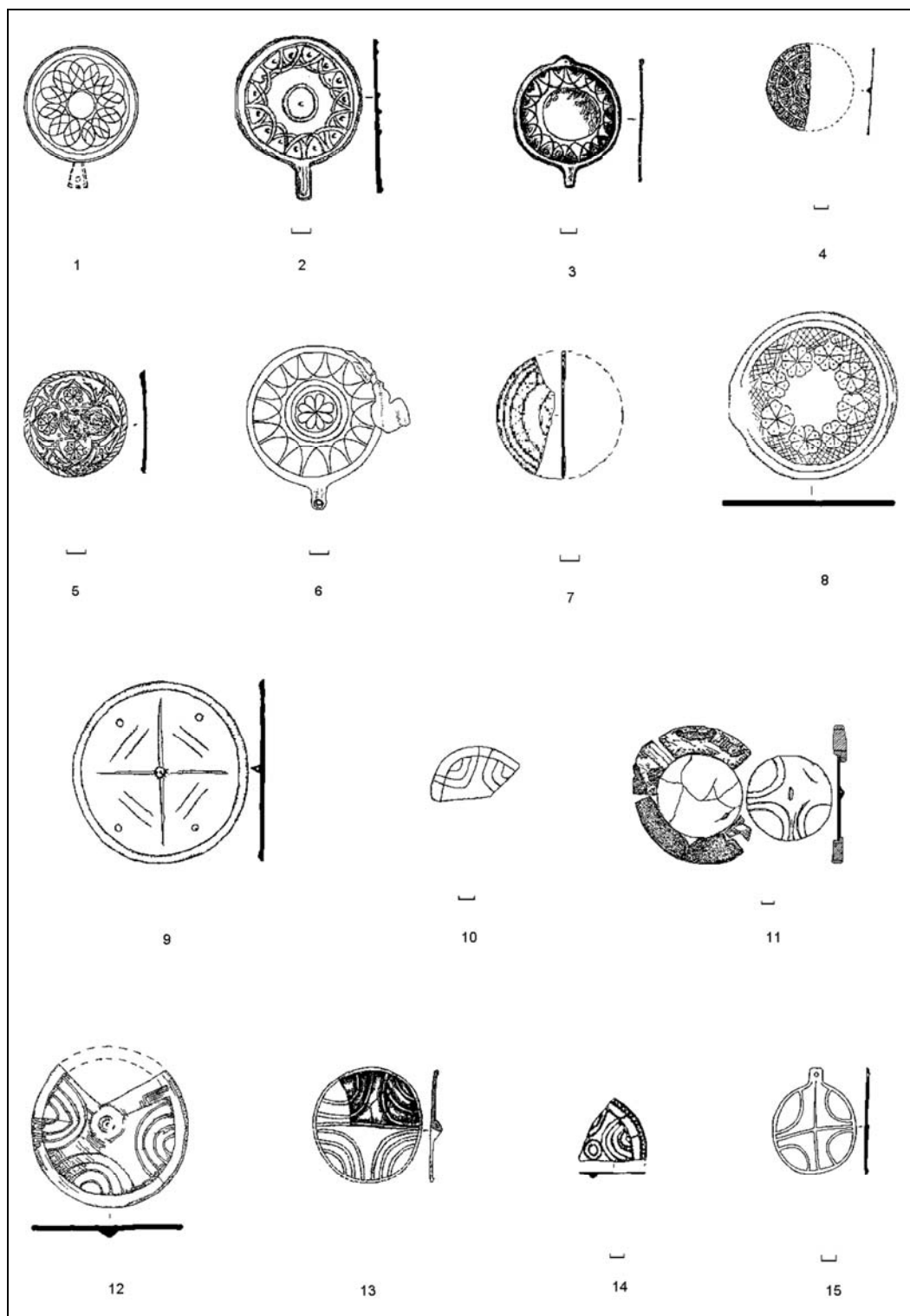

Рис. 28. Зеркала из погребений кочевников Золотой Орды. Тип Д I, Д I а, Д II, Д III, Е I, Ж I, Ж II, Ж III.
 1 – Аткарск, кург.29 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 2 – Солодовка, кург.3, погр.1 (по В.И. Мамонтову); 3 – Усинский-II, погр.15 (по И.Н. Васильевой); 4 – Маляевка, кург.2 (по Б.Ф. Железчикову, Д.В. Кутукову); 5 – Песчаный остров, погр.5 (по К.А. Руденко); 6 – Ново-Кумакский, кург.14 (по В.А. Кригеру); 7 – Жаман-Каргала, кург.30 (по А.А. Бисембаеву); 8 – Башкир-Беркутово, кург.2; 9 – Штрасбург, кург.1 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 10 – Сукляя, кург.1 (по А.О. Добролюбскому); 11 – Козинка-I, кург.5; 12 – Хабарный-I, кург.9 (по В.А. Иванову); 13 – Александровский, кург.3 (по И.Н. Васильевой); 14 – Покровск, кург.8 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 15 – Олень-Колодезь, кург.9 (по К.Ю. Ефимову).
 2,4,6,8,9,10,12,14 – бронза; 15 – биллон.
 1-4 – тип Д I; 5 – Д I а; 6,7 – Д II; 8 – Д III, 9 – Е I, 10-12 – Ж I; 13,14 – Ж II; 15 – Ж III.

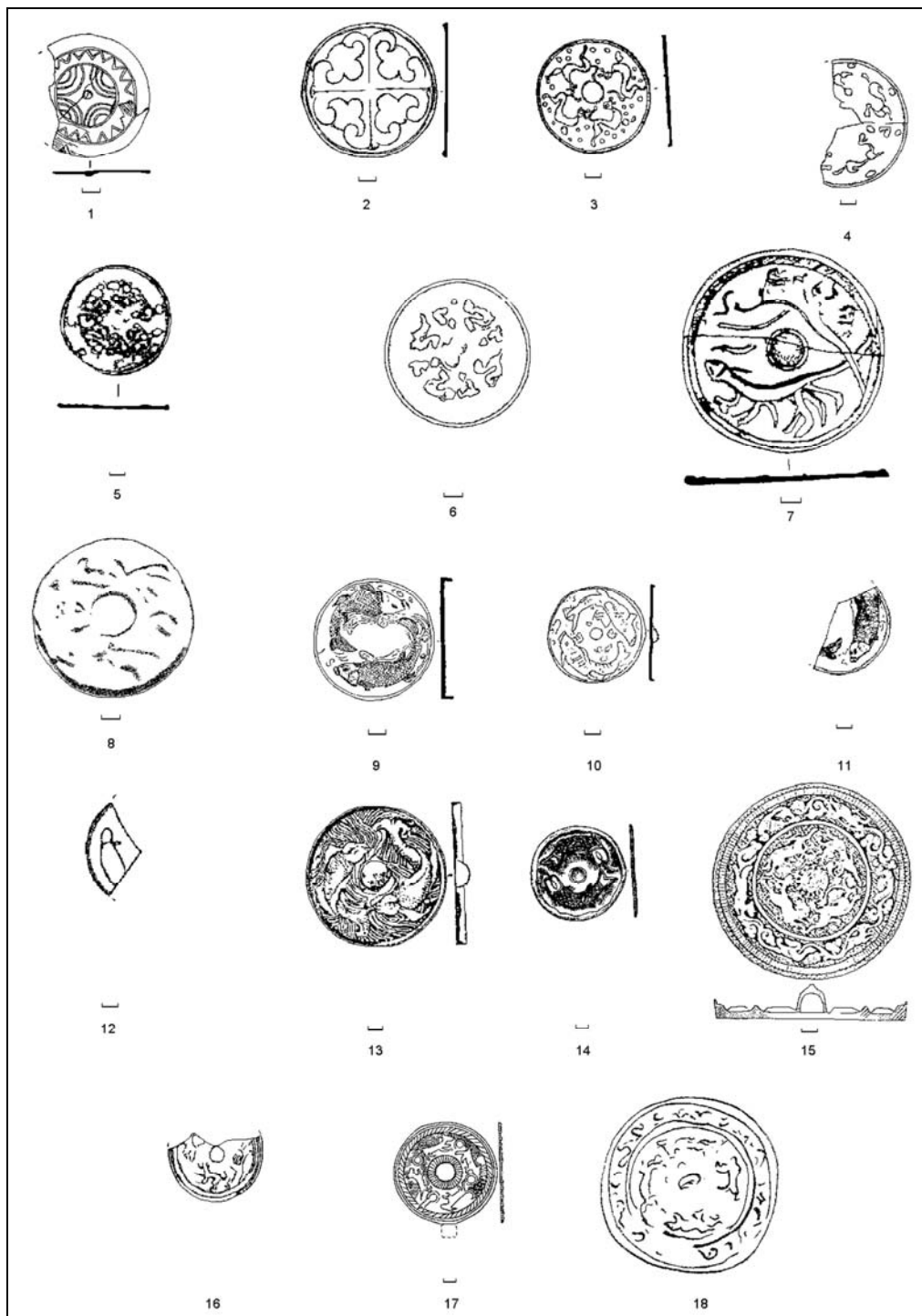

Рис. 29. Зеркала из погребений кочевников Золотой Орды. Тип 3 П, И I, К I, К II, Л, М I, Н I, О II.
 1 – Аул №1, гр. I, кург. 3 (по Ф.Д. Нефедову); 2 – Козицкое, кург. 1, погр. 1 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 3 – Лысье горы, кург. 1 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 4 – Джангала, Сарайдин, кург. 1; 5 – Бозок, раск. 4, погр. 4 (по В.В. Варфоломееву); 6 – Байряки-Тамак (по Е.П. Казакову); 7 – Резяповское погребение (по Р.Б. Ахмерову); 8 – Потемкино, кург. 2 (по И.В. Синецкому); 9 – Пчельник, кург. 2 (по Ф.Д. Нефедову); 10 – Шляховский-III, кург. 1, погр. 1 (по Е.В. Круглову, В.М. Клепикову); 11 – Аткарск, кург. 10 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 12 – Аткарск, кург. 13 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 13 – Маляевка, кург. 7 (по Б.Ф. Железчикову, Д.В. Кутукову); 14 – Человечья голова; 15 – Высокая гора, кург. 3 (по В.В. Кравцу, В.Д. Березуцкому, А.А. Бойко); 16 – Покровск, кург. 2 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 17 – Алебастрово-II, кург. 5 (по В.А. Кригеру, Б.Ф. Железчикову); 18 – Ровное, кург. 8 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову).
 1-8,9-12,14-18 – бронза.
 1 – тип 3 П; 2 – тип И I; 3,4 – тип К I; 5,6 – тип К II; 7 – тип Л; 8 – тип М I; 9-14 – тип Н I; 15-18 – О II.

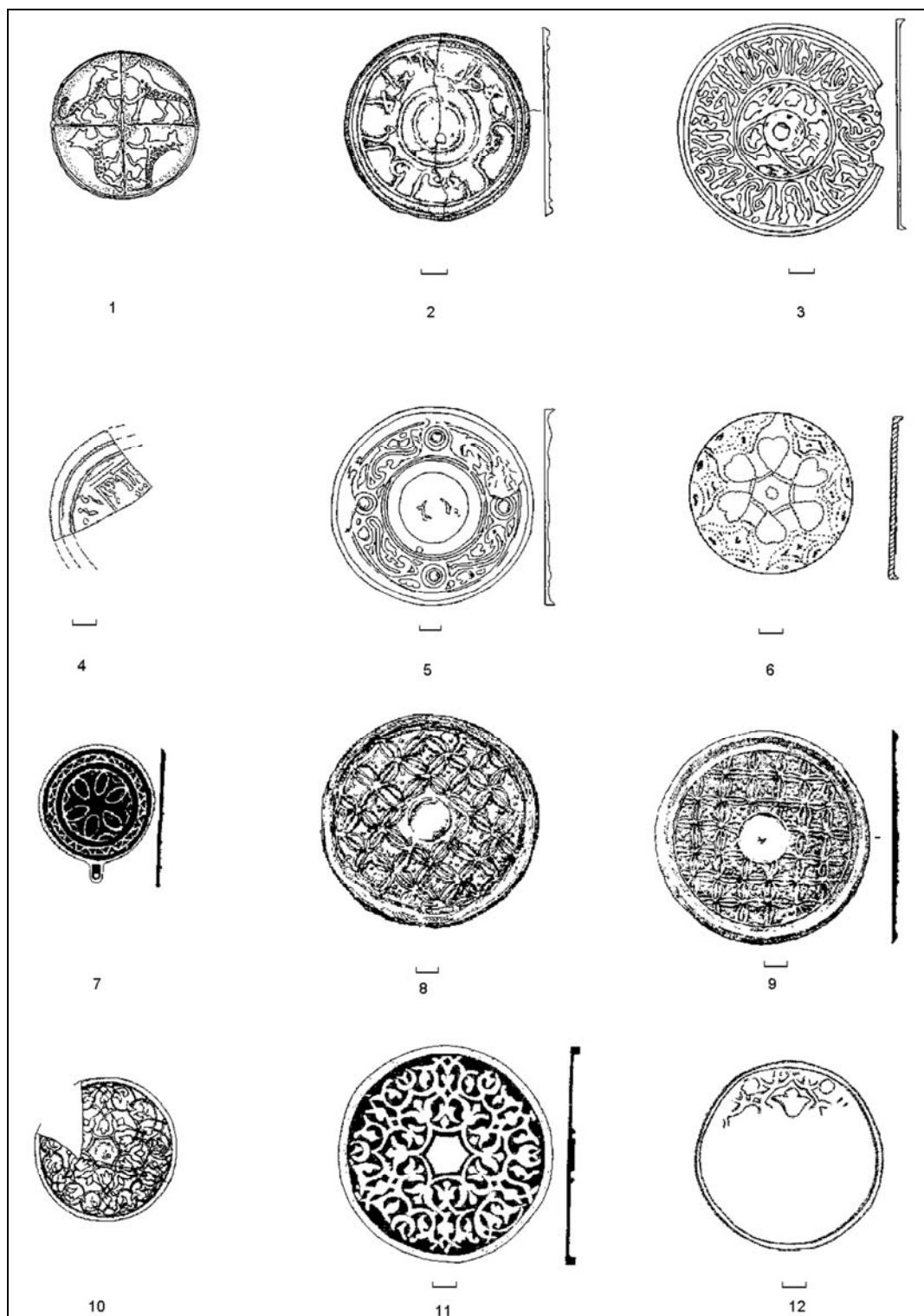

Рис. 30. Зеркала из погребений кочевников Золотой Орды. Тип ОШ, Р I, С I, Т I, Ф II, Ф II а, XI, Ц I.
 1 – Маячный бугор-I, погр.188 (по С.А. Котенькову); 2 – Харинка, кург.11 (по А.Г. Атавину, И.С. Каменецкому); 3 –Ростов-на-Дону. случ. находки (по В.Н. Кузьмину); 4 – Жанаталапский-II, погр.2 (по Н.А. Мажитову); 5 – Ростов-на-Дону. Случ. находки (по В.Н. Кузьмину); 6 – Алебасторво-II, кург.3 (по В.А. Кригеру, Б.Ф. Железчикову); 7 – Алебасторво-II, кург.11 (по В.А. Кригеру, Б.Ф. Железчикову); 8 – Балымерские курганы, кург.1 (по Е.А. Халиковой); 9 – Тлявгулово, кург. 4 (по В.А. Иванову); 10 – Аткарск, кург.1 (по Г.Н. Гарустовичу, А.И. Ракушину, А.Ф. Яминову); 11 – Мамай-Гора, вост. гр., погр.4 (по М.В. Ельникову); 12 – Царевский, кург.15 (по В.И. Мамонтову, А.В. Ситникову).
 1,2,10,11,12 – бронза; 4 – серебро.
 1 – тип О Ш; 2 – тип Р I; 3,4 – тип С I, 5 – тип Т I, 6 – тип Ф II, 7 – Ф II а, 8,9 – тип Х I, 10-12 – тип Ц I.

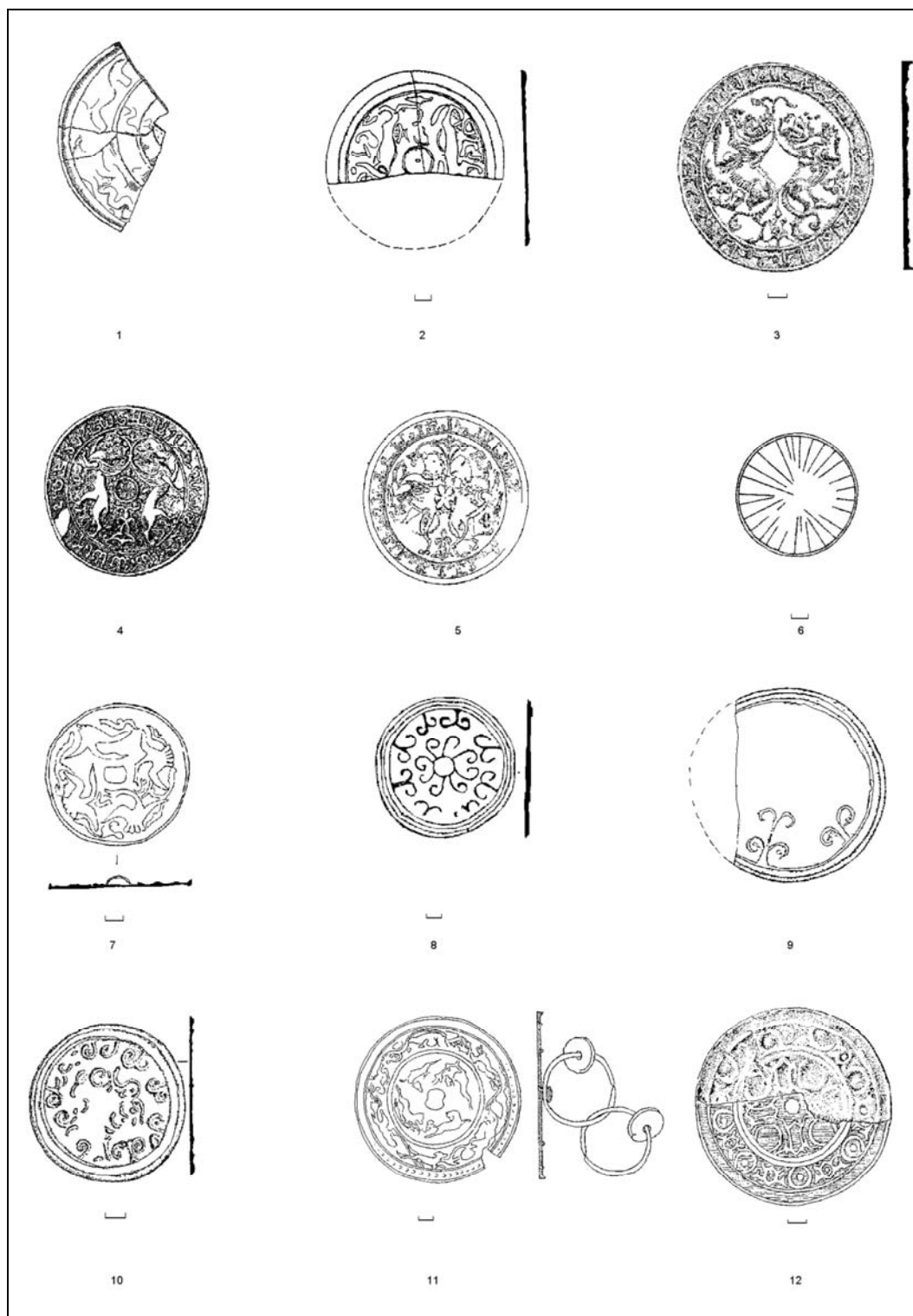

Рис. 31. Зеркала из погребений кочевников Золотой Орды. Тип Ч I, Ш I, Э I, Я IV, Я V*, О II, Д II.

1 – Байряки-Тамак (по Е.П. Казакову); 2 – Большой Кинель, случ. находки. (по П.В. Алабину);
 3 – Му-Шарет, кург.4, погр.1, (по Н.И. Шишлиной, Е.В. Цуцкину, К.Б. Фирсову); 4 – Кругляковский
 (по В. Часовникову); 5 – Есауловский (по В. Часовникову); 6 – Царевский, кург.17 (по В.И. Мамонтову,
 А.В. Ситникову); 7 – Нижняя Добринка (по П.Е. Захарову, Л.В. Яворской); 8 – Жаман-Каргала, кург.12
 (по А.А. Бисембаеву); 9 – Сайхин, кург.2 (по И.В. Сеницыну); 10 – Солодовка-II, кург.7, погр.1
 (по В.И. Мамонтову); 11 – Курган в Павлодарской области (по Ф.Х. Арслановой); 12 – Телеутский Взвоз-I,
 кург.1 (по А.А. Тишкину, В.В. Горбунову, А.А. Казакову).

1,2,3,6,7,9,10,11 – бронза.

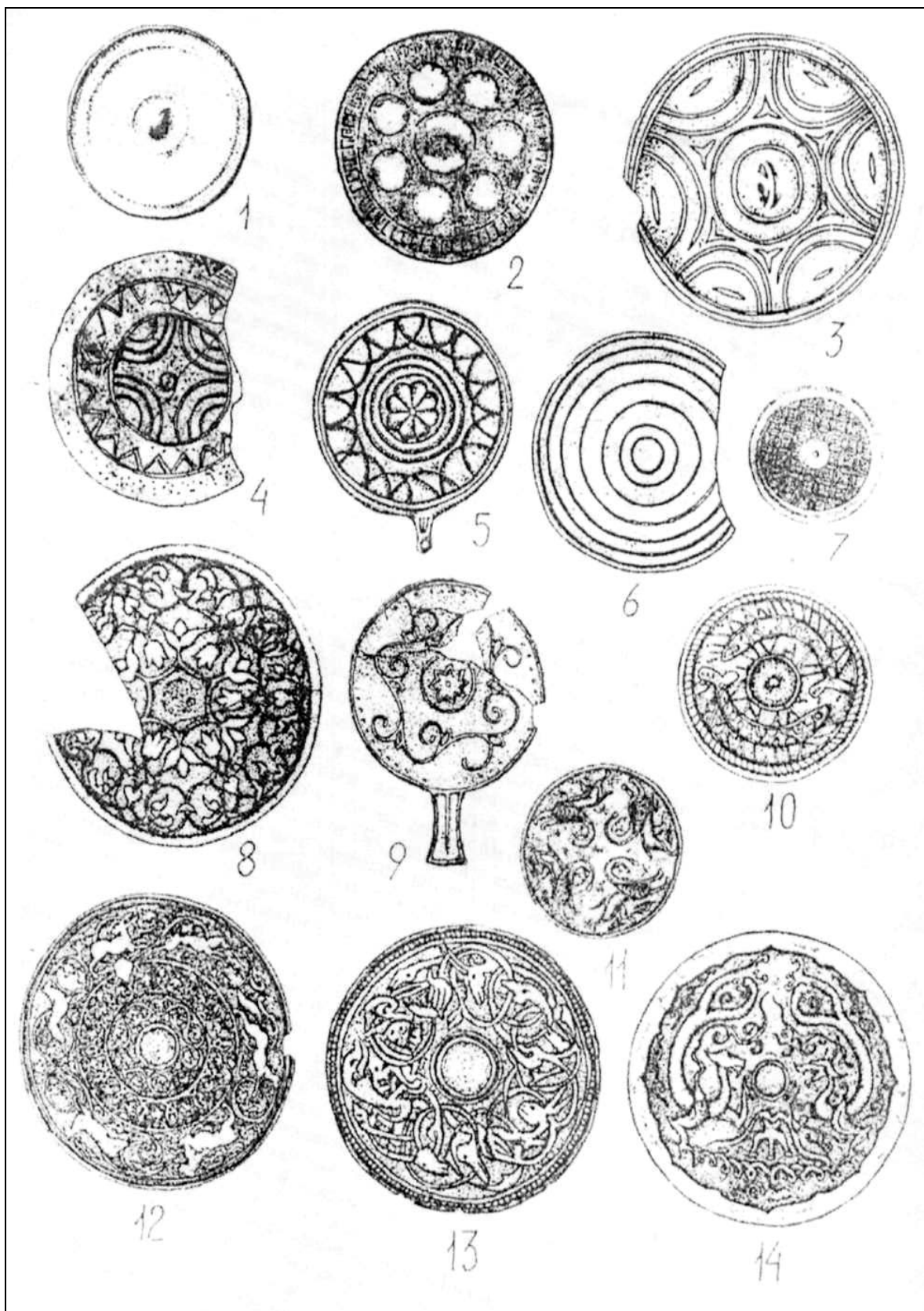

Рис. 32. Орнаментальные мотивы бронзовых зеркал кочевников Золотой Орды (по В.А. Иванову).

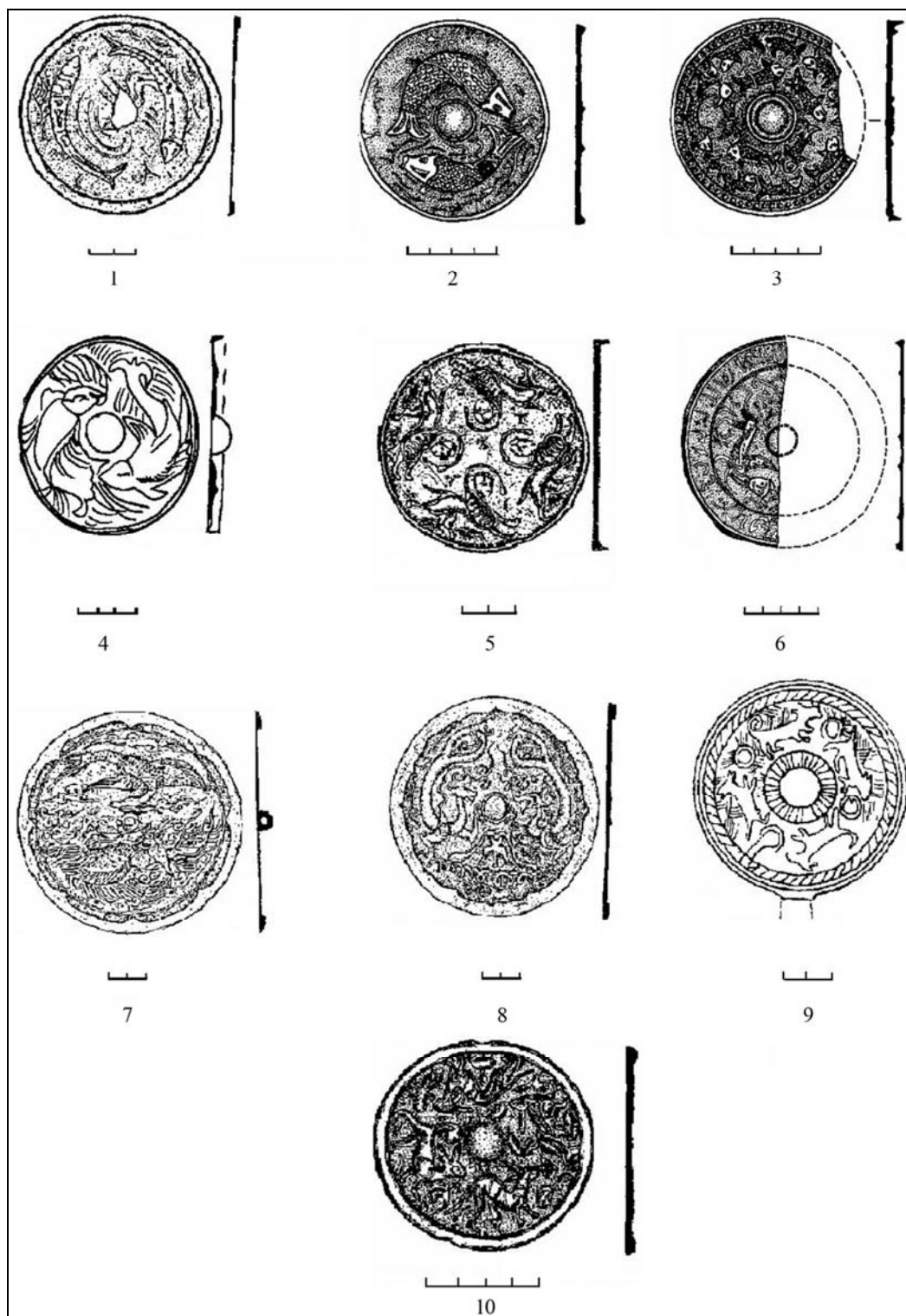

Рис. 33. Зеркала с зооморфными изображениями из погребений кочевников, городов Золотой Орды и местонахождения Брик-Алга.

1 – Увекское городище (по Л.Ф. Недашковскому); 2, 3 – Местонахождение Брик-Алга (по Г.Н. Гарустовичу, С.В. Рязанову, А.Ф. Яминову); 4 – Маляевка, кург.7 (по Б.Ф. Железчикову, Д.В. Кутукову); 5 – Увекское городище (по Л.Ф. Недашковскому, А.И. Ракушину); 6 – Местонахождение Брик-Алга (по Г.Н. Гарустовичу, С.В. Рязанову, А.Ф. Яминову); 7, 8 – Увекское городище (по Л.Ф. Недашковскому); 9 – Алебастрово-II, кург.5 (по В.А. Иванову, В.А. Кригеру); 10 – Местонахождение Брик-Алга (по Г.Н. Гарустовичу, С.В. Рязанову, А.Ф. Яминову).

Рис. 34. Категории декоративно-прикладного искусства Золотой Орды с зооморфными изображениями. 1–3 бронзовые зеркала: 1 – зеркало, Болгары; 2 – зеркало, Нижнее Поволжье; 3 – зеркало, Нижнее Поволжье; 4–6 ткани: 4 – фрагмент ткани нижнего мужского бешмета, могильник Джухта-II (по З.В. Доде); 5 – фрагмент ткани верхнего мужского халата, могильник Джухта-II (по З.В. Доде); 6 – прорисовка орнамента основной лицевой ткани верхнего женского халата, могильник Маячный бугор (по О.Б. Лантратовой, В.П. Голикову, О.В. Орфинской, О.Ф. Владимировой, В.Л. Егорову).

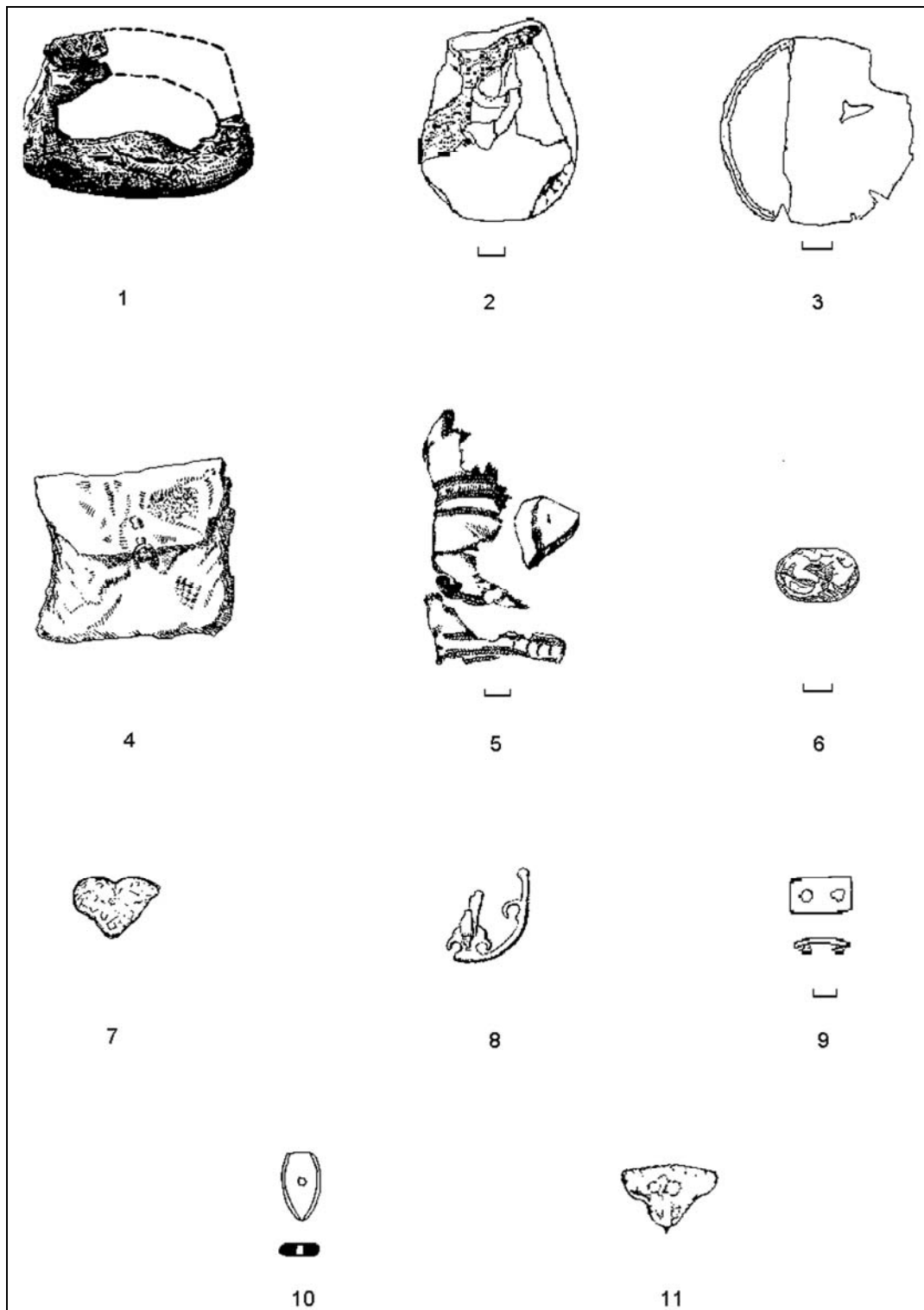

Рис. 35. Футляры и накладки от сумок из погребений кочевников Золотой Орды.

Футляры: 1 – Новочеркасский-VII, кург.2 (по В.А. Иванову); 2 – Олень-Колодезь, кург.9 (по К.Ю. Ефмову); 3 – Аул №1, гр.І, кург.3 (по Ф.Д. Нефедову); 4 – Погр. у с. Федоровка (по С.Г. Боталову, Г.Б. Здановичу); 5 – Урал, кург.9 (по В.А. Иванову); накладки: 6 – Александровский, кург.2 (по И.Н. Васильевой); 7 – Аткарский, кург.10 (по Г.Н. Гарустовичу, С.В. Рязанову, А.Ф. Яминову); 8 – Жартас, кург.5 (по А.Х Маргулану); 9 – Олень-Колодезь, кург.9 (по К.Ю. Ефимову); 10 – Харьковка, гр. Б, кург.2 (по Г.Н. Гарустовичу, С.В. Рязанову, А.Ф. Яминову); 11 – Черемшинский, кург.3 (по К.И. Красильникову).

1,2,5 – ткань; 3 – дерево; 3 – кожа; 10 – кость; 6 – керамика; 7,11 – железо; 8 – бронза.

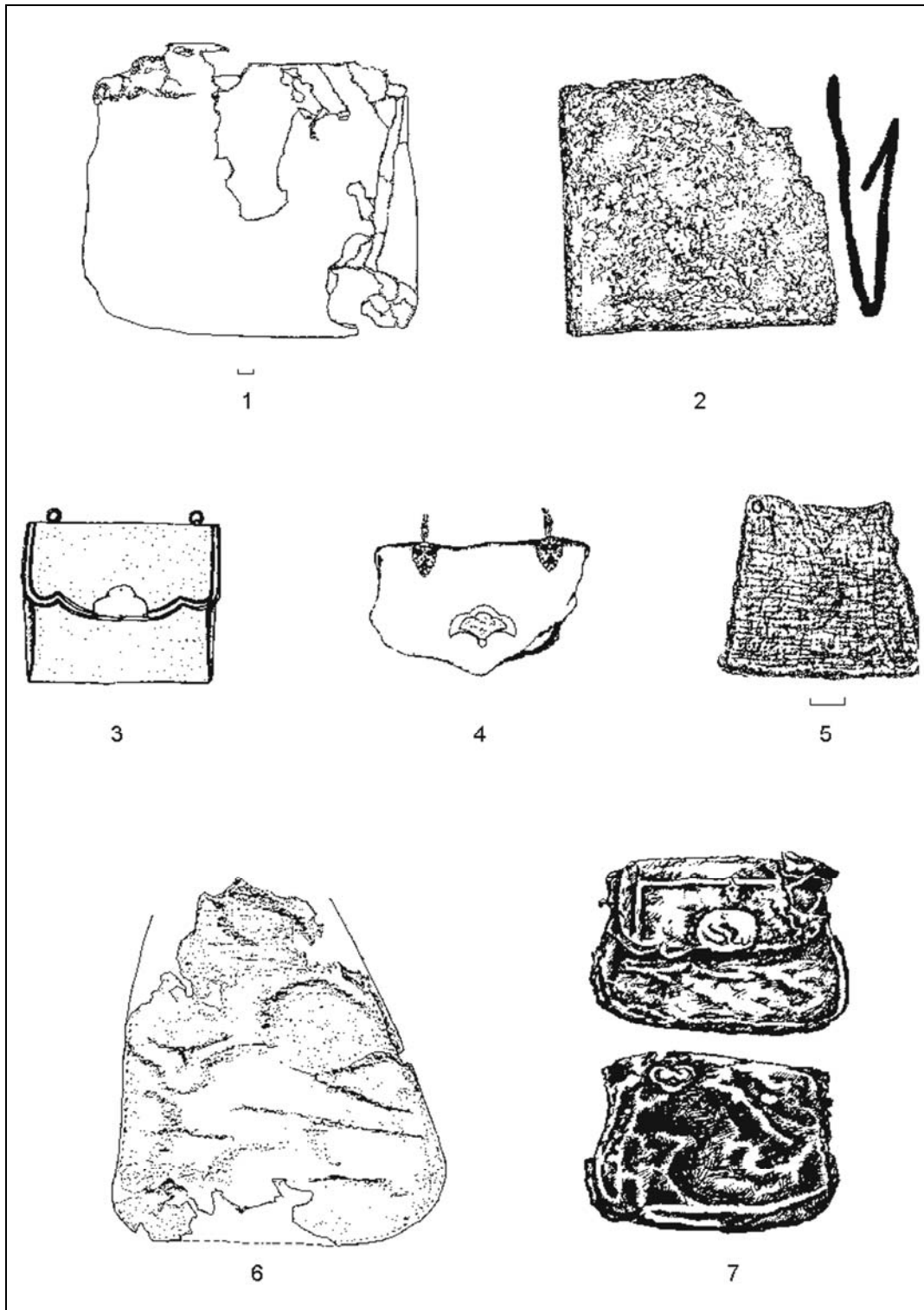

Рис. 36. Сумки из погребений кочевников Золотой Орды.

1 – Царевский кург.2 (по В.И. Мамонтову, А.В. Ситникову); 2 – Солодовка-II, кург.3, погр.1 (по В.И. Мамонтову); 3 – Аткарский, кург.1 (по Г.Н. Гарустовичу, С.В. Рязанову, А.Ф. Яминову); 4 – Усть-Курдюм, кург.8 (по Г.Н. Гарустовичу, С.В. Рязанову, А.Ф. Яминову); 5 – Солодовка-II, кург.1, погр.1 (по В.И. Мамонтову); 6 – Олень-Колодезь, кург. 9 (по К.Ю. Ефимову); 7 – Александровский, кург.2 (по И.Н. Васильевой). 1-6 – кожа.

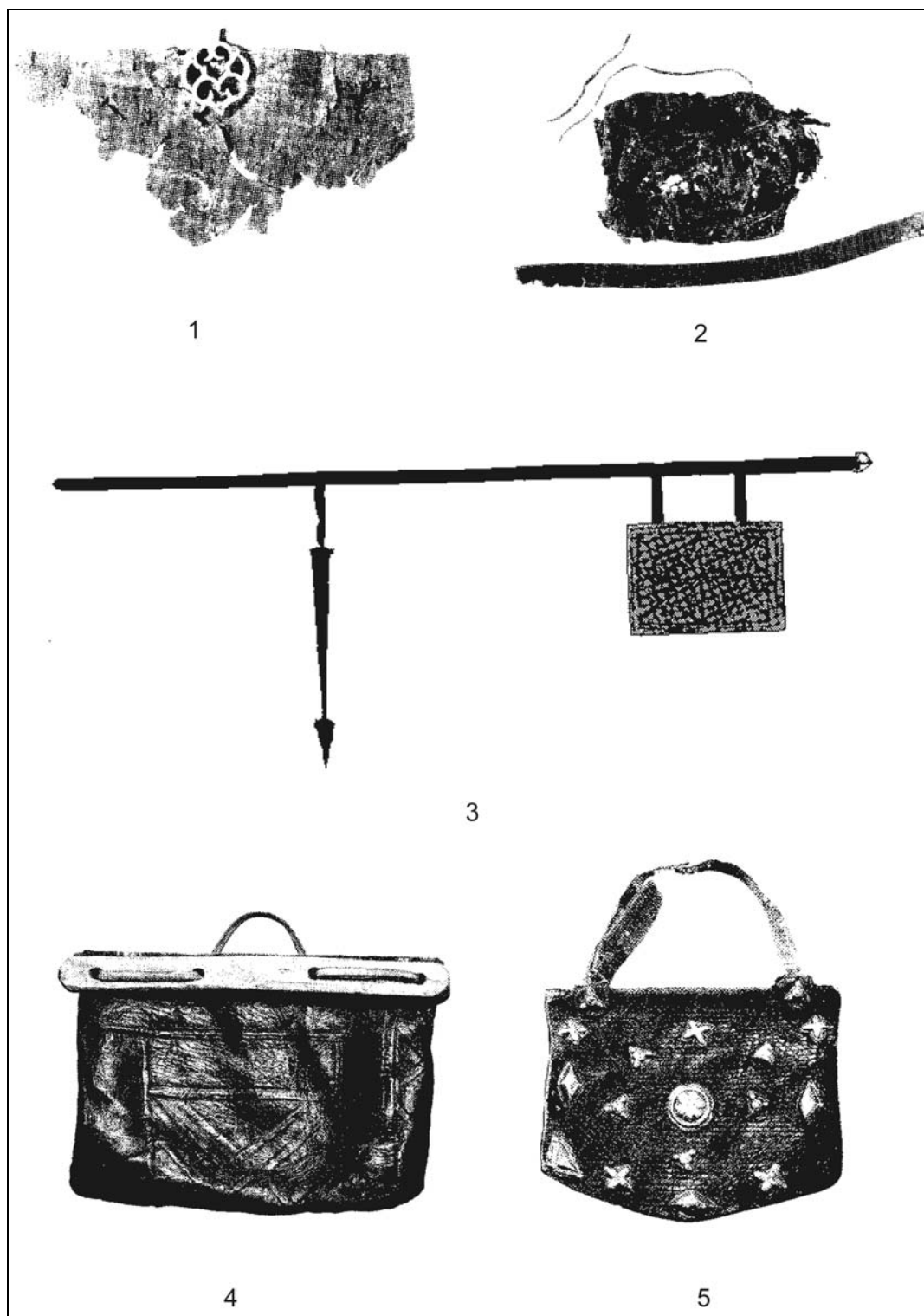

Рис. 37. Фрагменты сумок кочевников Золотой Орды и их аналогии.
 1,2 – фрагменты сумки из мужского погребения могильника Джухта-II (по З.В. Доде);
 3-5 – сумки казахов XIX в.: 3 – пояс с орнаментированной кожаной сумкой «ксе» (по В. Плотникову);
 4 – сумка для хранения сбруи лошади (по З. Самашеву, А. Ермолаевой, Г. Куц); 5 – сумочка-подвеска к охотничьему поясу (по З. Самашеву, А. Ермолаевой, Г. Куц).
 1-5 – кожа; 1 – дерево; 2 – серебро.

Рис. 38–49 см. на цветной вклейке.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Введение	4
Глава I. Теоретико-методические основания исследования	8
1.1. История изучения костюма кочевников Золотой Орды	8
1.2. Проблемы и особенности методики исследования исторических форм костюма	13
1.3. Методика исследования	19
Глава II. Украшения в убранстве костюма кочевников Золотой Орды	25
2.1. Украшения для головы: украшения головных уборов, серьги	25
2.2. Шейно-нагрудные украшения	35
2.3. Украшения для рук: браслеты, перстни	38
2.4. Универсальные украшения	42
Глава III. Детали одежды и аксессуары	54
3.1. Пояс и поясные принадлежности	54
3.2. Пуговицы	62
3.3. Зеркала	65
3.4. Сумки и футляры	76
Заключение	78
Список источников и литературы	82
Список сокращений	100
Приложение I. Таблицы и диаграммы	101
Приложение II. Иллюстрации	174

Каримова Регина Радиковна

**Элементы убранства и аксессуары
костюма кочевников Золотой Орды
(типология и социокультурная интерпретация)**

Научное издание

Оригинал-макет – *А.Р.Тухватуллина, Л.С.Гиниятуллина*

Подписано в печать 19.12.2012 г. Формат 60×84 1/8

Усл. печ. л. 26,5 Тираж 1000 экз.

Отпечатано в множительном центре

Института истории АН РТ

г. Казань, Кремль, подъезд 5

Тел. (843) 292-95-68, 292-18-09

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

www.tataroved.ru

Рис. 38. Гипотетическая реконструкция убранства костюма кочевников Золотой Орды. Хабарный-I, кург.7 (по материалам В.А.Иванова).

Рис. 38-45: за основу взята реконструкция одежды, выполненная З.В. Доде (могильник Джухта-II).

1 - головной убор бокка с декоративными бусами и бронзовым украшением

2 - нож

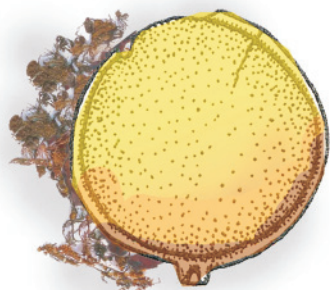
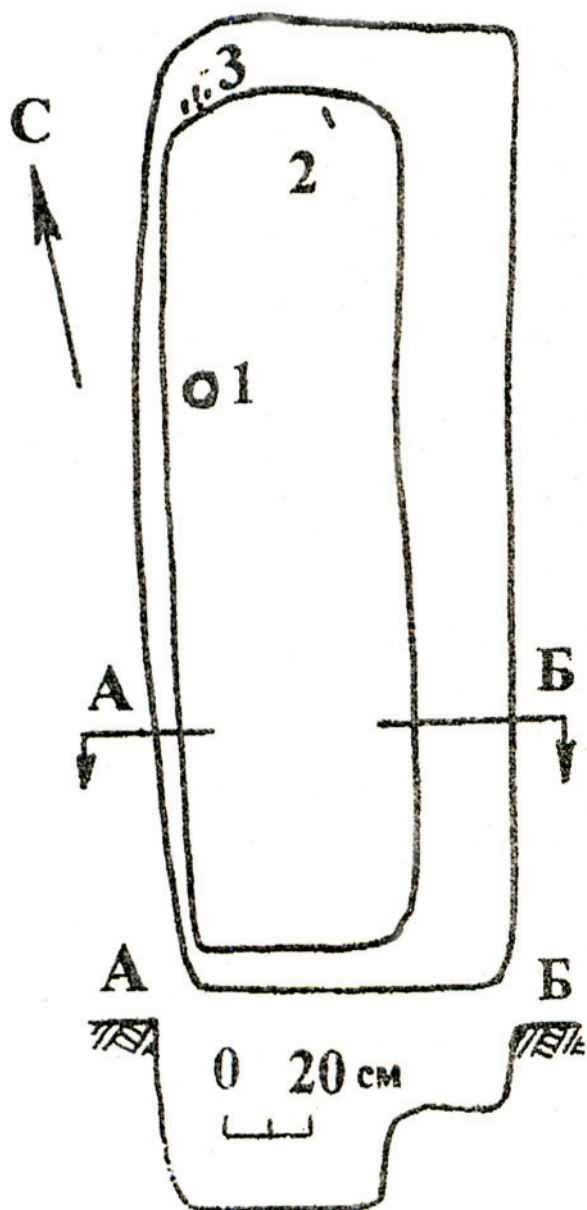
3 - бронзовая подвеска

4 - бронзовое зеркало

План погребения

Рис. 39. Гипотетическая реконструкция убранства костюма кочевников Золотой Орды. Солодовка-II, кург.7, погр.1 (по материалам В.И. Мамонтова).

План погребения

1 - зеркало, тлен от кожи, дерева и шелковой ткани

2 - шило

3 - бисер

Рис. 40. Гипотетическая реконструкция убранства костюма кочевников Золотой Орды. Балмеры, кург.3, погр.2 (по материалам Е.А. Халиковой).

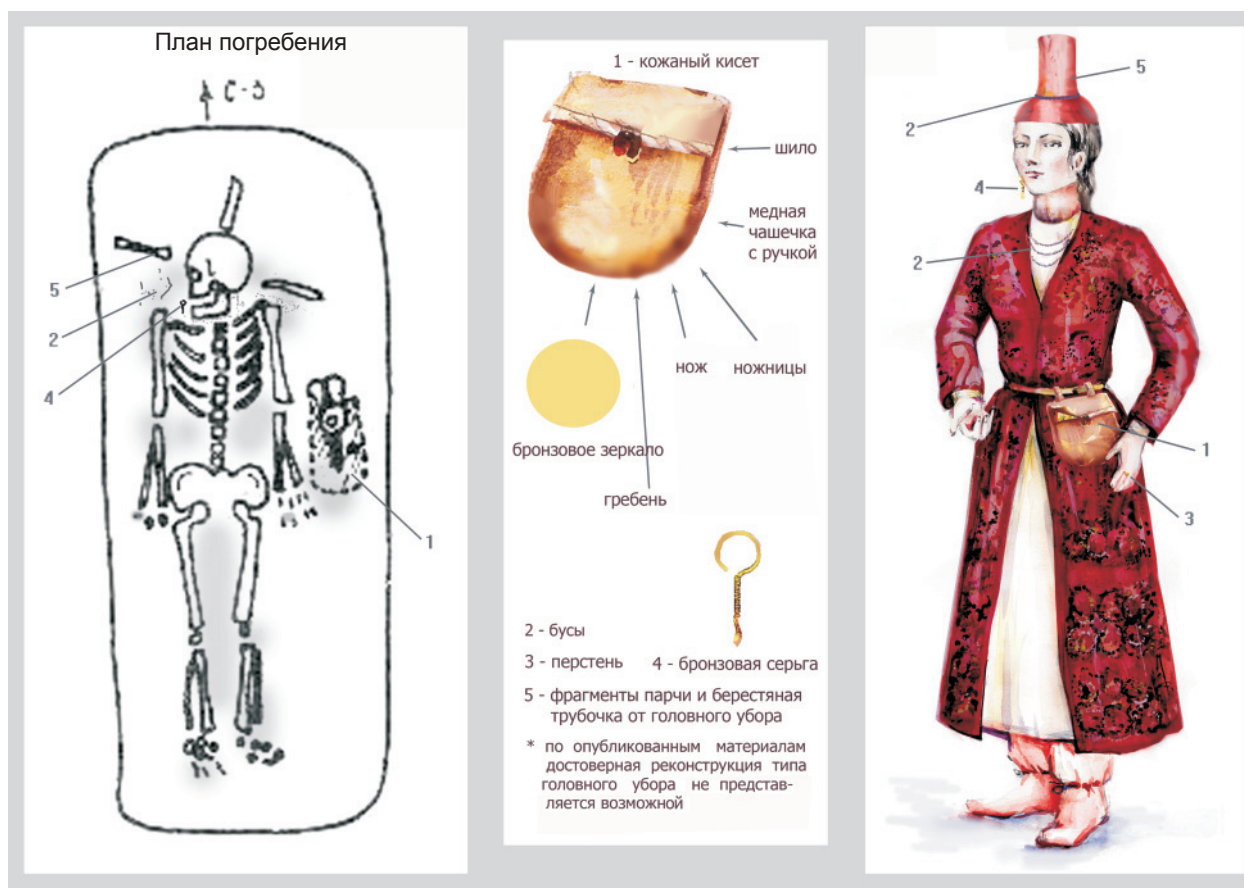

Рис. 41. Гипотетическая реконструкция убранства костюма кочевников Золотой Орды. Станция №8, кург.2 (по материалам Г.Н. Гарустовича, А.И. Ракушина, А.Ф. Яминова).

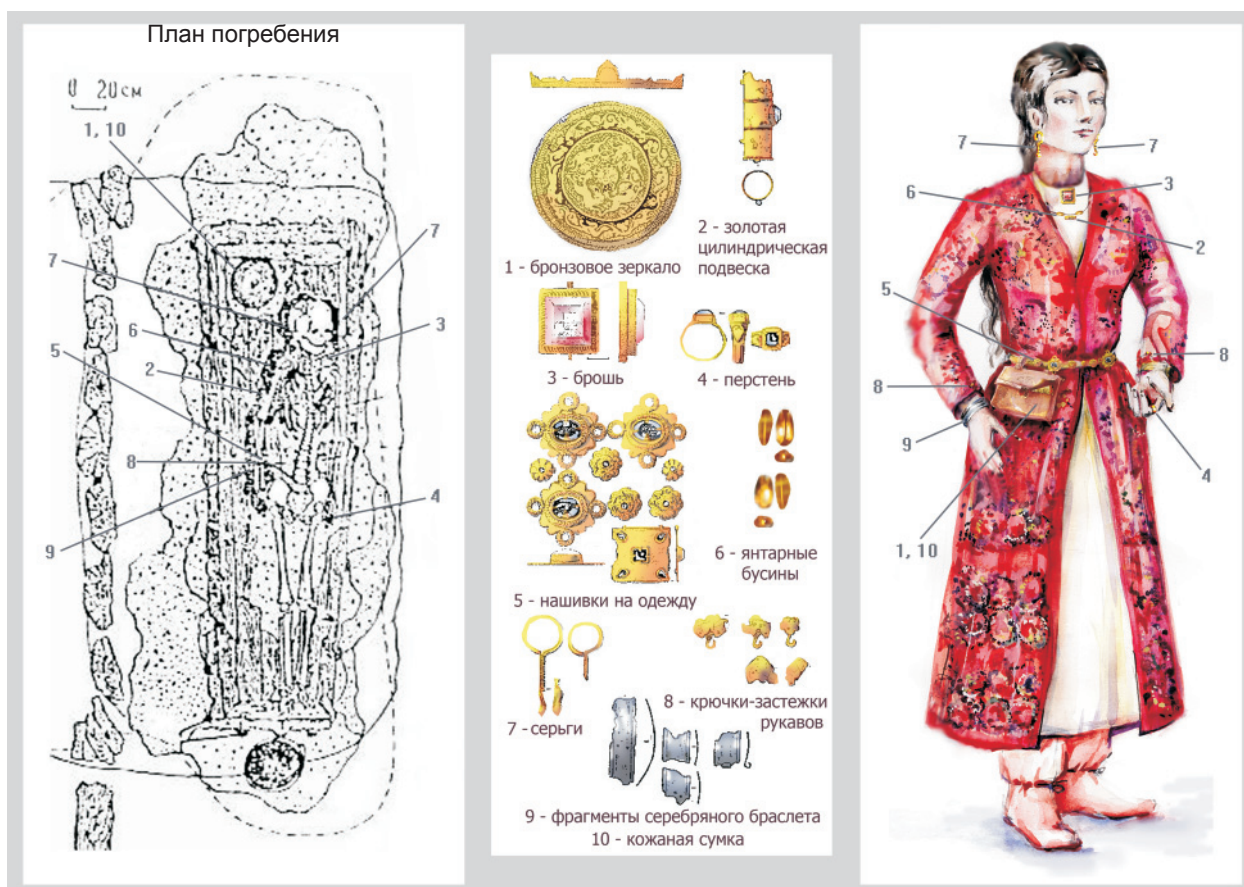

Рис. 42. Гипотетическая реконструкция убранства костюма кочевников Золотой Орды. Высокая гора, кург.3 (по материалам В.В. Кравца, В.Д. Березуцкому, А.А. Бойко).

Рис. 43. Гипотетическая реконструкция убранства костюма кочевников Золотой Орды. Мамай-Гора, вост. гр., погр.4 (по материалам М.В. Ельникова).

Рис. 44. Гипотетическая реконструкция убранства костюма кочевников Золотой Орды. Сукля, кург.2, погр.9 (по материалам А.О. Добролюбовского).

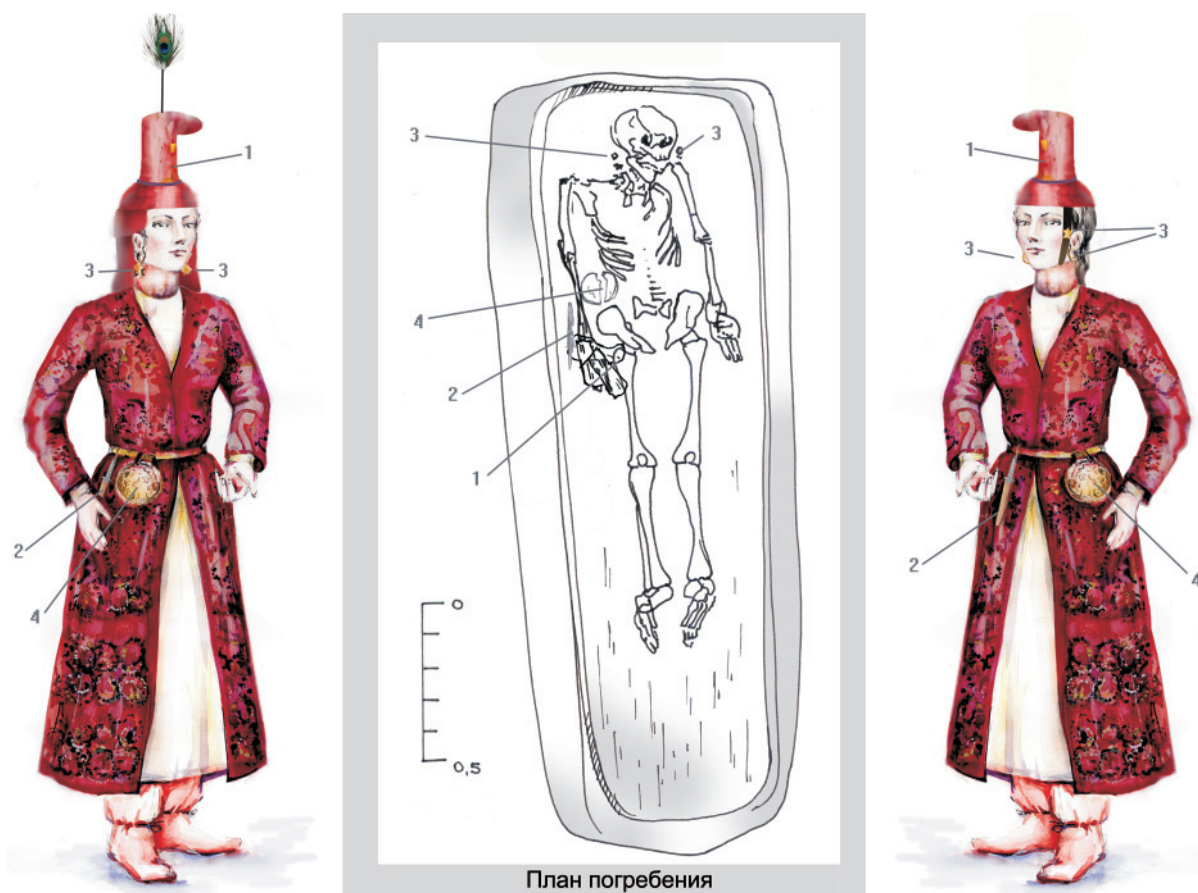

Рис. 45. Реконструкция возможных вариантов убранства костюма кочевников Золотой Орды, основанная на расположении в погребении элементов убранства. Солодовка-II, кург.7, погр.1 (по материалам В.И. Мамонтова).

Рис. 46. Реконструкция З.В. Доде мужского и женского костюмных комплексов из могильника Джухта-II.

Рис. 47. Портреты императриц династии Юань.
Из книги: *Dschingis Khan und seine Erben: Das Weltreich der Mongolen* (Munich: Hirmer Verlag, 2005).

Рис. 48. Миниатюра из рукописи «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина.

Рис. 49. Стилизованные украшения Золотой Орды.